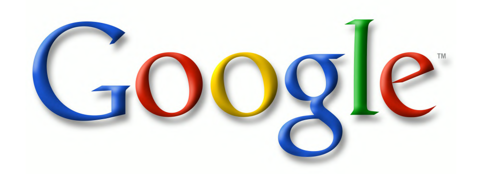
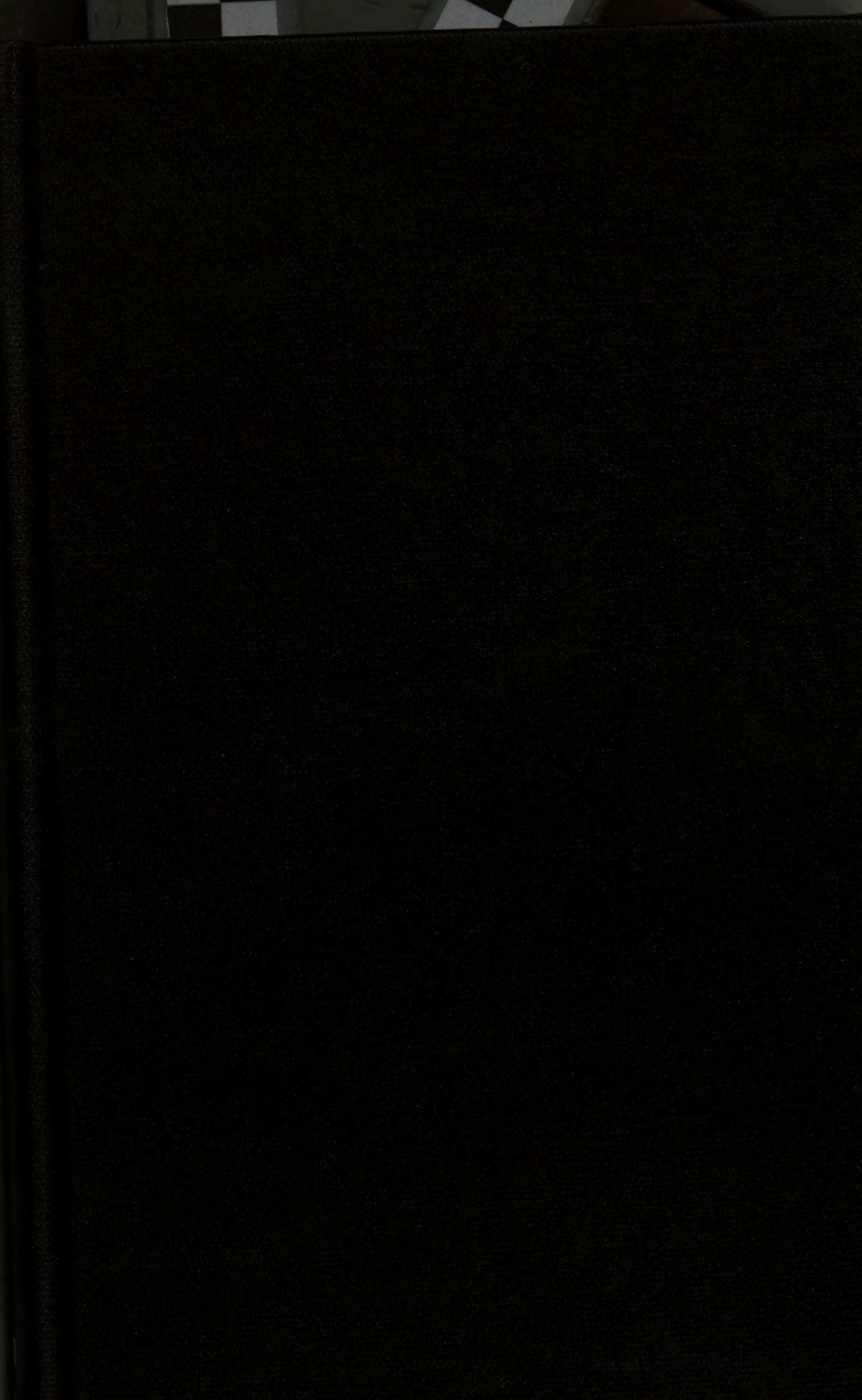

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

РУССКОЕ

ОБОЗРѢНІЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ и НАУЧНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

ТОМЪ ПЯТЬДЕСЯТЪ ПЕРВЫЙ.

МАЙ.

Типографія Высочайше утвержд. Т-ва И. Д. Сытина.

МОСКВА.—1898

The
UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

Переписка И. С. Тургенева съ П. В. Анненковымъ съ 1871 по 1883 годъ [1]).

1872-й годъ.

XXX.

Тургеневъ—Анненкову.

Saint Valéry sur Somme, maison Ruhaut. Понедѣльникъ 25-го августа.

Итакъ, вы въ Соденѣ, любезнѣйшій Павелъ Васильевичъ. Это мѣстечко мнѣ хорошо знакомо: я прожилъ тамъ три недѣли, лѣтъ десять тому назадъ, вмѣстѣ съ Н. Н. Толстымъ, покойнымъ братомъ Льва Николаевича. Уголокъ земли, „angulus terrarum“, уютный и тихій. Желаю вамъ наслаждаться тамъ природой. Я ахнулъ, когда въ предыдущемъ вашемъ письмѣ прочелъ, что вы остановились въ „Westendhalle“: этотъ вертепъ извѣстенъ во всей Европѣ и пользуется только невинными птенцами, соблазненными близостью желѣзныхъ дорогъ. Въ этомъ вертепѣ я однажды заплатилъ $1^1/_2$ талера за кусокъ говядины, которую, будучи не въ состояніи разжевать ее, бросилъ подъ столъ! Жаль мнѣ, какъ огрѣли васъ лихо.

А вы все-таки не пишете, куда вамъ выслать *сто* рублей, которые обременяютъ мой портфель. Въ Соденъ, что ли? Долго ли вы тамъ останетесь, и куда оттуда?

Я ни одного вашего письма не оставилъ безъ отвѣта, но, во всякомъ случаѣ, молчаніе мое не могло происходить отъ литературной работы. Правда, я за нее принялся, но въ микроскопически-гомеопатическихъ размѣрахъ. Высижу небольшой разсказецъ къ октябрьской или ноябрьской книжкѣ *Вѣстника*

[1]) См. *Русск. Обозр.* №№ 3 и 4.

Европы. Подагра моя только теперь меня покидаетъ, и я вчера въ первый разъ надѣлъ сапогъ. Впрочемъ, живу благополучно.

О романѣ молодого Сальяса слышалъ смутные отзывы. Не знаю, что̀ въ нихъ справедливаго, но только это, навѣрное, онъ пишетъ, а не маменька. Но не курьезнѣйшее ли дѣло, что графиня Сальясъ, урожденная *Кобылина,* сдѣлалась ярою *легитимисткой,* поклонницей Генриха V? Псевдо-католичкой и полькой она уже стала давно. Экое тѣсто — эта, такъ называемая, русская натура! Кобылина — и monseigneur le comte de Chambord!!!

Скажу вамъ на ухо, что все, что вы говорите о нѣмцахъ и о 1871 годѣ, совершеннѣйшая правда, но только смотрите, никому ни гугу! — Чу! какъ говаривали при Жуковскомъ.

Послѣдняя роль, въ которой я видѣлъ Садовскаго, изображала допившагося до чортиковъ купца, и онъ исполнилъ ее удивительно, ужъ точно au naturel. Жаль его, а съ другой стороны не приходится ли повторить французскую пословицу: Fallait pas qu'il y aille?

Уходятъ, уходятъ современники!.. Напишите мнѣ, гдѣ вы будете зимой, если вы сами это знаете. Да не забудьте о ста рубляхъ!

Жму вамъ дружески руку и кланяюсь всѣмъ вашимъ.

Ив. Тургеневъ.

XXXI.

Анненковъ—Тургеневу.

30-го августа. Bad-Soden. Villa F. Keller.

Конечно, любезнѣйшій Иванъ Сергѣевичъ, 100 р. с., спасенныхъ вами отъ вояжа по Германіи, всего лучше переслать сюда, въ Соденъ, гдѣ я намѣреваюсь пробыть до конца сентября мѣсяца. Я также надѣюсь, что этотъ мѣсяцъ принесетъ мнѣ мудрость, и я въ состояніи буду сказать, — куда перетащу всю свою кибитку на зимнее кочеванье. До тѣхъ поръ стану продолжать немолчно восхвалять Германію, вообще, за весь ея обычай и Ф. Келлера въ особенности за восхитительную дачу, которой онъ владѣетъ въ Соденѣ, и никому не скажу, что имѣю единомышленниковъ въ другихъ частяхъ и странахъ Европы.

Сожалѣю, что мое предположеніе о литературномъ трудѣ, занявшемъ васъ, оказывается невѣрнымъ. Посмотрите, какъ трудятся ваши соотечественники. Мнѣ пишутъ изъ Петербурга, что, на основаніи новаго закона, въ Комитетѣ Министровъ разбиралось дѣло о запрещеніи двухъ переводныхъ книгъ: „Исторія Испаніи“ Гарридо и „Полное Собраніе сочиненій“ Лассаля. Комитетъ былъ очень благосклонно настроенъ и хотѣлъ съ перваго же раза показать, что онъ не намѣренъ играть роли отцовъ-составителей index'а; и принужденъ былъ попятиться. Оказалось, что краснота книгъ еще могла быть терпима, но она усиливалась и доходила до нестерпимаго цвѣта благодаря *примѣчаніямъ* переводчиковъ, а вдобавокъ еще они ввели извращенную ложную передачу текстовъ, такъ что переводы ихъ составляютъ поддѣлку, которая прикрывалась только именами Гарридо и Лассаля, и въ поддѣлкѣ этой авторы книгъ выходили уже не ультра-либералами, а эргуменами. Что скажете?

На меня произвело необычайное дѣйствіе извѣстіе, что въ средѣ общаго затишья прикатила въ Трувиль русская яхта и ни за что, ни про что оскорбила президента французской республики. Оказалось, что эту яхту выслали три извѣстныхъ петербургскихъ педагога — Марцинкевичъ, Есауловъ, содержатель буффовъ, и Излеръ, съ лучшими своими воспитанниками, которые въ мертвецки-пьяномъ видѣ и произвели эту демонстрацію на берегахъ Франціи. Прекрасно! Да отчего же они такъ далеко поѣхали и почему не остановились въ Петергофѣ и не прокричали тамъ: „Vive la Pologne d'avant 1792!“ Да оттого, полагаю, что тамъ корпусъ жандармовъ есть. Вотъ и приходится благословлять корпусъ жандармовъ, какъ это дѣлалъ покойный В. П. Боткинъ.

Бѣдные и гадкіе мы; будемъ же стараться, если можно сдѣлаться менѣе гадкими, такъ какъ приличными мы уже не можемъ быть. Прощайте, другъ.

П. Анненковъ.

XXXII.

Тургеневъ — Анненкову.

St. Valéry sur Somme, maison Ruhaut. 3-го сентября.

Посылаю вамъ при семъ письмѣ двѣ 50-ти рублевыя ассигнаціи, любезнѣйшій Павелъ Васильевичъ, и прошу васъ извѣстить меня о полученіи.

Если вы останетесь въ Соденѣ до конца сентября, то мы, вѣроятно, увидимся, ибо я долженъ быть въ Баденъ-Баденѣ около 25-го и останусь тамъ нѣсколько дней. Отъ Бадена до Франкфурта 4 часа ѣзды, и либо я къ вамъ прикачу, либо вы завернете. Во всякомъ случаѣ, мы спишемся.

Прочту вамъ тогда мою бездѣлку. Радуюсь тому, что вы со всѣми вашими хорошо поживаете; проклятая подагра все еще не совсѣмъ меня оставила.

Въ Трувильской глупѣйшей исторіи русскіе были, какъ говорится, съ бока припека; впрочемъ, она носитъ совершенно славянскій характеръ, и г. де-Валлонъ достоинъ быть петербуржцемъ.

Не сомнѣваюсь въ томъ, что наши любезные радикалы до безобразія накуралесили въ своихъ публикаціяхъ; но присутствіе М. Н. Лонгинова, автора „П. П.", во главѣ нашей прессы не способно внушить мнѣ много довѣрія.

Я остаюсь здѣсь еще двѣ недѣли, а тамъ отправляюсь сперва въ Парижъ, потомъ на крестины моей внучки къ моей дочери, потомъ дня два погощу у Жоржъ Зандъ, а тамъ въ Парижъ.

Будьте здоровы и до свиданія. Кланяюсь всѣмъ. Вашъ

Ив. Тургеневъ.

XXXIII.

Анненковъ—Тургеневу.

27-го сентября Bad-Soden.Villa F. Keller.

Аккуратнѣйшій изъ смертныхъ и надежнѣйшій комиссіонеръ, Иванъ Сергѣевичъ!

Я получилъ 100 р. и преисполненъ благодарности, которую лично выражу, такъ какъ вы подаете надежду на свиданіе въ концѣ сентября. Дѣйствительно, я не намѣренъ съ своею кибиткой оставить настоящее мое кочевье ранѣе октября, а если и передвинусь, то не далѣе Висбадена. До тѣхъ поръ положеніе дѣлъ разъяснится.

Мы продолжаемъ жить тихо и хорошо въ здѣшнемъ злачномъ мѣстѣ, гдѣ, однако же, много болѣзней и воздыханій. Я никакъ не могу привыкнуть равнодушно смотрѣть на пуатриперовъ, собирающихся у источниковъ и въ саду, особенно на

молодыхъ людей и молодыхъ дѣвушекъ, обыкновенно вытянувшихся и съ пылающими глазами. То ли дѣло вашъ милый Баденъ: тамъ есть воды, а больныхъ совсѣмъ нѣтъ.

Три императора въ Берлинѣ очень нравятся воображенію нѣмцевъ. Впрочемъ, нынѣшнее лѣто есть лѣто конгрессовъ: статистическій въ Петербургѣ, интернаціональный въ Гаагѣ, католическій въ Фульдѣ. Изъ всѣхъ этихъ конгрессовъ наиболѣе занимательный для меня это — доисторическихъ временъ въ Брюсселѣ. Я слѣдилъ за нимъ по *Indépendance Belge* день за день. Не знаю, какъ на васъ, а на меня онъ производитъ дѣйствіе обаятельное, какъ изумительное, неожиданное открытіе или представленіе; хотя я и не все еще и понимаю въ его сообщеніяхъ, но подождемъ статейки о немъ въ *Revue de deux-mondes.* Вѣдь этотъ журналецъ одинъ умѣетъ приготовлять ученыя темы въ видѣ конфетокъ и сладкихъ пирожковъ. Думаешь, что лакомишься, а выходитъ, что ты салоннымъ ученымъ дѣлаешься.

Я не скажу ничего преувеличеннаго, если объявлю, что ожидаю большого удовольствія отъ новой повѣсти вашей. Я уже давно не испытывалъ хорошаго ощущенія — выслушивать отъ васъ вашу же вещь. Прощайте, другъ.

П. А.

XXXIV.

Тургеневъ—Анненкову.

Парижъ. 48, rue de Douai. Пятница 27-го сентября.

Милый Павелъ Васильевичъ! Когда я вамъ писалъ о моемъ намѣреніи съѣхаться съ вами въ Баденѣ или Висбаденѣ и прочесть вамъ мою послѣднюю вещь, я еще полагалъ, что я живой человѣкъ, а не мертвецъ, случайно застрявшій на поверхности земли. Нынѣ подагра мнѣ раскрыла окончательно глаза. Послѣ четырехмѣсячныхъ страданій я, прибывъ сюда, подвергся вновь такому мучительному припадку въ колѣнѣ, какого я еще не испытывалъ; вотъ уже пятый день, какъ я лежу, аки пластъ, въ постели, и Богъ вѣсть сколько времени это еще продлится. А потому, уже не позволяя себѣ никакихъ плановъ, ограничиваюсь тѣмъ, что извѣщаю васъ объ этомъ событіи и не счи-

таю даже нужнымъ изъявлять сожалѣніе — чувство, неприличное мертвецамъ. Повѣстушку я уже прямо отправлю Стасюлевичу.

Напишите мнѣ слова два о вашихъ зимнихъ намѣреніяхъ. Желая вамъ и всѣмъ вашимъ всякаго благополучія и пуще всего здоровья, крѣпко жму вамъ руку. Преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

XXXV.

Анненковъ—Тургеневу.

6-го октября. Wisbaden. Sonnenberg-Strasse, № 7.

Я переселился въ Висбаденъ, какъ изволите видѣть, добрѣйшій Иванъ Сергѣевичъ, и устроилъ тамъ теплое гнѣздо, въ которомъ и намѣренъ скоротать зиму. Дурно, что дружескія связи ваши съ подагрой становятся, наконецъ, бременемъ, но, все-таки, бремя это легче нести въ Парижѣ, съ родственными по чувству людьми, чѣмъ гдѣ-либо индѣ. Вотъ я семью мою упокоилъ, а что самъ буду дѣлать въ Висбаденѣ, въ теченіе долгой зимы, — не вѣдаю. Впрочемъ, имѣю твердѣйшее намѣреніе показаться на нѣсколько дней въ Парижѣ тотчасъ, какъ здѣсь пообживусь и проведу такую глубокую колею, по которой жизнь семьи могла бы катиться машинально.

Помѣстился я въ саду, въ нижнемъ этажѣ весьма красивой виллы, у хозяекъ, дочерей какого-то насаусскаго тайнаго совѣтника, занимающихъ ея верхній этажъ, и о бокъ съ курзаломъ и его паркомъ, куда и хожу читать газеты и любоваться народомъ. Банкъ и рулетка доигрываютъ послѣдніе свои дни и, притомъ, съ бѣшенствомъ, котораго еще не видали здѣсь осѣдлые жители. Всѣ пять залъ биткомъ набиты народомъ, и кого тутъ нѣтъ, за исключеніемъ французовъ (крупьеры не въ счетъ), которыхъ встрѣтить въ Германіи — такая же рѣдкость, какъ Ѳеокритову розу — на снѣжныхъ буграхъ Невы! Я даже видѣлъ какое-то подобіе бедуина въ классическомъ бурнусѣ, играющаго въ 30—40. Гадко, что погода вотъ уже двѣ недѣли дождливая и холодная.

Изъ Россіи не имѣю извѣстій; не слыхали ль чего-нибудь о Катковѣ, который, говорятъ, опасно боленъ, но чѣмъ? Я на-

дѣюсь, что вы перешлете мнѣ вашу повѣсть, когда она будетъ напечатана. Я не получаю никакихъ журналовъ. Нельзя ли вамъ перекинуть сюда, изъ богатаго литературнаго скарба вашего, подъ бандеролью, *Отечественныя Записки* — №№ іюньскій, іюльскій, августовскій и т. д. Заплатилъ бы съ восхищеніемъ.

Мои цвѣтутъ. Жена кланяется. Прощайте, другъ.

П. Анненковъ.

XXXVI.

Тургеневъ Анненкову.

Парижъ 48, rue de Douai. Середа, 9-го октября, (27-го сентября).

Итакъ, вы поселились въ Висбаденѣ, любезнѣйшій Павелъ Васильевичъ! Что жъ? Выборъ хорошій; городъ пріятный и удобный; русскіе его облюбили; Алексѣй Жемчужниковъ жилъ тамъ и, должно полагать, не оставилъ въ нёмъ ни единой частицы той неотразимой скуки, которую онъ, какъ большая часть отличныхъ русскихъ людей, распространялъ вокругъ себя, въ родѣ выхухоли! Шутки въ сторону, прекрасный вы сдѣлали выборъ. А въ Парижъ все-таки заверните... не теперь, а этакъ черезъ мѣсяцъ, или недѣль черезъ шесть, когда и жизнь здѣсь закипитъ, и моя подагра наконецъ меня оставитъ, если ей только суждено оставить меня! До сихъ поръ она и знака не подаетъ, что хочетъ со мной разстаться, и я даже по комнатѣ хожу съ помощью палки.

Разсказъ, посланный мною въ *Вѣстникъ Европы,* есть первая моя вещь (въ теченіе послѣднихъ 15—20 лѣтъ), которая поступитъ въ печать, не пройдя предварительно передъ вашими глазами. Это мнѣ грустно, и мнѣ сдается, что это отзовется на судьбѣ моего разсказа. А впрочемъ, читатели не баловали меня въ послѣднее время: однимъ щелчкомъ больше или меньше, что за важность! Разумѣется, вы получите первый экземпляръ. Кстати, неужто вы не получаете даже *Вѣстника Европы?* Въ послѣдней книжкѣ есть очень хорошій разсказъ какого-то Д. С. подъ заглавіемъ: „Отецъ Варѳоломей“. *Отечественныя Записки* вы получите немедленно.

Вы спрашиваете меня о Катковѣ, и изъ Россіи меня спрашиваютъ: правда ли, что онъ съ ума сошелъ, опасно болѣнъ? Я

ничего не знаю, не знаю даже, гдѣ онъ. Ханыковъ (который здѣсь и чудесную себѣ отпустилъ бороду) сказалъ мнѣ, что онъ вмѣстѣ съ нимъ и съ цѣлою дюжиной Катковятъ ѣхалъ изъ Москвы до Варшавы. Признаться сказать, если что съ нимъ случится, плакать я не буду. Но до васъ скорѣй слухи должны дойти, французскія газеты говорятъ только о французскихъ дѣлахъ.

А кстати, какого вы мнѣнія о томъ, что происходитъ въ Эльзасѣ и Лотарингіи. Вѣдь это Польша въ квадратѣ! Но вѣрно такъ слѣдуетъ. Что говорятъ у васъ о Гамбеттѣ? И какъ вамъ нравится „Баденскій генералъ“ Тимашевъ, читающій нотацію Тьеру?

Все семейство Віардо здорово и процвѣтаетъ. Мнѣ очень пріятно слышать, что и ваше семейство цвѣтетъ. Передайте мой поклонъ Глафирѣ Александровнѣ и дѣтей за меня поцѣлуйте. Начинаютъ они говорить по-нѣмецки?

Итакъ, до свиданія на берегахъ Сены. Дружески жму вамъ руку и остаюсь преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. О выдачѣ Нечаева здѣсь тоже ничего не знаютъ вѣрнаго. Но развѣ у васъ въ Висбаденѣ не такъ, какъ бывало у насъ въ Баденѣ? Въ Conversations haus'ѣ всевозможные журналы, и швейцарскіе и всякіе, сейчасъ все можно почерпнуть прямо изъ источника.

XXXVII.

Анненковъ—Тургеневу.

Октября 14-го. Wisbaden. Sonnenbergerstrasse, 7.

Добрѣйшій Иванъ Сергѣевичъ! Я своимъ глазамъ не вѣрилъ, читая въ послѣднемъ томѣ „Сувенировъ и портретовъ“ Ламартина статью: „Иванъ Тургеневъ“. Должно-быть я уже отвыкъ отъ французской фразеологіи. Что это такое? Какъ еще ни пріятно щекоталъ мое дружеское и даже національное чувство восторженный тонъ статьи, но отъ восклицанія: „что это за гороховый шутъ Ламартинъ!“ я не могъ удержаться, видитъ Богъ. И кто это давалъ ему біографическія свѣдѣнія о васъ? Въ какомъ это полку вы служили? Ужъ не адъютан-

томъ ли у Тимашева? А потомъ: „онъ, Тургеневъ, соединяетъ воинственность и суровость скиоа съ мягкостію и податливостію славянина!“ А потомъ—„высокій лобъ его, Тургенева, осѣненный густыми волосами, походитъ на древній храмъ въ тѣни священной рощи!“ А потомъ оцѣнка произведеній и разительное сходство ваше съ де-Местромъ! Какая досада, что не съ кѣмъ было посмѣяться, и принужденъ былъ я ограничиться глупѣйшимъ хихиканіемъ въ одиночку и втихомолку. Но скажите, ради Бога, почему же это непремѣнно надо быть осломъ даже и геніальному французу, какъ только онъ потянетъ носомъ другой воздухъ, чѣмъ тотъ, какой самъ испустилъ!

Тимашевъ, слышно, изумилъ и собственное свое отечество, не только Европу, моралью, прочитанною имъ Тьеру, котораго онъ, вѣроятно, принялъ за самарскаго или другого какого вице-губернатора. У насъ начинаютъ спрашивать самихъ себя: полно, не дуракъ ли это полосатый, но еще не убѣждены, исключая впрочемъ, Горчакова, который положительно держится этого мнѣнія, ибо принужденъ коментировать и замывать теперь глупый propos товарища своего.

„Кадетскіе мудрецы!“ Пускай Катковъ сходитъ съ ума, но онъ публично сказалъ эту фразу, примѣняя ее ко всей породѣ Тимашевыхъ, Л—выхъ, Ш—хъ и т. д., и она-то щитомъ его покроетъ и въ храмъ безсмертія проведетъ.

Сюда дошли также слухи, что два такихъ кадета вздумали учинить въ Парижѣ, изъ собственной своей главы, сближеніе Россіи съ польскою эмиграціей, которая и представила имъ условія свои, то-есть, возстановленіе Польши въ границахъ 1772 года. Изумительно! Хоть бы они у меня спросились. Я еще въ 1848 году отстаивалъ въ кабинетѣ Гервега [1]) Кіевъ и Смоленскъ и получилъ его согласіе на сохраненіе этихъ городовъ за Россіей. Зачѣмъ же давать поводъ говорить о трактатѣ, уже рѣшенномъ и подписанномъ!

Газетъ здѣсь бездна, но о выдачѣ Нечаева я нигдѣ ничего не прочелъ, кромѣ извѣстія, что союзный совѣтъ Швейцаріи разсуждалъ, какого рода убійство, имъ совершенное,—политическое или просто уголовное. Рѣшенія не встрѣчалъ нигдѣ. Кстати я полагаю, что повѣсть, васъ заинтересовавшая: „Отецъ

---

[1]) Извѣстный германскій революціонеръ и писатель, съ которымъ Анненковъ встрѣчался въ 1848 году въ Парижѣ.

Варѳоломей“, принадлежитъ другому—реакціонному Нечаеву, именно Стебницкому. Я объ ней что-то слышалъ, да и писатель онъ, къ сожалѣнію, весьма и весьма даровитый. Прощайте, другъ.

П. Анненковъ.

XXXVIII.

Тургеневъ—Анненкову.

Парижъ. 48, rue de Douai. Четвергъ, 17 5-го октября.

Любезнѣйшій Павелъ Васильевичъ! Въ 40-хъ годахъ мои пріятели дразнили меня откапываніемъ моихъ стихотворныхъ грѣховъ, къ несчастію, напечатанныхъ, — а въ 70-хъ годахъ вы, злодѣйскій Bücherwurm, откопали эту Ламартиновскую нелѣпость, которую я полагалъ давно поглощенною волнами забвенія. Но тамъ я, по крайней мѣрѣ, былъ виноватъ самъ; а тутъ я—какъ Христосъ передъ жидами! Ламартинъ, въ послѣдніе годы своей жизни, всячески разоренный, придумалъ слѣдующую комбинацію: бралъ у какого-нибудь автора, своего или чужого, страницъ 60 или 80 изъ его сочиненій, предпосылалъ имъ въ видѣ біографически-критической оцѣнки безумныя похвалы (такъ, напримѣръ, онъ поставилъ нѣкоего провансальскаго поэта Мистраля выше Гомера и т. д.), вѣроятно, для того, чтобы обезоружить ихъ и ихъ издателей, и продавалъ это подъ названіемъ: „Conversations littéraires“. Въ числѣ прочихъ попался и я. И я живо помню, какъ я былъ огорошенъ, когда въ одинъ прекрасный день нашелъ эту чушь на моемъ столѣ. „Ну!“ подумалъ я, „вотъ матеріалъ для *Искры*“. Но ламартиновщина, къ счастью, не проникала въ Россію, и такимъ образомъ все осталось шито и крыто, пока нашелся старинный пріятель и распоролъ всѣ швы. Но я знаю, что это дальше не пойдетъ. И хоть бы я часто видался съ Ламартиномъ, бесѣдовалъ съ нимъ! Всего разъ у него обѣдалъ. И что онъ вралъ про свой геройскій поступокъ въ 1848 году! Меня предупредили, что онъ сочинялъ, какъ Мюнхгаузенъ, и все же я дивился! Но то, что вы говорите о неспособности французовъ понимать не свое и объ ихъ невѣжествѣ, до сихъ поръ совершенно вѣрно.

„Кадетскіе мудрецы!“ Выраженіе отличное, дѣлающее честь его изобрѣтателю, Каткову. Но какъ объяснить его интимность,

„основанную на взаимномъ уваженіи“, съ Ш—ымъ? Какъ бы было хорошо, если бъ выходка кадетскаго мудреца, „баденскаго генерала“ Тимашева, сломила ему шею! О какихъ другихъ двухъ мудрецахъ (въ связи съ поляками) вы говорите? Я что-то ничего не слыхалъ. Впрочемъ, я до сихъ поръ былъ прикованъ къ своей комнатѣ подагрой. Она только теперь словно начинаетъ утихать.

„Отецъ Варѳоломей“ напечатанъ въ *Вѣстникѣ Европы* и не произведеніе Стебницкаго (талантъ котораго, впрочемъ, несомнѣненъ), а весьма молодого, начинающаго писателя, какъ мнѣ пишетъ Стасюлевичъ, который чуть не умеръ на дняхъ, что̀ было бы весьма чувствительно и для *Вѣстника Европы*, и для меня.

Третьяго дня я отправилъ къ вамъ два нумера *Отечественныхъ Записокъ*, завтра пошлю еще два. Какъ пріѣдете сюда (что̀ вы непремѣнно должны исполнить), расчитаемся.

Поцѣлуйте за меня вашихъ бунтовщиковъ и передайте мой усердный поклонъ Глафирѣ Александровнѣ. Крѣпко жму вамъ руку. Вашъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. Итакъ, мой бывшій начальникъ по министерству внутреннихъ дѣлъ, В. И. Даль, приказалъ долго жить! Онъ оставилъ за собой слѣдъ: „Толковый словарь“ и могъ сказать: Exegi monumentum.

XXXIX.

Анненковъ—Тургеневу.

21-го октября. Wisbaden. Sonnenberger-strasse, 7

И выразить не умѣю, какъ я благодаренъ вамъ за двѣ книжки *Отечественныхъ Записокъ*, гдѣ, впрочемъ, читать нечего, исключая статью Салтыкова о пѣнкоснимателяхъ, да яростной полемики Михайловскаго (очень умнаго и бойкаго юноши) съ *Петербургскими Вѣдомостями*. Этотъ дѣйствуетъ по-американски. „Вы, г. Буренинъ, дуракъ и шалопай, вонючій клопъ — и больше ничего“. Славно, даже въ жаръ кидаетъ нашего брата, привыкшаго выражать свою злобу и другія гнусныя чувства, по малой мѣрѣ, иносказательно. Къ сожалѣнію, оба эти ирокеза, и Салтыковъ, и Михайловскій — правы, а что еще важнѣе — занимательны и забавны.

Двое геніальные кадета, завязавшіе международныя сношенія съ польскою эмиграціей, суть вашъ князь О—въ и любезнѣйшій графъ Л—въ, чудище и гнуснѣйшая отрыжка Аракчеевыхъ временъ. Послушалъ бы я ихъ, когда они серьезно и таинственно трактовали о своемъ планѣ, отъ котораго потомъ разбѣжались, куда глаза глядятъ.

Висбаденъ нашъ превращается въ мѣсто отдохновенія русскаго государственнаго персонала, болѣе или менѣе разбитаго параличемъ или загноившаго свои печени и легкія. Сюда стеклись на зиму: Корфъ съ женой, Н. Адлербергъ, Альбединскій съ женой — la grande demoiselle сдѣлалась... матроной, m-me Дубельтъ, какая-то теперешняя нѣмецкая графиня, княгиня Кочубей, не говоря уже о рядовыхъ генералъ-адъютантахъ. Ждутъ еще Вяземскаго. Къ величайшему моему изумленію, оказывается, что все это мои старые знакомые, которые при встрѣчахъ ласково помахиваютъ мнѣ руками и очами, но я смотрю на нихъ злобно, зная, что дѣлаютъ они сіе отъ скуки. Притомъ же и дороговизну они возбуждаютъ. Княгиня Суворова выписала сюда пару сѣрыхъ рысаковъ и два раза въ день пускаетъ ихъ вдоль Wilhelmstrasse, такъ что подъ колесами огонь бѣжитъ струйкой, да зато куда ни войдешь въ магазинъ за перчатками — два талера: княгиня Суворова такія же выбираетъ!

Слышали ли вы о денежномъ кризисѣ въ Россіи, который проявился ни съ того, ни съ другого, такъкакъ мы въ парижскомъ займѣ не участвовали, и ликвидаціи никакой намъ не предстоитъ? Многіе говорятъ, что кризисъ произошелъ отъ начитанности и образованности Ламанскаго, который, усмотрѣвъ признаки денежнаго кризиса въ Европѣ, не могъ себѣ представить и Россію безъ таковаго же. Чтобъ избавить ее отъ подобнаго стыда, онъ внезапно, на англійскій манеръ, возвысилъ учетъ векселей и прекратилъ перезалоги ихъ въ банкъ. Отсюда и всеобщая паника. Я только потому бесѣдую съ вами объ этой скучной матеріи, что плохо, если при продажѣ нашего хлѣба будутъ давать грошъ за четверть, благодаря цѣнности денегъ, а всѣ остальные предметы въ Петербургѣ и за границей останутся въ прежней цѣнѣ. Тогда придется возвращаться во свояси Христовымъ именемъ.

Гораздо веселѣе анекдотъ, вычитанный мною въ *Кладерадачъ*. Когда три императора посѣтили берлинскій зоологическій

садъ, одинъ изъ присутствовавшихъ, указывая на русскаго императора, сказалъ: „Это императоръ aller Reüssen“. „Сталобыть, и нашихъ Рейсъ-Шлейцъ-Глейцъ“, замѣчаетъ другой. „Пока еще нѣтъ: у нихъ свой императоръ, Генрихъ 319-й и $^3/_8$“. „Ба! Точь въ точь акція Ангальтской дороги, только эта даетъ проценты, а тотъ ихъ поглощаетъ“. Глупо, но смѣшно. Прощайте, другъ.

П. Ан.

XL.

Тургеневъ—Анненкову.

Парижъ. 48, rue de Douai. Вторникъ.
29 17-го октября.

Милый Павелъ Васильевичъ! Я „опять на родинѣ!“, то-есть опять въ постели, вотъ уже пятый день, по милости *одиннадцатаго* припадка подагры въ колѣнѣ, которое снова представляетъ подобіе арбуза. Сперва я предавался отчаянію, а теперь это начинаетъ становиться смѣшно, хотя продолжаетъ быть горько. „Горькимъ смѣхомъ моимъ посмѣюся“. Я не сомнѣваюсь болѣе въ томъ, что эта кувырккколегія продолжится всю зиму, до моей поѣздки въ Карлс- или Маріенбадъ. Лишь бы не превратиться въ Василія Петровича!

Вы, вѣроятно, уже получили теперь посланныя вамъ (сверхъ двухъ первыхъ) двѣ книжки *Отечественныхъ Записокъ,* но едва ли найдется въ нихъ больше духовной пищи. Не въ Боборыкина же вы станете углубляться! А что Буренинъ имѣетъ несомнѣнное сходство съ клопомъ, это неопровержимо.

Если О—въ съ Л—мъ что-нибудь здѣсь затѣвали, то это было во всякомъ случаѣ очень подспудно. Орловъ — добрый малый, но желалъ бы „что-нибудь сдѣлать“; что касается до Л—ва, то я вполнѣ раздѣляю ваше отвращеніе къ этому гнусному Аракчеевенку, у котораго нѣтъ ни сердца, ни мозга (я не видывалъ болѣе крохотнаго черепа), а только злобство и ненависть ко всему живому. Что за гнусно-свѣтлые и недвижные глаза! Перечень россійскихъ лицъ, пребывающихъ въ Висбаденѣ, ne fait pas venir l'eau à la cruche; но неужели „la grande demoiselle“ такъ опустилась! Теперь скрывать не зачѣмъ; впрочемъ, вы, вѣроятно, это подозрѣвали и прежде, что фигура Ирины въ „Дымѣ“ большею частью списана съ нея... Sic transit gloria mundi! Вотъ еще противное существо: старый лакей изъ

заматерѣлыхъ дворовыхъ, брюзгà и холопъ до мозга костей! Какъ это онъ, однако, засидѣлся на свѣтѣ!

Бомбардированіе Севастополя и Парижа ничто въ сравненіи съ тѣмъ письменнымъ бомбардированіемъ, которому я подвергаюсь со стороны Ахенбаха, лишившагося ценсорскаго мѣста въ Кіевѣ по милости М. Н. Лонгинова. Огромныя цидулы, испещренныя аккуратнѣйшимъ нѣмецко-русскимъ почеркомъ такъ и летятъ, затмевая воздухъ! Я обратился къ Лонгинову и узналъ отъ него, что Ахенбахъ — сквернѣйшій ценсоръ, сверхъ чего *пьетъ* и даже былъ въ полиціи, то-есть взятъ въ полицію! Это бросаетъ новую и, по-моему, неблагопріятную тѣнь на это несносное существо!

А денежный кризисъ — точно бѣда! Бѣда особенно еще въ томъ, что никто нашего хлѣба покупать не хочетъ, и мой управляющій пишетъ мнѣ, что онъ свищетъ въ кулакъ, сидя на многочисленныхъ скирдахъ. Къ счастью, я запасся монетами, хотя въ скромномъ, но достаточномъ количествѣ. Надѣюсь, что и вы не дойдете до бѣды.

Ничего не слышно насчетъ Каткова? Здѣсь готовятся къ упорнѣйшимъ парламентскимъ битвамъ. Послѣдніе выборы окончательно показали республиканское настроеніе страны, но дѣло въ томъ, что вся администрація безъ исключенія въ рукахъ бонапартистовъ, легетимистовъ и клерикаловъ. Особенно сильна клерикальная партія, и *ни одной,* ни одной реформы до сихъ поръ не проведено и не будетъ проведено. См. Шалонскую исторію. Каша, каша и каша!

А вы все-таки пріѣзжайте въ Парижъ — посмотрѣть на насъ.

Я просилъ Стасюлевича, чтобы онъ, не дожидаясь выхода ноябрьской книжки, прислалъ мнѣ нѣсколько экземпляровъ моего разсказа, который печатается въ началѣ. Какъ только получу, одинъ экземпляръ немедленно полетитъ къ вамъ.

За симъ кланяюсь всѣмъ вашимъ и крѣпко жму вашу руку.

Ив. Тургеневъ.

XLI.

Тургеневъ Анненкову.

Парижъ. 48, rue de Douai. Суббота
2-го ноября.
21-го октября.

Милый Павелъ Васильевичъ! Третьяго дня я отправилъ къ вамъ фельетонъ Ж. Зандъ въ *Temps*, а сегодня посылаю только

что полученный мною изъ Петербурга экземпляръ „Конца Чертапханова“. Прочтите и сообщите свое впечатлѣніе, — худое ли, хорошее ли, безъ церемоніи. Впрочемъ, это между нами, разумѣется само собою.

А подагра играетъ со мною, какъ кошка съ мышью: я уже думалъ, что избавился ея, а она меня опять цапъ-царапъ! и я опять въ постели вотъ уже девятый день. Доложу вамъ, терпѣніе нужно исполинское.

За симъ кланяюсь всѣмъ вашимъ и обнимаю васъ. Преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

XLII.

Анненковъ — Тургеневу.

3-го ноября. Wiesbaden. Sonnenberger-Strasse, 7.

Спасибо вамъ, любезнѣйшій Иванъ Сергѣевичъ, и за два послѣднихъ №№ *Отечественныхъ Записокъ* и за фельетонъ *Temps*. Какое милѣйшее посвященіе написала вамъ m-me Sand: только она умѣетъ говорить такъ дѣльно, ласково и вмѣстѣ прилично! Ну, а разсказецъ ея, навѣянный видимо „Записками Охотника“, не вытанцовался. Этотъ генералъ и императоръ, не трогающійся съ мѣста, содержитъ въ себѣ какое-то внутреннее противорѣчіе и имѣетъ убѣгающія черты, которыя не складываются въ живой обликъ. Это все равно, какъ если бы кто вздумалъ изобразить Ломоносова *оставшимся архангельскимъ рыбакомъ* и проч. Прочелъ я также въ *Indépendance* и протестацію Луи Віардо: онъ правъ, но пусть винитъ своего брата-француза въ извращеніи нѣмецкой мысли, которая ничего подобнаго не говорила, а говорила очень дѣльныя вещи. 25 лѣтъ тому назадъ Куглеръ первый выразилъ мнѣніе, что съ изобрѣтеніемъ *масляной* живописи только и могла начаться христіанская, романтическая, задушевная школа живописи, а такъ какъ масляное письмо открыто было въ Германіи (Фландрія для Куглера — та же Германія), то и зародышъ новой живописи въ ней же, чему онъ представляетъ и примѣры такъ же, какъ и примѣры перехода нѣмецкой идеи въ Италію и ея воплощенія въ до-Рафаелевскихъ мастерахъ и въ немъ самомъ. Это нѣчто совсѣмъ другое. Впрочемъ, замѣтка Віардо — дѣльна, только зачѣмъ же пускать петарды въ родѣ: Giotto, ce renovateur universel, и т. п.? А съ другой стороны и нельзя: старикъ, пожалуй, умретъ отъ запора фразы, если ее останавливать. Здоровье француза вообще держится на открытомъ геморроѣ фразы.

Итакъ, Нечаева выдали. Одинъ изъ здѣшнихъ встрѣтился съ нимъ на дорогѣ. Онъ ѣдетъ между двумя русскими жандармами и двумя швейцарскими комиссарами въ свое отечество. Русскіе жандармы до того громадны, могущественны и здоровы, что на станціяхъ нѣмцы имъ кричали: ура! Посмотрѣлъ бы на этихъ счастливцевъ! Правительство наше доказало, что, кромѣ Иванова, Нечаевъ убилъ еще и полицейскаго прежде того, да и избіеніе юнаго Утина въ Цюрихѣ его партизанами не мало ему повредило. Одного только не могу взять въ толкъ: зачѣмъ нужно правительству нашему, чтобъ онъ непремѣнно сгнилъ въ русской тюрьмѣ, а не шлялся бы, презираемый и запачканный, по швейцарскимъ кантонамъ?

Слухъ о сумасшествіи Каткова и Толстого козался асплетней ихъ многочисленныхъ друзей, которые этимъ не очень-то доказываютъ свою силу и свои средства къ борьбѣ. Катковъ проѣхалъ спокойно изъ Одессы въ Москву на редакторство, а Толстой осматриваетъ уже свои новыя училища.

Титанъ Ахенбахъ мещетъ въ васъ скалами, но вы не знаете его наиболѣе ядовитаго пріема, состоящаго въ слѣдующемъ: прійти къ вамъ въ 10 часовъ, сѣсть у вашего письменнаго стола и провертѣться на немъ до 2-хъ, истощая потоки слезъ, словъ и восклицаній. Попробовали бы!

Сергѣй Петровичъ Боткинъ возвратился изъ Ливадіи тайнымъ совѣтникомъ, со звѣздой Владимира и сѣлъ опять на профессорскую каѳедру, но ужасъ, изумленіе и злоба нѣмцевъ академіи предѣловъ не имѣютъ: они прозрѣваютъ въ немъ начальника, а начальнику не изъ Пруссіи или Курляндіи повиноваться горько. Не написать ли вамъ, другъ, къ нему поподробнѣе о своей болѣзни, которая и меня начинаетъ огорчать вчужѣ? Можетъ, и скажетъ что-нибудь. Весь вашъ

П. Анненковъ.

XLIII.

Анненковъ — Тургеневу.

4-го ноября. Wiesbaden. Sonnenberger-Strasse, 7.

Ну что жъ, голубчикъ Иванъ Сергѣевичъ! Вторая часть Чертопханова написана тѣмъ же тонкимъ психологомъ, какъ и первая его часть, только недостаетъ ей, по моему мнѣнію, свѣжести, юмора и яркихъ красокъ, отличавшихъ ея предшественницу. Глазъ потускнѣлъ, да и *Lust zu fabuliren* у автора ма-

ленько поослабѣлъ, что̀ и замѣтно изъ сличенія обѣихъ частей, приложенныхъ на бѣду *Вѣстникомъ Европы*. У большихъ писателей, какъ вы, часто случается, что они влюбляются въ свои собственныя произведенія, напоминая французскую картинку съ изображеніемъ женщины, цѣлующей себя самое въ зеркало. Тутъ и является у нихъ охота продолжить образъ, который, разумѣется, уже не имѣетъ живости перваго впечатлѣнія, перваго замысла, пыла и запаха въ своемъ повтореніи. Но все-таки хорошо, и особенно страданія по конѣ и по ошибкѣ въ покупкѣ коня являются дѣйствительными и нисколько не комическими страданіями. Я прежде думалъ, что вы пустите „Чертопханова“ въ эманципацію крестьянскую и покажете, какъ онъ сумасбродно съ ней помирился и нелѣпѣйшимъ образомъ сдѣлался выше и гуманнѣе филантроповъ и народолюбцевъ. Но у васъ вышла другая дорога, и кажется,— лучшая, потому — проще и болѣе примыкаетъ къ „Запискамъ Охотника“. Однакожъ, чувствую потребность въ нѣкоторомъ пафосѣ при этомъ изложеніи: приготовьтесь. Заклинаю васъ именемъ Господа Бога не продолжать болѣе послѣ этого, конечно, удачнаго опыта, прибавокъ къ „Запискамъ „Охотника“. Пусть онѣ остаются въ неприкосновенности и въ покоѣ послѣ того, какъ обошли всѣ части свѣта. Вѣдь это дерзость, не дозволенная даже и ихъ автору. Какая прибавка, какія дополненія, украшенія и поясненія могутъ быть допущены къ памятнику, захватившему цѣлую эпоху и выразившему цѣлый народъ въ извѣстную минуту. Онъ долженъ стоять — и болѣе ничего. Это сумасбродство — начинать сызнова „Записки“. Петръ въ годовщину Полтавской баталіи надѣвалъ всегда свою прострѣленную шляпу, и не слыхать, чтобъ онъ вздумалъ украшать ее павлиньими перьями. Она и осталась старою шапкой, вокругъ которой и теперь народъ толпится. У васъ есть такая шапка — не трогайте ее. Сказавъ — прощайте.

П. Ан.

XLIV.

Тургеневъ — Анненкову.

Парижъ. 48, rue de Douai. Середа $\frac{\text{6-го ноября.}}{\text{25-го октября}}$

Вы несомнѣнно правы, любезнѣйшій Павелъ Васильевичъ, vous parlez d'or, какъ говорятъ французы. Я хочу вамъ только сказать, какъ мнѣ эта штука пришла въ голову: съ моимъ со-

сѣдомъ Чёртовымъ (настоящее имя Чертопханова) именно случилось то, что я разсказалъ; мнѣ это сообщила собственная его дочь, которая, пожалуй, будетъ теперь негодовать на мою нескромность [1]); но это не ослабляетъ силы вашихъ возраженій. Теперь, однако, вотъ какое вышло обстоятельство. Отрывковъ изъ „Записокъ Охотника" напечатано 22; всѣхъ ихъ было приготовлено 26. Изъ ненапечатанныхъ четырехъ два были начаты: „Русскій нѣмецъ и реформаторъ" и „Землеѣдъ"; два только набросаны: „Примѣты" и „Незадача". Первые два оставлены потому, что я зналъ, что никакая тогдашняя цензура ихъ бы не пропустила, вторые — потому, что были незначительны. Въ Петербургѣ проживаетъ нѣкто Е. Рагозинъ, хорошій человѣкъ, котораго и вы, кажется, знаете; онъ взялъ на себя изданіе еженедѣльной газеты *Недѣля*, и я ему обѣщалъ что-нибудь прислать небольшое: вотъ я и вспомнилъ о „Землеѣдѣ", начало котораго сохранилось у меня въ бумагахъ. Но послѣ вашихъ аргументовъ я сильно поколебленъ, хотя они не совсѣмъ примѣняются къ настоящему случаю: ибо я не хочу написать теперь нѣчто новое, въ видѣ продолженія, какъ „Чертапхановъ", а окончить старое, начатое и приготовленное 20 лѣтъ тому назадъ. Но коли лучше не трогать „Записокъ Охотника" ни такъ, ни сякъ, я изворочусь иначе. Напишите немедленно. Я такъ и поступлю; и либо пошлю нѣчто другое, либо дамъ „Землеѣду" другую турнюру. Въ этомъ разсказѣ я передаю совершившійся у насъ фактъ — какъ крестьяне уморили своего помѣщика, который ежегодно урѣзывалъ у нихъ землю, и котораго они прозвали за то „землеѣдомъ", заставивъ его скушать фунтовъ 8 отличнѣйшаго чернозему. Сюжетъ веселенькій, какъ изволите видѣть.

Ногѣ моей лучше, и я опять могу бродить по комнатѣ, но долго ли это продолжится? Единому Богу извѣстно. А вы всетаки заверните въ Парижъ, хоть въ декабрѣ. Я полагаю время будетъ эмувантное.

За симъ кланяюсь всѣмъ вашимъ и дружески жму вамъ руку. Преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

---

[1]) Впрочемъ, она — не изъ числа читающихъ. *И. Т.*

XLV.

Анненковъ — Тургеневу.

9-го ноября. Wiesbaden. Sonnenberger-Strasse, 7.

Вы меня конфузите, отдавая на мое рѣшеніе быть или не быть въ „Запискахъ Охотника“ еще четыремъ разсказамъ, изъ коихъ веселенькій „Землеѣдъ“ назначается Рагозину. Тутъ есть поводъ къ гордости и не для такого скромнаго литературнаго бобыля, какъ нашъ братъ, но мнѣніе мое я, все-таки, выскажу откровенно, не ручаясь за его истинность и непогрѣшимость. Обдѣлывайте или не обдѣлывайте четырехъ задуманныхъ во время оно разсказовъ (любопытная біографическая черта!) или, пожалуй, одинъ изъ нихъ — это все равно, лишь бы не связывались они съ „Записками“. Нужды нѣтъ, что первая мысль о нихъ пришла 20 лѣтъ тому назадъ, да теперь-то будетъ ихъ писать тоже 20-лѣтней давности рука. Вотъ въ чемъ дѣло. Продолженіе „Чѐртова“ очень хорошо и всѣмъ здѣсь отмѣнно пришлось по вкусу (Корфъ, напримѣръ, облизаться не можетъ, да и другіе тоже), но съ „Записками“ оно составляетъ диспаратъ совершенно видный и ощутительный. Гдѣ же свобода изложенія, обиліе чертъ, тѣней, отливовъ, изъ которыхъ составляются портреты „Записокъ“, веселость мастера, ходящаго развязно въ своемъ сюжетѣ, и мастерство намековъ, которые говорятъ гораздо больше того, что написано. Психологъ выросъ, писатель если не поникъ, то накренился въ сторону: уголь еще красивъ, да все же уголь. Тоже будетъ и со всѣми другими разсказами изъ цикла „Охотника“, еще не дописанными. Сами по себѣ они могутъ быть очень хороши, граціозны и даже глубоки, а цѣлостность „Записокъ“ нарушать и никогда не будутъ они признаны принадлежащими къ одному порядку идей и изображеній, что бы вы теперь ни дѣлали. Одна простота, сдержанность, трезвость, лаконизмъ описаній въ настоящихъ „Запискахъ“ уже недостижимы. Или будете болтать, или будете сухи, или будете и то и другое вмѣстѣ, какъ въ „Собакѣ“ или „Стукъ, стукъ“, напримѣръ. Въ противномъ случаѣ, какъ въ великолѣпномъ „Лирѣ“, явится новая сила, сила концепціи, но общаго съ „Записками“ никогда ничего не обна-

ружится, и все, что къ нимъ прибавится, будетъ диссонансомъ, ихъ порчей и фальсификаціей.

Итакъ, по моему мнѣнію, отдѣльно, самостоятельно любой изъ четырехъ вашихъ сюжетовъ можетъ и долженъ быть возобновленъ, но чести принадлежать къ великому семейству „Записокъ" онъ не удостоится, хотя бы вы сами вздумали выдать ему патентъ на то. А тутъ еще возникаетъ неизбѣжно мысль, что къ такому самоотрицанію можетъ быть приведенъ только писатель *aux abois*. Мимоходомъ сказать, веселенькій сюжетецъ „Землеѣда", разсказывающій происшествіе, у котораго теперь нѣтъ ни нравственнаго, ни политическаго смысла, мнѣ — простите сѣдинамъ — кажется недостойнымъ Тургенева, послѣ всего, что онъ сдѣлалъ. Но, можетъ-быть, онъ выйдетъ очень хорошимъ, только меня ужасъ пробралъ при мысли, что онъ будетъ походить на тему Александринскаго театра и возбудитъ живое одобреніе Виктора Крылова, госпожи Конради и самого Рагозина, хорошаго человѣка.

Прощайте! Мы всѣ простужены отъ мокроты и слякоти, еще удесятеряемой паркомъ, гдѣ живемъ, но въ Парижѣ буду.

П. Анненковъ.

XLVI.

Тургеневъ — Анненкову.

Парижъ. 48, rue de Douai. Вторникъ, 12-го ноября 1872 г.

„Ты побѣдилъ, галилеянинъ!" Сама мудрость гласитъ вашими устами, и рѣшеніе мое крѣпко: оставить „Записки Охотника" въ покоѣ. Когда я васъ увижу, я вамъ подарю на память старые черновые наброски („Реформатора" я началъ было переписывать), и пусть они остаются у васъ, какъ куріозы.

А все-таки я прошу васъ исправить въ вашемъ экземплярѣ три слѣдующихъ опечатки (двѣ изъ нихъ незначительныя, а третья безобразна):

Страница.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Читай.*
26	6 сверху	извѣстно,	очевидно,
27	25 снизу	только что	только, когда
38	14 сверху	чиханіе	гиканіе

У Чертопханова чиханіе вырывается изъ устъ.

А Рагозину я вмѣсто отрывка „Записокъ Охотника" пошлю нѣсколько переведенныхъ лирическихъ стихотвореній удивитель-

наго американскаго поэта Уальта Уитмана (слыхали ли вы о немъ?) съ небольшимъ предисловіемъ. Ничего болѣе поразительнаго себѣ представить нельзя.

Моей подагрѣ немного лучше, то-есть хуже, а мнѣ лучше, но все еще ничего рѣшенаго нѣтъ.

Въ надеждѣ увидѣть васъ здѣсь, дружески жму вамъ руку и кланяюсь всѣмъ вашимъ. Преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

XLVII.

Анненковъ Тургеневу.

20-го ноября 1872 г. Wiesbaden. Sonnenberger-Strasse, 7.

Ну, любезнѣйшій Иванъ Сергѣевичъ, такъ и дѣлу быть, какъ вы порѣшили, а что это рѣшеніе хорошее, тому доказательствомъ можетъ служить, что я — сказать безъ гордости — угадалъ общее мнѣніе по поводу надстроекъ къ „Запискамъ Охотника“. Но объ этомъ довольно.

Темно, гадко, сыро здѣсь. Слышу, что и у васъ то же, но взамѣнъ вы имѣете *баню паки бытія* въ посланіи Тьера и въ возможности его послѣдствій. Это занятно. Наши развлеченія другого рода. Является ко мнѣ нѣкій московскій студентъ Панютинъ и объявляетъ, что ему доѣхать не съ чѣмъ до Россіи, ибо вчера спустилъ въ рулетку послѣдніе 300 р., а потому, зная великость моего сердца, ждетъ отъ меня подаянія, равнаго моей репутаціи великодушія. Я отвѣчалъ, что это репутація фальшивая, какъ и многія другія, а настоящій благодѣтель человѣчества — не я, а князь Вяземскій, который здѣсь же живетъ. Онъ тотчасъ же и побѣжалъ къ нему. Да еще развлеченіе: подписался на русскіе журналы, такъ что въ дальнѣйшей пересылкѣ этихъ ниневійскихъ кирпичей съ непонятнымъ письмомъ уже болѣе не нуждаюсь отъ васъ.

Нельзя ли прислать хоть черновые переводцы ваши Уайтмана. Я объ этомъ человѣкѣ знаю только по статейкѣ въ *Revue des deux mondes* M. Bentzon'a, но такой глупой статейки, что хорошенько и понять ее не могъ.

А пониманіе имѣю я хорошее, чему доказательствомъ служитъ то, что я прочелъ на досугѣ громадный томъ Вутке „Исторія письменъ“. Онъ начинаетъ ее съ татуировки дикихъ, находя въ ней первый зародышъ письменности и переходя че-

резъ живопись мексиканцевъ, словоизображенія китайцевъ, гіероглифы египтянъ и клины ассиріянъ, доходитъ до первой азбуки финикійской — за 1000 лѣтъ до Рождества Христова. Картина усилій человѣчества дойти до азбуки — изумительная, но читать Вутке — это, батюшка, то же, что кули съ пескомъ тащить на гору. Лѣтъ черезъ 15 какой-нибудь новый Ренанъ разскажетъ книгу Вутке яснѣе и любезнѣе.

Изъ насморковъ не выходилъ, и настоящее письмо орошено слезами раздраженнаго мозга. А что будетъ, когда явится сюда патріархъ скуки и ходульной благонамѣренности, А. Жемчужниковъ, котораго здѣсь ожидаютъ. Вытерпимъ и это. На то и вояжъ. Adieu. **П. Ан.**

XLVIII.

Тургеневъ — Анненкову.

Парижъ. 48, rue de Douai. Воскресенье 8-го декабря / 26-го ноября 1872 г.

Я до сихъ поръ мѣшкалъ отвѣтомъ, любезнѣйшій Павелъ Васильевичъ; все ждалъ, не поправится ли, наконецъ, мое здоровье — что за охота писать унылыя и скучныя письма? Но такъ какъ я рискую прекратить вовсе нашу корреспонденцію, если вздумаю ждать окончанія моей подагры, то и рѣшаюсь писать вамъ сегодня, а о себѣ скажу только то, что вчера поднялся съ постели, въ которой пролежалъ недѣлю по милости 15 припадка подагры, и что самъ докторъ уже не обѣщаетъ мнѣ облегченья раньше весны. Вѣроятно, дней черезъ 10 опять повторится припадокъ, и такъ далѣе.

Si cette histoire vous enmue (bis).
Nous allons la... la... la recommencer.

Болѣзнь сія еще ту имѣетъ прелесть, что отнимаетъ всякую охоту работать. Переводы мои изъ Уитмана (не Уайтмана) тоже сѣли на мель, и потому я вамъ ничего пока послать не могу. А Рагозина, между тѣмъ, чортъ дернулъ напечатать въ своихъ объявленіяхъ о выходѣ *Недѣли:* что Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ обѣщалъ, дескать, къ началу года *повѣсть!* и хотѣлъ даже назвать ее: „Русскій нѣмецъ и реформаторъ“ (одинъ изъ недоконченныхъ эскизовъ). Придется писать къ нему и объясняться и, вѣроятно, быть обруганнымъ.

Въ *Дѣлѣ* появился интересный романъ нѣкоего Каразина, подъ заглавіемъ „На далекихъ окраинахъ“. Представляется

русское хозяйничаніе въ Ташкентѣ. Восточный колоритъ силенъ, и, сколько можно судить, правдивъ. Нѣсколько лишняго мелодраматизма. Если хотите, я вамъ пошлю. Да вы когда думаете сами сюда пожаловать? Здѣсь у насъ теперь временно возстановлена тишина. А то совсѣмъ всякіе дѣла, заказы и тому подобныя выраженія народнаго благосостоянія прекратились было. Я это знаю изъ первыхъ рукъ — отъ моего зятя, у котораго значительная стеклянная фабрика.

Здѣсь промелькнулъ П. Грибовскій; онъ уѣзжаетъ завтра къ вамъ. Онъ милый малый,— но либо пьетъ, либо страдаетъ аневризмомъ. Колоссальный Арапетовъ такъ же тутъ.

Полагаю, что Жемчужникова еще нѣтъ въ Висбаденѣ, а то бы вы такъ зѣвали, что даже здѣсь было бы слышно. Но вы очень умно распорядились, спровадивши алчущаго Панютина: пусти одного, ихъ полѣзутъ сотни — тѣ же клопы! Я насмотрѣлся на нихъ въ Баденѣ и поплатился порядкомъ.

Кланяюсь всѣмъ вашимъ и дружески жму вамъ руку. Преданный

Ив. Тургеневъ.

XLIX.

Анненковъ — Тургеневу.

15-го декабря 1872. Wiesbaden. Sonnenberger-Strasse. 7.

Я опять изжилъ двѣ очень скверныя ночи: жена простудилась, и старые ея припадки въ печени возобновились, но съ такими мученьями, какихъ она и прежде не знала. Мученія родовъ передъ этою продолжительною 14-тичасовою болью каждый разъ, по ея словамъ, ничего не значатъ и кажутся не болѣе не менѣе, какъ маленькимъ органическимъ разстройствомъ. Теперь она поднялась на ноги, блѣдная и исхудалая, точно полгода въ тифѣ лежала. Понятно, что я теперь не поѣду въ Парижъ, да и кто теперь къ вамъ поѣдетъ? Вчера, въ субботу (сегодня газеты не получены, да и нѣмецкій телеграфъ молчитъ), могла произойти у васъ такая перемѣна декорацій, что надо дважды подумать, чтобъ съ семействомъ опять ѣхать въ театръ на возобновленіе пьесы. А впрочемъ, можетъ и ничего не произошло, но у васъ вдобавокъ ураганы, да и не у васъ однихъ, на Балтикѣ, въ Англіи, Италіи, а мы подъ крыломъ Таунуса ничего не чувствуемъ, кромѣ слякоти и гнилой теплоты, къ которымъ и дома попривыкли. Такъ зачѣмъ же

мѣнять гнѣздо и изъ спокойнаго читателя несчастій дѣлаться ихъ свидѣтелями и участниками? А вотъ по ранней веснѣ, въ мартѣ, передъ водами, явимся къ вамъ толпой, и то, если во Франціи будетъ царствовать Адольфъ I [1]), а не иной кто.

Повѣствованіе Каразина о Ташкентѣ прочту когда-нибудь при случаѣ — не зачѣмъ торопиться. Мнѣ мерещатся признаки таланта въ „Слободинѣ“ г. Альминскаго (кто это?), несмотря на резонерство повѣсти и подсказываніе мотивовъ со стороны автора герою, который, кажется, оттого будто стоитъ на публичномъ экзаменѣ.

Жемчужниковъ здѣсь! Потребовалъ, чтобъ я прочелъ стихотворную его галлюцинацію въ майской книжкѣ *Отечественныхъ Записокъ*, ибо говоритъ: „надо мнѣ знать — полезное ли я дѣло дѣлаю!“ Онъ прямо изъ Россіи, но тамъ не могъ разрѣшить вопроса, хотя и предлагалъ его всѣмъ своимъ патронамъ — Некрасову, Салтыкову и проч.

Жаль бѣднаго Рагозина, поторопившагося съ объявленіемъ вашей повѣсти, но еще жальче были бы вы, если бы эту повѣсть ему дали. Меня крайне оскорбляетъ ваша подагра, которую могу только сравнить съ моимъ непроходимымъ насморкомъ, который съ октября все еще увеличивается, мѣшая дышать, говорить и даже читать. Я, ты, онъ или она, боленъ или больна — скверное спряженіе, заданное намъ судьбой въ видахъ исправленія, вѣроятно.

П. А.

(Продолженіе будетъ.)

[1]) То-есть, Тьеръ

ПОДЪ РАЗНЫМИ ФЛАГАМИ.

Романъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Глава V.

Лукьяновка.

Прошло три дня, и третій день уже Ольга Сергѣевна чувствовала себя нездоровою.

Подѣйствовалъ ли на нее угнетающимъ образомъ разговоръ съ дядей, или случилось просто физическое недомоганіе — она сама не умѣла дать себѣ отчета. Но, какъ бы то ни было, проявленіямъ большой унылости въ ея расположеніи духа не мало содѣйствовало по временамъ странное круженіе головы и даже приступы тошноты.

Дня два, впрочемъ, она не обращала на это вниманія, мрачно довольная тѣмъ, что Георгій Алексѣевичъ пребывалъ гдѣ-то въ отсутствіи, а Надя цѣлые дни сидѣла у больной жены дьякона Негропонтова, появляясь домой лишь на нѣсколько минутъ, чтобы взглянуть на старика-профессора, поцѣловать его — и опять исчезнуть. Такимъ образомъ никто не мѣшалъ Ольгѣ Сергѣевнѣ уединяться и думать—думать безъ конца — о своемъ положеніи и вѣроятныхъ послѣдствіяхъ.

Однако, самыя эти думы съ одной стороны далеко не обладали цѣлительными и успокоивающими свойствами, а съ другой—поднимали въ душѣ такія сомнѣнія, такіе вопросы, рѣшеніе которыхъ совсѣмъ не поддавалось усиліямъ одинокой логики: требовались новыя наблюденія, новые опыты и данныя.

Всего болѣе волновали Ольгу Сергѣевну ея мысли о Надѣ. Неожиданныя откровенія стараго профессора, подобно молніи въ темнотѣ, въ первую минуту и ужаснули дѣвушку, и ярко

освѣтили передъ нею цѣлую область, о существованіи которой она до сихъ поръ не подозрѣвала. Такъ въ грозовую темную ночь передъ запоздавшимъ путникомъ вдругъ разверзаются на мгновеніе страшныя глубины скалистыхъ обрывовъ, встаютъ величавыя картины горъ, убѣгаетъ въ безконечную даль пѣнистое море... Но ослѣпительная молнія, внезапно сверкнувшая передъ Ольгой Сергѣевной, была именно молніей, то-есть промелькнула, быстрая, какъ мечта, и исчезла, оставивъ за собою новый мракъ недовѣрія и сомнѣній. Ну, да, что-то новое, незнакомое, конечно, есть за этою завѣсой тьмы, о которой даже не думалось раньше... Но что именно? То ли, что померещилось въ краткій мигъ озаренія? Кто поручится?

Ольга Сергѣевна невольно спрашивала себя, не ошибается ли старый профессоръ въ своихъ наблюденіяхъ и оцѣнкѣ? Не ошиблась ли точно такъ же она сама, подъ вліяніемъ первыхъ минутъ испуга?

„Надя! думалось ей. Надя! Наивный, безконечно добрый ребенокъ, легко поддающійся всякому вліянію, готовый добровольно принизить себя передъ каждымъ, не только не способный отстоять свое мнѣніе, свою волю, свое безспорнѣйшее право, а даже неспособный проявить ихъ... Эта дѣвочка—милая, восхитительная, но все-таки только дѣвочка — вдругъ оказывается такимъ глубокимъ, такимъ сильнымъ, сосредоточеннымъ въ себѣ существомъ! И подобное превращеніе совершилось въ нѣсколько мѣсяцевъ!! Господи, можно ли этому повѣрить? Гдѣ же у всѣхъ были глаза раньше? Нѣтъ, дядя, обожающій свою невѣстку, очевидно идеализируетъ, преувеличиваетъ до забавнаго... Гм! Преувеличиваетъ... Пусть такъ. Но все же преувеличивать можно лишь нѣчто, дѣйствительно существующее. Значитъ, появилось же въ Надѣ нѣчто новое, небывалое, не входившее прежде въ расчетъ и незамѣченное наблюдателями".

Глухое, однако, ноющее и мучительное сознаніе этого новаго Ольга Сергѣевна ничѣмъ не могла подавить въ своей душѣ. Да, она проглядѣла Надю. Да, она не имѣетъ понятія о томъ, чего именно можно ожидать отъ Нади, что именно знаетъ, понимаетъ или подозрѣваетъ эта Надя уже теперь, въ данную минуту, къ какимъ выводамъ либо рѣшеніямъ можетъ прійти завтра.

И вотъ Ольгѣ Сергѣевнѣ горячо, нестерпимо захотѣлось видѣть Надю, говорить съ нею, слушать ее, наблюдать за нею...

За два дня почти полнаго одиночества, думы были передуманы, вопросы и сомнѣнія пересмотрѣны на сто ладовъ, умъ и чувство притомились отъ упорнаго напряженія; а физическое недомоганіе Ольги Сергѣевны не только не проходило, но усилилось; на третій день оно сдѣлалось даже довольно несноснымъ — совершенно такъ же, впрочемъ, какъ и одиночество.

Ольга Сергѣевна хорошо знала, что если она сообщитъ о своемъ нездоровьѣ дядѣ, то поднимется цѣлая исторія: полетятъ письма и телеграммы въ губернскій городъ, а пожалуй, и въ Москву; къ ней самой будутъ приставать съ разспросами... Алексѣй Петровичъ, по смерти своей жены, вообще сдѣлался крайне мнительнымъ за близкихъ ему людей. Онъ блѣднѣлъ и тревожился изъ-за очевидныхъ пустяковъ, хотя къ собственному здоровью относился довольно индиферентно. Когда его уличали въ подобной непослѣдовательности, онъ только пожималъ плечами, объясняя, что про себя онъ знаетъ, есть или нѣтъ что-либо серьезное, а въ чужую кожу влѣзть не можетъ; между тѣмъ молодежь всегда бравируетъ болѣзнью до нелѣпости. Притомъ же — добавлялъ онъ откровенно — пуганая ворона куста боится, и кому отъ того хуже, если онъ позволитъ себѣ настоять хотя бы даже на дѣйствительно ужъ лишней мѣрѣ осторожности?

Ольгѣ Сергѣевнѣ очень хотѣлось, однако, увильнуть отъ этой „лишней мѣры", хотя посовѣтоваться со врачомъ она была бы вовсе не прочь. По этому поводу ей пришло въ голову соображеніе, которое какъ нельзя лучше отвѣчало всѣмъ обстоятельствамъ дѣла и даже представляло не одну, а нѣсколько выгодъ разомъ.

„Вотъ и отлично! рѣшила Ольга Сергѣевна. Мнѣ все равно не сидится на мѣстѣ. Отправлюсь я въ Лукьяновку. Это вѣдь не далеко. Тамъ посовѣтуюсь со Свищовымъ, повидаюсь съ Надей... посмотрю, что и какъ она дѣлаетъ... Кстати познакомлюсь со священникомъ и его женой. Кощилинъ все-таки разсказывалъ про нихъ очень интересныя вещи... хотя мнѣ собственно не до того теперь... А оттуда, если устану, можно будетъ и лошадку какую-нибудь достать".

Эта мысль такъ понравилась Ольгѣ Сергѣевнѣ, что даже нѣсколько оживила ее. Она быстро одѣлась, взяла съ собой солидный дождевой зонтикъ, который при случаѣ не безъ чести для себя могъ замѣнить палку, и справилась о томъ, гдѣ на-

ходится Алексѣй Петровичъ. Узнавъ, что онъ еще не вернулся съ обычной своей прогулки, она приказала передать ему, чтобы онъ не безпокоился, если она не придетъ домой ранѣе вечера, и затѣмъ бодро тронулась въ намѣченный путь.

Дорога въ Лукьяновку пролегала по необозримому полю, ровному какъ на заказъ, и, благодаря своей захолустности, не только не отличалась обиліемъ пыли, а напротивъ, почти сплошь заросла короткою травкой, глубоко прорѣзанною двумя колеями. Собственно говоря, это даже не былъ настоящій проселокъ, а просто длинная межа между двумя большими владѣльческими полями, которою изстари привыкли пользоваться, какъ дорогой, немногіе сельскіе туземцы. Мѣстность кругомъ, безнадежно пустынная и однообразная, конечно не представляла собой ничего живописнаго. Зато пріятно было итти по ровной и непыльной дорогѣ, въ бодрящемъ холодкѣ поздней осени, подъ веселымими ласковыми лучами осенняго солнца.

Ольга Сергѣевна съ удовольствіемъ почувствовала, что прогулка не только не утомляетъ ее, а, напротивъ, оказывается недурнымъ средствомъ для возстановленія силъ и нормальнаго состоянія въ ея организмѣ. Голова у нея посвѣжѣла, движенія окрѣпли, молодая грудь жадно дышала холодноватымъ воздухомъ несравненной чистоты. Даже на расположеніе духа ея немного унылая, но и безконечно-мирная картина зеленѣющихъ озимей и убранныхъ жнивьевъ, гдѣ-то далеко, далеко слившихся съ кроткою синевой небесъ, повліяла успокоительно.

„Эка ширь-то, ширь неоглядная! И тишина, ясность, покой... А мы, люди, все бурлимъ и кипятимся въ нашемъ стаканѣ воды!“ подумала она съ невольною улыбкой. „Точно вотъ отъ благополучія или неблагополучія какой-нибудь Ольги Сергѣевны либо Надежды Александровны и невѣсть что зависитъ!“

Лукьяновка, подобно многимъ русскимъ селамъ, застроилась по обоимъ скатамъ давняго, отлого размытаго оврага, на днѣ котораго, то-есть, раздѣляя двѣ половины поселка, сочится очень невзрачный ручеишко, сплошь и рядомъ пересыхающій къ осени вовсе, до полнаго отсутствія. Село это, далеко не изъ маленькихъ, растянулось поболѣе, чѣмъ на версту. Между избами высятся кое-гдѣ купы ракитъ, а немного въ сторонѣ сохранилась даже цѣлая помѣщичья усадьба, правда заброшенная, но съ густымъ, стариннымъ садомъ. И тѣмъ не менѣе, благодаря своему положенію въ оврагѣ, Лукьяновка словно играетъ

въ прятки съ немногими путниками этихъ мѣстъ. Среди окружающихъ ее огромныхъ, совершенно открытыхъ и ровныхъ полей, все-таки можно бы было подойти чуть не къ самому селу, нисколько не подозрѣвая о его существованіи, если бы не выдавали его двѣ-три вѣтряныхъ мельницы. Выскочивъ на самый верхъ оврага, онѣ усердно махаютъ своими оборванными крыльями, словно изо всѣхъ силъ стараясь приманить случайныхъ путниковъ. „Сюда, молъ, пожалуйте! Здѣсь оно и есть, самое то мѣсто. Покорнѣйше просимъ!“

Ольга Сергѣевна могла уже довольно ясно разглядѣть всѣ прорѣхи и заплаты мельничныхъ крыльевъ, когда влѣво отъ нея, надъ побурѣвшимъ жнивьемъ, вдругъ всплыли блестящій золотой крестъ и зеленый куполъ лукьяновской церкви, а вслѣдъ за тѣмъ, съ каждымъ шагомъ впередъ, точно изъ-подъ земли стали выростать деревья, строенія, и наконецъ, вся на виду, развернулась Лукьяновка. Дорога, по которой шла Ольга Сергѣевна, именно въ этомъ мѣстѣ раздваивалась. Одна вѣтвь продолжала бѣжать прямо, очевидно врѣзываясь въ конопляники и гуменныя постройки села; другая сворачивала налѣво. Ольга Сергѣевна, конечно, выбрала эту вторую, справедливо разсудивъ, что жилье причта не должно быть далеко отъ храма.

Еще какихъ нибудь десять минутъ, и она достигла цѣли. Встрѣчный крестьянинъ издали указалъ на домъ священника, очень скромный, но все-таки легко примѣтный по небольшому садику, который подымалъ свои оголенныя вѣтви надъ соломенною кровлей.

Ольга Сергѣевна увѣреннымъ шагомъ подошла къ крыльцу, при чемъ во дворѣ, сквозь полураскрытыя ворота, увидала человѣческую фигуру въ отрепанной сѣрой блузѣ и въ военныхъ штанахъ съ краснымъ кантомъ. Очевидно, это былъ мастеровой, слесарь, можетъ-быть изъ отставныхъ солдатъ. Онъ такъ усердно возился надъ плохонькимъ и старымъ самоваромъ, что даже не замѣтилъ приближенія Ольги Сергѣевны. Тутъ же поджидала его и другая работа: двѣ кастрюли, большой висячій замокъ съ оторванною дужкой и мѣдный, совсѣмъ искривленный подсвѣчникъ. Все это было разставлено на широкой деревянной скамьѣ, куда примостился также самъ слесарь со своими инструментами.

— Послушайте, любезный! — окликнула его Ольга Сергѣевна. — Какъ мнѣ пройти къ о. Николаю Благовѣщенскому? И не

знаете, здѣсь ли сейчасъ госпожа Незнамова, чернышовская барыня?

Слесарь быстро вскочилъ со своего мѣста, снялъ невозможный блинъ, служившій ему фуражкой, и съ почтительнѣйшимъ поклономъ указалъ на дверь, которая вела въ домъ со двора.

— Сюда пожалуйте, если угодно! — проговорилъ онъ. — А впрочемъ, извольте погодить минутку. Я сейчасъ отворю вамъ дверь съ крыльца; тамъ почище. Надежда Александровна здѣсь; а скоро и докторъ пріѣдетъ.

Ольгу Сергѣевну поразилъ голосъ слесаря чѣмъ-то знакомымъ, и, когда онъ, слесарь, отворилъ передъ нею дверь, вѣжливо отступивъ къ стѣнѣ, она съ любопытствомъ заглянула ему въ лицо.

— Ахъ, извините! Я не узнала васъ въ первую минуту,— сказала она тотчасъ же.

Ну, да! Конечно, она очень хорошо помнила эти прелестные голубые глаза, мечтательные и добрые, эти тонкія, породистыя черты, такъ понравившіяся ей своимъ оригинальнымъ изяществомъ и вмѣстѣ выраженіемъ непоколебимо-твердой воли.

Онъ поклонился еще разъ.

— Удивительно, что вы вообще могли меня припомнить.

— Ну, вы не изъ тѣхъ, которые легко забываются! — возразила она смѣло, поднявъ на него свой лучистый взглядъ и вмѣстѣ протягивая руку въ свѣтлосѣрой перчаткѣ.

Послѣ мгновеннаго колебанія, онъ, наклонившись, почтительно прикоснулся губами къ этой протянутой рукѣ.

— Я боюсь за чистоту вашей перчатки,—пояснилъ онъ съ улыбкой, указывая на свои пальцы, грязные отъ работы.—Хотя и знаю, что благосклонный случай дѣлаетъ мнѣ слишкомъ много милости.

Ольга Сергѣевна почти пожалѣла, что не догадалась раньше снять перчатку—до того ей нравился этотъ полузнакомый человѣкъ, несмотря даже на отрепанный и достаточно измазанный его костюмъ.

— Ну, что, какъ теперь больная?—спросила она, все еще не проходя дальше.

— Какъ будто немного полегче. Вообще съ появленіемъ Надежды Александровны все пошло лучше, повеселѣли всѣ, откуда и храбрость взялась...

— Ну, храбрости-то, я полагаю, прибавилъ скорѣе докторъ; онъ понужнѣе въ этихъ случаяхъ.

— Ужъ и не знаю, какъ сказать, кто тутъ нужнѣе... Его, впрочемъ, тоже сейчасъ ждемъ.

— Да, да, я знаю; видѣла даже изъ своего окна, какъ за нимъ на станцію экипажъ отправился.

Въ эту минуту въ сѣнцахъ появился самъ о. Николай Благовѣщенскій. Смущенный и неловкій, онъ низко поклонился гостьѣ и широко распахнулъ передъ нею дверь.

— Пожалуйте, сударыня! — пригласилъ онъ. — Не взыщите за нѣкоторый безпорядокъ; присмотрѣть теперь некому, безъ хозяйки.

Въ небольшой комнаткѣ о двухъ окнахъ господствовала, однако, къ удивленію Ольги Сергѣевны, образцовая чистота, и воздухъ отличался замѣчательною свѣжестью. Зато вся обстановка оказывалась крайне скудною и мало чѣмъ разнилась отъ крестьянской: тотъ же некрашенный еловый столъ, тѣ же простыя лавки у стѣнъ. Изъ городской мебели имѣлись только четыре допотопныя кресла, неуклюжія, тяжелыя, но преудобныя для сидящаго. Тѣмъ неожиданнѣе и изящнѣе казались, среди этой общей скудости, превосходно выведенныя цвѣтущія и декоративныя растенія, размѣщенныя частію на окнахъ, частію на полу. Ихъ было немного: шесть-семь штукъ; но они сдѣлали бы собой честь любому патентованному садоводу. Наконецъ обстановку комнаты дополняли еще четыре клѣтки съ какими-то веселыми и голосистыми птичками.

Ольга Сергѣевна, входя, успѣла все окинуть быстрымъ взглядомъ, а затѣмъ, послѣ маленькаго, едва мгновеннаго колебанія, подошла къ священнику подъ благословеніе.

О. Николай повидимому нѣсколько удивился, однако благословилъ ее истово и не торопясь.

— Развѣ вы, сударыня, изволите быть нашей православной вѣры? — спросилъ онъ затѣмъ.

— Да. А почему вы въ этомъ сомнѣвались? Мое имя, кажется, самое ужъ русское.

— Конечно, конечно! — нѣсколько замялся священникъ. — Но вѣдь по имени и даже по бумагамъ не всегда можно заключать. Мало ли кто какъ числится!

— Здравствуй, Оля! — появилась изъ сосѣднихъ комнатушекъ Надежда Александровна. — Какъ я рада, что ты пришла! Вѣдь

я тебя третій день не вижу... А почему батюшка сомнѣвается въ твоемъ православіи, легко сообразить: ты была ли въ церкви-то хоть разъ за все время?

— Совершенно такъ,— подтвердилъ о. Николай.— Хотя я, конечно, говорю это не въ осужденіе...

„Ну, развѣ это не фарисейство?“ подумала Ольга Сергѣевна, всегда скорая на заключенія. „Вѣдь попъ не можетъ не порицать меня въ душѣ. Къ чему же ложь, уклончивость?“

— А хотя бы и въ осужденіе! — сказала она громко.— Малое усердіе къ молитвѣ и службѣ Господней вѣдь достойно же осужденія, не такъ ли?

— Вамъ это лучше знать,—кротко отвѣтилъ священникъ.

— Какъ, мнѣ! А вамъ, какъ пастырю душъ? Вѣдь вы — служитель Церкви и представитель ея интересовъ.

— И какъ служитель Церкви, я могу судить только о томъ, что мнѣ извѣстно. Вашихъ же мыслей и чувствъ я не знаю. Было бы, напримѣръ, конечно хуже, было бы даже богохульствомъ, если бы вы посѣщали службу Божію не ради вашей душевной потребности, а изъ одного только лицемѣрія.

О. Николай вдругъ очень всполошился и переконфузился.

— Ахъ, что жъ это я!—воскликнулъ онъ торопливо.— Вотъ вы, сударыня, изволили посѣтить насъ въ скорби нашей, даже пѣшкомъ пришли безъ привычки, а я... Не угодно ли хоть чаю? Чай есть хорошій, изъ вашего же дома: Надежда Александровна привезла.

— Если это васъ не обезпокоитъ, я бы съ удовольствіемъ выпила чашку.

— Помилуйте, какое же безпокойство!—засуетился священникъ.—Это мнѣ въ искреннюю радость.

— Да, да! похлопочите о самоварѣ, батюшка! — подтвердила Надежда Александрова. — Вѣдь сейчасъ и докторъ пріѣдетъ, тоже вѣрно захочетъ съ дороги. А мы съ Олей пройдемъ покуда, взглянемъ на больную, да потомъ къ матушкѣ, вытащимъ и ее чайку съ нами напиться; она, пожалуй, совсѣмъ изъ силъ выбилась съ этою дьяконскою дѣтворой; пусть Ѳеня тамъ хоть часокъ подежуритъ, я ее попрошу... Ну, идемъ, Оля?

— Да, да, мнѣ очень хочется познакомиться съ Анной Семеновной.

О. Николай поклонился дѣвушкѣ въ поясъ.

— За ласку спаси васъ Богъ! Обрадуете вы ее. Она вѣдь

у меня городская, изъ достаточнаго дома... Ну, и любитъ поговорить съ образованными людьми—хлѣбомъ ее не корми, любитъ послушать, что и какъ творится въ мірѣ, хотя сама и отреклась... Ба! Готовъ ли еще у Юрія Антоновича самоваръ-то?

И о. Николай поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

„Матушка" Анна Семеновна, повидимому, въ самомъ дѣлѣ очень обрадовалась знакомству съ Ольгой Сергѣевной и засыпала ее любезностями, восхищаясь рѣдкою красотой дѣвушки. По случаю опасной болѣзни жены дьякона, матушка уступила ей свою собственную спальню, мужа перевела въ какую-то крохотную каморку, гдѣ хранились сундуки, — на сундукахъ онъ и постель себѣ готовилъ,—а сама переселилась къ дьякону, для присмотра за шестью осиротѣвшими дѣтишками, изъ которыхъ старшему еще не было одиннадцати лѣтъ. Надежда Александровна и Ольга Сергѣевна застали матушку именно въ тотъ моментъ, когда она, среди визга, писка и крика расшалившихся дѣтей, собственноручно мыла въ лохани съ мыльною водой какіе-то портенки, рубашечки и тому подобныя принадлежности дѣтскаго костюма. Это занятіе, впрочемъ, вовсе не мѣшало ей зорко слѣдить за младшими членами дьяконской семьи, которые видимо искали случая расквасить себѣ носъ, и вмѣстѣ за какимъ-то варевомъ въ печкѣ.

Гостьи безъ труда убѣдили Анну Семеновну передать свои обязанности на часокъ Ѳенѣ, семнадцатилѣтней дочери дьячка, и вмѣстѣ съ ними напиться чаю у себя дома.

— Пойдемте, пойдемте!—радостно соглашалась матушка.— А то и попъ мой тамъ одинъ растеряется... Ты смотри, Ѳеня, какъ бы щи не выкипѣли; а кормить дѣтей я еще сама приду. Ну-съ, пожалуйте, дорогія гости... Ѳеня! Отхвати, отхвати Мишеньку-то, да не пускай его близко къ двери: онъ все еще кашляетъ.

— Охъ, бѣда мнѣ съ этими дѣтьми! — объясняла Анна Семеновна, перебираясь вмѣстѣ съ гостьями черезъ деревенскую площадь.—Не привычна я... самое Богъ не благословилъ. Того и смотри, набѣдокуришь.

— Зачѣмъ же вы взяли на себя эту обузу?—спросила Ольга Сергѣевна.

— А кому ее прикинуть? Дьяконъ нашъ, Богъ съ нимъ, и такъ-то тише воды, ниже травы живетъ; а заболѣла жена — вовсе голову потерялъ. У дьячихи свои дѣти есть. А которой-

нибудь изъ деревенскихъ бабъ все-таки ненадежно какъ-то. И то одна богомольная старушка, спаси ее Богъ, ходитъ мнѣ помогать; большое облегченіе дѣлаетъ.

У о. Николая на столѣ оказался готовый самоваръ, и даже чай былъ ужъ заваренъ. Кромѣ того, на чистыхъ тарелкахъ поданы были великолѣпнѣйшій сотовый медъ и очень нарядныя груши и яблоки. Юрій Антоновичъ, вымытый и одѣтый въ безукоризненно-чистенькую военную форму, сидѣлъ тутъ же.

О. Николай очень обрадовался женѣ.

— Ну, вотъ, слава Богу, и хозяйка явилась!—воскликнулъ онъ весело.— Точно солнышко взошло, право... Садись, милая, и распоряжайся, потчуй дорогихъ гостей. А то я безъ тебя, какъ безъ рукъ.

Ольга Сергѣевна, очень лакомая до фруктовъ, тотчасъ обратила вниманіе на великолѣпныя груши и яблоки, какихъ она не видала въ богатомъ саду Незнамовыхъ.

— Какая прелесть! — воскликнула она.— Гдѣ вы здѣсь достаете такія рѣдкости?

— Это свои! — съ довольною улыбкой отвѣтила матушка.— Все вотъ мой старается...

— Какъ свои? Вы хотите сказать, изъ вашего сада? Но вѣдь эти груши, напримѣръ — генералъ Тотлебенъ, кажется; а этотъ сортъ у насъ вымерзаетъ.

— Да, генералъ Тотлебенъ,—подтвердилъ о. Николай.—Но, привитый на боярышникѣ, онъ зиму выдерживаетъ хорошо, особенно подъ легкимъ прикрытіемъ.

— О. Николай такой пчеловодъ и садовникъ,— обратился къ Ольгѣ Сергѣевнѣ Сербинъ,—что равныхъ ему, пожалуй, немного отыщется въ цѣлой Россіи. На своемъ клочкѣ земли онъ просто чудеса показываетъ.

— Ну, вотъ! — улыбнулась дѣвушка. — Выходитъ, что у каждаго есть своя слабость. Ужъ вѣрно о. Николай, подобно мнѣ, грѣшной, очень лакомъ до фруктовъ, иначе такъ не ухаживалъ бы за ними. Вѣдь правда?

— Да нѣтъ, какой ужъ онъ лакомка!—съ явнымъ огорченіемъ возразила Анна Семеновна. — Въ недѣлю разъ, можетъ-быть, яблоко съѣстъ; а до меда вовсе не дотрогивается, не любитъ. Вѣдь и садикъ-то развелъ больше для прихожанъ, а теперь вотъ еще утѣшается, гостей потчуетъ.

— Какъ же это для прихожанъ?

— Учитъ желающихъ, какъ за пчелой ухаживать, какія ульи дѣлать, раздаетъ прививки, сѣмена. А у насъ въ Лукьяновкѣ даже уговорилъ крестьянъ цѣлый фруктовый садъ развести на пяти десятинахъ пустопорожней земли, общественной; хлопотъ ему было много; зато въ нынѣшнемъ году крестьяне арендой съ этого сада, даромъ что молодой, уже половину своихъ податей покрыли, Богъ послалъ. А ему, попу-то, и радостно.

Ольга Сергѣевна заинтересовалась.

— Гдѣ же вы сами, батюшка, успѣли такъ изучить садоводство и пчеловодство?—спросила она.

— Здѣсь, въ приходѣ. Книжечки кое-какія доставалъ; ну, и добрые люди показывали.

— А почему вамъ пришло на мысль именно этимъ заняться? Случай какой-нибудь особый вышелъ?

— Нѣтъ, нельзя сказать... а польза для всѣхъ видимая. Притомъ же всякій дѣлаетъ по своимъ силамъ. А я вѣдь къ наукѣ чрезвычайно тупъ, прямо таки слабоуменъ, и въ семинаріи, сколько ни бился, всегда былъ въ послѣднихъ. Для практическихъ же вотъ трудовъ, не очень головоломныхъ, благодареніе Богу, моего понятія хватаетъ. Въ деревнѣ и то не худо: кое-кто воспользовался.

— Да! — вступился Сербинъ. — Вы извольте спросить сосѣдей; о. Николай для нихъ и ветеринаръ, и юрисконсультъ, и инженеръ, и механикъ...

— Ну, ну, наговорили! — отмахнулся рукой священникъ. — А я къ вамъ же изъ-за всякой мелочи обращаюсь, когда понадобится. И сегодня, кажется, вы для инженеръ-механика потрудились-таки довольно.

— Что же изъ этого? Я дѣлаю кое-какія мелочи по своей слесарной части, только. Все остальное — вы. Стóитъ посмотрѣть, Ольга Сергѣевна, какую о. Николай къ лукьяновской общественной мельницѣ молотилку пристроилъ. Прелесть! Самъ кузнечилъ и столярилъ, а теперь машина работаетъ, право, лучше иной покупной.

— Да, это такъ, молотилочка сверхъ ожиданія удалась! — подтвердилъ священникъ съ какою-то наивною радостью. — Холщовскіе ужъ приходили, просятъ и у нихъ такую же устроить. Даже на покупку матеріала всѣ деньги сполна между собою собрали. Слава Богу!

— Однако, позвольте, батюшка! — опять удивилась Ольга Сергѣевна. — Положимъ, о садоводствѣ и пчеловодствѣ вы могли вычитать изъ книгъ. А гдѣ вы научились столярному и кузнечному дѣлу?

— Да все здѣсь же, въ приходѣ; вѣдь десять лѣтъ священствую. И развѣ у насъ мало нужды, сударыня?.. Впрочемъ, вы, можетъ-быть, изволите говорить въ томъ смыслѣ, какъ и нѣкоторые другіе осуждаютъ, яко бы не священническое дѣло вся эта суета... Гм! Оно конечно... Но вотъ покойный мой дядя, пастырь весьма праведной жизни и ученый, высоко-цѣнимый даже епископами, однако онъ поучалъ, что трудъ съ благою цѣлью — та же молитва предъ Господомъ, что сами апостолы были простыми рыбаками и св. Іосифъ — столяромъ. Поразсудите-ка, св. Іосифъ не гнушался! Кто это былъ? И вдругъ какой-нибудь попишка деревенскій... Помилуйте!

Въ это время послышался мягкій стукъ рессорнаго экипажа, и въ комнату вошелъ докторъ Свищовъ, брюнетъ, лѣтъ сорока пяти отъ роду, серьезный и спокойный на видъ, какъ бы немного измученный, но съ зоркимъ и проницательнымъ, а иногда добродушнымъ взглядомъ.

— Чай послѣ! — сказалъ онъ съ перваго же слова, со всѣми раскланиваясь. — Прежде давайте больную. Я вашего медку и фруктовъ, о. Николай, хочу поѣсть на свободѣ, не торопясь, со спокойною совѣстью.

— Радъ, душевно радъ буду! — отвѣтилъ священникъ, пожимая руку доктора съ особеннымъ дружелюбіемъ. — Что жъ, пожалуйте къ больной.

Вслѣдъ за Свищовымъ всѣ повышли изъ комнаты, кромѣ Ольги Сергѣевны да Сербина. Ушла, послѣ нѣкотораго колебанія, даже Анна Семеновна, найдя, впрочемъ, нужнымъ извиниться передъ новою гостьей.

Сербинъ въ потѣ лица, но, видимо наслаждаясь, глоталъ горячій чай съ медомъ.

— Скажите, Юрій Антоновичъ, — вдругъ спросила Ольга Сергѣевна, — вы, кажется, хорошо знаете о. Николая... Что онъ за человѣкъ?

Молодой офицеръ совсѣмъ оторопѣлъ.

— Позвольте... Что я могу сказать, если онъ священствуетъ въ вашемъ же приходѣ.

— Ну... покаюсь вамъ, что я не очень богомольна, и о. Николая вижу сегодня только второй разъ.

— Да хотя бы и такъ! Все же вы не могли не слышать о немъ...

— Отъ кого?

— Отъ крестьянъ, отъ прислуги, отъ сосѣдей... Господи, кто же не знаетъ о. Николая?

Ольга Сергѣевна медленно покачала головой.

— Отъ крестьянъ, отъ прислуги?.. Могло ли мнѣ прійти въ голову говорить съ ними о священникѣ? Съ какой стати?

Сербинъ помолчалъ нѣсколько мгновеній.

— Вамъ даже вообще не приходило въ голову говорить съ этими людьми, я только теперь это понялъ, — сказалъ онъ задумчиво. — У васъ свой міръ, свои интересы, очень нарядные, очень высокіе, очень вамъ симпатичные, и за предѣлы этого міра или этихъ интересовъ вы даже не заглядываете... Что̀ вамъ въ нашей грубой толпѣ? въ будничной погонѣ за кускомъ хлѣба? въ безобразномъ мужицкомъ горѣ или страданіи, которыя тонутъ въ сивухѣ?..

Ольга Сергѣевна нѣсколько обидѣлась.

— Почему вы такъ полагаете? Кажется, нынѣшнюю интеллигенцію трудно обвинить въ несочувственномъ отношеніи къ народу...

— Ну, да! Ну, да! — почти перебилъ Сербинъ. — Въ теоріи мы всѣ за народъ; но не всѣ знакомы съ нимъ лично... И вотъ почему я не сумѣю, какъ должно, отвѣтить на вопросъ вашъ объ о. Николаѣ... О немъ слѣдовало бы спросить каждаго изъ крестьянъ вашего прихода, каждаго бѣдняка на десять-пятнадцать верстъ въ окружности, каждаго изъ тѣхъ страдающихъ и несчастныхъ, которые обратились къ его духовному совѣту или утѣшенію. Вотъ эти люди, голосомъ своего сердца, лучше меня дали бы вамъ понять, что̀ такое о. Николай! Да неужто вамъ не говорила о немъ хоть Надежда Александровна?

— Нѣтъ! — почти прошептала Ольга Сергѣевна, совсѣмъ смущенная и сбитая съ толку необыкновенною горячностью Сербина, вообще крайне сдержаннаго. — Надя никогда...

Но прежде, чѣмъ дѣвушка успѣла кончить свою фразу, входная дверь вдругъ начала растворяться какъ бы сама собою, очень медленно и осторожно, а за тѣмъ въ образовавшееся пустое мѣсто на ципочкахъ проскользнулъ Василій Павловичъ

Негропонтовъ, лукьяновскій о. діаконъ. Онъ былъ блѣденъ, какъ полотно, и весь дрожалъ; однако, не забылъ еще съ порога отвѣсить и Ольгѣ Сергѣевнѣ и Сербину по земному почти поклону; а затѣмъ робко прислонился къ стѣнѣ.

— Докторъ еще у Марьи Савельевны, — сказалъ ему Сербинъ. — Что же вы не садитесь?

— Благодарю покорно, я и постою-съ... Такъ еще никакого разговора, осмѣлюсь спросить, съ ихней стороны не было? ничего этакаго... окончательнаго?

— Нѣтъ, нѣтъ! Что же могъ онъ сказать, не видѣвши Марьи Савельевны?

— Та-акъ-съ... Господи! — прошепталъ дьяконъ, едва удерживая слезы. — Господи!..

Вся наружность этого человѣка обличала такое горе, такое душевное страданіе, что и Сербинъ и Ольга Сергѣевна совсѣмъ примолкли. Неловко имъ показалось говорить о какой-нибудь дневной суетѣ въ присутствіи человѣка, котораго судьба, можетъ-быть, рѣшалась именно въ это мгновеніе. Минутъ пять прошло поэтому въ полномъ молчаніи, которое нарушалось только тяжелыми вздохами дьякона, да кое-какими подавленными, мало понятными звуками изъ сосѣднихъ комнатъ.

Наконецъ, послышался оттуда шумъ отодвигаемой мебели, шаги и громкій, веселый голосъ доктора Свищова.

— Ну-съ, теперь, поздравляю васъ, Марья Савельевна, и васъ, господа, тоже. Опасность миновала, и я ручаюсь за жизнь больной. Нужна только маленькая осторожность въ пищѣ.

Дьяконъ какъ стоялъ у задней стѣнки, такъ и рухнулъ тутъ же на колѣни, воздымая руки къ образамъ.

— Господи, услышалъ! — бормоталъ онъ, обливаясь слезами. — Теперь пѣшкомъ въ Кіевъ, и поститъ цѣлый годъ, кромѣ только двунадесятыхъ... Господи, яко благъ, яко вѣкъ милость Его.

Вслѣдъ за докторомъ всѣ опять сошлись вокругъ самовара, и началось новое чаепитіе.

Ольга Сергѣевна съ удивленіемъ наблюдала за о. Николаемъ, который былъ просто по-дѣтски веселъ. Онъ смѣялся, подшучивалъ, усерднѣйшимъ образомъ угощалъ всѣхъ своимъ медомъ и фруктами, а въ иную минуту съ явнымъ умиленіемъ объяснялъ, какъ онъ счастливъ, что въ такой радостнѣйшій день видитъ у себя столько пріятныхъ и дорогихъ гостей.

Дьякона о. Николай тоже засадилъ къ столу и чуть не насильно вливалъ въ него пятую чашку чаю.

— Вѣдь любишь побаловаться чайкомъ, — приговаривалъ онъ, — любишь, чего ужъ грѣхъ таить! Такъ и пей, покуда случай есть полакомиться такою вотъ травкой. Ау, другъ! Долго мы ее опять не увидимъ.

Вмѣсто всякаго отвѣта дьяконъ поймалъ руку своего настоятеля и крѣпко поцѣловалъ ее.

Священникъ чрезвычайно смутился.

— Что ты, что ты, о. дьяконъ! Мы не въ церкви.

— Ладно, знаю что дѣлаю. Ты вѣдь мнѣ жену-то отмолилъ — ты! — вдругъ захныкалъ Негропонтовъ. — Видѣлъ я, съ какими слезами молебны ты служилъ „о здравіи", вотъ хотя бы и сегодня утромъ. Слышалъ я, какъ ты молитвословилъ Господу, даже меня угнетеннаго возносилъ горѣ... Ну, что! Отецъ ты мнѣ! Лучше отца!

И Негропонтовъ вдругъ повалился въ ноги о. Николаю.

— Что ты, дьяконъ, что ты! Вставай! — окончательно смутился священникъ. — Давай-ка лучше поцѣлуемся. Полно! Какіе между нами счеты? Одному Господу служимъ.

О. дьякона, сконфуженнаго и присмирѣвшаго, опять усадили на мѣсто и заставили пить шестую чашку, покуда онъ своими робкими, но осчастливленными взглядами словно просилъ у всѣхъ прощенія.

Появилась босоногая крестьянская дѣвочка, лѣтъ четырнадцати и, застыдившись большой компаніи „господъ", закрыла себѣ лицо рукавомъ.

— Чего тебѣ, Маѳуша? — спросила Анна Семеновна.

— Матушка, Марья Савельевна услыхала дьяконскій голосъ, такъ требуютъ ихъ къ себѣ.

— Голубка моя дорогая! — вскочилъ о. дьяконъ. — Вспомнила! Повидаться...

И онъ рванулся было къ двери, но вдругъ осѣкся.

— Вѣдь можно? — спросилъ онъ, оборачиваясь къ доктору.

— Можно! — съ улыбкой разрѣшилъ Свищовъ.

Дьяконъ исчезъ, а докторъ посмотрѣлъ на свои часы.

— Пожалуй, что и время! — замѣтилъ онъ. — Батюшка, ваши всѣ въ сборѣ?

— Всѣ.

— Ну, такъ я пойду.

— Николай Ивановичъ! — остановила его Ольга Сергѣевна. — А для меня найдется у васъ еще десять минутъ?

— Конечно. Я скоро вернусь.

— Развѣ ты нездорова? — встревожилась Надя.

— Пустяками. Можешь сама объ этомъ судить, если я сюда пѣшкомъ пришла и отлично себя чувствую.

— Искусный врачъ Николай Ивановичъ! — замѣтилъ священникъ. - Ужъ какъ плоха-плоха была дьяконица... И человѣкъ онъ истинно-прекрасной души.

— Вотъ вы хвалите, — вдругъ возразила Ольга Сергѣевна, — а я слышала, будто Свищовъ — атеистъ.

— Нельзя этого допустить, сударыня. Можетъ-быть, онъ вѣритъ не по-нашему, но все-таки вѣритъ, непремѣнно. Дѣла его и совѣсть о томъ свидѣтельствуютъ. Взгляните въ окно; вонъ онъ творитъ свою молитву. А настоящій-то атеистъ ужъ молиться не станетъ, никакъ.

— Гдѣ? Что вы показываете? Ахъ, толпа у церковной сторожки. Что же онъ тамъ дѣлаетъ?

— Лѣчитъ бѣдняковъ, да еще и деньгами кое-кому помогаетъ. Атеисту нè зачѣмъ это дѣлать... Ну, однако простите на время: надобно послушать доктора да записать его совѣты; а то мои больные, пожалуй, перепутаютъ... А! вотъ и Ѳеня идетъ, вѣрно за дьякономъ.

— Нѣтъ, ужъ это за мной, — вздыхая отозвалась Анна Семеновна.

Затѣмъ Незнамовы и Сербинъ остались втроемъ.

Ольга Сергѣевна, согласно предвзятому намѣренію, всю свою наблюдательность и способность къ анализу, ловко и незамѣтно, но съ горячею жадностью, примѣняла въ этотъ день къ Надѣ, которая кстати, въ роли сестры милосердія, еще разъ явилась передъ нею въ незнакомомъ освѣщеніи и какъ бы новымъ лицомъ. Немного поблѣднѣвшая и утомленная вслѣдствіе недоспанныхъ ночей, Надя съ такою радостною готовностью, съ такою тревожною нѣжностью, съ такимъ полнымъ самозабвеніемъ служила больной женщинѣ, что Ольга Сергѣевна невольно сказала себѣ: „Она здѣсь счастливѣе, чѣмъ дома!.. То-есть, по крайней мѣрѣ, чѣмъ дома въ настоящее время“, добавила тотчасъ бѣдная дѣвушка, вдругъ припомнивъ, съ чувствомъ острой, почти физической боли въ сердцѣ, сіяющее счастьемъ лицо и

веселое щебетанье кузины нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. „Что же можетъ туманить ее дома теперь... кромѣ?..“

Ольга Сергѣевна не договорила даже въ мысляхъ.

Но ей суждено было и въ этотъ день видѣть полное просіяніе кузины, хотя лишь на короткое время. Это произошло, когда докторъ Свищовъ объявилъ, что больная дьяконица уже внѣ опасности. Такой приговоръ врача до того обрадовалъ преданную сидѣлку, что на минуту въ ней воскресла совсѣмъ прежняя, восторженно-счастливая Надя. Ольга Сергѣевна незамѣтно, но неотступно наблюдавшая за своею кузиной, была поражена этимъ взрывомъ очевидно великой, искренней радости.

„Нѣтъ, не понимаю я Надю! — думала она съ отчаяньемъ. — Это въ самомъ дѣлѣ какой-то особенный человѣкъ, не отъ міра сего, на другихъ не похожій... Ну, добрая она, я это допускаю, — добрая, какъ я, напримѣръ, и представить себѣ не въ силахъ; ну, ей пріятно помочь страдающему; ну, ей, можетъ-быть, даже именно хотѣлось убѣжать изъ дома, хоть на время, чтобы занять свою мысль чѣмъ-нибудь новымъ, то-есть не подозрѣвать, не слѣдить каждую минуту, а отдохнуть отъ тяжелыхъ и противныхъ думъ... Все это такъ, это понятно... Но откуда вдругъ *такая* радость, *такое* просіяніе? Вѣдь она тутъ очевидно *все* забыла, всякія личныя соображенія — и это только потому, что какая-то тамъ дьяконица, въ сущности совершенно ей и чужая, и чуждая — подала надежду на выздоровленіе! Скажите, ради Бога, развѣ это естественно? Съ кѣмъ это бываетъ? Можетъ ли это случиться именно съ тѣмъ, у кого на душѣ *свое* гнетущее горе, *своя* всепоглощающая тревога? Или ихъ нѣтъ совсѣмъ, ни горя ни тревоги? Они — только миражъ моей собственной больной совѣсти?.. Да нѣтъ же, нѣтъ! И дядя видитъ... Господи, какая мука! Вотъ истинный адъ, а не тотъ, что на картинахъ малюютъ“.

Ольга Сергѣевна и не подозрѣвала, какъ она близка къ тому, чтобы поглубже заглянуть въ душу своей кузины. Часто самый будничный случай и самымъ естественнымъ образомъ даетъ намъ именно то самое, чего мы добивались, напрягая всѣ ресурсы своего ума и хитрости, и добивались напрасно. Нѣчто подобное случилось теперь.

Сербинъ, оставшись втроемъ съ обѣими Незнамовыми, выразилъ Надеждѣ Александровнѣ свое удивленіе, что она, столь

близко знающая о. Николая, ничего не сообщила о немъ своей кузинѣ.

— У насъ это было бы не ко двору, — спокойно улыбаясь отвѣтила ему Надежда Александровна. — Оля и папа просто пожали бы плечами на всѣ мои розсказни, какъ малодостовѣрныя и, въ сущности, для нихъ даже неинтересныя... А мужъ еще, пожалуй, разсердился бы, и сталъ бы поднимать на смѣхъ такія вещи, которыя для меня святы и дороги. А ужъ это слушать и больно и грѣшно...

— Не очень лестный ты намъ выдаешь аттестатъ! — отозвалась Ольга Сергѣевна. — Особенно въ глазахъ такого ревностнаго богомольца, какъ Юрій Антоновичъ.

— Отчего же? Всякій чувствуетъ и вѣритъ по-своему... Но я и не думаю скрывать, что въ Чернышахъ мнѣ иногда бываетъ не по себѣ... душно какъ-то... воздуха мало! Мы тамъ закупорились сами съ собой и для себя... я вотъ не умѣю выразить... но мы словно стараемся, чтобъ ни вѣтер къ ни даже звукъ не пробрался въ нашъ тѣсный уголъ изъ широкаго Божьяго міра, полнаго людей, жизни, чувства, радостей, труда, страданій, — всего, всего, что дорого и близко душѣ. Вѣдь такъ, Юрій Антоновичъ?

— Я Чернышей не знаю. Но... но мнѣ показалось, будто Ольга Сергѣевна, напримѣръ, дѣйствительно мало ознакомилась... кхэ!.. съ бытомъ мелкаго люда.

— А гдѣ ей было ознакомиться? Конечно, не въ Чернышахъ... Вѣдь и я первое живое слово о Богѣ, о ближнихъ, о трудѣ и любви услышала здѣсь, отъ о. Николая.

Этого ужъ Ольга Сергѣевна не могла вынести.

— Надя! Подумай, что ты говоришь! Ты — невѣстка геніальнаго ученаго и жена блестящаго университетскаго магистра, ты первое живое слово услышала отъ какого-то сельскаго батюшки, который и самъ-то сознается въ своей малоспособности.

— Сельскій батюшка! Но имѣешь ли ты понятіе о его жизни, подвигахъ, отношеніи къ людямъ, о силѣ его молитвы и проповѣди, о великой власти, данной ему Господомъ? Знаешь ли ты, сколько сердецъ зажегъ онъ своимъ словомъ, сколькихъ заблудшихъ вывелъ на путь любви своимъ примѣромъ, сколько горькихъ слезъ превратилъ въ счастливую улыбку, сколько мрачныхъ душъ освятилъ и очистилъ своимъ благословеніемъ? А ужъ для меня онъ сдѣлалъ больше, чѣмъ можно выразить,

больше, чѣмъ въ силахъ сдѣлать родной отецъ... Онъ явился какъ бы непосредственнымъ подателемъ Божьяго милосердія и вѣчной, неисчерпаемой доброты Его!

— Для тебя? Для тебя лично? Что могъ сдѣлать для тебя о. Николай?

— Онъ вывелъ меня изъ вѣчной тьмы грѣховнаго отчаянія, онъ поддержалъ во мнѣ силу и научилъ меня любить десницу, меня наказующую. Его совѣтамъ обязана я тѣмъ, что душа моя, можетъ-быть, предстанетъ Господу хотя и маленькая, незначительная, но все-таки не загрязненная ни враждой, ни завистью, ни злобой. Наконецъ, ему же я обязана самою большою, чистою и надежною радостью въ моей жизни, потому что именно онъ научилъ меня понимать, какъ ничтожно или суетно наше земное счастье, какъ глупо и грѣшно считать его нѣкоторою для себя необходимостью, или, тѣмъ болѣе, цѣлью своихъ стремленій, какъ безконечно мелко оно, это наше презрѣнное эгоистическое счастье земное, въ сравненіи со святыми истинами вѣры, неугасимой любви и безконечнаго упованія. Да! Была минута въ моей жизни, когда я считала для себя все конченнымъ, все погибшимъ, все и навсегда; мнѣ оставалось только умереть съ гнѣвомъ и ненавистью въ сердцѣ... И что же! Благодаря о. Николаю, именно эта ужасная минута стала для меня зарей новаго, немеркнущаго свѣта, новой, непреходящей любви и блаженства. Вотъ что сдѣлалъ для меня этотъ сельскій батюшка! Понимаешь ли ты теперь, Оля?

Надежда Александровна на минуту пріостановилась. Съ порывомъ глубокой нѣжности, она вдругъ обняла и горячо поцѣловала свою кузину.

— Оля милая! Вѣрь мнѣ, если когда-нибудь ты почувствуешь себя малодушною, либо несчастною — обратись къ Богу черезъ одного изъ самыхъ чистыхъ Его служителей, о. Николая. Обѣщай мнѣ! Ты сама убѣдишься, что благость Господа безпредѣльна, что пламя вѣчной любви очищаетъ и крѣпитъ душу. А мнѣ такъ сладко, такъ сладко будетъ...

Надя вдругъ умолкла съ нѣкоторымъ смущеніемъ и даже какъ бы испугомъ.

Ольга же Сергѣевна испытывала нѣчто въ родѣ головокруженія, въ родѣ того безпредѣльнаго, неописуемаго страха, который иногда овладѣваетъ человѣкомъ во снѣ и разрѣшается послѣ неимовѣрныхъ усилій двинуться, бѣжать, крикнуть что-

то — подавленнымъ стономъ, холодною испариной на лбу да неистовымъ біеніемъ сердца. Да, она была близка къ потерѣ сознанія. То, что казалось ей такъ нестерпимо ужаснымъ, такъ нечеловѣчески безобразнымъ и постыднымъ, даже въ сравнительно далекой перспективѣ, то, передъ чѣмъ она отступала съ отчаяніемъ, лучше готовая пожертвовать жизнью — именно то вдругъ стало передъ нею во весь ростъ, уже не какъ гадательная только возможность будущаго, а какъ неизбѣжная, осуществившаяся дѣйствительность настоящаго. Каждое новое слово Нади было новымъ подтвержденіемъ ужасной правды: да, она знаетъ — знаетъ давно — знаетъ все! Сверкнула та уничтожающая молнія, грянулъ тотъ громовой ударъ, о которыхъ Ольга Сергѣевна доселѣ боялась думать даже про себя.

Онѣмѣвшая, блѣдная, Ольга Сергѣевна дико раскрытыми глазами смотрѣла на Надю. Ей казалось, будто она летитъ, летитъ въ какую-то бездну... Сейчасъ будетъ паденіе, послѣдній, ужасный толчокъ — и все, все вдругъ покроется мракомъ вѣчной ночи, смерти, уничтоженія...

Богъ знаетъ, что вышло бы далѣе изъ этой бесѣды двухъ кузинъ, если бы не появился докторъ Свищовъ.

— Вотъ и я! — сказалъ онъ весело. — Къ вашимъ услугамъ, Ольга Сергѣевна. Надѣюсь, впрочемъ, что очень-то вы меня не затрудните.

Дѣвушка машинально улыбнулась въ отвѣтъ доктору, но не въ силахъ была произнести ни одного слова.

Надя тотчасъ это замѣтила.

— Простите, Николай Ивановичъ, я уведу Олю на одну только минутку, буквально одну. Вѣдь можно?

— Пожалуйста.

Почти вытянувъ Ольгу Сергѣевну за собой, въ маленькую, полутемную каморку, Надя горячо обняла ее тамъ и шепнула на ухо:

— Оля, дурочка! Что тебѣ вообразилось? Пойми, что я люблю тебя попрежнему — нѣтъ, больше прежняго! Лучше прежняго, въ тысячу разъ! Ничто и никто не оторветъ тебя отъ моего сердца... Не задумывайся же надъ вздоромъ и ступай къ своему Свищову.

Шутливо улыбаясь, она вытолкнула Ольгу Сергѣевну назадъ, въ ту комнату, гдѣ поджидалъ ее докторъ. Сербинъ же съ обычною своею вѣжливостью куда-то исчезъ.

Николай Ивановичъ ни на спѣхъ поставленныхъ діагнозовъ, ни кое-какихъ „невинныхъ“ средствъ терпѣть не могъ. Это былъ врачъ серьезный и почтенный, да и человѣкъ такой же. Онъ положительно отказывался отъ консультацій въ гостиной, до которыхъ такъ падки многія дамы, и не прописывалъ подкрашенную воду, внимательно прислушиваясь къ послѣдней модной сплетнѣ.

Ольгу Сергѣевну онъ тоже осмотрѣлъ, ослушалъ и повыспросилъ съ обычною своею неторопливостью; но въ результатѣ только покачалъ головой съ явнымъ недоумѣніемъ и заявилъ, что никакихъ признаковъ болѣзни не усматриваетъ. Замѣтно-де, что нервы очень натянуты, и не мѣшало бы, пожалуй, попринимать kali bromati... ну, и въ крайнемъ случаѣ попридержаться легкой діэты дня два, если тошноты не отстанутъ... А впрочемъ, нездоровье, на столько неважное, что и безо всякой латинской кухни пройдетъ скорехонько.

Кому неизвѣстно, что ожидаемый ужасъ всегда страшнѣе разразившагося, да и свѣжая рана мало болитъ! То и другое испытала на себѣ Ольга Сергѣевна. Сначала теплая ласка и увѣренія Нади, затѣмъ, хладнокровные, обстоятельные разспросы Свищова подѣйствовали на дѣвушку самымъ отрезвляющимъ образомъ. Отъ сердца какъ будто даже отлегло немного. Скользнула мысль: вотъ и совершилось наконецъ то ужасное — а что же, ничего особеннаго нѣтъ, все спокойно...

Въ концѣ совѣщанія съ докторомъ Ольга Сергѣевна могла уже заговорить съ нимъ даже о постороннихъ вещахъ.

— Вы устроили себѣ здѣсь большую практику, — сказала она съ улыбкой, намекая на толпу паціентовъ-крестьянъ. — Но едва ли это вамъ выгодно.

— Не я, а чудакъ этотъ, о. Николай, устроилъ. Да еще вздумалъ на свои послѣдніе гроши больнымъ лѣкарства покупать... Ну, нечего дѣлать, теперь ужъ съ собой вожу цѣлую походную аптечку.

— Однако, это надоѣдливо.

— Какъ вамъ сказать... Сначала я было даже вознегодовалъ. Но потомъ — все равно вѣдь отъ поѣзда до поѣзда сидѣть; ну, и все-таки... Знаете, тоже бѣдный, безпомощный народъ! Грѣхъ нашему брату, когда это ничего не стоитъ, кромѣ небольшого труда... Я тутъ какъ понаслушался о деревенскихъ

порядкахъ, такъ мнѣ теперь, право, такимъ людямъ, какъ о. Николай, стыдно въ глаза смотрѣть.

— Николай Ивановичъ! Это вы — вы — говорите о русскомъ попѣ? Вотъ перемѣна!

— Э, сударыня! Попъ, профессоръ, мужикъ... Не все ли это равно, какое мнѣ дѣло до побудительныхъ мотивовъ, если человѣкъ дѣйствуетъ такъ... какъ намъ съ вами не удастся, Ольга Сергѣевна! — вздохнулъ Свищовъ.

Глава VI.

Обратно.

Когда Ольга Сергѣевна собралась пойти домой, начинало вечерѣть, и солнце, въ послѣдній разъ блеснувъ своими кровавыми лучами на крыльяхъ лукьяновскихъ выскочекъ-мельницъ, но уже оставивъ въ тѣни даже крестъ церкви, потонуло въ безконечныхъ равнинахъ запада. Правда, цѣлая толпа легкихъ и затѣйливо окрашенныхъ облачковъ горѣла пока на небосклонѣ. Такъ, вслѣдъ за удалившимся владыкой, еще долго толпятся раззолоченныя спины его придворныхъ. Но и этотъ отраженный пожаръ постепенно меркнулъ, застывалъ и стирался, какъ линючія краски съ потускнѣвшаго фона. А хмурая мгла сурово надвигалась все ближе.

Никакого экипажа къ услугамъ Ольги Сергѣевны не оказалось; да она о томъ и не позаботилась. Ей, напротивъ, именно хотѣлось движенія, простора, воздуха, а пожалуй, даже и усталости.

Зато Надя горячо запротестовала противъ ея рѣшенія отправиться въ путь одной и пѣшкомъ.

— Да что ты, съ ума, что ли, сошла? — говорила она съ досадой. — Мало ли что можетъ случиться? Стая бродячихъ собакъ, бѣшеный волкъ, наконецъ, просто пьяные люди, потерявшіе всякое пониманіе собственныхъ поступковъ... Что ты будешь дѣлать въ подобномъ случаѣ? Не дури, Оля!

— Да если мнѣ хочется походить, прогуляться? — жалобно возразила Ольга Сергѣевна. — Погода — прелесть. Когда еще опять такой дождешься!

— Прогуляться! Это очень хорошо; но не одна же ты станешь бродить, на ночь глядя, среди пустыхъ полей на нѣ-

сколько верстъ кругомъ. Это безуміе... А главное, долго ли тутъ верховому доскочить до Черныхъ-Враговъ и вернуться съ экипажемъ? Гуляй себѣ затѣмъ, сколько угодно.

— Господи, какая тоска! — видимо колебалась дѣвушка.

— Не позволите ли вы мнѣ проводить васъ? — съ нѣкоторымъ смущеніемъ предложилъ тогда свои услуги Юрій Антоновичъ Сербинъ.

Онъ теперь сидѣлъ, вмѣстѣ со всѣми, въ комнатѣ больной Марьи Савельевны, все въ томъ же педантически вычищенномъ, хотя и поношенномъ военномъ полукафтанѣ, застегнутомъ на всѣ крючки и пуговицы, какіе только полагаются. Онъ, впрочемъ, все время молчалъ, открывая ротъ лишь для самыхъ необходимыхъ и короткихъ отвѣтовъ.

— Ахъ, Юрій Антоновичъ! — вотъ это любезно, — обрадовалась Надя. — Въ самомъ дѣлѣ, проводите ее. Да кстати и познакомитесь другъ съ другомъ получше.

— Я, по крайней мѣрѣ, отъ этого вовсе не прочь, — съ привѣтливою улыбкой заявила Ольга Сергѣевна, — хотя мнѣ совѣстно безпокоить monsieur Сербина своею пѣшеходною фантазіей.

— Что ему за безпокойство, коли онъ самъ — пѣхота! — рѣшился съострить и первый захохоталъ собственной остротѣ о. Николай, очень ужъ счастливый „пріятнымъ днемъ".

Вслѣдъ за этимъ Ольга Сергѣевна и Сербинъ стали прощаться, при чемъ Юрій Антоновичъ поцѣловался съ больною и „благословился" у батюшки, объяснивъ, что отъ Черныхъ-Враговъ прямо пойдетъ домой.

— Ну, награди васъ Господь, что пришли провѣдать насъ въ нашемъ горѣ! — любовно поцѣловался съ нимъ о. Николай. — И за милостыньку вашу спасибо.

— Вотъ еще вздоръ какой! — отмахнулся рукой Сербинъ.

— Нѣтъ, государь мой, не вздоръ! Безъ самовара-то плохо приходится, пока болящая въ домѣ. Ну, и кастрюлечки, и замокъ — все по домашнему дѣлу нужное... Спаси васъ Богъ, милый! Когда же опять навѣстите?

— И самъ вѣрно не знаю. Служба вѣдь все-таки, хоть и бездѣльная. Должно-быть, впрочемъ, на то воскресенье выпрошусь. А вы до тѣхъ поръ хоть писните, что ли, о здоровьѣ Марьи Савельевны, или на словахъ накажите съ кѣмъ-нибудь изъ крестьянъ. Сами знаете, сердцемъ я вѣдь здѣсь, съ вами буду.

— Знаю, знаю, другъ вѣрный! и ужъ какъ-нибудь да извѣщу, безъ того не оставлю.

„Что у нихъ за отношенія?“ — думала про себя удивленная Ольга Сергѣевна.

А Сербинъ, выйдя вслѣдъ за нею на широкую площадь, которая окружаетъ лукьяновскую церковь, держался на шагъ или на два позади и, украдкой поглядывая на дѣвушку, думалъ въ то же время свои думы.

„Создастъ же Господь такое совершенство красоты! Глазъ оторвать не хочется... И невольно мечтаешь, что подъ этими внѣшними чертами долженъ быть цѣлый міръ высокихъ стремленій, любви, вѣры, сознательныхъ жертвъ и святыхъ восторговъ... Но, конечно, все это обманъ, миражъ, какъ обыкновенно. Раскроетъ она ротъ, заговоритъ, даже залюбезничаетъ, и вдругъ — божественный идеалъ превратится просто въ слезливую барышню съ птичьимъ мозгомъ, съ мелкою и суетною душонкой, съ кое-какими поползновеньицами вмѣсто благородной воли... Господи! Неужели даже это дивное лицо — только пошлая маска? Неужели такой лобъ, такіе глаза, такое царственное сіяніе могутъ обманывать? И нѣтъ за ними ничего: ни выдающагося ума, ни характера, ни оригинальности — ничего, кромѣ обычнаго дюжиннаго ничтожества? Подобная вещь можетъ, наконецъ, возмутить человѣка, можетъ вырвать у него невольный ропотъ... Что за глупая мистификація въ самомъ дѣлѣ!“

— Юрій Антоновичъ! — окликнула дѣвушка, чуть-чуть повернувъ къ нему головку.

— Что прикажете? — подошелъ онъ ближе.

— Вы развѣ недалеко живете отъ Черныхъ-Враговъ, или Чернышей, что ли?

— Я? Я живу въ нашемъ уѣздномъ городѣ Бубновѣ; да и не могу иначе по требованіямъ службы.

— Въ Бубновѣ? Но вѣдь это двадцать-пять верстъ отсюда!

— Около того...

— Но какъ же... Ну, я, значитъ, что-нибудь перепутала, либо не поняла васъ.

— Въ чемъ, позвольте спросить?

— Мнѣ показалось, будто вы предполагаете прямо отъ Черныхъ-Враговъ пойти домой.

Дѣвушка подчеркнула слово: пойти.

— Я такъ и сдѣлаю, — спокойно отвѣтилъ Сербинъ.

— Какъ! Двадцать-пять верстъ пѣшкомъ!

— Я часто хожу къ о. Николаю. Но что же въ этомъ особеннаго? Помилуйте, тысячи верстъ исхаживаютъ...

— Конечно, конечно... А вы такой любитель прогулокъ, или дѣлаете это ради здоровья?

— Ну, какъ вамъ сказать... — замялся Юрій Антоновичъ съ невольною улыбкоій. — Ни то, ни другое. Ходить я, разумѣется, привыкъ и устаю рѣдко. Однако, надоѣдливо брести пять-шесть часовъ по давно знакомымъ мѣстамъ, когда ихъ можно бы проѣхать вчетверо скорѣе.

— Такъ почему же вы не ѣздите?

— Видите ли, вамъ это, конечно, покажется страннымъ, потому что вы не привыкли къ такимъ мелочнымъ расчетамъ; но для нашего брата они необходимы. У о. Николая я бываю часто, всякій разъ, когда представляется возможность; а жалованье у насъ, военныхъ, небольшое, при чемъ еще требуется довольно многое, чтобы не выйти изъ общаго офицерскаго уровня, не уронить своего званія неприличною ему выставкой бѣдности. Офицеръ *долженъ* быть чисто одѣтъ, *долженъ* проживать въ опрятной квартирѣ, *долженъ* всегда имѣть чай, сахаръ, нѣсколько рублей въ карманѣ... Ну, такъ вотъ, при этихъ условіяхъ, невозможно тратиться еще на частыя поѣздки за двадцать-пять верстъ.

Ольга Сергѣевна нѣсколько помолчала.

— Вы давно знакомы съ о. Николаемъ?

— Лѣтъ пять.

— Только? А мнѣ показалось...

— Что?

— Будто вы съ нимъ очень близки.

— Оно, пожалуй, такъ и есть... то-есть, насколько я могу быть близокъ съ подобнымъ человѣкомъ. Я вижу въ немъ отца, именно отца, которому я обязанъ любовью и благодарностью выше всякой мѣры. Онъ же — служитель Бога, всегда готовый положить душу за овцы своя.

— Знаете, всегда такъ странно слышать нѣчто въ этомъ родѣ о... священникѣ!

— А о комъ не странно?

— Ну, я сама не знаю! — улыбнулась Ольга Сергѣевна. — Но...о чемъ наконецъ говорить со священникомъ? Не все же о богомысліи! Ни пошутить, ни попустословить...

— Почему? Вотъ, напримѣръ, о. Николай первый отличается очень веселымъ нравомъ. Между „своими присными“ — какъ онъ выражается — иной разъ посмотрите, какъ разойдется! Правда, остроумецъ онъ не блестящій, и почти всѣ его шутки выходятъ не удачнѣе той — про пѣхоту и пѣшее хожденіе — которую вы слышали. Да вѣдь не въ этомъ и дѣло. Все-таки, лицо его по большей части сіяетъ весельемъ и полнымъ удовольствіемъ, самъ онъ шутитъ, чужимъ шуткамъ смѣется отъ души — чего же еще?

— Опять для меня большая неожиданность.

— Почему?

— Да я вѣдь слышала, будто о. Николай — рѣдкій, самоотверженный подвижникъ, изъ строгихъ строгій по своему образу жизни и воздержанію.

— Это правда. Онъ въ самомъ дѣлѣ подвижникъ, истинное чудо труда, терпѣнія, вѣры, любви къ людямъ и совершеннаго пренебреженія къ земнымъ благамъ. Это человѣкъ такого высокаго настроенія и такой прозрачной чистоты въ сердцѣ, какія даются только по особой милости Божіей и очень, очень немногимъ избраннымъ.

— Ого! Ого!..—даже нѣсколько смутилась Ольга Сергѣевна.— Ужъ не творитъ ли онъ чудесъ, подобно своему дядѣ?—прибавила она насмѣшливо.

— Нѣтъ. Я, по крайней, мѣрѣ не слыхалъ о нихъ. Но, позвольте спросить, какимъ естественнымъ порядкомъ явленій можно объяснить, что человѣкъ, лишенный всякой научной мудрости, даже простоватый или совсѣмъ тупица въ дѣлѣ книжнаго знанія, и... и... осіянъ даромъ Духа Святаго, то-есть высочайшею мудростью откровенія?.. Я знаю, что удивилъ васъ и говорю странно, даже дико для васъ... Но какъ это иначе назвать? или какъ растолковать тому, кто самъ не испыталъ удивительной силы совѣтовъ о. Николая?.. Да! Чѣмъ объяснить, что въ его простыхъ, самыхъ простыхъ словахъ, иной разъ даже не очень связныхъ, пораздумавши, всегда откроешь такую... глубину правды и добра, такое озареніе темныхъ сторонъ, какого напрасно будешь искать въ самой авторитетной книгѣ свѣтскаго мудреца. Мало того, люди, подходившіе къ о. Николаю съ тайными, но тяжелыми сомнѣніями въ душѣ, съ мученіями неискупленнаго грѣха на совѣсти, утверждаютъ, будто

онъ прямо отвѣчалъ имъ на невысказанныя сомнѣнія, ясно указывалъ на лучшій путь раскаянія и искупленія.

— Ну!.. только воскликнула Ольга Сергѣевна.

— Я самъ — человѣкъ слишкомъ заурядный, чтобы позволить себѣ говорить такимъ образомъ,—спокойно объяснилъ Сербинъ.—А прежде всего я слишкомъ мало учился. Но я и выразилъ вамъ не свое личное мнѣніе, а то, что слышалъ отъ людей въ родѣ Вадимскаго или К—ова, профессора московской духовной академіи. Репутація же этихъ ученыхъ, вѣроятно, вамъ извѣстна болѣе, чѣмъ мнѣ.

— Вадимскій, положимъ, можетъ знать о. Николая. Но К—овъ-то какимъ образомъ?

— Профессоръ часто бываетъ у Бориса Петровича и каждый разъ непремѣнно заѣзжаетъ на поклонъ къ о. Николаю. Послѣдній разъ они вмѣстѣ были въ іюлѣ.

— Борисъ Петровичъ — это кто же?

— Вадимскій.

Ольга Сергѣевна раздумчиво покачала головой.

— Чудеса какія-то вы разсказываете... А вы гдѣ воспитывались? въ корпусѣ?

— Нѣтъ. До семнадцати лѣтъ я жилъ у дяди Егора Ивановича, котораго вы знаете, и подготовлялся для поступленія въ университетъ. А потомъ жизнь моя такъ сразу измѣнилась, что мнѣ ужъ нечего было и думать о систематическомъ образованіи.

— Можно и самому быть своимъ собственнымъ университетомъ.

— Куда мнѣ! Я почитываю, конечно,что могу— ну, да что ужъ... И къ чему?

— Какъ, къ чему! Вотъ этого вопроса я не ожидала. Знаніе всегда и всякому нужно,

— Разумѣется; но вѣдь и между знаніями можетъ быть выборъ. Оказывается, что для моихъ маленькихъ цѣлей и стремленій основательное знакомство съ какимъ-нибудь ремесломъ гораздо цѣннѣе случайныхъ теоретическихъ свѣдѣній, плохо связанныхъ и переваренныхъ.

— Отчего же непремѣнно плохо?

— По недостатку времени и средствъ, да вѣроятно и способностей. Автодидактомъ не всякій можетъ быть. Слесарному, вотъ, дѣлу — на что ужъ скромное — и то самъ одинъ порядкомъ не выучишься.

Ольга Сергѣевна немного помолчала.

— А вы не рисуетесь ли отчасти вашимъ слесарнымъ искусствомъ, Юрій Антоновичъ?—замѣтила она потомъ съ улыбкой.—Простите за нескромный вопросъ...

— Рисуюсь? Почему? Развѣ роль слесарнаго мастера такъ живописна?

— Откровенно сказать, я этого вовсе не нахожу... Я вообще люблю спокойныя, знакомыя дороги, и очень цѣню не только чистоту души, но и чистоту рукъ... Однако, мало ли чѣмъ забавляются люди, и что имъ нравится! Вкусы могутъ быть самые различные.

— Вы прекрасно выразились: дѣйствительно, люди забавляются различно, и всякая забава хороша, покуда нравится... Только не хорошо, когда грязный тулупъ шерстью наверхъ или святочная харя, которыми другіе забавляются, наряжаясь на нѣсколько минутъ — для васъ становятся форменнымъ, обязательнымъ костюмомъ... Особенно не хорошо это, когда человѣкъ въ свое время тоже мечталъ, строилъ воздушные замки, развивалъ въ себѣ требованія, вкусы...

Юрій Антоновичъ говорилъ все тише, такъ что послѣднія слова произнесъ почти про себя; но дѣвушка все-таки разслышала въ нихъ несомнѣнную нотку горечи.

— Простите, я позволила себѣ нескромность...

— Нѣтъ, пожалуйста... Я, напротивъ, долженъ быть благодаренъ вамъ за то, что вы удостоиваете говорить со мною безъ той изысканной вѣжливости, которая ставитъ нашего брата въ границы... Притомъ, вы не первая замѣтили, что я слишкомъ выдвигаю впередъ свое „слесарное искусство". Значитъ, это выходитъ въ самомъ дѣлѣ глуповато или смѣшно... хотя, конечно, я это дѣлаю никакъ ужъ не съ цѣлью порисоваться.

— Тогда зачѣмъ же?

Сербинъ помолчалъ.

— Изъ гордости!—отвѣтилъ онъ затѣмъ твердо. — Что же! Смиреніе—не моя добродѣтель, я въ этомъ сознаюсь. И я себя вовсе не считаю хуже другихъ многихъ только потому, что случаю угодно было поставить меня на низкую ступеньку общественной лѣстницы. Я, напротивъ, даже увѣренъ, что, мирясь со своею судьбой и честно исполняя свою человѣческую обязанность, я все-таки буду стоять, даже и съ грязными руками, гораздо выше тѣхъ паразитовъ, которые моются чужимъ ду-

шистымъ мыломъ. Пусть ихъ отворачиваются отъ меня! Я только не хотѣлъ бы, чтобы кто-нибудь могъ подумать, будто я напрашиваюсь. Грязныя руки, такъ и грязныя, что жъ дѣлать! И лучше ужъ самому впередъ заявить объ этомъ...

— Но... но... кажется, офицеръ и дворянинъ вовсе не имѣютъ повода считать свою ступеньку общественной лѣстницы слишкомъ низкою,—осторожно замѣтила Ольга Сергѣевна.

— Ну, офицеръ резервнаго пѣхотнаго баталіона — птица вообще не важная; а обѣднѣвшіе дворяне нынче половыми служатъ. Да я и не намѣренъ сохранить на себѣ эти перья сусальнаго золота. Въ откровенно-грязномъ фартукѣ слесаря я, по крайней мѣрѣ, буду твердо знать свое положеніе, буду ѣсть свой хлѣбъ и даже буду сознавать, что все-таки бѣдной крестьянской темнотѣ я даю больше, чѣмъ самъ отъ нея получаю. Да... попривыкну и умиротворюсь.

— А пока привыкнете? Тяжело это отказаться отъ благовоспитаннаго общества, благовоспитанныхъ привычекъ, умственныхъ наслажденій — всего, къ чему привыкъ и съ чѣмъ сроднился интеллигентный человѣкъ.

— Не такъ ужъ и тяжело... А настоящее-то мое положеніе развѣ пріятно? Какое это я вижу дѣйствительно благовоспитанное общество? Гдѣ мои умственныя наслажденія? Водишься только съ людьми очень сомнительнаго достоинства, да и то оглядываешься, чтобы не сказали: „И чего присталъ этотъ?.. Вотъ надоѣлъ-то, Господи! Никакого стыда и такта не имѣетъ“...

— Ну, полноте!..

— Я ужъ говорю по опыту, сударыня: извѣдалъ... А дѣйствительно дорогое мнѣ общество: о. Николай, Вадимскій, о. протоіерей Симеонъ и еще, можетъ-быть, человѣка два — тѣ не погнушаются мною и слесаремъ, для нихъ ступенька ничего не значитъ. Слѣдовательно, и умственныхъ радостей я буду не совсѣмъ лишенъ. Даже для книгъ будетъ, пожалуй, больше досуга... Собственно говоря, это большое съ моей стороны малодушіе — жаловаться.

— И скоро вы намѣрены выйти въ отставку?

— Къ февралю. Нашъ командиръ просилъ подождать до тѣхъ поръ. Сначала я хотѣлъ, правда, дождаться войны, чтобы заплатить по счету. Вѣдь все-таки столько лѣтъ жилъ на военный счетъ, получалъ средства, чины... Ну, да Богъ же знаетъ, когда еще что будетъ. Если буду нуженъ — предложу свои

услуги и отставной. Примутъ — буду драться; а не примутъ — значитъ, и не нуженъ; трудись себѣ спокойно надъ своимъ дѣломъ... Однако, простите! Я, конечно, очень надоѣлъ вамъ болтовней про свою драгоцѣнную особу.

— Что это, вы напрашиваетесь на комплиментъ?

— А вы подсмѣиваетесь?.. Да мы, впрочемъ, ужъ и пришли. Вотъ калитка. Можетъ быть, вамъ угодно пройти прямо, садомъ?

— Нѣтъ, ужъ обойдемте большою дорогой, къ главному подъѣзду. Тамъ намъ скорѣе отворятъ.

— Какъ прикажете.

Они молча пошли далѣе.

„Что это я раскудахтался?" сердито думалъ Юрій Антоновичъ, держась немного позади дѣвушки. „Съ-бника выложилъ свою особу предъ какою-то петербургскою барышней, только потому, что она хороша собой да со скуки удостоила заговорить со мною не слишкомъ высокомѣрно. То-то она, воображаю, хохочетъ теперь въ душѣ надъ тупоуміемъ и самонадѣянностью Гамлета изъ пѣхотныхъ поручиковъ! Да какъ и не смѣяться въ самомъ дѣлѣ? Вѣдь, дѣйствительно, глупо и пошло до полной невмѣняемости... А, чортъ возьми! Побилъ бы себя, кажется, съ наслажденіемъ... Нѣтъ! Пора, пора кончить съ военною службой, со всею этою проклятою мишурой жизни; а то въ моемъ положеніи постоянно рискуешь нарваться, какъ вотъ теперь, на самое унизительное безобразіе... И чортъ меня дернулъ!"

— Юрій Антоновичъ, давно вы были у вашего дяди?

— Съ мѣсяцъ тому назадъ.

— Да? Вотъ какъ вы рѣдко видитесь... А между тѣмъ онъ, кажется, очень къ вамъ расположенъ.

— Онъ меня выростилъ... Былъ для меня и отцомъ, и нянькой... Всегда привязываешься къ тѣмъ, кому сдѣлалъ добро.

— Вашъ дядя — замѣчательный человѣкъ; къ нему невольно относишься какъ-то иначе, чѣмъ къ другимъ.

— Дà, говорятъ...

„И за то спасибо!" думалъ въ то же время поручикъ. „Хотя въ глаза не смѣется, а, напротивъ, даже старается не дать мнѣ замѣтить собственную глупость. Добрая, право. Это ужъ не простая вѣжливость, а именно доброта или душевная порядочность. Спасибо!"

Они дошли до подъѣздного двора.

Въ воротахъ Юрій Антоновичъ было пріостановился.

— Идемте же! — кинула ему дѣвушка, не убавляя шагу.

Тогда Сербинъ поспѣшилъ нѣсколько опередить Ольгу Сергѣевну и снялъ съ себя военную фуражку.

— Теперь вы дòма, — сказалъ онъ. — Позвольте пожелать вамъ добраго вечера.

Волей-неволей дѣвушкѣ пришлось остановиться.

— Какъ! А вы что̀ же?

— Я въ Бубновъ...

— Кто же въ деревнѣ, безъ серьезной обиды для хозяевъ, уходитъ прямо отъ порога?

Сербинъ постоялъ молча, съ опущенною головой, даже забывъ опять надѣть свою фуражку.

— Вотъ видите! — сказалъ онъ, наконецъ, съ геройскою рѣшимостью. — Я, все-таки, понялъ, хотя и поздно, какъ постыдно-смѣшно и глупо я позволилъ себѣ говорить съ вами, и какъ вы были добры, не давая мнѣ это замѣтить... Но я оказываюсь еще глупѣе, чѣмъ думалъ. Выходитъ, что своимъ непрошеннымъ предложеніемъ проводить васъ я навязывался къ вамъ въ знакомые, въ посѣтители. Вѣдь, дѣйствительно, такъ! Какого же вы будете обо мнѣ мнѣнія?... Между тѣмъ, клянусь, у меня и въ мысляхъ не было ничего подобнаго...

Ольга Сергѣевна молча и серьезно посмотрѣла на красивое, озабоченное лицо Сербина.

— Вы находите, — замѣтила она обидчиво, — что я и мои родные не въ состояніи оцѣнить человѣка помимо его общественныхъ условій? что эта мудрость доступна только о. Николаю съ его друзьями?

— Помилуйте, я вовсе не въ томъ смыслѣ... — покраснѣлъ и смутился Сербинъ. — Я, напротивъ, высоко цѣню вашу снисходительность и доброту... Но не можете же вы въ самомъ дѣлѣ... то-есть вамъ непріятно будетъ вспомнить, что какой-нибудь деревенскій слесарь былъ когда-то въ числѣ вашихъ личныхъ знакомыхъ, былъ принятъ въ вашемъ домѣ на правахъ гостя...

— А вы совсѣмъ намѣрены опроститься?

— Какъ Богъ дастъ. Имѣю честь кланяться.

— И для начала вы непремѣнно хотите выразить полное свое презрѣніе къ неопрощенной „барышнѣ?“, хотите, оказавъ ей услугу изъ милости, великодушно повернуться и уйти, не допустивъ ее даже сказать вамъ обычное „спасибо“?

— Ольга Сергѣевна! — воскликнулъ, наконецъ, Сербинъ, со-

вершенно утратившій способность сообразить хотя что-нибудь. — Вы видите, что въ свѣтскихъ обычаяхъ я — профанъ, и ухитрился по уши влѣзть въ самое непостижимое для меня положеніе. Между тѣмъ, я искренно, всѣмъ сердцемъ хочу не сдѣлать что-нибудь для васъ непріятное. Будьте же милостивы, скажите сами откровенно, какъ мнѣ поступить. Честное слово, я ни въ какомъ случаѣ не обижусь и не огорчусь, а буду считать это новымъ доказательствомъ вашей доброты и деликатнаго снисхожденія къ чувствамъ ближняго.

Дѣвушка опять зорко посмотрѣла Сербину въ лицо.

— Такъ вы, наконецъ, сдаетесь мнѣ на гнѣвъ и на милость? — весело спросила она. — Вы, суровый воинъ, пасуете передъ вѣтреною барышней? Ай-ай-ай!..

— Сдаюсь и пасую.

— Въ такомъ случаѣ, прежде всего — она протянула руку и обоими своими широко открытыми, лучистыми глазами впилась ему въ глаза же — прежде всего мы отнынѣ будемъ искренними, настоящими... пріятелями, или союзниками-что-ли, совсѣмъ позабывъ, кто изъ насъ свѣтскій или не свѣтскій, мудрый или глупый, и все тому подобное. А вотъ кто первый отъ союза отступится — тому да будетъ стыдно! Вѣдь, умѣете же вы ладить съ моею кузиной Надей? Я тоже не кусаюсь. Во вторыхъ, идемте, я познакомлю васъ съ моимъ дядей. Мы вмѣстѣ напьемся чаю, поболтаемъ, поужинаемъ, затѣмъ вы хорошенько уснете, а завтра утромъ можете себѣ, пожалуй, отправляться въ свой милый Бубновъ. Такъ?

Въ голосѣ и во взглядахъ дѣвушки оказалось вдругъ столько теплой ласки, милаго довѣрія и симпатіи, она такъ крѣпко, по-товарищески, пожала своими нѣжными пальчиками руку Сербина, что ему невозможно было усомниться въ искренности ея словъ.

— Ольга Сергѣевна! — воскликнулъ онъ только, краснѣя до корня волосъ.

— Идемте! Идемте! — тянула она его за руку.

— Но, вѣдь, я даже и не могу пробыть у васъ такъ долго! Я долженъ завтра утромъ, въ девять часовъ, явиться на службу.

— И явитесь. Неужто вы полагаете, что дядя пуститъ васъ пѣшкомъ? Если выѣдете отъ насъ въ половинѣ седьмого, то въ половинѣ девятаго будете въ Бубновѣ.

— Но, Ольга Сергѣевна...

— Молчите! Не забывайте, что мы теперь пріятели и союзники. Примите это съ покорностью къ высшей волѣ — ну, хоть во искупленіе грѣховъ вашихъ. Вѣдь, есть-же у васъ какіе-нибудь грѣхи, надѣюсь?

И дѣвушка, не покидая руки Сербина, со смѣхомъ повлекла его за собой на крыльцо.

Юрію Антоновичу казалось, будто онъ бредитъ, либо спитъ. Но это былъ сладкій сонъ...

Глава VII.

На всякій случай.

Больная жена дьякона стала быстро поправляться, и Надежда Александровна, совершенно успокоившаяся на ея счетъ, однажды вечеромъ вернулась домой послѣ восьмидневнаго отсутствія. Радостная и счастливая на видъ, она всѣмъ объявила, что на этотъ разъ вернулась совсѣмъ, что она очень этимъ довольна, такъ какъ въ Лукьяновкѣ ей недоставало „своихъ", что „родная обстановка" послѣ отсутствія кажется ей еще краше и милѣе. Со старикомъ-профессоромъ она не разставалась цѣлый вечеръ, то ласкаясь, то прислуживая ему, то болтая всякій милый и веселый вздоръ. Даже угрюмыя и озабоченныя черты Георгія Алексѣевича нѣсколько прояснились подъ вліяніемъ чарующей, почти дѣтской ласковости молодой жены. „Птичка ты моя"! — сказалъ онъ съ искреннимъ чувствомъ, цѣлуя ея хорошенькую головку. „Право, птичка!" А профессоръ совсѣмъ расталлъ: восхищенными глазами беззавѣтно любящаго старика слѣдилъ онъ за каждымъ движеніемъ своей „дорогой дѣточки", своего „яснаго солнышка" и едва сдерживалъ слезы счастливаго умиленія.

Всѣ члены Незнамовской семьи замѣтили конечно, что Надежда Александровна умудрилась какъ-то еще очень похудѣть за эти восемь дней; но, видя ее такою оживленною и радостною, такою, повидимому, подвижною и энергичною, они не придали никакого значенія нѣкоторой перемѣнѣ въ ея наружности.

Между тѣмъ, сама Надежда Александровна, когда очутилась, наконецъ, одна въ своей запертой на крюкъ спальной, едва могла прочесть на колѣнахъ передъ образами обычныя молитвы, на этотъ разъ даже очень сокращенныя, и съ видомъ величай-

шаго утомленія легла на постель. Роль была сыграна, ложное возбужденіе нервовъ кончилось, и реакція вступила въ свои права, жестоко карая изнеможенное тѣло.

„Ну, Богъ меня проститъ сегодня“! подумала бѣдная женщина. „Я домолюсь лежа, а то мысли путаются“.

И Надежда Александровна, благоговѣйно перекрестившись, начала читать про себя давно знакомую молитву. Но „мысли“ ея — увы! — продолжали все такъ же безнадежно путаться, какіе-то странные огненные круги вставали передъ ея закрытыми глазами и вертѣлись съ непостижимою быстротой, непонятный гнетъ давилъ ей грудь, такъ что ей никакъ не удавалось отдышаться...

„Господи, что это со мной?“ подумала она. „Неужто ужъ до такой степени плохо?“

Въ третій разъ обрывалась ея молитва, несмотря на всѣ усилія: память измѣняла.

„Прости меня, Боже!“ прошептала она наконецъ, убѣдившись въ своемъ безсиліи, перекрестилась и улеглась спокойнѣе, надѣясь заснуть.

Однако, благодѣтельный, глубокій сонъ не давался ей. Это была скорѣе какая-то чуткая, мучительная дремота. Надежда Александровна, какъ ей казалось, ни на мгновеніе не теряла сознанія, гдѣ она и что съ нею, не теряла даже мысли, что вотъ надо бы получше заснуть, а тутъ, какъ на зло, не спится, и еще такъ мучительно не спится.

Наконецъ, потерявъ терпѣніе, она рѣшилась повернуться на другой бокъ и даже открыла глаза.

Въ первый мигъ она онѣмѣла отъ испуга и изумленія.

Передъ ея кіотомъ, достаточно освѣщенная тихимъ свѣтомъ лампады, стоя на колѣнахъ, молилась какая-то бѣлая женская фигура.

Только что Надежда Александровна хотѣла сдѣлать движеніе, заговорить — бѣлая женщина поднялась съ колѣнъ и молча, медленно обернулась къ ней лицомъ.

— Мама! Мама! — громко крикнула Надежда Александровна, стараясь приподняться.

Бѣлая фигура такъ же молча и неслышно подплыла къ постели, три раза перекрестила лежащую на ней Надю и... затѣмъ Надежда Александровна проснулась.

Да, она, несомнѣнно, проснулась; несомнѣнно, это былъ сонъ,

только сонъ. Теперь она, въ самомъ дѣлѣ, открыла глаза, только что, сейчасъ въ самомъ дѣлѣ приподнялась съ постели; но бѣлой фигуры нигдѣ не было, хотя лампадка достаточно освѣщала всю комнату своимъ мирнымъ сіяніемъ.

„Господи, какой странный сонъ!“ подумала Надежда Александровна. „И какъ живо! Нужно будетъ отслужить панихиду по мамѣ... Милая, дорогая мама! Право, я рада хоть во снѣ ее увидать. Милая, дорогая! Вотъ она, дѣйствительно, любила меня, свою бѣдную дѣвочку“...

Надежда Александровна перекрестилась, прочла короткую, но горячую молитву за упокой души рабы Божіей Елисаветы, и опять прилегла на подушки.

Опять та же чуткая, безпокойная дремота, опять то же неисчезающее сознаніе мѣста и времени, та же мучительная невозможность заснуть, какъ слѣдуетъ, и — опять тотъ же сонъ, живой, ясный, правдивый, какъ дѣйствительность.

— Мама, чего же ты отъ меня хочешь? — на этотъ разъ громко спросила Надежда Александровна, проснувшись.

Но ничего не отвѣтили ей стѣны пустой комнаты.

Зато странный сонъ ея повторился и въ третій разъ, совершенно такой же, безъ малѣйшаго измѣненія.

— Какая я глупая! Насилу поняла! — сказала себѣ Надежда Александровна. — А, между тѣмъ, это такъ ясно. Я должна скоро умереть. Чтò же, слава Богу! Это для всѣхъ самое лучшее. Только бѣдный пàпа поплачетъ, оба поплачутъ: и мой родной, и здѣшній; этому, пожалуй, еще больнѣе будетъ... Ну, да Богъ знаетъ, чтò творитъ, не намъ разсуждать, а да исполнится Его пресвятая воля! Что же, я не прочь была жить; по милости Божіей, я была спокойна и довольна своею судьбой. Но и умереть я не прочь. Чего мнѣ жалѣть? А страха у меня нѣтъ, нисколько нѣтъ. Даже смѣшно. Чего бояться? Немножко боли, можетъ быть? Такъ я же не ребенокъ, чтобы не стерпѣть подобныхъ пустяковъ!... А все же это великое дѣло. Нужно поговорить съ о. Николаемъ, хорошенько все обдумать и приготовиться...

На слѣдующее утро Надя не мало удивила Ольгу Сергѣевну своею странною просьбой.

Оставшись наединѣ съ кузиной, она вдругъ сказала:

— Оля, ты сдѣлаешь мнѣ одно большое одолженіе?

— Разумѣется. Какое?

— Подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ, поѣдемъ вмѣстѣ въ губернскій городъ.

— Это зачѣмъ?

— Я хочу сдѣлать форменное, неопровержимое завѣщаніе.

— Завѣщаніе?!... Что̀ ты, съ ума сошла? На что̀ это?

— На всякій случай.

— Въ двадцать-одинъ годъ отъ роду?!

— Да вѣдь, я же и не собираюсь умирать послѣзавтра... Ну, просто я спокойнѣе буду; это моя фантазія.

— Я-то зачѣмъ тебѣ понадобилась?

— Во-первыхъ, меня одну не пустятъ, а, во-вторыхъ, необходимо имѣть трехъ свидѣтелей. Однимъ будетъ о. Николай, другого попрошу Сербина Юрія Антоновича, а [illegible]етья будешь ты... Вотъ еще не знаю, могутъ ли женщи[illegible]ть свидѣтелями. Нужно спросить у кого-нибудь знающаго.

— Я и то удивляюсь, откуда у тебя столько знаній.

— Сегодня у Жоржа вывѣдала; онъ даже потомъ разсердился. Чего ты, говоритъ, Богъ знаетъ о чемъ заладила.

— Ужъ именно Богъ знаетъ о чемъ! А можно спросить, въ чью пользу ты намѣрена сдѣлать завѣщаніе?

— Все Жоржу. Иначе по закону ему достанется только четвертая часть. А кромѣ его, кому нужны мои деньги? Вся родня богатая.

— Да вѣдь и онъ не бѣдный.

— Ну... Я передъ нимъ, собственно говоря, очень виновата...

— Ты?!

— Конечно. Я давно уже не чувствую къ нему того, что жена, все-таки, обязана чувствовать къ мужу... Я не могу... Пусть же ему, по крайней мѣрѣ, достанется то̀, что онъ всегда цѣнилъ во мнѣ больше всего остального. Это выйдетъ справедливо, не правда ли?

— О, Надя!...

Ѳ. Ромеръ.

Конецъ второй части.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Семья Русскаго Государя въ 1886 г.

Изъ воспоминаній г. Лансона.

(Переводъ съ франц. *О. А. Прибытковой*).

Въ дополненіе къ напечатанной въ *Русскомъ Обозрѣніи* за май мѣсяцъ 1897 года статьѣ подъ заглавіемъ „Семья Русскаго Государя въ 1886 г.“ предлагаемъ нашимъ читателямъ еще нѣкоторые отрывки изъ воспоминаній того же г. Лансона о томъ времени, когда онъ въ продолженіе пяти мѣсяцевъ былъ при Русскомъ Дворѣ въ качествѣ преподавателя французскаго языка Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая Александровича (тогда еще Наслѣдника Цесаревича) и Его Августѣйшихъ Сестеръ и Братьевъ. Г. Лансонъ временно замѣнялъ заболѣвшаго учителя Ихъ Высочествъ.

Воспоминанія г. Лансона, появляясь въ разныхъ французскихъ журналахъ, пользуются успѣхомъ и читаются съ большимъ интересомъ. *Ред.*

Пріѣхавъ въ Петербургъ въ первыхъ числахъ февраля, я тотчасъ же приступилъ къ исполненію своихъ обязанностей. Въ мартѣ вся Августѣйшая Семья переѣхала въ Гатчину; затѣмъ скоро отправилась въ Крымъ, откуда черезъ Москву возвратилась снова на нѣсколько дней въ Гатчину, и вскорѣ Дворъ переселился на лѣтнее пребываніе въ Петергофъ, гдѣ мнѣ пришлось провести весь іюнь.

Начавъ занятія съ Великими Князьями, я былъ просто изумленъ, до чего Они кротки, прилежны и послушны. Мнѣ еще до сихъ поръ не приходилось видѣть учениковъ, съ которыми было бы такъ легко заниматься; никогда не требовалось дѣлать ни малѣйшаго замѣчанія и не приходилось встрѣчать какого-либо сопротивленія. Имъ никогда не надо было напоминать о томъ, что̀ полагалось дѣлать въ извѣстные часы дня. Занятія строго распредѣлены по программѣ, которая никогда не

измѣняется, развѣ только ради какого-либо семейнаго праздника или другого непредвидѣннаго торжества. И мнѣ ни разу не пришлось видѣть и тѣни неудовольствія, скуки или нетерпѣнія у своихъ Августѣйшихъ Учениковъ; никогда Они не отказывались дѣлать то, чего требовали отъ Нихъ; Они одинаково весело принимались за уроки, какъ и за развлеченія,— даже, напримѣръ, когда Великому Князю Георгію приходилось заниматься не совсѣмъ интересными отрывками, избранными изъ французскихъ классиковъ, и надо было читать медленно и внятно, а вмѣстѣ съ тѣмъ самый языкъ нѣсколько затруднялъ Великаго Князя. Грамматику Онъ изучалъ чисто практически, читая какую-нибудь легкую вещь писалъ; онъ довольно правильно, если не считать ошибокъ при употребленіи множественнаго числа или согласованія причастій.

Наслѣдникъ Цесаревичъ (нынѣ Государь Императоръ) обыкновенно читалъ что-нибудь серьезное, при чемъ я давалъ Ему нужныя объясненія, затѣмъ Онъ мнѣ разсказывалъ прочитанное и записывалъ резюме для упражненія въ стилѣ.

Очень живая по натурѣ, Великая Княжна Ксенія иногда не бывала достаточно внимательна; но проходило нѣсколько минутъ, и всякая разсѣянность исчезала. Великая Княжна очень мило извинялась, предлагала иногда нѣкоторые вопросы, касающіеся того, что именно заставило ее мимолетно отвлечься отъ занятій, и урокъ снова продолжался. Очень часто разговоръ заходилъ вовсе не о томъ, о чемъ читала или разсказывала въ ту минуту Великая Княжна. Особенно живо интересовалась Она вопросомъ: дѣйствительно ли существуютъ чудесныя и фантастическія вещи? Она уже выходила изъ дѣтскаго возраста и очень желала точно узнать: существуютъ ли феи, русалки и тому подобные герои сказокъ? Ей въ то время было около двѣнадцати лѣтъ.

Съ Великимъ Княземъ Михаиломъ и Великою Княжной Ольгой я пока еще не имѣлъ дѣла.

Каждое воскресенье у Августѣйшихъ Дѣтей собирались ихъ друзья, барышни и молодые люди, между ними два или три Великихъ Князя, одинъ изъ сыновей Великаго Князя Михаила Николаевича, двѣ графини Воронцовы, три князя Барятинскихъ, два или три пажа, и въ общемъ всегда была компанія человѣкъ въ двѣнадцать, пятнадцать молодежи. Смотря по погодѣ, время проводили они либо въ саду, катаясь на конькахъ или съ горъ, либо въ комнатахъ занимались какими-нибудь играми. Обѣдали

въ одной изъ большихъ залъ отдѣленія Августѣйшихъ Дѣтей, при чемъ за столомъ служили два негра и придворные лакеи Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Вся молодежь обыкновенно отъ души веселилась, не соблюдалось ровно никакого этикета. Всѣ держались вполнѣ свободно, ничуть не думая разыгрывать изъ себя взрослыхъ и важныхъ особъ. Это просто-на-просто были дѣти, которыя были очень рады воспользоваться праздникомъ послѣ шестидневныхъ занятій и желали провести время какъ можно пріятнѣе и веселѣе. Одинъ изъ негровъ, высокій, веселый съ чрезвычайно умнымъ лицомъ, одѣтый въ длинную, красную ливрею, былъ общимъ любимцемъ всѣхъ и особенно младшихъ членовъ компаніи молодежи. Они съ нимъ шутили, гонялись за нимъ по комнатамъ, а онъ все время продолжалъ неизмѣнно добродушно улыбаться. Между собой молодежь ничуть не церемонилась и вѣчно одинъ другому подстраивала какія нибудь штуки. Надо было слышать ихъ веселые возгласы и смѣхъ; барышни вообще держались скромнѣе, но также отъ души всегда смѣялись.

Мои ученики были въ душѣ еще совершенные дѣти, но въ извѣстныя минуты отлично умѣли держать себя серьезно и согласно своему высокому положенію. Его Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ былъ уже главнымъ атаманомъ казачьихъ войскъ на Дону; по этому случаю, у него, какъ у главнаго начальника, сохранялись всѣ знамена гвардейскаго отряда казачьихъ войскъ, находившагося на службѣ при Дворѣ. Каждый разъ, при смѣнѣ караула, приносили одно знамя и брали знамя вступающаго на караулъ отряда. Это обыкновенно происходило во время завтрака Августѣйшихъ Дѣтей; знамена стояли въ столовой, и, при входѣ въ комнату офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, всѣ мы вставали со своихъ мѣстъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ произносилъ короткую молитву, говорилъ нѣсколько словъ и обмѣнивалъ знамена. Онъ держался при этомъ совершенно просто и серьезно; вся церемонія происходила быстро и безъ всякой торжественности, при чемъ мы всѣ присутствовали, стоя на своихъ мѣстахъ; но въ общемъ она производила не банальное, а чрезвычайно пріятное впечатлѣніе: чувствовалось, что при утвержденныхъ военнымъ закономъ словахъ всѣ дѣйствуютъ не просто холоднымъ офиціальнымъ порядкомъ, а что между молодымъ атаманомъ и его подчиненными существуетъ, дѣйствительно, внутренняя, сердечная связь.

Въ субботу 1 (12) марта вся Царская семья переѣхала по обычаю въ Гатчину. Тамошній дворецъ очень обширенъ: три громадные каменные корпуса окружаютъ съ трехъ сторонъ большой дворъ, къ четвертой сторонѣ каждаго прилегаетъ ровъ; на высокой стѣнѣ стоятъ нѣсколько старыхъ пушекъ. Около рва стоитъ обращенная лицомъ къ главному корпусу большая статуя императора Павла, сильно напоминающая костюмомъ и позой Наполеона I. Проходя мимо, всѣ солдаты непремѣнно отдавали честь этой статуѣ. Боковыя крылья дворца соединяются съ главнымъ корпусомъ узкими галлереями, обращенными одною стороной во дворъ, а другою въ паркъ. Въ серединѣ каждаго бокового корпуса находился свой собственный внутренній дворъ. Всѣ помѣщались въ довольно низкихъ комнатахъ верхняго этажа. Государь Императоръ Александръ Александровичъ жилъ тамъ еще будучи Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и ни за что не хотѣлъ разстаться съ любимымъ помѣщеніемъ. Онъ Самъ и Его Братъ Великій Князь Сергѣй Александровичъ совершенно свободно доставали рукой до потолка. Огромныя, роскошныя комнаты нижняго этажа обыкновенно пустовали. Жизнь въ Гатчинѣ почти ничѣмъ не отличалась отъ петербургской, были нѣсколько измѣнены лишь только самые часы занятій. Такъ какъ пріѣзжающіе изъ Петербурга профессора занимались обыкновенно послѣ двѣнадцати часовъ дня, то англичанинъ г. Гетъ и я давали уроки по утрамъ. Друзья Августѣйшихъ Дѣтей по обыкновенію пріѣзжали по воскресеньямъ.

Паркъ былъ весьма обширенъ, тамъ свободно можно было гулять, рѣзвиться и играть во всевозможныя игры. Самое любимое развлеченіе состояло въ катаніи съ ледяныхъ горъ, при чемъ употреблялись простыя деревянныя саночки безъ подушки и козелъ, которыя были такой величины, что на нихъ можно было сѣсть, протянувши ноги. Съ замѣчательною быстротой скользили онѣ внизъ по довольно крутому, покрытому толстою ледяною корой скату небольшого холма (который постоянно тщательно разметали отъ снѣга и время отъ времени поливали водой); съѣхавши со ската, сани, летя по маленькой долинѣ, иногда силой инерціи взбирались еще немного на небольшую возвышенность противоположнаго холмика. Конечно, это случалось лишь тогда, если по дорогѣ онѣ не опрокидывались въ снѣгъ, при чемъ каждый разъ раздавались взрывы веселаго

смѣха, и кажется, что въ этомъ-то и состояла главная прелесть и притягательная сила всего катанья.

Въ концѣ марта наступила уже весна, ледъ вскрылся на озерѣ, и тутъ началась любимая забава Великихъ Князей, которые, изображая отправляющихся якобы въ полярныя экспедиціи путешественниковъ, разбивали ледъ напоромъ своихъ лодочекъ или ударами большихъ, снабженныхъ желѣзными наконечниками палокъ. Нѣсколько матросовъ гвардейскаго экипажа состояли при лодкахъ и изображали гребцовъ: веселые, преданные Великимъ Князьямъ, они ничуть не смущались близкимъ общеніемъ съ Ними, принимали живое участіе въ ихъ играхъ и забавахъ, а Великіе Князья всегда привѣтливо обращались съ ними. Однажды одинъ изъ матросовъ соскочилъ на ледъ, онъ подъ нимъ подломился — и матросъ вымокъ до пояса. Наслѣдникъ Цесаревичъ тотчасъ же велѣлъ грести обратно и послалъ матроса переодѣться. Великій Князь такъ же, какъ и матросъ, казалось, считали совершенно естественнымъ, что при такомъ случаѣ нельзя продолжать игру.

До сихъ поръ я почти совсѣмъ не занимался съ маленькимъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ. Болѣе или менѣе регулярно я началъ давать ему уроки по переѣздѣ въ Гатчину, въ мартѣ мѣсяцѣ. Это была скорѣе игра, чѣмъ уроки. Великій Князь не зналъ ни слова по-французски, такъ же, какъ и я по-русски; мнѣ не хотѣлось заставлять говорить Его по-англійски, и думаю, что, если бы Онъ зналъ какой-нибудь способъ объясняться со мной, Онъ бы не такъ быстро началъ говорить по-французски. Сначала я заставлялъ Его называть по-французски всѣ находящіяся въ комнатѣ вещи и игрушки, потомъ онъ долженъ былъ продѣлывать всевозможныя движенія, которыя я называлъ ему по-французски: ходить, бѣгать, останавливаться, смотря по тому, что̀ я ему говорилъ. Путешествіе въ Крымъ снова прервало эти первые уроки, и когда я долженъ былъ уѣхать во Францію, то я только-что началъ писать съ маленькимъ Великимъ Княземъ французскую азбуку.

На другой день по пріѣздѣ въ Ливадію, Государь рѣшилъ, что всѣ, включая и свиту, должны были обѣдать вмѣстѣ. Штатскимъ разрѣшалось быть поутру въ сертукахъ, но зато къ вечеру они должны были надѣвать фраки; военные, которыхъ

было гораздо болѣе, обыкновенно ходили въ простой формѣ, а парадную носили лишь только по праздникамъ или въ торжественные дни. Государь почти всегда носилъ сѣрую суконную тужурку, но Онъ все-таки довольно часто надѣвалъ мундиръ какого-нибудь изъ полковъ, или морской, смотря по тому, кого Ему надо было принимать въ этотъ день, а также въ годовщины и праздники всѣхъ полковъ, что̀ Онъ особенно тщательно соблюдалъ. У Него была цѣлая коллекція мундировъ всей арміи и флота.

Во время путешествія полагалось брать съ собой мундиры тѣхъ полковъ, которые долженъ былъ Государь видѣть въ продолженіе пути, а также и тѣхъ, полковые праздники которыхъ приходились на это время. Такимъ образомъ невидимая связь соединяла каждый отдѣльный полкъ съ его Монархомъ; каждый полкъ зналъ, что Государь лично всегда вспоминаетъ его.

Во время обѣда и завтрака вся свита собиралась передъ царскимъ дворцомъ и группировалась небольшими кучками около дверей столовой. Государь, Государыня и Августѣйшія Дѣти никогда не заставляли себя ждать. Государь, подходя къ каждому изъ присутствующихъ лицъ, крѣпко пожималъ имъ руку; Государыня бесѣдовала съ самыми приближенными, которые только и имѣли право цѣловать у Ней руку; взглядомъ и легкимъ наклоненіемъ головы отвѣчала Она на привѣтственные поклоны остальной свиты. Она никогда не упускала изъ виду подобнаго вѣжливаго отношенія къ окружающимъ. За столомъ рядомъ съ Государемъ сидѣла Великая Княгиня Елисавета Ѳеодоровна, а по обѣимъ сторонамъ Государыни помѣщались Великіе Князья Сергѣй и Павелъ Александровичи; остальные садились кто гдѣ хотѣлъ,—конечно, болѣе важныя персоны ближе къ Ихъ Величествамъ. Одинъ только оберъ-гофмаршалъ князь Оболенскій всегда сидѣлъ на разъ опредѣленномъ мѣстѣ, въ концѣ стола; сзади его постоянно пребывалъ „г. Беранже", знаменитый метръ-д'отель, французъ, довѣренное лицо князя, который, по крайней мѣрѣ, разъ десять во время обѣда приходилъ пошептать ему что-нибудь на ухо; въ саду, между тѣмъ, полковой или флотскій оркестръ не переставая игралъ все время. За столомъ Государь всегда очень много и весело разговаривалъ, не касаясь при этомъ ничего серьезнаго. Онъ бесѣдовалъ о прогулкахъ пѣшкомъ или верхомъ, вспоминая тѣ, которыя уже предпринимались, или говоря о тѣхъ, которыя только

предполагаются. Часто рѣчь заходила о театрѣ, о нашей французской комедіи, или опереткѣ, а иногда Государь принимался разбирать родство, родословную или возрастъ какого-нибудь принца или принцессы и т. д.

Вообще жизнь въ Ливадіи имѣла вполнѣ интимный и семейный характеръ: интересовались какимъ-нибудь маленькимъ происшествіемъ, всѣ были веселы, оживлены. Вскорѣ послѣ нашего пріѣзда въ Ливадію Великая Княжна Ксенія немного захворала: у нея сдѣлалась лихорадка, и ей пришлось два дня пролежать въ постели; болѣзнь не представляла никакой опасности, бояться было нечего, и потому обычный строй жизни при Дворѣ ничѣмъ не былъ нарушенъ; у каждаго были свои опредѣленныя занятія и точныя расписанія, такъ что никто не могъ спеціально развлекать маленькой больной, обреченной лежать двое сутокъ въ постели. Она порядкомъ скучала и очень радовалась, когда кто-нибудь заходилъ ее навѣстить, а еще болѣе, если предлагали съ ней поиграть во что-нибудь интересное.

Лансонъ.

ИЗЪ ДАЛЕКАГО ПРОШЛАГО.

VI.

ИЗЪ ТРЕВОЖНОЙ ЭПОХИ.

Глава IV.

Наташинъ день.

I.

Да, это наступилъ, дѣйствительно, Наташинъ день! Утро было ясное, кроткое, теплое. Деревья еще стояли въ своемъ зеленомъ уборѣ, и только одинъ старый вязъ имѣлъ кое-гдѣ желтые листья, мелькавшие между его густыми вѣтвями. Генеральскій домъ проснулся съ разсвѣта. Окна бель-этажа открылись настежь. По комнатамъ бѣгали лакеи и снимали чахлы со старинной мебели, обитой тяжелою матеріей съ прихотливыми рисунками. Въ люстрахъ, канделябряхъ и кенкетахъ были заправлены восковыя свѣчи. Угловыя лампы, стоявшія на мраморныхъ колоннахъ, блистали своею древностью и не подозрѣвали, что на свѣтѣ есть керосинъ. Тропическія растенія изъ княжескихъ оранжерей оживляли собой прадѣдовскіе покои, давно не знавшія веселья въ своихъ стѣнахъ. Съ верхнихъ балконовъ дома представлялся на широкій прудъ заманчивый и поэтическій видъ. Воды, какъ будто, утопали въ сіяньи солнечныхъ лучей, проникшихъ въ самую глубину пруда. Всѣ зданія, принадлежащія къ усадьбѣ, были украшены безчисленными китайскими фонарями и шкаликами. Посрединѣ пруда, на большомъ, огороженнымъ съ четырехъ сторонъ, плоту, красовался роскошный транспарантъ съ вензелемъ именинницы. Ночью же плотъ долженъ былъ изобразить изъ себя пылающій домъ, выкидывающій вверхъ, въ необъятное пространство, сотни ракетъ и разсыпчатыхъ цвѣтныхъ огней. Въ ночь на Наташинъ день при-

былъ въ Дарьино изъ Приволжска знаменитый хвостовскій оркестръ, состоявшій изъ шестидесяти музыкантовъ, прославленныхъ своею артистическою игрой по берегамъ прикамскаго края. Основателемъ оркестра былъ Сила Силычъ Хвостовъ, родовитый баринъ, рано овдовѣвшій и всю жизнь прожившій въ селѣ Муравьятинѣ. У него также имѣлся балетъ, который, кромѣ своихъ спеціальныхъ занятій, производилъ на свѣтъ и будущихъ музыкантовъ. Всѣ они воспитывались въ хвостовскомъ домѣ, на правахъ баричей, потомъ получали образованіе въ пансіонахъ, гимназіяхъ, и даже проникали въ университетскія стѣны. Тѣмъ не менѣе, дальнѣйшую жизнь они проводили въ хвостовскомъ оркестрѣ. Я не могу сказать: добровольно ли они совершали такое дѣло, но помню, что многіе изъ нихъ давали успѣшно концерты въ городѣ Приволжскѣ и на афишѣ выставляли свою принадлежность къ описываемому оркестру. Значитъ, послѣдній былъ для талантливыхъ музыкантовъ дорогимъ гнѣздомъ, къ которому они считали за гордость принадлежать.

И вотъ, этотъ оркестръ, съ самаго ранняго утра, въ одномъ изъ флигелей, надъ Дарьинскимъ прудомъ, уже репетировалъ піесы, которыя должны были исполняться за имениннымъ обѣдомъ. Наташа проснулась подъ звуки бальной музыки. Свободною волной они неслись въ открытыя окна, посылая ей свой привѣтъ и говоря о томъ, какъ молодая жизнь прекрасна, какъ она беззаботна, какъ несетъ она радости для себя и послѣднюю улыбку для поколѣнія, доживающаго свои дни.

II.

Нѣкоторые изъ родныхъ и дальнихъ сосѣдей еще наканунѣ появились въ Дарьинѣ. Они размѣстились во флигеляхъ, приспособленныхъ исключительно для гостей. Длинные корридоры шли вдоль зданій; направо и налѣво находились отдѣльныя комнаты съ необходимою меблировкой, напоминавшею провинціальные номера. Поздно вечеромъ, гремя колокольцами и бубенчиками, вихремъ подкатилъ къ одному изъ княжескихъ флигелей отставной полковникъ Василій Алексѣевичъ Ошметковъ-Осоргинъ. Онъ былъ родственникъ Прасковьи Яковлевны и когда-то служилъ въ армейскихъ кирасирахъ. Холостякъ, игрокъ въ карты, лихой танцоръ, любитель женскаго пола, Ошметковъ шумно вылѣзъ изъ брички и, не отрывая трубки отъ густыхъ усовъ, весело кричалъ:

— Есть свободные номера?

Полковникъ проходилъ по корридору, и голосъ его разносился по всѣмъ комнатамъ. Двѣ пожилыхъ сестры-барышни, попавшія рано въ Дарьино, только что улеглись рядышкомъ на широкую кровать и засыпали въ мечтахъ о завтрашнемъ днѣ. Ихъ неожиданно разбудилъ крикъ Осоргина. Старшая сестра со страхомъ проговорила:

— Il parait que la maisou prend feu! Entends-tu la voix du sous-chef des pompiers?

— Quelle absurdité, ma chère. Pas même question d'un sous chef!

— Oh, que si! Entends-tu cette voix terrible, elle me fait sauter du lit!

— C'est ton affaire, laisse-moi tranquille. Point d'interêt dans tout cela. Si c'était un chevalier qui voudrait m'enlever, je serais en hâte de le suivre, mais...

— Penses-tu qu'il t'enlevrait-toi, et non moi?

— Certe! Toi? Non, jamais!

Сестры непремѣнно разсорились бы, если бъ ихъ не смирилъ новый возгласъ кирасира:

— Есть кто изъ гостей?

Послышался отвѣтъ управляющаго:

— Какъ же-съ! Пріѣхали г. Луганьевъ изъ Еланьева.

— Знаю! Шельма продувная, корчитъ изъ себя француза, воспитаннаго на русской конюшнѣ. Еще кто?

— Княжна Кассимовская!

— А! допотопная мумія! Я встрѣчался съ ней сорокъ лѣтъ тому назадъ.

— Двѣ барашни Бекасовы!

— А! Двѣ вѣчныя невѣсты! Помню ихъ. И отца ихъ знавалъ, дивизіоннаго генерала. Кремень былъ, покойникъ! Объ его дочеряхъ говорили: кто ихъ возьметъ, тотъ въ нихъ пустой орѣхъ найдетъ!

Управляющій прошепталъ Ошметкову что-то на ухо, полковникъ понизилъ голосъ.

— Что же вы раньше меня не предупредили? Да онѣ, навѣрно, спятъ. А, впрочемъ, чортъ съ ними! Онѣ меня едва-ли помнятъ, а если и помнятъ, то хуже того, что обо мнѣ думаютъ, ничего не скажутъ.

Въ сосѣднемъ съ барышнями номерѣ послышался шумъ.

А онѣ лежали, какъ оцѣпенѣвшія. Ихъ охватилъ ужасъ не столько отъ того, что дошло до ихъ слуха, сколько отъ того, что ихъ ближайшимъ сосѣдомъ сталъ, по ихъ мнѣнію, извѣстный невѣжда и картежникъ.

III.

Наташа лежала на своей постелькѣ подъ голубымъ атласнымъ одѣяломъ, когда къ ней въ комнату вошла Прасковья Яковлевна. Мать горячо обняла дочь и, быть-можетъ, думала:

Я пришла къ тебѣ съ привѣтомъ,
Разсказать, что солнце встало,
Что оно горячимъ свѣтомъ
По листамъ затрепетало.

Княгиня отдернула шелковую драпировку отъ дверей, выходившихъ на балконъ, и открыла ихъ. Въ комнату разомъ ворвалась благодатная струя лѣтняго воздуха.

— Посмотри, какое утро встрѣчаетъ день твоихъ именинъ,— проговорила Опочиньева.—Дай Богъ, чтобы и жизнь твоя была свѣтла, подобно этому утру. Княгиня присѣла къ письменному столу, раскрыла альбомъ дочери и взяла перо въ руки. Она написала слѣдующія строки:

Дитя мое, жизнь хороша,
Когда ты день, любя, встрѣчаешь,
Когда чиста твоя душа,
И ты покойно засыпаешь.

Прасковья Яковлевна улыбнулась.

— Твой дорогой день сдѣлалъ изъ меня поэтессу. Я разрѣшилась четырьмя риѳмованными строчками. Сбереги ихъ на память.

Наташа въ это время расчесывала свою длинную косу. Она была похожа на русалку, утопавшую въ волнахъ своихъ собственныхъ волосъ. Надѣтый на ней бѣлый пеньюаръ, отдѣланный тонкими кружевами, сливался со свѣжестью ея невиннаго личика. Дочь бросилась къ матери и ея руками обвила свою шею.

— Милая моя мамочка, какая ты у меня умница,— промолвила Наташа и прочла въ слухъ написанные стихи.

Какъ поздно мы уясняемъ себѣ то, что слышимъ и испытываемъ въ своемъ дѣтствѣ. А оно, какъ фундаментъ, крѣпнетъ въ насъ съ годами, и становится основаніемъ для всей нашей многолѣтней и многострадальной дѣятельности. Благо тому, кто имѣлъ

беззаботное дѣтство, облитое родительскою лаской, богатое разумными фактами, освѣщенное встрѣчей съ честными и добрыми людьми.

Кажется, подобныя мысли пробѣгали и въ головѣ княгини, когда она глядѣла на ласкающуюся къ ней дочь. Но было что-то и грустное въ ея взглядѣ. Она, въ самомъ дѣлѣ, думала:

„Наташа слишкомъ нѣжное цитя. Ей не нуженъ мужъ ученый, ей не нуженъ и чиновный, богатый мужъ. Наташа имѣетъ потребность въ благородномъ другѣ, который берегъ бы ея здоровье, цѣнилъ бы ея прекрасное сердце. Ей нуженъ мужъ изъ одного класса съ нею, одинаковаго съ ней воспитанія и привычекъ. Новые люди проповѣдуютъ мезальянсы. Можетъ-быть, послѣдніе ведутъ государство къ политическому благу, сваливая интересы разнообразныхъ единицъ въ общую массу. Но въ семьѣ мезальянсы, едва ли, дадутъ счастье. Такая семья будетъ напоминать басню: „Лебедь, щука и ракъ“. Теперь новые люди не признаютъ ни старыхъ основъ страны, ни религіи, въ которую вѣровали ихъ отцы. Они хотятъ жить по-своему. Жена въ одну сторону, а мужъ въ другую. Это, по ихъ понятіямъ, значитъ: пользоваться взаимною свободой. Нынѣшняя женщина, не довольствуясь семейнымъ кругомъ, претендуетъ на обязанности общественныя. Точно послѣднія выше семейныхъ? Ну, а откуда же будутъ выходить хорошіе граждане, если семья упадетъ? Всѣ нынѣшія вліянія туманны, непрочны, неубѣдительны. Въ крѣпостное время было много грубаго, невѣжественнаго, самодурственнаго, но все стояло на гранитахъ, вросшихъ прочно въ землю и поросшихъ вѣковымъ мхомъ. Отдѣльныя лица знали, что̀ они въ силахъ дѣлать, и государство сознавало, чѣмъ оно держалось“.

IV.

Наташа не была въ мать. Ея головка не обременяла себя серьезными идеями. Княжна легко воспринимала то, что давала ей дѣйствительность, и сознательно отстранялась отъ всего дурного. Не зная нужды, видя вокругъ себя порядочныхъ людей, она не могла думать и о другихъ, что они нехороши. Поэтому, Наташа довѣрчиво смотрѣла на жизнь и охотно поддавалась ея теченію. Встрѣтила она на своемъ пути пана Кочубовскаго, и онъ завоевалъ ея симпатіи. Во-первыхъ, по ея мнѣнію, онъ

глядѣлъ какимъ-то „сиротой“, безпріютнымъ скитальцемъ среди русскаго населенія. Во-вторыхъ, онъ занятъ былъ всегда отвлеченными вопросами, чуждался мелочей, обыденности, ни къ кому не навязывался съ личными надобностями. Все это княжна давно сообразила и спрятала въ затаенныхъ уголкахъ своего сердца. И теперь, когда она чесалась передъ зеркаломъ и слушала однимъ ухомъ, что̀ говорила ея мать, въ ея воображеніи рисовалась мазурка, въ которой она неслась въ первой парѣ съ Адамомъ Казиміровичемъ. А онъ, по общей молвѣ, считался однимъ изъ лучшихъ и увлекательныхъ мазуристовъ. Головка Наташи, подъ вліяніемъ плѣнительной картины, отуманилась. Она невольно улыбнулась. Княгиня замѣтила это и спросила:

— Ты чему смѣешься, мое дитя?

Наталья Викторовна, пойманная на мѣстѣ преступленія, покраснѣла, какъ іюньская роза, но тотчасъ же схитрила.

— Ахъ, мама, мнѣ пришла въ голову пресмѣшная мысль. Вообрази, какой фуроръ произведетъ на балѣ княжна Касимовская, когда, несмотря на свои семьдесятъ лѣтъ, появится въ костюмѣ, въ которомъ ходила молоденькою дѣвушкой. Вѣдь какъ хочешь, а это преуморительно!

Опочиньева покачала головой.

— Нехорошо, — замѣтила она,—смѣяться надъ слабостями пожилыхъ людей. — Жизнь обошла княжну. Ты не понимаешь, что̀ значитъ быть старою дѣвой. Назначеніе женщины—семья. Я съ сожалѣніемъ смотрю на женщинъ, лишенныхъ материнства. Одиночество и отсутствіе семейнаго свѣта и теплоты дѣлаетъ ихъ эгоистками. Надъ ними грѣхъ смѣяться. Старушка Касимова ребенокъ по уму, но у ней есть воспоминанія. Они для нея такъ же дороги, какъ для тебя твое настоящее. Это законъ природы.

Княгиня долго разсуждала бы на возбужденную дочерью тему, если бъ не вошла экономка и не доложила, что старшій поваръ ожидаетъ приказаній.

Прасковья Яковлевна поднялась съ кресла и добавила:

— Ты не медли туалетомъ, Наташа. Пора ѣхать въ церковь. Тамъ тебя будутъ ждать гости и крестьяне.

Спустя полчаса, именинница, въ сопровожденіи своей бывшей гувернантки, катила по гладкой дорогѣ къ обѣднѣ, а въ утреннемъ воздухѣ протяжно гудѣлъ благовѣстъ деревенскаго колокола.

V.

Помѣщичьи обѣды описываемой эпохи фигурируютъ въ романахъ добраго стараго времени. Эта эпоха и эпоха дореформенная настолько близко соприкасались другъ съ другомъ, что черты ихъ были почти одинаковы. Хотя крѣпостные крестьяне не числились уже офиціально за дворянами, но они, все-таки, именовались временно-обязанными. Дворовые сохраняли у дряхлѣющихъ баръ свои традиціонныя клички: Ѳомокъ, Петрушекъ, Мишекъ, Николокъ и проч. Все сказанное не относится къ дому князя Виктора Никитича. Далеко до освобожденія служащіе у него люди получали жалованье. Поэтому, мы не будемъ утруждать вниманіе читателя подробнымъ описаніемъ именинпаго дня Наташи и самаго характера празднества. Отмѣтимъ только, что полковникъ Ошметковъ, не потерявшій охоты выпить и подъ старость, сосредоточивалъ на себѣ вниманіе гостей, которыхъ набралось болѣе ста человѣкъ. Между ними были и наши знакомые: панъ Кочубовскій, Левъ Львовичъ Драницынъ и профессоръ Уральцевъ, представленный своимъ другомъ княжеской семьѣ. Двумъ сестрамъ Бекасовымъ, одѣтымъ въ одинаковыя платья, съ большимъ количествомъ всевозможныхъ цвѣтовъ и лентъ, какъ разъ пришлось сидѣть за обѣдомъ противъ ненавистнаго имъ человѣка. Ошметковъ говорилъ громко, грубо, остро, пронизывая орлинымъ окомъ сидящихъ противъ него барышень. Онъ перебивалъ музыкантовъ, помѣщавшихся на зальныхъ хорахъ, и заставлялъ ихъ безпрестанно повторять тушъ, при провозглашеніи тостовъ въ честь именитыхъ лицъ. Одинъ изъ тостовъ полковника былъ такого рода:

— Я поднимаю бокалъ за здоровье своей племянницы Наташи, но не той, которую вы видите. Я имѣю въ виду будущую Наташу, которая представитъ на смотръ нашему царю двѣнадцать дочерей и двѣнадцать богатырей! Вотъ за здоровье какой Наташи я пью, и хочу быть пьянымъ. Желаю, господа, и вамъ того же!

Оригинальный тостъ произвелъ цѣлую бурю среди присутствующихъ. Кто восторгался тостомъ, кто находилъ его неприличнымъ. Княжна Касимовская и Бекасовы прикрыли свои лица вѣерами. До нихъ долетѣли слова Ошметкова-Осоргина, произносившаго вслухъ кому-то:

— Не могу же я пожелать того же моимъ vis-à-vis!.. княжна и двѣ сестрицы—это три безплодныхъ смоковницы!

Дѣйствительно, странное впечатлѣніе производила Касимовская. Ей было ни болѣе, ни менѣе, какъ шестьдесятъ три года. Высокій ростъ, прямая фигура, красивый съ небольшимъ горбомъ носъ, бѣлые зубы, замѣчательно сохранившіеся, совсѣмъ не выдавали ея преклонныхъ лѣтъ. Она держала себя величественно, слегка бѣлилась и румянилась. Княжна была одѣта въ бѣлое шелковое платье временъ первой имперіи, съ перехватомъ почти на груди; на лѣвомъ плечѣ ея сіялъ брильянтовый вензель супруги Александра Перваго, при дворѣ которой она состояла фрейлиной. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ старушка Касимовская не считала себя еще отжившею, и любила вспоминать о своемъ рыцарѣ. Кто онъ былъ? Конечно, для потомства лицо миѳическое. Но княжна помнитъ хорошо, что въ Таврическомъ дворцѣ происходилъ великолѣпный балъ, музыка играла полонезъ, а она, точно пава, выступала подъ-руку съ графомъ Аракчеевымъ. Всѣ любовались красавицей-фрейлиной, а ея душа была на небесахъ. Касимовская застыла на этомъ моментѣ, сдѣлавшемся единственною темой ея позднѣйшихъ разсказовъ.

VI.

Обѣдъ окончился тогда, когда густая ночь окутала сельцо Дарьино и его окрестности. Съ обширной террасы дома гости восхищались растилавшеюся передъ ними картиной. Широкій прудъ утопалъ въ разноцвѣтныхъ огняхъ. Посреди нихъ, на спящихъ водахъ, возвышался гигантскій вензель Наташи. Прикрытый снаружи темнымъ покрываломъ, онъ казался какою-то таинственною тѣнью, за которою пряталось нѣчто, невѣдомое еще никому.

Драницынъ и Уральцевъ, куря папиросы, спустились въ садъ. Какъ бы по обоюдному согласію, они избѣгали встрѣчи съ Адамомъ Казиміровичемъ. Роковой вечеръ положилъ грань между ихъ русскими сердцами и сердцами ихъ прежнихъ друзей-поляковъ. Каждый изъ нихъ съ волненіемъ думалъ: что-то произойдетъ сегодня въ полночь въ городѣ Приволжскѣ? Они не смѣютъ нарушить тайны, которую знаютъ, и предотвратить грозный моментъ, приготовленный поляками ихъ родному городу. На эту тему, въ отдаленной части Опочиньевскаго парка,

прилегавшаго непосредственно къ саду, и вели бесѣду наши друзья.

Иванъ Павловичъ говорилъ тихо, какъ бы боясь и самой темноты, у которой могли быть уши.

— Ты обратилъ вниманіе, Левъ, на торжествующій видъ Кочубовскаго? Онъ точно самъ именинникъ, или его колятъ иголками со всѣхъ сторонъ. Такъ онъ оживленъ и непокоенъ. Очевидно, онъ занятъ и увлеченъ не тѣмъ, что видитъ здѣсь, а тѣмъ, что ему предстоитъ испытать нынче въ Приволжскѣ. Онъ выше насъ съ тобой. Онъ одушевленъ любовью къ своей „ойчизнѣ", и выставитъ ее въ полночь, какъ знамя. А, вотъ, мы не смѣемъ проявить своихъ чувствъ. Мы не пойдемъ съ доносомъ къ правительству на то, что затѣяли приволжскіе поляки. Мы считаемъ такой доносъ подлостью, а, въ сущности, онъ-то и есть патріотическій подвигъ. Интеллигенція только разсуждаетъ и анализируетъ, а ничего не чувствуетъ. А Русь спасло въ междуцарствіе и въ 1812 году народное одушевленіе. Нѣтъ, ты замѣть, Левъ Львовичъ, какъ мы далеко отошли отъ народа и отъ естественнаго сознанія гражданскаго долга.

Уральцевъ бросилъ на землю погасшую папиросу и вынулъ изъ портсигара новую. Когда онъ зажегъ спичку и взглянулъ на Драницына, то былъ пораженъ его блѣдностью. Нашъ западникъ молчалъ, а профессоръ спросилъ:

— Что жъ ты не возражаешь?

— Что мнѣ возражать! Ты безусловно правъ. Наше положеніе подлое. Я, все-таки, доносчикомъ не буду. Я не завидую славѣ Герострата. Любить отечество—высокая доблесть, но не благовидно спасать его посредствомъ доноса.

— Дрянь мы! — воскликнулъ съ негодованіемъ Уральцевъ.— Я презираю тебя за то, что ты высказываешь подобныя мысли, и презираю себя самаго за то, что не владѣю дерзостью самоотверженно спасти свою родину!

Иванъ Павловичъ круто повернулся отъ своего друга и оставилъ его одного въ глухомъ мѣстѣ парка.

VII.

Онъ шелъ въ раздумьи, и очнулся тогда, когда услышалъ впереди чьи-то шаги и тихіе голоса разговаривающихъ. Ураль-

цевъ свернулъ съ дорожки и всталъ за деревомъ. Мимо него проходили Наташа и Кочубовскій.

Княжна говорила:

— Я васъ никогда не видала такимъ веселымъ, какъ сегодня. Что съ вами?

— И вы, княжна, спрашиваете, что со мной? Во-первыхъ, нынче день вашихъ именинъ, который составляетъ праздникъ для всѣхъ вашихъ поклонниковъ, въ томъ числѣ и для меня. Во-вторыхъ... ну, пока я ничего не скажу, а въ концѣ вечера вы узнаете все.

— Что все? Можетъ быть, что-нибудь непріятное?

— Какъ для кого. Въ жизни всегда одни плачутъ, а другіе радуются.

— Не понимаю васъ. Вы говорите загадками.

Въ голосѣ Наташи послышалось раздраженіе, а Адамъ Казиміровичъ старался ее успокоить.

— Полноте, княжна,—произнесъ онъ.—Не будемъ заглядывать впередъ. Мнѣ такъ хорошо теперь, что я навѣкъ сохраню воспоминаніе объ этой минутѣ.

Лицо Наташи вспыхнуло, но окружающая мгла ея не выдала. Она совладала съ собой и невиннымъ тономъ проговорила:

— Да, здѣсь очень, очень хорошо, но мы далеко зашли отъ дома. Меня будутъ искать. Вернемтесь назадъ.

Бесѣдующіе молчаливо прослѣдовали во второй разъ мимо Ивана Павловича. Онъ вышелъ изъ-за деревьевъ только тогда, когда совершенно замерли шаги молодой Опочиньевой и ея спутника.

Прошелъ Драницынъ, дымя усиленно своею папиросой. Но другъ не хотѣлъ узнать своего друга. Подслушанный Уральцевымъ случайно разговоръ давалъ ему богатый матеріалъ для размышленія.

„Тутъ, несомнѣнно, разыгрывается романъ“, думалъ онъ, „романъ въ самомъ началѣ; онъ не доживетъ до завтрашняго дня. Кочубовскій самъ себя осудилъ на погибель. Княжна еще не уяснила своихъ чувствъ къ нему. Въ противномъ случаѣ, она отвѣтила бы ему иначе. А онъ любитъ, или только такъ играетъ своими чувствами? Нѣтъ, онъ не любитъ. Любовь сказалась бы въ борьбѣ его съ патріотическими увлеченіями. А его голосъ не дрогнулъ при намекѣ на то, что̀ должно произойти въ сегодняшнюю ночь. Натура поляка эгоистична и не

подходитъ къ семьѣ Опочиньевыхъ. Цѣлая пропасть лежитъ между нею и Кочубовскимъ".

Нашъ ученый продолжалъ двигаться по парку медленно. Вдали замелькали торжествующіе огни, изъ оконъ дома неслись мелодичные звуки вальса „Il bacio", а профессоръ продолжалъ свою тяжелую думу:

„Ну какъ сердце княжны не глубоко ранено? Не попробовать ли мнѣ тамъ завоевать маленькое мѣстечко? Усталому путнику можно и отдохнуть. Книги, книги и книги! Хороши онѣ, потому что увлекаютъ мозгъ въ такія дебри научныхъ изысканій, въ которыя погружаешься, какъ въ океанъ, и видишь въ немъ все новыя и невиданныя сокровища. Но владѣть этими сокровищами, забывая другіе законы жизни, невозможно. Жизнь тебѣ предъявитъ свои требованія. Черезъ сердце она тебя спроситъ: дай и мнѣ свою долю пищи. И давай!"

Уральцевъ очутился у пруда, въ полосѣ, сіяющей свѣтомъ и радостью. Звуки оркестра сливались съ говоромъ и смѣхомъ сотни голосовъ. А съ прозрачной вышины глядѣла на ликующій людъ луна, точно блѣдный призракъ, явившійся смутить общее веселье и оторопѣло остановившійся на одномъ мѣстѣ

VIII.

По обширной залѣ, освѣщенной висячими люстрами и боковыми жирандолями, пары неслись и кружились въ вихрѣ разгорающейся мазурки. Бились усиленнѣе сердца молодежи; пожилые люди вздыхали, точно кузнечные мѣха. Толпа была наэлектризована и безсознательно куда-то неслась. Наташа, одѣтая въ газовое платье цвѣта vert-pomme, имѣя на головѣ и на груди вѣтки живыхъ ландышей, напоминала собой юную фею, порхающую плавно по цвѣтному паркету стариннаго замка. Ея головка то склонялась къ плечу ея кавалера, то кокетливо закидывалась назадъ, томясь въ неизъяснимомъ восторгѣ. Адамъ Казиміровичъ горячился, какъ конь, закусившій удила и вдобавокъ подхлестанный своимъ сѣдакомъ. Онъ стукалъ каблуками, звенѣлъ шпорами, подпрыгивалъ отъ полу, какъ резиновый мячикъ, рвался неудержимо впередъ, увлекая за собой вдохновенную Наташу и всѣхъ танцующихъ. Его фантазія была неутомима. Онъ создавалъ такія фигуры, такія положенія, которыя поражали своею картинностью, неожиданностью

и изяществомъ выполненія. Вотъ, онъ стоитъ посрединѣ пляшущаго люда съ головой, поднятою кверху, съ кружевнымъ платкомъ, развѣвающимся въ воздухѣ. Прошелъ мигъ, и панъ уже очутился съ своею дамой въ концѣ залы, стоялъ передъ ней на колѣняхъ, жадно ловилъ ея горячій взоръ, а она, какъ мотылекъ, трепетно вертѣлась вокругъ своего огонька. И еще прошелъ мигъ. Панъ несся побѣдоносно съ величавымъ видомъ въ первой парѣ съ Наташей мимо толпы, удивленно слѣдившей за его движеніями. Его стройный станъ изгибался змѣей то направо, то налѣво. Его дама, точно лебедка, покорно плыла за нимъ и вдругъ, по его волѣ, кидалась въ его объятія и кружилась въ такомъ вихрѣ, въ которомъ, какъ-будто, мелькало одно недѣлимое цѣлое. Но всему бываетъ конецъ. Звуки мазурки замерли, и толпа очнулась, какъ отъ кошмара. Она разбрелась по княжескимъ комнатамъ и террасамъ, или спустилась къ пруду, съ котораго въ небо поднялось нѣсколько сигнальныхъ ракетъ.

На балконѣ измученнаго Кочубовскаго обступили мужчины, они поздравляли его съ бальнымъ успѣхомъ. Подошелъ къ нему старикъ Опочиньевъ.

— Ну, фендрикъ,—проговорилъ онъ,—много я видѣлъ ловкихъ поляковъ, танцовавшихъ мазурку, а такого, какъ ты, не видалъ. Исполать тебѣ!

Адамъ Казиміровичъ, весь сіяющій, почтительно поклонился князю и успѣлъ ему шепнуть:

— Мнѣ необходимо вамъ сообщить нѣчто важное.

Опочиньевъ и Кочубовскій прошли въ одну изъ отдаленныхъ комнатъ дома. Въ ней никого не было. Этапный офицеръ, отбросивъ всякія церемоніи, не далъ Виктору Никитичу произнести ни одного слова, а сунулъ проворно въ его правую руку запечатанный пакетъ. При этомъ онъ замѣтилъ:

— Это, должно-быть, письмо „отъ нея“. На немъ значится штемпель: Ломжа. Но ваше сіятельство дадите мнѣ слово, что письмо вы распечатаете не раньше, какъ наступитъ часъ ночи.

Генералъ удивленно взглянулъ на Кочубовскаго.

— Даю слово. Но что же это значитъ?

Офицеръ молча пожалъ плечами.

Письмо было спрятано княземъ въ боковой карманъ сертука. Онъ возвратился на террасу въ то время, когда вспых-

нулъ Наташинъ вензель, утопавшій въ пышныхъ гирляндахъ цвѣтовъ. Вмѣстѣ съ его появленіемъ, тысячи бураковъ взлетѣли на воздухъ, какъ змѣи, шипя и бороздя темное пространство августовской ночи. Музыка играла тушъ. Кавалеры съ бокалами шампанскаго тѣснились около Наташи. Раздались голоса, требовавшіе, чтобы было выпито и за ея кавалера.

— За здоровье Кочубовскаго! Гдѣ Кочубовскій?

Крики переносились изъ зала въ залъ, проникли они и въ чащу сада, но желаннаго офицера призвать не могли. Онъ неожиданно исчезъ безъ слѣда, какъ только что потухшій фейерверкъ.

IX.

Былъ второй часъ ночи. „Le bal continuait, mais la fête n'était plus". Обществу кого-то и чего-то недоставало. Наташа была въ тревогѣ, которую тщательно желала скрыть отъ посторонняго взора. Она отказывала кавалерамъ подъ видомъ того, что очень устала, но безотчетная тоска щемила ея сердце. Ей желалось, чтобы все скорѣе кончилось. Княжна нѣсколько разъ подходила къ матери, игравшей въ карты въ диванной, и удивляла ее своею разсѣянностью. Она не могла себѣ дать отчета въ переживаемыхъ чувствахъ. Наташѣ было такъ хорошо, когда возлѣ нея находился Адамъ Казиміровичъ, что, сдѣлай онъ ей предложеніе, она не въ состояніи была бы ему отказать. Но гдѣ же онъ? Что съ нимъ? Какъ все это совершилось непостижимо и какъ скоро! Княжна готова была заплакать, но ее развлекъ голосъ Ошметкова.

— Наташа!—кричалъ онъ,—откатаемъ вторую мазурку. Я въ молодости не хуже Кочубовскаго плясалъ. Авось, и теперь въ грязь не ударю!

Музыка заиграла безсмертную мазурку Глинки, и пары опять понеслись по залѣ въ бѣшеномъ танцѣ. Фигура полковника, несмотря на нѣкоторую полноту, двигалась быстро, и не безъ граціи. Его длинные усы, закрученные въ кольца, его лѣвая рука, подпертая о бокъ, были характерны. Старикъ заставлялъ молодыхъ любоваться собой.

А въ это время Опочиньевъ, посмотрѣвъ на свой хронометръ, поспѣшно прошелъ въ кабинетъ, въ который не любилъ пускать постороннихъ людей. Онъ заперъ дверь на замокъ и приблизился

къ столу. Сердце его билось, какъ у юноши. Викторъ Никитичъ прошепталъ:

— Не разберу, что со мною творится. Сроду этого не бывало, даже когда приходилось итти въ атаку на непріятеля.

Князь дрожащею рукой вынулъ пакетъ изъ сертука и взглянулъ на печать. Она была взломана и вновь заклеена.

Генералъ покачалъ головой, послалъ мысленно „подлеца" Кочубовскому и распечаталъ конвертъ. Въ немъ оказалось письмо на польскомъ языкѣ. Начиналось оно такъ:

„Пшеклентый москаль! ужели это ты прислалъ мнѣ деньги и извѣстіе, что живъ? Я давно тебя забыла, какъ ты забылъ и бросилъ меня и твоего ребенка. Что тебѣ до насъ, сытой свиньѣ? Ты осужденъ Іисусомъ и панной Маріей на погибель уже за то, что обрѣтаешься въ еретической вѣрѣ и допустилъ, чтобы твой сынъ былъ, какъ собака, повѣшенъ! Не нужно мнѣ твоихъ денегъ! Я снесла ихъ въ костелъ и просила ксендза молиться за себя и за душу нашего сына, умерщвленнаго тираномъ Муравьевымъ. Будь ты проклятъ, ненавистный москаль!"

Приведенныя строчки рябили глаза бѣднаго старика. Онъ читалъ и что-то бормоталъ, бормоталъ и опять читалъ. Но, вотъ, онъ внезапно и грузно опустился въ кресло, поднялъ отяжелѣвшую голову кверху, сорвалъ лѣвою рукой галстухъ съ шеи и страшно захрапѣлъ...

Генерала Опочиньева не стало.

Роковое письмо крѣпко было сжато въ правой рукѣ, точно „отпускная" на тотъ свѣтъ, данная князю женщиной, такъ вѣроломно имъ когда-то брошенною.

X.

Балъ продолжался до трехъ часовъ утра, когда стали накрывать ужинъ. Никому и въ голову не приходило, что въ домѣ тихо совершилась роковая катастрофа. Окончивъ играть въ бостонъ, Прасковья Яковлевна спросила, гдѣ Викторъ Никитичъ. Она пошла къ нему въ кабинетъ, долго стучалась, и, не получая отклика, стала тревожиться. Были позваны Ошметковъ-Осоргинъ и Драницынъ. Они сдѣлали нѣсколько громкихъ возгласовъ и, наконецъ, рѣшили взломать дверь. Мы не будемъ передавать впечатлѣнія присутствующихъ, увидѣвшихъ ужасную картину. Но, странно! Всѣхъ не такъ смущала смерть генерала,

какъ письмо неизвѣстной женщины, найденное въ рукѣ мертвеца. Очевидно, именно въ немъ таилась причина неожиданной кончины старика Опочиньева. Но кто эта Жозефина? Когда была связь между нею и княземъ? Никто рѣшить не могъ. Вѣрно одно, что Кочубовскій былъ прикосновенъ къ тайнѣ, унесенной съ собой въ могилу генераломъ. Левъ Львовичъ и Уральцевъ боялись сообщить, что они знаютъ, гдѣ находится офицеръ, а больше изъ княжескихъ гостей никто ничего не вѣдалъ.

Прасковья Яковлевна потеряла голову. Ее, какъ гвоздь, пробивала мысль, что фанатическая полька, ненавидѣвшая все русское, владѣла когда-то сердцемъ ея мужа, бывшаго заядлымъ руссопятомъ. А, можетъ быть, она владѣла имъ даже тогда, когда Опочиньевъ былъ женатъ и имѣлъ дочь? Княгиня не была ревнива, но ее смущалъ обманъ, разыгрывавшійся искусно въ теченіе длиннаго ряда годовъ. Она, главнымъ образомъ, заботилась теперь о томъ, чтобы ея дочь ничего не знала о таинственномъ письмѣ и о романическомъ прошломъ своего отца.

Было офиціально объявлено, что Викторъ Никитичъ скончался отъ удара, вѣроятно, происшедшаго отъ крайней усталости послѣ безпокойно проведеннаго дня.

Гости, съѣхавшіеся на именины, отдали послѣдній долгъ старику, имѣвшему, среди своихъ недостатковъ, не мало и высокихъ душевныхъ качествъ. Во время похоронъ передавались среди присутствующихъ слухи, что въ Приволжскѣ открытъ польскій заговоръ, что много офицеровъ, лицъ изъ общества и студентовъ арестованы, въ томъ числѣ Кочубовскій и капитанъ Кастальскій. Къ разсказамъ добавляли, что въ г. Приволжскѣ назначенъ временный генералъ-губернаторъ, генералъ N. съ громадными полномочіями, что онъ прибываетъ на-дняхъ. Словомъ, вѣсти разносились самыя грозныя.

Драницынъ, выхлопотавшій себѣ заблаговременно заграничный паспортъ, поспѣшилъ къ вечеру, въ день отпѣванія тѣла Опочиньева, выѣхать изъ деревни. Минуя Приволжскъ, онъ сѣлъ на пароходъ на одной изъ пристаней выше губернскаго города. Левъ Львовичъ столько пережилъ въ короткое время на своей родинѣ, что расчитывалъ никогда въ нее не возвращаться. Онъ сомнѣвался въ правотѣ своихъ убѣжденій и въ убѣжденіяхъ своихъ друзей, въ родѣ Герцена и Огарева.

„Не намъ перевернуть Русь“, думалось ему. „Перевернетъ ее тотъ, кто овладѣетъ тайною народной души, кто сроднится съ

ея вѣковыми идеалами. А наше дѣло—жить европейскими привычками. Мы съ ними сроднились, и безъ нихъ намъ жизнь не въ жизнь. Въ Парижъ! Въ Парижъ! Тамъ есть мѣсто разнымъ убѣжденіямъ. Насъ французы считаютъ за дикарей. Ну, зачѣмъ же я себя буду выдавать у нихъ за русскаго? Кто же я? А, вѣдь, Иванъ Павловичъ правъ, что я европеецъ!!"

Драницынъ горько улыбнулся.

П. Суворовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ГОСТЫНСКІЙ ЗАМОКЪ*).

Гостынскій замокъ, какъ историческій памятникъ для русскихъ. — Древнѣйшая исторія его. — Состояніе его въ XVI вѣкѣ. — Пребываніе въ немъ Шуйскихъ. — Дальнѣйшая судьба замка, устройство лютеранской церкви на его развалинахъ.

Верстахъ въ 130-ти отъ Варшавы, къ западу, стоитъ небольшой уѣздный городъ Гостынинъ. По сосѣдству съ нимъ, на пригоркѣ, виднѣлся прежде княжеско-королевскій замокъ, причастный къ событіямъ и русской исторіи: онъ послужилъ мѣстомъ заключенія и первою могилой бывшаго московскаго государя Василія Ивановича Шуйскаго.

По низверженіи съ царскаго престола, Василій Ивановичъ Шуйскій, какъ извѣстно, былъ, вопреки настояніямъ патріарха Гермогена, насильно постриженъ въ монашество и вмѣстѣ съ братьями, Дмитріемъ и Иваномъ, бывшими большими воеводами московскаго войска, выданъ гетману Жолкѣвскому, который привезъ ихъ въ Варшаву и торжественно представилъ 29 (19) октября 1611 г. королю Сигизмунду III въ качествѣ военноплѣнныхъ, а король заключилъ ихъ въ Гостынскій замокъ. Съ ними была и жена Дмитрія Ивановича, княгиня Екатерина Григорьевна, урожденная Малюта-Скуратова, и сестра жены царя Бориса Годунова; молодую же супругу Василія, несчастную царицу, москвитяне не отдали: постригли въ инокини и удалили ее коротать свои дни въ Суздальскій дѣвичій монастырь.

Ко времени невольнаго заключенія знатныхъ русскихъ плѣнниковъ Гостынскій замокъ утратилъ уже свой прежній характеръ военнаго укрѣпленія, служившаго оборонительнымъ пунктомъ окрестности, когда онъ съ нею принадлежалъ князьямъ

---

*) Изъ первой главы печатаемаго историческаго изслѣдованія «Царь Василій Шуйскій и мѣста погребенія его въ Польшѣ», гдѣ означается литература предмета и, въ приложеніи, приводятся архивные и рукописные документы, рисунки и планы. Изслѣдованіе будетъ изъ XII главъ.

куявскимъ и затѣмъ (съ 1286 г.) князьямъ мазовецкимъ. Мазовецкіе князья долго владѣли имъ. Избранный въ польскіе короли, Вацлавъ Богемскій напрасно старался отбить его у нихъ: штурмъ 1300 г. былъ безуспѣшенъ. Выросшее около замка селеніе, Гостынинъ, князь Земовитъ преобразовалъ (1382 г.) въ городъ, давъ ему хелминскій законъ и тѣ же привилегіи, какими пользовался его родной городъ Плоцкъ. Спорами объ имѣніи, послѣ Земовита и его брата Владислава, умершихъ безъ наслѣдниковъ, воспользовался (1462 г.) король Казиміръ Ягеллонъ. Онъ явился сюда самъ, получилъ отъ жителей присягу на вѣрность и присоединилъ къ коронѣ всѣ гостынскія земли, оставивъ городу прежнія права. Права эти, дополняемыя нѣкоторыми новыми льготами, подтверждались за Гостыниномъ и послѣдующими Ягеллонами.

Князья куявскіе и мазовецкіе наѣзжали въ свой укрѣпленный замокъ и нерѣдко живали въ немъ; еще послѣдній Ягеллонъ разъ пробылъ (1552 г.) въ немъ нѣсколько недѣль, разсылая приглашенія панамъ рады съѣзжаться въ Гданскъ къ назначенному сроку.

При этомъ государѣ замокъ, по официальной инвентарной описи 1561 года, состоялъ изъ главнаго зданія и разныхъ второстепенныхъ строеній и пристроекъ. Перестроенный и возобновленный въ первой половинѣ XVI вѣка, онъ казался теперь въ исправности: зданія его были прочныя, съ окнами часто за желѣзными рѣшетками, съ дверями и воротами, накрѣпко запиравшимися; но въ немъ не имѣлось уже ни прежняго богатаго убранства, ни богатой утвари. При томъ расхищеніи, какому подверглись въ правленіе Сигизмунда-Августа королевскія имущества, Гостынскій замокъ, очевидно, потерпѣлъ въ особенности.

Подъѣздъ къ замку пролегалъ чрезъ хорошо устроенный, крытый гонтомъ, мостъ и чрезъ большія, выстланныя досками, ворота, въ которыхъ красовались три, поставленныя на колеса, небольшія пушки, съ отлитымъ на нихъ гербомъ Одровонщъ; тяжелыя воротни растворялись на двѣ половины, и имѣлась, для прохода, калитка. Входныя крыльца и лѣстницы въ главное зданіе были всѣ со двора, выстланнаго камнемъ.

Главное зданіе, т.-е. собственно замокъ, было двухъэтажное (каменное), подъ черепичною кровлей. Нижній этажъ почти весь нежилой. На правой сторонѣ этого этажа, отъ главнаго входа

въ замокъ, прежде всего виднѣлись одно за другимъ два помѣщенія, изъ которыхъ въ первомъ хранились, въ большомъ сундукѣ, замковыя книги; оно было въ одно окно съ желѣзною рѣшеткой и запиралось крѣпкимъ замкомъ; въ другомъ помѣщеніи, съ двумя окнами за желѣзными рѣшетками, стоялъ длинный столъ; потолки въ обоихъ помѣщеніяхъ были сводами. Затѣмъ находился погребъ, въ который вела лѣстница. Въ лѣвой сторонѣ нижняго этажа помѣщались три пивницы (подвала) и одна кладовая, большею частію съ окнами за желѣзными рѣшетками. Столъ безъ ногъ и большой желобъ валялись во второй пивницѣ; въ кладовой хранились: форма для выдѣлки свѣчей, пеньковыя веревки и канаты. Изъ этого этажа вели двери къ деревянной, обмазанной глиною и крытой гонтомъ, оградѣ, въ которой имѣлись другія двери, къ винограднику.

Верхній этажъ занимался преимущественно жилыми помѣщеніями. Большая деревянная, крытая гонтомъ, лѣстница вела чрезъ сѣни, очевидно, въ лучшія четыре комнаты. Сѣни освѣщались чрезъ большое стеклянное окно, надъ дверями. Первая комната приходилась надъ воротами замка. Она въ четыре стеклянныя окна; полъ въ ней изъ гладкаго кирпича, печь полированная, каминъ, въ стѣнѣ шкафъ; запиралась на замокъ. Расположенная надъ воротами и имѣя четыре окна, она могла быть больше въ ширину, нежели въ длину. Остальныя три комнаты были уже поменьше этой: вторая изъ нихъ въ три окна, въ ней простая печь, четыре скамьи, столъ и, посрединѣ, желѣзный подсвѣчникъ, полъ изъ простого кирпича; третья, находившаяся противъ второй комнаты, была въ два окна, отапливалась каминомъ, въ ней стояли двѣ скамьи и одна кровать, полъ выстланъ простымъ кирпичемъ. Другая лѣстница, съ перилами, тянулась къ тремъ комнатамъ съ сѣнями. Полъ комнатъ изъ простого кирпича, окна стеклянныя; одна комната въ три окна, въ ней каминъ, неподвижныя по стѣнамъ скамьи и три подвижныхъ скамьи, столъ; въ другой комнатѣ печь полированая, три стола, у стѣнъ неподвижныя скамьи и двѣ скамьи подвижныхъ. Третья лѣстница шла къ верхней надстройкѣ, гдѣ помѣщались небольшія, обитыя досками, кладовыя, числомъ до пяти, и коловротъ для подачи на башню.

Всѣ эти лѣстницы вели на правую сторону второго этажа; на лѣвую сторону его вели также три лѣстницы: первыя двѣ — въ комнаты, третья—въ кладовыя. Комнаты, въ одно, два и три

стеклянныхъ окна, отапливались печами и каминами; въ одной комнатѣ стояли скамьи неподвижныя у стѣнъ и подвижныя, столъ и кровать. Кладовыхъ четыре, обиты досками, съ дверями на галлерею.

За главнымъ зданіемъ и около него виднѣлись часовня, дома и домики, службы, конюшни, скотный дворъ, сараи, пивоваренный заводъ, два бастіона, выдвижные и невыдвижные мосты и прочее. Если просто и бѣдно было убранство самого замка, то еще проще и бѣднѣе оно было въ остальныхъ жилыхъ помѣщеніяхъ: рѣже попадались стеклянныя окна, чаще бумажныя или съ пузырями, тѣ же неподвижныя и подвижныя скамьи, мало столовъ и т. п. Въ бастіонахъ не замѣчалось вооруженія. Одинъ мостъ отъ замка велъ въ садикъ и къ ближайшему, небольшому виноградннку. Садикъ хорошо воздѣлывался подъ овощи. Въ другомъ виноградникѣ, въ который ходъ былъ чрезъ болото по лавамъ, росло до 190 молодыхъ саженцевъ.

Въ такомъ видѣ замокъ не могъ соотвѣтствовать прежнему назначенію. Изъ крѣпости и изъ мѣста для пріятнаго пребыванія въ немъ его коронованныхъ владѣтелей онъ какъ бы превращается въ мѣсто, удобное развѣ для заключенія въ немъ почему-либо опасныхъ лицъ. Среди королевскихъ имѣній гостынское староство принадлежало къ малозначительнымъ, принося дохода лишь по нѣсколько тысячъ злотыхъ (злотъ=15 коп.). Мѣстность дѣлалась все болѣе захолустною. Народная фантазія создала о замкѣ легенду, по которой разсказывалось, что въ его подземельяхъ жилъ страшный драконъ, пожиравшій бросаемыхъ туда преступниковъ, а когда ихъ не хватало, чудовище выползало и пожирало мирныхъ жителей, пока не было убито однимъ мальчикомъ.

Тюремнымъ именно замкомъ послужилъ онъ для почетныхъ русскихъ плѣнниковъ. Возможно, что предъ заключеніемъ ихъ сюда онъ былъ нѣсколько приспособленъ и поновленъ.

Имѣются извѣстія, что знатные плѣнники здѣсь „были отданы подъ стражу почетную и свободную“, и что съ ними „обходились по-королевски“, т.-е. что они пользовались свободой, почетомъ и хорошимъ содержаніемъ, хотя другія сообщенія тому противорѣчатъ. Несомнѣнныя данныя объ обстоятельствахъ жизни и кончины заключенныхъ получаемъ изъ мѣстныхъ офиціальныхъ документовъ, именно изъ актовъ объ ихъ смерти и изъ описи ихъ имущества.

Свидѣтельства о смерти ихъ были составлены по юридической формѣ того времени. Ранѣе всѣхъ померъ Василій Ивановичъ, и о немъ записали:

«Состоялось въ Гостынскомъ замкѣ въ субботу, на слѣдующій день послѣ праздника св. Матѳея, апостола и евангелиста, года Господня тысяча шестьсотъ двѣнадцатаго.

«Въ царствованіе свѣтлѣйшаго Сигизмунда III, короля польскаго и шведскаго.

«Славной памяти высокородный покойный Василій Шуйскій душу свою Господу Богу отдалъ въ субботу послѣ праздника св. Матѳея, апостола и евангелиста, въ своемъ помѣщеніи, въ каменной комнаткѣ надъ каменными воротами; покойный (какъ объ этомъ носится слухъ) былъ великимъ царемъ московскимъ, и былъ онъ вмѣстѣ съ высокородными Дмитріемъ, гетманомъ, Иваномъ, подскарбіемъ, Шуйскими, князьями московскими, его родными братьями, по приказанію его королевскаго величества, короля польскаго, сосланъ на жительство въ Гостынскій каменный замокъ, когда завѣдывалъ старостовомъ высокородный гостынскій староста г-нъ Юрій Гарвавскій, приставомъ при нихъ въ этомъ же Гостынскомъ замкѣ— г-нъ Збигнѣвъ Бобровницкій, придворный служитель его королевскаго величества. Жилъ онъ лѣтъ около 70-ти».

Подобное же свидѣтельство было составлено послѣ смерти князя Дмитрія Ивановича:

«Состоялось въ Гостынскомъ замкѣ въ ближайшій четвергъ предъ праздникомъ св. Михаила Архангела, года Господня тысяча шестьсотъ двѣнадцатаго.

«Славной памяти покойный высокородный Дмитрій Шуйскій, великій гетманъ московскій, скончался и Господу Богу душу свою отдалъ въ четвергъ предъ праздникомъ св. Михаила, тысяча шестьсотъ двѣнадцатаго года, въ комнатѣ въ своемъ каменномъ помѣщеніи, находящемся въ нижней замковой части, обращенномъ къ виноградному садику, въ присутствіи высокородной Екатерины, княгини, своей супруги, и московскихъ слугъ; покойный вмѣстѣ съ высокородными Василіемъ, царемъ московскимъ, и Иваномъ, подскорбіемъ, Шуйскими, родными братьями, по приказанію его королевскаго величества сосланъ былъ на жительство въ Гостынскій замокъ, которымъ завѣдывалъ въ это время высокородный г-нъ Юрій Гарвавскій, гостынскій староста, а приставомъ у нихъ былъ высокородный Збигнѣвъ Бодровницкій, придворный служитель его королевскаго величества».

Третье свидѣтельство, о княгинѣ Екатеринѣ Григорьевнѣ, было нѣсколько подробнѣе. Первыя два написаны по-польски, это—по-латыни:

«Состоялось въ Гостынскомъ замкѣ, въ воскресенье, въ праздникъ св. Екатерины дѣвы и мученицы, года Господня тысяча шестьсотъ двѣнадцатаго.

«Высокородная покойная Екатерина Шуйская, супруга покойнаго Дмитрія Шуйскаго, московскаго блаженной памяти князя, называемая княгиней, скончалась сегодня, т.-е. въ воскресенье, въ праздникъ св. Екатерины дѣвы и мученицы, въ половинѣ второго часа пополудни, въ присутствіи высокороднаго Іоанна Шуйскаго (называемаго «князь Иванъ

Левинъ»), деверя своего, а также прислужницъ и своихъ служителей, одержимая болѣзнью, значительною опухолью, благословляя оставшихся въ живыхъ; скончалась она въ семъ каменномъ Гостынскомъ замкѣ, въ нижнемъ помѣщеніи, обращенномъ къ винограднику или къ рощѣ, находящейся по правой сторонѣ отъ входа въ замокъ, около угольного окна у воротъ или моста, во время своего тамъ пребыванія, назначеннаго по повелѣнію свѣтлѣйшаго королевскаго величества, когда состоялъ старостой превосходительный Юрій Гарвавскій, староста сего Гостынскаго замка, а должность попечителя или пристава исполнялъ высокородный Збигнѣвъ Бобровницкій, придворный служитель его королевскаго величества».

Отсюда видно, что, кромѣ гостынскаго старосты, пана Гарвавскаго, на обязанности котораго лежалъ надзоръ за плѣнниками, къ нимъ былъ опредѣленъ приставомъ дворцовый чиновникъ Збигнѣвъ Бобровницкій. Подъ наиболѣе крѣпкою охраной содержался Василій Ивановичъ. Онъ былъ заключенъ „въ каменной комнаткѣ надъ каменными воротами". Если только не было какихъ-либо новыхъ перестроекъ, то это, очевидно, извѣстная уже намъ по описи 1561 года запиравшаяся на замокъ лучшая комната, въ четыре окна, съ поломъ изъ гладкаго кирпича, съ полированною печью, каминомъ и со шкафомъ въ стѣнѣ. Дѣйствительное званіе узника держалось въ секретѣ; доступъ къ нему былъ труденъ, и узникъ умеръ, повидимому, въ совершенномъ одиночествѣ, безъ родныхъ, безъ слугъ и безъ свидѣтелей. Князь Дмитрій Ивановичъ жилъ „въ каменномъ помѣщеніи, находящемся въ нижней части замка, обращенномъ къ винограднику"; супруга его жила тоже „въ нижнемъ помѣщеніи, обращенномъ къ винограднику или рощѣ, находящейся по правой сторонѣ отъ входа въ замокъ, около угольного окна у воротъ или моста". Тамъ, по правую сторону отъ воротъ, находилось прежде, какъ мы знаемъ, два помѣщенія со сводами: первое въ одно окно за желѣзною рѣшеткой, служившее архивомъ и запиравшееся замкомъ, второе въ два окна за желѣзными рѣшетками и съ длиннымъ столомъ; книги тогда же были составителемъ инвентарной описи переданы гостынскимъ подстаростѣ и судьѣ. Обѣ ли эти комнаты занимала теперь княжеская чета или жила она въ одной, опредѣлить трудно; несомнѣннымъ кажется, что княгиня жила и скончалась въ первомъ небольшомъ помѣщеніи, гдѣ хранились прежде книги.

Плѣнники эти, не проживъ здѣсь и года, скончались въ 1612 году, въ знаменитую эпоху, когда Москва Мининымъ и Пожарскимъ освободилась отъ поляковъ: царь Василій отошелъ

въ вѣчность 12 (22) сентября, князь Дмитрій 17 (27) числа того же мѣсяца, на глазахъ своей жены и русской прислуги, княгиня Екатерина 15 (25) ноября, въ присутствіи брата ея мужа и русскихъ слугъ.

Имуществу умершихъ произвели подробную опись, по даннымъ которой можно судить объ ихъ обстановкѣ въ заключеніи. Бывшій царь, еще во время своего боярства славившійся громадными богатствами, оставилъ послѣ себя слишкомъ скромное наслѣдство, и притомъ большею частью изъ вещей, „пожалованныхъ" и подаренныхъ ему въ плѣну. Вмѣсто старинныхъ массивныхъ кіотовъ съ драгоцѣнными образами у него имѣлся лишь деревянный образъ-складень, обложенный серебромъ и обогнутый по сторонамъ мѣдью; вмѣсто прежнихъ сундуковъ, поставцовъ и горокъ была одна шкатулка съ золотыми червонцами, талерами и другими болѣе мелкими деньгами, да въ ней же сберегалась небольшая серебряная братина и серебряная ложка, данныя Василію Сигизмундомъ при первомъ представленіи его королю подъ Смоленскомъ. Когда Жолкѣвскій взялъ Василія изъ монастыря, Василій былъ въ монашескомъ платьѣ. Гетманъ переодѣлъ его въ мірскую „литовскую" одежду и въ ней привезъ его въ Варшаву, гдѣ король, чтобы пышнѣе обставить торжественное себѣ представленіе, велѣлъ нарядить „плѣннаго царя" въ богатое одѣяніе. Поэтому, послѣ Василія оказалось теперь платье все „королевскаго жалованья": золотой охабень, четыре кафтана, одинъ червчатаго бархата, другой изъ темнолазоревой камки, третій изъ камки дымчатой на куньемъ мѣху, четвертый синяго сукна съ серебряными золочеными пуговицами, по двѣ мѣховыхъ шубы и шапки. Тоже „королевскаго жалованья" были постели, взголовье и изъ желтой камки одѣяло. Совсѣмъ убога была домашняя посуда: ея осталось „достоканъ" (подстаканникъ?) и двѣ ложки серебряныя, подарокъ подъ Смоленскомъ отъ литовскаго канцлера Льва Сапѣги и пана Ивана Болобана; собственной посуды—серебряный ковшъ, 4 оловянныхъ блюда, 4 тарелки, цыновые блюдечко и рукомойникъ, 6 скляничныхъ погребцовъ во влагалищѣ, два мѣдныхъ котлика, мѣдный тазъ и желѣзный вертелъ.

Кн. Дмитрій Ивановичъ и его жена оставили послѣ себя больше имущества: кромѣ образовъ, одежды, драгоцѣнныхъ камней и разной домашней утвари, осталось послѣ князя—200 рублей денегъ и 199 золотыхъ червонныхъ, послѣ княгини—

денегъ 93 рубля да рубля на 3 ефимковъ, гривенниковъ и алтынниковъ, затѣмъ, часы боевые, въ формѣ сыра, изъ туалетныхъ вещей даже „бѣлильница", и т. п. Конечно, и это нельзя сравнивать съ прежнимъ: не считая того, чѣмъ владѣлъ тогда самъ Дмитрій Ивановичъ, княгиня Екатерина, какъ дочь Малюты Скуратова и сестра царицы Годуновой, имѣла свои большія средства. Изъ денегъ, оставшихся послѣ мужа, княгиня выдала 30 рублей на поминъ его души.

Почему такъ скоро, одинъ за другимъ, умирали Шуйскіе, объ этомъ ничего не сообщаютъ наши источники, упоминая лишь, что княгиня скончалась послѣ болѣзни, хворала опухолью, и намекая, что причиной смерти Василія была глубокая старость [1]). Смерть ихъ казалась загадочною, и въ Польшѣ ходила молва, что братья Шуйскіе отравились сами, не могши, отъ стыда, переносить своего положенія; молва о насильственной смерти скончавшихся достигла и до Москвы, гдѣ разсказывали, что ихъ отравили. Если смерть случилась отъ отравы, то, конечно, трудно думать, чтобы ядъ могъ быть полученъ плѣнниками безъ *содѣйствія* плѣнителей, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя убѣдиться и въ необходимости для этихъ плѣнителей въ подобной быстрой и насильственной развязкѣ. Тогда пришлось бы признать доказаннымъ, что смерть Шуйскихъ понадобилась, чтобы отнять цѣль у партіи, сочувствовавшей имъ, и чтобы они могли высвободиться изъ своего заточенія.

Ближайшій свидѣтель несчастной участи умершихъ, князь Иванъ Шуйскій, объяснялъ потомъ ихъ смерть „волей Божіею" (хоть тутъ же прибавлялъ: „а мнѣ вмѣсто смерти наияснѣйшій король жизнь далъ"). Московское правительство никогда не дѣлало польскому правительству даже намека на какое-либо насиліе въ кончинѣ Шуйскихъ, напротивъ, высказывалось, что для Польши царь Василій, по крайней мѣрѣ при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, живымъ имѣлъ бы болѣе значенія. Молвѣ объ отравѣ не всѣ довѣряли, сходясь довольно близко въ своемъ мнѣніи о причинѣ смерти: въ Москвѣ смерть объяснили „нужнымъ страданіемъ" заключенныхъ; въ Польшѣ и на западѣ объясняли ее потомъ ихъ горемъ и тоской по утраченномъ или, вообще, бѣдствіемъ заключенія. Что „неволя и тоска" свели царя въ

---

[1]) По гостынскому актовому свидѣтельству, Василій померъ около 70-ти лѣтъ отъ роду; въ дѣйствительности же ему было тогда 60 лѣтъ.

могилу, повторяется и въ позднѣйшей русско-исторической литературѣ. Кто ранѣе занималъ престолъ, а потомъ испыталъ столь тяжелыя униженія и потрясенія, тому, при лишеніи свободы, оставалось только одно: зачахнуть и умереть.

Покойниковъ похоронили у воротъ замка или, быть можетъ, подъ его башней. Все имущество ихъ было взято, очевидно, на короля, какъ равно приставомъ Бобровницкимъ отобраны у князя Ивана Ивановича цѣнныя вещи, подаренныя ему братомъ Дмитріемъ и невѣсткой Екатериною Григорьевной: золотая цѣпь, перстень съ вырѣзанною на яхонтѣ печатью, 176 бурмицкихъ скатныхъ зеренъ, жемчужныя пуговицы и т. п.

Оставшагося въ живыхъ князя Ивана Ивановича Сигизмундъ опредѣлилъ на службу къ королевичу Владиславу; тѣла умершихъ покоились тутъ лѣтъ около 8, до перенесенія ихъ въ особую усыпальницу, подъ Варшавой.

Гостынскій замокъ съ той поры постепенно какъ бы забывается. Спустя столѣтіе, по инвентарной описи 1726 года, онъ стоялъ уже не подъ черепичною крышей, а подъ гонтовою, и внутренній распорядокъ въ немъ во многомъ отличался отъ прежняго. Но комната, въ которой жилъ и померъ Василій Ивановичъ, повидимому, еще мало измѣнилась: она была въ тѣ же четыре окна, въ свинцовой оправѣ, съ „фарфоровою“ (кафельною?) печью, каминомъ, запиравшимся шкафомъ для стекла и другихъ вещей, кирпичнымъ поломъ и крѣпкимъ въ двери замкомъ. Гродскія гостынскія книги хранились въ помѣщеніи безъ печей и камина, съ тремя окнами, закрытыми тростникомъ и досками. Окна у нѣкоторыхъ комнатъ были безъ стеколъ. Число второстепенныхъ и служебныхъ строеній сильно сократилось, да и изъ стоявшихъ иныя были ветхи. Видимо, ветшалъ и приходилъ въ упадокъ и самый замокъ. Въ 1779 году онъ представлялся уже опустѣлымъ, безъ оконъ и дверей; только въ помѣщеніи, гдѣ хранился архивъ, имѣлись простыя, замыкавшіяся скобелью, двери, и незадолго до того гостынскимъ старостой была надъ этимъ помѣщеніемъ обновлена его гонтовая крыша. Прежніе рвы и канавы, очевидно, позаровнялись, и располагавшееся на горѣ зданіе очутилось среди болотъ, и оно подмывалось поросшею тростникомъ водой. Чрезъ десятилѣтіе видѣлось еще уцѣлѣвшимъ, крытое гонтомъ, архивное помѣщеніе, но уже безъ оконъ; всѣ же остальныя части замка

окончательно запустѣли и опустились, и торчали однѣ, ничѣмъ непокрытыя стѣны.

Стѣны тоже продолжали разрушаться, пока этими руинами замка и затѣмъ его мѣстомъ не воспользовались пришедшіе въ Гостынинъ нѣмцы-лютеране.

Съ учрежденіемъ царства Польскаго мѣстнымъ правительствомъ широко примѣнялось, съ цѣлію „поднятія" промышленности и земледѣлія, издавна практиковавшееся въ Польшѣ средство: вызовъ нѣмецкихъ ремесленниковъ и крестьянъ-колонистовъ. Нѣсколько десятковъ семействъ такихъ ремесленниковъ, преимущественно суконщиковъ изъ западной Пруссіи и великаго герцогства Позенъ, поселились въ Гостынинѣ. Имъ отвели землю въ городѣ и выдали лѣсу на постройки. Возникъ нѣмецкій городокъ. Церковныя требы отправлялъ пасторъ сосѣдней нѣмецкой колоніи; польскому языку обучалъ дѣтей особый учитель. Новая община пожелала образовать у себя отдѣльный церковный приходъ, тѣмъ болѣе, что кругомъ Гостынина жило нѣсколько сотъ семей нѣмецкихъ колонистовъ, занимавшихся земледѣліемъ. Въ виду встрѣтившихся препятствій, нѣкоторые члены общины обратились (въ концѣ 1822 г.) къ содѣйствію варшавской евангелическо-лютеранской консисторіи.

Ссылаясь на правительственные акты, которыми не только обезпечивалась свобода вѣроисповѣданія, но и обѣщано имъ сооруженіе церкви съ относящимися къ ней строеніями для учителей, пастора и прислуги, они указывали, что пока не выполнено это. „У насъ — писали они — нѣтъ учителя, который внушалъ бы нашимъ дѣтямъ истину нашей религіи. Молодое поколѣніе, даже все человѣчество, безъ религіи остаются дикими и въ порочномъ состояніи. Чего же ждать, если наши дѣти выростутъ, какъ скоты? Неужели опять водвориться прежнему язычеству, и уже немного недостаетъ для этого! Почему не даютъ намъ, по крайней мѣрѣ, права содержать учителя, который сохранилъ бы нашихъ дѣтей въ тѣхъ чистыхъ принципахъ, которые были внушены имъ въ нашемъ прежнемъ отечествѣ, и мы, старшіе, могли бы, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, подкрѣплять себя богослуженіемъ? Ничего нѣтъ горше, какъ лишеніе свободы совѣсти. Вѣдь наша религія не борется противъ государства; она за него. Быть можетъ, намъ отвѣтятъ: „вамъ же позволено содержать учителя, по своему желанію". Но обстоятельства, къ сожалѣнію, не таковы, чтобы можно было

платить за двоихъ: за учителя польскаго языка и за учителя Закона Божія. Впрочемъ, и учитель Закона Божія можетъ учить дѣтей нашихъ мѣстному языку, если кто изъ родителей согласится; но объ этомъ не хотятъ слышать и не считаютъ этого позволительнымъ". Поэтому ходатаи просили консисторію помочь имъ въ ихъ дѣлѣ и отвѣтъ свой прислать къ нимъ такъ, чтобы онъ не попалъ въ стороннія руки и они не оставались бы болѣе „обманываемыми".

Поднявшіяся хлопоты о дарованіи имъ пастора и объ устройствѣ кирки быстро увѣнчались успѣхомъ: намѣстникъ царства, князь Заіончекъ, велѣлъ (въ томъ же 1822 г.) правительственной комиссіи мазовецкаго воеводства употребить подъ постройку евангелической церкви и помѣщеній для пастора остававшіяся стѣны бывшаго Гостынскаго замка и соотвѣтственный проектъ объ этомъ представить въ правительственную комиссію духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

Воеводская комиссія изготовила архитектурные чертежи и предварительную смѣту. Издержекъ предвидѣлось до 73.402 злотыхъ 12½ грошей, каковую сумму надѣялись путемъ конкуренціи уменьшить тысячъ до 60-ти злотыхъ. Предполагалось, что четвертую часть расходовъ покроютъ сами прихожане, остальное же, около 45.000 злотыхъ, дастъ правительственная комиссія духовныхъ дѣлъ. „Этого требуетъ—убѣждала (23 апрѣля (15 мая) 1823 г.) ее воеводская комиссія—общая польза царства и правительства, усиленно старающагося о привлеченіи изъ-за границы фабрикантовъ для оживленія и развитія мѣстной промышленности. Отсюда вытекаетъ также безусловная обязанность правительства даровать дома молитвъ и заботиться о религіозномъ воспитаніи столь многочисленныхъ семействъ, находящихся на высшей ступени просвѣщенія, нежели наши крестьяне. Такъ какъ протекло уже 6 лѣтъ со времени учрежденія польскаго правительства, а до сихъ поръ еще ничего въ нашемъ краѣ не предпринято для религіозныхъ нуждъ евангеликовъ, то результатомъ такого промедленія выйдетъ опасеніе поселяться къ намъ, потому что они будутъ считать себя лишенными опеки правительства въ весьма чувствительной части ихъ быта".

Очевидно, мало надѣясь, чтобы данное отношеніе къ комиссіи духовныхъ дѣлъ, ревниво покровительствовавшей лишь польско-католическимъ интересамъ, могло быть ею выполнено, предсѣдатель комиссіи мазовецкаго воеводства копію съ отно-

шенія представилъ намѣстнику, съ просьбой утвердить его своею властію и согласиться съ изложеннымъ въ немъ мнѣніемъ.

Главное затрудненіе заключалось въ пріисканіи денежныхъ средствъ. При начатой стройкѣ церкви и зданій для пастора и церковныхъ служителей оказалась недостача въ 8.000 злотыхъ. Эту сумму выдалъ намѣстникъ изъ собственнаго, „намѣстническаго“, фонда.

Изъ прежнихъ замковыхъ стѣнъ воспользовались при постройкѣ церкви переднею и заднею стѣнами и половиной башни; холмъ понизили на шесть футовъ, при чемъ старый фундаментъ замка, шедшій глубоко въ землю, не былъ тронутъ; большинство подземныхъ, находившихся подъ замкомъ, сводовъ и погребовъ, были засыпаны. Все остальное достроили и выстроили, по выработанному и утвержденному плану. Кирка вышла въ 80 футовъ длины и 35 футовъ ширины; много красоты придаетъ ей высокая башня.

Церковь стоитъ до сихъ поръ. На починки ея не разъ отпускались казенныя суммы. Лютеранскій приходъ ея развился мало. За послѣдніе годы онъ,. по своей незначительности, не имѣлъ даже своего пастора. Требы и службу отправлялъ наѣздами пасторъ сосѣдней общины, въ Гомбинѣ. Особый пасторъ снова назначенъ лишь недавно.

Гостынскій замокъ упалъ и разрушился въ періодъ паденія и раздѣловъ польскаго государства; въ эпоху автономности польскаго царства этотъ историческій памятникъ польскимъ правительствомъ отданъ подъ лютеранскую церковь. Царство польское утратило свою отдѣльность и превратилось собственно въ Привислянскій край русскаго государства. Цѣна историческихъ памятниковъ тоже понимается и сознается уже.

И потому, самъ собою возникаетъ вопросъ: существованіе нѣмецко-лютеранской кирки въ стѣнахъ бывшаго замка польско-католическихъ королей, въ которомъ страдалъ, томился, умеръ и былъ погребенъ православно-русскій государь, соотвѣтствуетъ ли теперь сущности и достоинству русско-государственной и царской идеи?

Развалины замка были подарены лютеранамъ: развѣ не можетъ быть подарено имъ другое мѣсто и оказано имъ матеріальное пособіе для устройства на немъ не менѣе просторнаго и удобнаго дома молитвы?

Надъ могилами и усыпальницами и простыхъ людей нравственное чувство и нравственный долгъ побуждаютъ ставить тотъ символъ, въ который вѣровали они.

Мѣстное населеніе нуждается въ благотворительномъ учрежденіи и въ школѣ; войска, живущія въ Гостынинѣ и въ окрестностяхъ и охраняющія эту окраину, на много верстъ въ окружности не имѣютъ себѣ ни вполнѣ удобнаго госпиталя, ни постояннаго и хоть сколько нибудь помѣстительнаго храма.

Д. Цвѣтаевъ.

СИРЕНЬ.

Исторія одного разочарованія.

Разсказъ.

I.

Мнѣ только что исполнилось шестнадцать лѣтъ. Я росъ тихимъ, мечтательнымъ мальчикомъ, одинъ, безъ сверстниковъ и товарищей, среди задумчиваго покоя нашего стараго дома. Отецъ мой умеръ, когда я былъ еще совершенно ребенкомъ; только очень неясно, какъ сквозь сонъ, помню я его высокую, стройную фигуру и блѣдное лицо, съ густою, темною бородой и ласковыми, задумчивыми глазами. Какъ я узналъ впослѣдствіи, онъ самъ лишилъ себя жизни, за границей, въ одномъ изъ мѣстечекъ французской Ривьеры. Страшно потрясенная этою катастрофой, мать моя навсегда отказалась отъ свѣта, покинула Петербургъ и поселилась въ Н. въ большомъ дѣдовскомъ домѣ, стоявшемъ почти на самомъ краю города. Со дня смерти отца, она не снимала глубокаго траура и только иногда, въ видѣ единственнаго отступленія, которое она себѣ позволяла, прикалывала къ своему черному платью бѣлую розу, свой любимый цвѣтокъ. Такою сохранилась она въ моемъ воспоминаніи, въ полумонашеской одеждѣ, съ кроткою и грустною улыбкой, прекрасная тою неувядаемою красотой, которую даже горе не могло уничтожить. Она любила меня безумною материнскою любовью, всею силой своего разбитаго и жаждущаго любви сердца. Не довѣряя никому дѣла моего воспитанія, она ревниво сохранила годы моего дѣтства отъ прикосновенія чужихъ рукъ. Никогда не было у меня ни гувернантокъ, ни гувернеровъ; мать сама хотѣла быть моею единственною воспитательницей и руководительницей, и только впослѣдствіи, когда на-

стала пора серьезнаго ученія, которое не было ей подъ силу, она рѣшилась пригласить ко мнѣ учителей.

Хозяйствомъ мать не занималась; домомъ управляла тетя Варя, старшая незамужняя сестра моего отца. Тетя Варя во многихъ отношеніяхъ представляла полную противоположность матери: какъ та была тиха и задумчива, такъ оживленна и подвижна была другая. Всегда она куда-нибудь торопилась, всегда была въ хлопотахъ и заботахъ; но всѣ эти хлопоты и заботы сводились къ тому, чтобы кому-нибудь помочь, кого-нибудь пристроить, облегчить чье-либо положеніе. Почти каждый день съ чернаго крыльца приходили къ ней просители и просительницы со своими горестями и нуждами. Выходя къ нимъ, она неизмѣнно принимала суровый видъ: „Ну, что случилось? Зачѣмъ опять пожаловали? Ни минуты нѣтъ у меня покоя отъ васъ!“ — но просители давно признали ея характеръ и ничуть не смущались ея напускною строгостью.

Эти двѣ женщины стояли ангелами-хранителями надъ колыбелью моего дѣтства. Подъ ихъ любящимъ надзоромъ я росъ, какъ экзотическое растеніе, оберегаемый съ боязливою старательностью отъ всякаго соприкосновенія съ внѣшнею жизнью. Казалось, что, испуганная собственнымъ житейскимъ опытомъ, мать моя хотѣла во что бы то ни стало охранить меня отъ всего, что заставило ее столько выстрадать. „Я хочу, чтобы ты былъ счастливѣй, чѣмъ твой бѣдный отецъ“, — говорила она мнѣ въ ранніе годы, лаская мою голову своею маленькою худою рукой, и я видѣлъ въ такія минуты, какъ слезы навертывались на ея рѣсницахъ и жемчугомъ скатывались на мою курточку.

Какая-то тяжелая драма чудилась мнѣ за этими краткими словами, но мнѣ было страшно приподнять ту завѣсу неизвѣстности, которая скрывала ее отъ моихъ взоровъ, и каждый разъ, когда я готовъ былъ спросить объ этомъ маму или тетю, инстинктивная боязнь узнать нѣчто ужасное охватывала меня, и вопросъ замиралъ на устахъ.

Городское общество у насъ почти не бывало, за исключеніемъ двухъ-трехъ близкихъ знакомыхъ, людей пожилыхъ и серьезныхъ. Одна только тетя Варя поддерживала сношенія съ губернскими дамами, какъ членъ мѣстнаго благотворительнаго общества, и только черезъ нее доходили до насъ городскія новости и слухи. Вслѣдствіе такого отчужденія, вокругъ меня

почти никогда не бывало дѣтей-сверстниковъ, и мать съ тетей Варей составляли все мое общество. Но одиночество это меня нисколько не тяготило: я такъ привыкъ къ нему, что, если иногда, что̀ случалось, впрочемъ, очень рѣдко, мнѣ приходилось быть въ обществѣ дѣтей моего возраста, я чувствовалъ себя неловко, я былъ лишнимъ въ ихъ забавахъ и стѣснялъ ихъ довѣрчивую веселость.

Я рано научился находить въ себѣ самомъ средства къ развлеченію. Фантазія моя, разгоряченная разнообразнымъ и безпорядочнымъ чтеніемъ, развернулась съ поразительною, почти болѣзненною силой. Каждая вновь прочитанная книга давала ей новую пищу. Лишенный дѣйствительной реальной жизни, я жилъ воображеніемъ. Я создалъ себѣ собственное волшебное царство, гдѣ все было залито яркимъ солнечнымъ свѣтомъ, гдѣ все было такъ прекрасно, гдѣ всѣ были такъ добры и благородны, и гдѣ я самъ былъ прекраснѣе и благороднѣе всѣхъ. Я жилъ и чувствовалъ вмѣстѣ съ героями моихъ книгъ, я, въ самомъ дѣлѣ, переживалъ каждую страницу повѣствованія. Вмѣстѣ съ Дюмонъ Дюрвилемъ, Гумбольтомъ и слѣпымъ Араго изрѣзывалъ я вдоль и поперекъ сушу и океаны, странствовалъ въ далекихъ полусказочныхъ странахъ, среди иныхъ людей и иной роскошной природы, испытывалъ разнообразныя приключенія и опасности, — но, если бы мнѣ предложили отправиться одному по желѣзной дорогѣ хотя бы до сосѣдняго города, я бы, навѣрное, испугался и поспѣшилъ отказаться.

II.

Что при такихъ природныхъ склонностяхъ не могло быть и рѣчи о серьезномъ и послѣдовательномъ ученіи, это вполнѣ понятно. Но хорошая память и быстрая сообразительность исправляли то, что портилъ недостатокъ вниманія. Только точныя науки, требующія полнаго сосредоточенія, рѣшительно не давались мнѣ; къ математикѣ же я чувствовалъ всегда непобѣдимую антипатію, и это глухое чувство вражды къ наукѣ переносилось и на ея представителя. Мой учитель математики былъ еще молодой человѣкъ, высокаго роста, съ красивымъ, выразительнымъ лицомъ. Одѣвался онъ съ изящною простотой, держалъ себя чрезвычайно прилично и, когда я дѣлалъ ошибку, съ такою снисходительной вѣжливостью поправлялъ меня, что

я краснѣлъ, какъ піонъ, сердился на себя и на него и напрягалъ все свое вниманіе, чтобы вполнѣ проникнуться истинами преподаваемой науки, но черезъ минуту новый порывъ фантазіи уносилъ меня прочь отъ скучнаго ряда формулъ и теоремъ.

Зато съ другимъ учителемъ, преподававшимъ мнѣ языки, я находился въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Это былъ малороссъ, человѣкъ уже пожилой и страстный охотникъ. Часто, отложивъ въ сторону Ксенофонта и Виргилія, онъ принимался разсказывать мнѣ любопытные эпизоды изъ своей страннической жизни, приправляя повѣствованіе тонкимъ юморомъ и улыбаясь мнѣ своими ласковыми глазами изъ-подъ золотыхъ очковъ. Такимъ образомъ незамѣтно проходило время, къ немалому моему удовольствію, потому что я, во всякомъ случаѣ, предпочиталъ рѣчи Ивана Андреевича рѣчамъ Цицерона.

Но всѣхъ памятнѣе остался для меня мой учитель музыки Петръ Ивановичъ Бѣловъ. Какъ живой, стоитъ онъ и теперь еще передо мною, въ своемъ черномъ, нѣсколько потертомъ сертукѣ, съ добродушными старческими складками въ углахъ губъ, съ добрыми сѣрыми глазами и сѣдыми усами. Исторія его была не совсѣмъ обыкновенна. Происходилъ Петръ Ивановичъ изъ дворовыхъ крестьянъ помѣщиковъ Абрамовыхъ. По счастливой случайности, въ немъ рано открыли большія музыкальныя способности, на него обратили вниманіе и отправили на воспитаніе въ Москву, въ одно изъ частныхъ музыкальныхъ училищъ. Окончивъ тамъ курсъ, онъ преподавалъ музыку дочерямъ Абрамовыхъ, а затѣмъ, когда съ теченіемъ времени ученицы его повышли замужъ, то, отпущенный помѣщикомъ на волю, поселился въ Н. и занялся уроками.

Мы съ нимъ были добрыми друзьями, хотя онъ частенько журилъ меня за лѣность и легкомысленное отношеніе къ экзерциціямъ и этюдамъ, которыхъ я не особенно долюбливалъ. Урокъ его бывалъ всегда по утрамъ. Иногда онъ приходилъ такъ рано, что заставалъ меня еще въ постели; тогда, если онъ бывалъ въ хорошемъ настроеніи, онъ садился за рояль и игралъ, обыкновенно, какую-нибудь сонату Бетховена или Гайдна, какой-нибудь ноктюрнъ Фильда. Его игра, ясная, чистая, какъ лѣтнее утро, всегда производила на меня неотразимое впечатлѣніе. Часто случалось, что въ такія минуты я подолгу сидѣлъ полуодѣтымъ на кровати, прислушивался, затаивъ дыханіе, къ доносившейся изъ залы игрѣ,— а старый Степанычъ,

считавшій почему-то своею непремѣнною обязанностью присутствовать при моемъ одѣваніи, недовольнымъ голосомъ ворчалъ на непорядки и уходилъ, наконецъ, изъ спальни, сердито шмыгая башмаками. А я всецѣло отдавался этой музыкѣ, этимъ тихимъ звукамъ, словно плакавшимъ о какомъ-то потерянномъ счастьѣ; новый невѣдомый міръ открывался передо мною, и что-то великое, полное, всеобъемлющее властно вторгалось въ мою душу, всю охваченную восторгомъ и трепетомъ.

III.

Мы жили, какъ я уже замѣтилъ, почти на самомъ краю города.

Домъ нашъ, одноэтажный, деревянный, длиннымъ рядомъ своихъ высокихъ оконъ былъ обращенъ на широкую пыльную улицу, по которой только кое-когда двигались рѣдкіе прохожіе или, скрипя колесами, тянулись вереницей возвращающіяся съ базара телѣги. На противоположной сторонѣ ея шелъ длинный полуразрушенный заборъ, изъ-за котораго старые липы и вязы протягивали далеко на улицу свои могучія вѣтви.

Старый домъ, построенный въ самомъ началѣ текущаго столѣтія, еще носилъ на себѣ яркій отпечатокъ давно прошедшихъ временъ. Никакія перестройки или передѣлки не исказили его первоначальнаго характера: онъ остался такимъ же, какимъ былъ въ эпоху Наполеона и Александра Благословеннаго, точно семьдесятъ лѣтъ пронеслись надъ нимъ безъ всякаго слѣда. Высокія, мрачныя комнаты, по которымъ звучно разносился каждый шагъ, безъ ковровъ, безъ драпри, безъ всякихъ украшеній, темная массивная мебель въ стилѣ empire, почернѣлые отъ времени портреты и гравюры въ темныхъ, широкихъ рамахъ, повсюду таинственное вѣяніе былой жизни, кипѣвшей когда-то въ этихъ покояхъ, повсюду полумракъ, повсюду тишина, — и среди этой тишины, среди этого задумчиваго полумрака, среди этихъ еще живыхъ слѣдовъ и воспоминаній давно угасшей жизни — одинокій, впечатлительный мальчикъ, робкій и мечтательный.

Широкая терасса вела въ старый запущенный садъ, спускавшійся къ широкой и тихой рѣкѣ. Ея спокойныя воды омывали полуобнаженные мшистые корни плакучихъ ивъ, шатромъ нависавшихъ надъ волнами. На противоположномъ берегу разстилалось темно-зеленое поле бахчей и виднѣлись какія-то убо-

гія строенія. Передъ терассой широкимъ полукругомъ тянулись куртины розъ, стоявшихъ въ цвѣту съ весны и до поздней осени. Мать сама заботилась о нихъ, ухаживала за ними, слѣдила за ихъ разцвѣтаніемъ и украшала ими свои комнаты. Наибольшее же удовольствіе доставляло ей, если ей удавалось привить какой-нибудь новый сортъ, вырастить новый кустъ, составлявшій тогда для нея предметъ особенной гордости. И теперь еще живо помню, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали мы разцвѣта чудной розы рѣдкаго въ Россіи вида Duke of Connaught, и какъ велика была наша общая радость, когда распустились, наконецъ, въ одно прекрасное утро ея роскошные нѣжные бутоны!

IV.

Въ эту весну розы цвѣли особенно хорошо. Погибло только нѣсколько самыхъ нѣжныхъ, самыхъ молодыхъ кустовъ, не успѣвшихъ еще акклиматизироваться подъ нашими небесами. Погода стояла чудная. Розовые кусты передъ террасой были сплошь усѣяны бутонами самыхъ разнообразныхъ окрасокъ, отъ бѣлой до темно-фіолетовой. Тонкій ароматъ пропитывалъ воздухъ. А въ глуши липовыхъ вѣковыхъ аллей всю ночь не умолкали соловьиные раскаты.

Съ самыхъ первыхъ весеннихъ дней какая-то тоска, какая-то смутная тревога охватила все мое существо съ непобѣдимою силой. Днемъ я нигдѣ не находилъ себѣ покоя,—безъ цѣли бродилъ я по саду, полный какихъ-то неясныхъ грезъ и трепетныхъ ожиданій, и никакое дѣло, никакая книга не могли занять моего вниманія. Вечеромъ это тоскливое чувство достигало своего апогея: съ безконечнымъ волненіемъ смотрѣлъ я на чудную картину заката, на волшебную игру умирающихъ красокъ; и каждый разъ меня охватывало томительное ощущеніе какой-то пустоты вокругъ меня и мучительная жажда бѣжать, умчаться отсюда и потонуть навсегда въ этомъ пурпурномъ морѣ догорающаго неба, которое въ торжественной красѣ разверзалось передъ моими глазами. А ночью я долго еще сидѣлъ у открытаго окна, глядѣлъ въ голубую полутьму сада, прислушивался къ неяснымъ звукамъ, доносившимся изъ-за рѣки, и нерѣдко плакалъ, припавши горячею головой къ холодной доскѣ подоконника.

Въ эти дни я впервые почувствовалъ себя одинокимъ, потеряннымъ, почувствовалъ, что мнѣ недостаетъ чего-то, чего не могутъ мнѣ дать ни тихія ласки матери, ни дружеская заботливость тети Вари. Иногда по вечерамъ я сидѣлъ на берегу на мшистомъ стволѣ старой упавшей ивы, все еще зеленѣвшей свѣжими молодыми побѣгами, и смотрѣлъ, какъ на противоположной сторонѣ, за бахчами, собирался народъ, молодые парни и дѣвушки; неудержное молодое веселье, пѣсни, дружный хохотъ, пискливые звуки гармоники, все это было такъ заманчиво и такъ недоступно! Я чувствовалъ, что тамъ, за рѣкой, живымъ ключемъ била и кипѣла жизнь, настоящая жизнь, жизнь, о которой я столько мечталъ, жизнь, которой я такъ боялся, — и жгучее чувство прокрадывалось въ сердце, при мысли о собственномъ одиночествѣ, и съ тоской возвращался я въ старый угрюмый домъ, гдѣ повсюду вѣяло такою тишиной, такимъ могильнымъ спокойствіемъ.

— Что съ тобой? Не боленъ ли ты? — спрашивала меня мать.

Что могъ я сказать на это? Я не былъ боленъ, и въ то же время чувстовалъ, что со мною произошло что-то, чего я самъ не могъ еще ясно понять и опредѣлить. Все какъ будто измѣнилось передъ моими глазами: и старый садъ, и мрачный домъ, и эти, на половину пустыя, неуютныя комнаты: все это казалось мнѣ теперь какъ-то меньше, какъ-то незначительнѣй, чѣмъ прежде, когда въ моихъ дѣтскихъ глазахъ чуть ли не весь міръ заключался въ оградѣ нашего жилища. Теперь мнѣ сдѣлалось тѣсно и душно въ этихъ угрюмыхъ стѣнахъ, все существо мое рвалось вонъ отсюда, жаждало воли, жизни, движенія, а вѣрный Степанычъ казался по временамъ злымъ тюремщикомъ, сторожащимъ меня въ заколдованномъ замкѣ, изъ котораго нѣтъ выхода и въ которомъ я, плѣнный рыцарь, осужденъ томиться весь свой вѣкъ.

Ночь не приносила мнѣ облегченія. Меня мучила безсонница, „блѣдный призракъ съ широко-раскрытыми глазами“, какъ говоритъ Мюссе. Когда же случалось заснуть, то сонъ мой былъ полонъ какихъ-то странныхъ чудовищныхъ образовъ, тяжелый кошмаръ душилъ меня, и я просыпался весь въ холодномъ поту.

Музыка была моимъ единственнымъ утѣшеніемъ. Когда тоска становилась невыносимою, я садился за рояль, и уже при пер-

выхъ звукахъ улегалось въ груди острое гложущее чувство и тихая, свѣтлая грусть осѣняла душу. Никогда не любилъ я музыки такъ, какъ въ эту чудную, вѣчно памятную весну. По цѣлымъ часамъ просиживалъ я за инструментомъ, не чувствуя ни малѣйшей усталости. Случалось иногда, что я игралъ и собственныя фантазіи... чей-то ласковый голосъ нашептывалъ мнѣ тихія мелодіи... Какія-то неясныя тѣни склонялись надо мной... Сердце замирало отъ восторга и сладостнаго ожиданія... и крупныя слезы падали на желтыя истертыя клавиши...

V.

Проходили дни.

Пышнѣй разцвѣтали розы, громче пѣлъ соловей, гуще и тѣнистѣй становилось въ вѣковыхъ аллеяхъ сада. Все чаще и чаще видѣлъ я заботливый взоръ матери, устремленный на меня и раза два слышалъ, какъ тетя Варя говорила ей:

— Этого нельзя дольше такъ оставить; мальчикъ несомнѣнно боленъ. Нужно будетъ пригласить Антона Антоновича.

И дѣйствительно, однажды утромъ пріѣхалъ Антонъ Антоновичъ, нашъ долголѣтній домашній врачъ, добродушный низенькій старикъ, къ которому я съ дѣтства питалъ неограниченное довѣріе. Онъ осмотрѣлъ и выслушалъ меня, покачалъ головой и прописалъ какую-то микстуру.

Учителя попрежнему являлись ко мнѣ, но я совершенно перестадъ заниматься, такъ что въ одинъ прекрасный день учитель математики, со своею обычною снисходительною улыбкой, отказался преподавать мнѣ, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что я совершенно не успѣваю подъ его руководствомъ. Иванъ Андреевичъ также былъ недоволенъ мною, а добрѣйшій Петръ Ивановичъ до глубины души возмущался тѣмъ, что я такъ пристрастился къ Шопену и Мендельсону, такъ какъ самъ онъ не признавалъ композиторовъ послѣ Бетховена. Даже книги не занимали меня больше; за что бы я ни брался, все валилось изъ рукъ, нигдѣ не находилъ я себѣ ни мѣста, ни покоя.

И вотъ однажды, въ жаркій тихій день, бродилъ я, по обыкновенію, безъ дѣла и безъ цѣли, по тѣнистымъ аллеямъ. Небо было ясно и глубоко; только кое-гдѣ медленно плыли бѣлыя кудрявыя облака, незамѣтно таявшія въ сверкающей лазури. Солнечные лучи, прорѣзавшись сквозь темно-зеленую листву

липъ, ложились на землю круглыми трепетными бликами. Въ густыхъ аллеяхъ вѣяло прохладой и пахло свѣжею землей.

Совершенно безсознательно очутился я вдругъ въ одномъ изъ отдаленныхъ угловъ сада. Здѣсь нѣсколько дней тому назадъ обвалилась часть каменной стѣны, окружавшей садъ, и придавила нѣсколько кустовъ пышно разросшейся сирени, которая все еще свѣже зеленѣла, протягивая къ солнцу свои ароматныя кисти. Но молодые, нѣжные побѣги были сломаны и уничтожены и ихъ пожелтѣлая листва грустно вяла на землѣ, среди обломковъ камня и мусора. Та же судьба грозила и сосѣднимъ кустамъ, такъ что я уже хотѣлъ итти домой, чтобы поторопить съ поправкой стѣны, какъ вдругъ нечаянно заглянулъ черезъ проломъ въ сосѣдній садъ и невольно остановился на мѣстѣ. Тамъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня лежала въ гамакѣ молодая женщина, въ свѣтломъ лиловомъ платьѣ. Она мирно спала, повернувши ко мнѣ свое лицо, съ полуоткрытыми губами, показывавшими рядъ мелкихъ и бѣлыхъ зубовъ. Золотистые волосы, выбившись изъ-подъ прически, падали ей на лобъ; солнечный лучъ, пробившись сквозь листву яблони, подъ которою былъ подвѣшенъ гамакъ, перебѣгалъ по ея лицу, бѣлые лепестки цвѣтовъ осыпали ее своимъ пухомъ; и сама она казалась чуднымъ цвѣткомъ, чудною лиліей, пышно разцвѣтшею среди роскошныхъ садовъ сказочнаго царства.

Я стоялъ на камняхъ, не сводя взора со спящей, боясь сдѣлать какое-либо движеніе. Вокругъ царствовала полная тишина: только сердце усиленно билось въ моей груди, да пчелы жужжали среди цвѣтовъ, — да на кухнѣ рубили котлеты.

Она, по всей вѣроятности, читала, прежде чѣмъ заснуть; раскрытая книга валялась въ травѣ подъ гамакомъ, выпавши изъ руки, свѣсившейся внизъ. Я залюбовался этою рукой, нѣжною и прозрачною, точно фарфоровой. Широкій рукавъ, отороченный кружевами, закрывалъ ее только до локтя, и солнечный лучъ ложился тамъ круглымъ пятнышкомъ, сквозь яркую бѣлизну котораго ясно просвѣчивали синія жилки. Гамакъ былъ привязанъ между двумя яблонями. Весь садикъ былъ очень небольшихъ размѣровъ и состоялъ изъ нѣсколькихъ яблонь и грушъ; только въ одномъ углу росла старая развѣсистая липа, подъ тѣнью которой стоялъ простой некрашеный столъ; мелкая листва вишень закрывала противоположную сторону ограды. Лѣвѣе виднѣлся уголъ дома, съ обвалившеюся штукатуркой, и

часть обтянутаго парусиной балкона. Все это успѣлъ я оглянуть въ одну минуту,—и все это показалось мнѣ такимъ уютнымъ и милымъ, что захотѣлось навсегда остаться здѣсь, вѣрнымъ стражемъ спящей царевны, среди тишины и покоя заколдованнаго царства.

Не знаю, сколько времени простоялъ я такимъ образомъ; отъ неудобнаго положенія, ноги уже стали отекать и ныть, а я все еще не хотѣлъ уйти. Вдругъ какая-то предательская вѣтка хрустнула подо мною. Вся кровь бросилась мнѣ въ голову. Мнѣ показалось вдругъ, что дама въ гамакѣ проснулась, что она двигается, открываетъ глаза. Въ ту же секунду я, какъ безумный, соскочилъ съ камней и бросился бѣжать безъ оглядки, сгорая со стыда при мысли, что она замѣтила меня, что она можетъ подумать, будто я приходилъ подсматривать. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, какой-то дикій восторгъ овладѣлъ мною, какое-то сладостное опьяненіе. Куда бы я ни шелъ, повсюду мнѣ мерещилось это розовое лицо съ полуоткрытымъ ртомъ, это нѣжное золото волосъ, смѣшивающееся съ пламеннымъ золотомъ солнечныхъ лучей, это бѣлое пятнышко у локтя...

За обѣдомъ я былъ еще разсѣяннѣе обыкновеннаго; а вечеромъ мать застала меня въ залѣ за роялью, всего въ слезахъ. Она обняла мою голову и, покрывая ее поцѣлуями, не переставала спрашивать:

— Мальчикъ, мальчикъ, что съ тобою? Зачѣмъ ты таишь что-то отъ мамы? Скажи мнѣ, что тебя такъ тревожитъ?

Но я не отвѣчалъ и только плакалъ, склонивши голову на родную грудь, и мать плакала вмѣстѣ со мною и шептала мнѣ нѣжныя слова любви и утѣшенія. И съ этими слезами растаяла ноющая тоска въ моей груди, въ душѣ просвѣтлѣло, и успокоеннымъ сѣлъ я снова за рояль. Мать раскрыла пятую прелюдію Шопена. Мы играли вмѣстѣ съ ней въ четыре руки эту чудную пѣснь человѣческаго счастья и человѣческаго горя; слезы еще блистали на глазахъ, но на душѣ уже было спокойно. Въ раскрытое окно вливался сладкій ароматъ цвѣтовъ, полный мѣсяцъ пристальными лучами смотрѣлъ съ голубой высоты, соловей безумно заливался въ чащѣ, и душа, охваченная упоительнымъ восторгомъ, уносилась далеко, далеко, на крыльяхъ волшебныхъ мелодій...

VI.

На другой день я проснулся очень поздно, послѣ ночи, проведенной почти безъ сна. Матушка не приказала меня будить: я былъ на правахъ больного.

Первою мыслью моею было: я влюбленъ.

Эта мысль, ясная и простая, озарила меня вдругъ, точно кто-нибудь подсказалъ ее мнѣ, — можетъ-быть, ласточки, весело щебетавшія теперь подъ окномъ. Она не удивила меня нисколько, какъ нѣчто вполнѣ понятное и естественное; она только пробудила во мнѣ чувство справедливой гордости, и самъ я сразу выросъ въ собственныхъ глазахъ. Мнѣ страшно хотѣлось подѣлиться тотчасъ же съ кѣмъ-нибудь этою новостью; высказать какъ-нибудь свою восторженную радость, крикнуть во весь голосъ: „я влюбленъ!“ — но въ комнатѣ не было никого, кромѣ Степаныча, а этотъ ворчалъ, по обыкновенію, какъ будто бы ничего и не случилось:

— Пора вставать, пора! Разоспались вы, сударь, — просто, ни на что не похоже! Стыдно сказать: ужъ первый часъ давно. Василій ужъ столъ накрываетъ, завтракъ сейчасъ подавать будутъ.

Я живо одѣлся и сошелъ въ столовую. Тамъ тетя Варя ждала меня, но матери не было: она чувствовала себя нездоровою и не выходила изъ своей комнаты. Завтракъ тянулся для меня убійственно долго; Степанычъ, прислуживавшій намъ съ торжественною медленностью королевскаго мажордома, просто выводилъ меня изъ терпѣнія. Я готовъ былъ ежеминутно встать изъ-за стола и бѣжать въ садъ, къ тому тѣнистому углу, гдѣ такъ пышно разрослись могучіе кусты сирени.

Завтракъ прошелъ среди полнаго безмолвія; мнѣ было не до разговоровъ, тетя, противъ обыкновенія, казалась грустною и задумчивою. Но, когда я собрался уже уходить, она остановила меня и спросила:

— Не будешь ли ты сегодня читать намъ вслухъ? Ты знаешь, какъ мама любитъ это. Сегодня она нездорова: чтеніе, можетъ-быть, развлечетъ ее. Мы, кажется, еще не окончили...

— Ахъ, нѣтъ, — возразилъ я поспѣшно. — У меня сегодня болитъ голова. Я слишкомъ долго спалъ. Мнѣ хотѣлось бы немножко погулять сперва.

Я покраснѣлъ до корней волосъ при этой лжи.

— Я приду, можетъ-быть, потомъ, — прибавилъ я, чтобы нѣсколько смягчить свой отказъ.

Тетя ничего не сказала на это, и я, отыскавши шляпу, тотчасъ же побѣжалъ въ садъ. Съ замирающимъ сердцемъ подходилъ я къ памятному мѣсту. Нѣсколько разъ я принужденъ былъ останавливаться, потому что у меня захватывало дыханіе и весь я дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. Осторожно ступая, чтобы не произвести никакого шума, подкрался я къ обвалившейся стѣнѣ, тихо раздвинулъ вѣтви сирени и украдкой, точно воръ, заглянулъ въ сосѣдній садъ. Но увы! Тамъ теперь никого не было. Пустой гамакъ попрежнему висѣлъ между яблонями, подъ нимъ все еще валялась въ травѣ позабытая книга, по бѣлымъ листамъ которой теперь медленно ползъ древесный жукъ; на столѣ подъ липой въ безпорядкѣ стоялъ чайный приборъ, облѣпленный чернымъ роемъ мухъ; та же тишина, какъ и наканунѣ, царствовала кругомъ, такъ же радостно смотрѣло полуденное солнце въ раскрытое окно дома, — но *ея* не было.

VII.

Этого я не ожидалъ.

Я почему-то былъ вполнѣ увѣренъ въ томъ, что опять найду ее въ саду, и мысль о возможномъ разочарованіи вовсе не приходила мнѣ въ голову. Нѣсколько минутъ простоялъ я на мѣстѣ, въ слабой надеждѣ, что она придетъ, что я, все-таки, увижу ее, но она не приходила, я оставался одинъ, лицомъ къ лицу со своимъ разочарованіемъ. Чувство досады и стыда зашевелилось во мнѣ: мнѣ было досадно, что я обманулся въ своихъ ожиданіяхъ, и стыдно за то, что пришелъ подсматривать за незнакомою женщиной, что ради этого отказался провести часъ—другой у больной матери. Чтò, въ сущности говоря, *она* мнѣ, и чтò я *ей*? Она меня не знаетъ, я... не знаю ея, не знаю даже ея имени. Да еслибы она и знала меня, какое вниманіе обратитъ она на мальчика, на подростка: въ ея глазахъ я могу быть только смѣшонъ.

И мнѣ самому уже казалось смѣшнымъ и ребяческимъ то, о чемъ я думалъ, о чемъ я мечталъ полчаса тому назадъ. Я былъ радъ, что никто не зналъ объ этомъ, кромѣ меня самого, но мнѣ было совѣстно даже передъ самимъ собой. Рѣшивши въ душѣ не заглядывать больше въ эту часть сада, я быстрыми шагами направился къ дому. Мнѣ хотѣлось теперь какъ можно

скорѣй исправить свой эгоистическій отказъ, показать матери и тетѣ, что я люблю ихъ, что я думаю о нихъ, доставить имъ какое-либо удовольствіе. Мать за послѣднее время стала особенно часто болѣть; она тихо таяла и угасала на нашихъ глазахъ, голосъ ея сталъ еще тише, чѣмъ прежде, лицо еще прозрачнѣй и блѣднѣе, уже нѣсколько разъ замѣчалъ я озабоченный видъ Антона Антоновича, когда онъ уходилъ отъ насъ. Неужели?.. Эта мысль казалась мнѣ чудовищною, невѣроятною, я отгонялъ ее прочь, но она все снова и снова возвращалась ко мнѣ, обвѣянная холодомъ и ужасомъ.

И если случится *это,* развѣ не буду я вѣчно мучиться тщетнымъ раскаяніемъ, при мысли, что я не любилъ ея такъ, какъ слѣдовало любить, что я слишкомъ мало думалъ о ней, что не былъ къ ней достаточно внимателенъ, не всегда исполнялъ ея желанія? Сегодня еще, не повидавшись даже съ ней, не освѣдомившись у нея о здоровьѣ, я ушелъ, Богъ знаетъ зачѣмъ, Богъ знаетъ для кого, между тѣмъ какъ она теперь, можетъ-быть, сидитъ одна въ своей комнатѣ, больная и грустная. Стыдно и горько стало у меня на душѣ при этой мысли.

Тетю Варю я засталъ въ цвѣтникѣ, передъ террасой. Она осторожно срѣзала большими ножницами розы и бросала ихъ въ маленькую корзинку, стоявшую у ея ногъ; розы эти предназначались для матери.

— Посмотри, пожалуйста, что это за прелесть! — воскликнула она, замѣтивъ мое приближеніе. — Thea Nyphetos разцвѣла сегодня утромъ. Я уже сорвала одинъ цвѣтокъ: воображаю, какъ обрадуется мама!

И она указала мнѣ на высокій кустъ, съ мелкою листвой, на которомъ мѣрно покачивалось нѣсколько пышныхъ розъ, съ нѣжными бархатными лепестками. Другія еще не распустились и роскошные бутоны ихъ тихо дремали на солнцѣ.

Тетя продолжала рвать цвѣты; я помогалъ ей, раздвигая передъ ней вѣтви.

— А это — какая красота! — восклицала она поминутно, переходя отъ одного куста къ другому. — Ужъ какъ мы порадуемъ маму, когда уберемъ всю комнату розами! Вотъ еще только эту розочку — и довольно, а то на завтра ничего не останется.

Корзиночка была уже до верху полна, порядочный букетъ набрался у меня на рукахъ, а тетя все еще никакъ не могла остановиться. Соломенная шляпа ея сползла на сторону въ

увлеченіи работой, изъ-подъ нея выбивались прядями сѣдые волосы, лицо раскраснѣлось отъ зноя и радостнаго волненія. Наконецъ, она глубоко вздохнула и сказала:

— Ну, теперь довольно! Устала!

Она поправила свободною рукой волосы и пошла своею быстрою и мягкою походкой къ терассѣ; я шелъ слѣдомъ, держа въ рукахъ большой букетъ розъ.

Мать была одна въ своей комнатѣ. Когда мы вошли, она сидѣла на chaise-longue'ѣ, съ откинутою назадъ головой и съ полуоткрытыми глазами; опущенныя рѣсницы еще рѣзче оттѣняли мраморную блѣдность ея лица. Услышавъ шумъ нашихъ шаговъ, она открыла глаза, и тихая улыбка озарила ея черты. Тетя съ торжествомъ поставила на столъ передъ нею свою корзинку, куда я также сложилъ букеты.

— Ахъ, дорогіе мои, какъ вы обо мнѣ заботитесь! — говорила мать, любуясь нѣжными красками цвѣтовъ и вдыхая ихъ тонкій ароматъ.

Здороваясь, я наклонился къ худой, почти дѣтской рукѣ матери. Она остановила на мнѣ пытливый, озабоченный взоръ, откинула своими тонкими пальцами непокорную прядь волосъ съ моего лба и сказала, грустно качая головой:

— Ты все еще нездоровъ, мой мальчикъ? Ты сегодня опять страшно блѣденъ. Хорошо ли ты спалъ ночью? Я нарочно не приказала тебя будить, чтобы ты могъ хорошенько выспаться.

Я поспѣшилъ успокоить ее и, чтобы перевести разговоръ на другую почву, предложилъ читать вслухъ книгу, которую мы еще не окончили.

— Вотъ это прекрасно, — поддержала меня тетя, — ты будешь намъ читать, а мы тѣмъ временемъ поставимъ букеты въ воду, а то они завянутъ въ этакую жару.

Она позвонила, и черезъ нѣсколько минутъ Степанычъ принесъ графинъ воды и вазочки, стоявшія повсюду: въ спальнѣ, въ столовой, въ гостиной, и поставилъ ихъ на столъ передъ матерью.

Я читалъ, мама и тетя вязали букеты, щебетаніе ласточекъ и трескотня кузнечиковъ доносились изъ сада черезъ открытыя окна, тихій вѣтерокъ, ароматный и теплый какъ дыханіе ребенка, изрѣдка шелестилъ кружевами гардинъ, — и никогда въ жизни не былъ я такъ счастливъ, какъ въ эти чудныя минуты, въ кругу дорогихъ и родныхъ моему сердцу женщинъ, среди

благоуханія розъ и задумчивой тишины майскаго полудня, въ этой уютной свѣтлой комнатѣ, гдѣ съ ранняго дѣтства мнѣ былъ знакомъ каждый гвоздь въ стѣнѣ, каждая трещина на полу. И это чувство безконечнаго, безмятежнаго счастья покоряло себѣ всю мою душу, всю мою волю; какъ ледяные узоры подъ лучами солнца, таяли во мнѣ всѣ сомнѣнія, всѣ тревоги, замирали и гасли всѣ желанія, всѣ порывы, и свѣтло и радостно становилось во мнѣ и вокругъ меня.

VIII.

Когда же наступилъ вечеръ, я снова, какъ-то нечаянно, какъ будто совсѣмъ противъ воли, очутился въ томъ глухомъ углу сада, гдѣ замѣтилъ наканунѣ придавленные обвалившеюся стѣной кусты сирени. Теперь изъ-за этихъ кустовъ доносились громкіе голоса и звонкій смѣхъ. Я осторожно взобрался на груду разбросанныхъ по землѣ камней и съ бьющимся сердцемъ, съ сознаніемъ дурного поступка, заглянулъ въ сосѣдній садъ. Тамъ въ углу, подъ липой, собралось за чайнымъ столомъ цѣлое общество. *Она* сидѣла прямо противъ меня, одѣтая въ сѣрую матроску съ голубыми отворотами и съ голубою же шапочкой на головѣ; подлѣ нея немолодая и некрасивая собой дама разговаривала съ какимъ-то господиномъ, съ глубокомысленнымъ видомъ и взъерошенными волосами. Трое другихъ мужчинъ, между ними одинъ офицеръ, оживленно спорили о чемъ-то съ моею дамой.

— Увѣряю васъ, Надежда Романовна, — повторялъ одинъ изъ нихъ.

Я встрепенулся... Ее зовутъ Надеждой! Надежда, Надя — какое прекрасное имя!

— Увѣряю васъ, что я былъ на „Грозѣ“, — спросите хоть Павла Сергѣевича: онъ меня видѣлъ.

— У меня до сихъ поръ руки болятъ отъ аплодисментовъ, — подхватилъ офицеръ.

— Не вѣрьте имъ, Надежда Романовна, — вставилъ свое слово господинъ съ эспаньолкой, — они въ тотъ вечеръ Слѣпушкиныхъ на лодкѣ катали, Илья Ильичъ даже мозоли себѣ натеръ.

— Вотъ и неправда! — горячо возражалъ тотъ. — Чтобы я хоть одинъ спектакль пропустилъ, гдѣ Надежда Романовна играетъ, да этого никакъ не можетъ случиться.

— Ну, такъ покажите ваши руки, — потребовала Надежда Романовна.

Тотъ замялся.

— Несносный! — воскликнула она съ притворнымъ негодованіемъ и легонько ударила его по рукѣ своимъ костянымъ вѣеромъ.

— Ничуть не больно, бейте еще.

— А хотите, я сдѣлаю вамъ больно? Только вѣдь вы испугаетесь.

— Не испугаюсь.

— Такъ дайте сюда вашу руку.

Она вынула изъ волосъ большую булавку и поднесла ее къ протянутой руку. Господинъ тотчасъ отдернулъ ее.

— Что жъ, струсили? Стало-быть, вы только на словахъ храбры? Ни за что теперь не буду вамъ вѣрить, ничему не буду вѣрить.

— Да я думалъ, что вы вѣеромъ, а вы вдругъ булавкой.

— Булавки струсили? Какой же вы мужчина послѣ этого! — Она отвернулась презрительно.

— Всю компанію застаю въ полномъ сборѣ! Слава тебѣ Богу! А я-то спѣшилъ, — боялся, что не поспѣю!

Съ этими словами къ столу подходилъ высокій и необычайно грузный господинъ, съ одутловатымъ лицомъ, бычачьею шеей и золотымъ pince-nez на крохотномъ носу. Въ лѣвой рукѣ онъ держалъ тросточку и легкое лѣтнее пальто, правою отиралъ платкомъ струившійся съ лица потъ.

— Уфъ! запыхался совсѣмъ, едва дышу! комплекціей въ тятеньку пошелъ, хе, хе! — онъ тяжело опустился на скамью. — Зато, какъ видите, мигомъ слеталъ, все оборудовалъ лучшимъ манеромъ, какъ вы приказывали. Будете довольны, ей Богу! Да развѣ я чего пожалѣю для васъ? — ни въ жисть! Лодку приказалъ краснымъ бархатомъ обить, лучшихъ молодцовъ съ завода пригналъ, — на весла ихъ посажу, съ пѣснями, съ музыкой поѣдемъ! Позволите за это ручку поцѣловать?

— Не позволяю.

— А заслужилъ, ей-ей, заслужилъ, сами увидите, что заслужилъ. Перво на-перво...

— Погоди хвалиться, Алеша, — перебилъ его господинъ съ эспаньолкой. — Что это у тебя за купеческая замашка, — точно товаръ выхваливаешь.

— Кабы я не за дѣло хвалилъ, милый ты человѣкъ! Вотъ Надежда Романовна сама посмотритъ. У меня, братъ, ея слово — что царевъ указъ! Весело поѣдемъ! Запѣвало у насъ будетъ такой, какого и по заграницамъ не сыскать: а у меня онъ на складѣ служитъ, шесть цѣлковыхъ въ мѣсяцъ получаетъ. Ерошкой его звать. Его и по городу знаютъ, регентъ соборный даже весьма одобрялъ, только пьетъ онъ, мерзавецъ, самъ себя губитъ. Я его изъ-за голоса и держу-то, а то бы давно прогналъ.

— Русскій человѣкъ въ винѣ только и ищетъ забвенья отъ угнетенія и горя, — замѣтилъ глубокомысленный молодой человѣкъ. — Онъ тоску свою въ водкѣ топитъ, — видно, жизнь не красна.

— Ну нѣтъ, братецъ, это просто одно баловство.

Надежда Романовна тѣмъ временемъ сидѣла въ молчаливой задумчивости, глядя куда-то въ сторону и не обращая никакого вниманія на то, что говорилось вокругъ нея. Вдругъ она спросила:

— А будетъ сегодня луна?

— Будетъ, будетъ, — подтвердилъ господинъ съ эспаньолкой. — Третьяго дня полнолунье было.

Она заговорила тихо, какъ будто про себя:

— Это было въ Кіевѣ. Я тогда только-что на сцену поступила, большимъ успѣхомъ пользовалась. Въ тотъ вечеръ меня принимали особенно хорошо, вызывали безъ конца. Прямо изъ театра мы отправились кататься на лодкѣ. Помню, луна какъ разъ выходила, когда мы садились, большая, красная. Собралась насъ порядочная компанія, и артисты, и такъ кое-кто изъ знакомыхъ. Меня поздравляли, пили шампанское за мое здоровье, жгли фейерверкъ, пѣли. Весело было ужасно! Я никогда столько не смѣялась, какъ тогда. Кажется, не было ничего, на что бы я не рѣшилась тогда изъ-за одного удальства. Потомъ мы выѣхали на середину рѣки. Ночь была чудная, свѣтлая, точно серебряная. Днѣпръ совсѣмъ, совсѣмъ тихій. Берега едва виднѣлись, словно ихъ вовсе не было. Какъ-то сразу мы всѣ замолкли: тихій ангелъ пролетѣлъ. Даже весла подняли, грести перестали. Только подъ кормой вода плескалась едва слышно... И вдругъ мнѣ стало грустно, до слезъ

грустно. Показалось мнѣ, что я одна, совершенно одна на цѣломъ свѣтѣ, а все остальное — только сонъ, и эта ночь, и эта рѣка съ лодкой, и аплодисменты въ театрѣ. А луна смотрѣла такъ холодно, такъ угрюмо, какъ чужая... Было мнѣ и страшно, и жалко чего-то, и точно предчувствіе какое-то обожгло душу. Да, предчувствіе... И оно оправдалось, очень скоро...

Она замолкла и полузакрыла глаза, странно улыбаясь. Никто не говорилъ ни слова. Только купчикъ порывался что-то сказать и растерянно смотрѣлъ то на одного, то на другого, не рѣшаясь начать. Такъ прошло нѣсколько минутъ. Наконецъ, Надежда Романовна встрепенулась, провела рукой по волосамъ и залилась громкимъ смѣхомъ.

— Что, господа? нагнала я на васъ тоску? Присмирѣли всѣ! И съ чего это со мной сдѣлалось,— право, не знаю. Воспоминаньями увлеклась, точь въ точь какъ перезрѣлая дѣва надъ выцвѣтшею незабудкой изъ книги. Просто смѣшно!

Зачѣмъ сожалѣть, чего нѣтъ и что было,
Что сердце, страдая, въ себѣ схоронило
На самое дальнее дно...

— А на лодкѣ я, все-таки, не поѣду, — обратилась она къ купчику.

Тотъ опѣшилъ.

— Какъ не поѣдете? Сами вѣдь вы приказывали все приготовить, я лодку бархатомъ обить велѣлъ, да наказалъ не жалѣть его, насчетъ всего прочаго распорядился, а теперь вдругъ...

— А теперь я раздумала; раньше хотѣла, а теперь не хочу. Я хочу сегодня повеселиться, да какъ слѣдуетъ, во всю. Слышите, господа, вы должны сегодня веселиться! Я надумала верхомъ прокатиться, хоть въ Княжее Болото. Павелъ Сергѣевичъ мнѣ лошадь дастъ, она у него и подъ дамскимъ сѣдломъ ходитъ.

— Вотъ это прекрасно! — воскликнулъ офицеръ, угрюмо молчавшій съ самаго прихода купчика. — Сію минуту отправлюсь хлопотать. А лошадей вамъ такихъ достану, что въ четверть часа въ Княжомъ Болотѣ будемъ.

— Чудесно! Я только и понимаю такую верховую ѣзду, чтобъ голова кружилась и духъ захватывало. Недаромъ же отецъ мой уланскимъ полковникомъ былъ.

— Сколько лошадей надо? — спрашивалъ офицеръ, собираясь уходить. — Кто поѣдетъ?

— Во-первыхъ, его степенство поѣдетъ. Не правда ли, ваше степенство.

— Помилуйте-съ! я съ роду на лошадь не садился, да меня, пожалуй, и лошадь-то по моей грузности не вынесетъ. Что касается до прочаго, то я съ превеликимъ удовольствіемъ готовъ служить вамъ денно и нощно, — ну, а отъ этого ужъ увольте.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Вы должны ѣхать, я этого хочу. Не извольте отговариваться.

— Ежели позволите, то я шарабанчикъ заложить прикажу, — авось, отъ васъ не отстану.

— Нѣтъ, непремѣнно должны верхомъ ѣхать, а если не поѣдете, такъ я васъ больше на глаза къ себѣ пускать не буду. Такъ и знайте.

— А ежели я по моему неумѣнію упаду и расшибусь? — купчикъ находился въ крайнемъ смущеніи.

Надежда Романовна звонко разсмѣялась.

Въ эту минуту взглядъ ея скользнулъ вдоль стѣны и остановился, какъ мнѣ показалось, на моемъ лицѣ. Вся кровь бросилась мнѣ въ голову; я почувствовалъ себя какъ преступникъ, пойманный съ поличнымъ. Инстинктивнымъ движеніемъ я нагнулся, и при этомъ нѣсколько камней зашуршали подъ моею ногой. Еще болѣе напуганный этимъ шумомъ, я соскочилъ на землю и бросился бѣжать, точно кто гнался за мною.

Только у терассы дома я нѣсколько пришелъ въ себя. Но въ домъ я не вошелъ, а повернулъ въ липовую аллею, спускавшуюся къ рѣкѣ. Тамъ, на берегу, стояла скамейка, на которой мы иногда по вечерамъ сидѣли всѣ втроемъ, любуясь чудною картиной умирающаго дня. Теперь она была не занята, и я обрадовался случаю посидѣть и помечтать безъ помѣхи, на своемъ любимомъ мѣстѣ. Я думалъ, конечно, о ней, обо всемъ томъ, что видѣлъ и слышалъ только-что. Какъ все это было заманчиво и ново! Кажется, я отдалъ бы все на свѣтѣ, чтобы быть на мѣстѣ каждаго изъ этихъ господъ, чтобы имѣть возможность говорить съ нею, шутить, смѣяться, какъ они. Право, я завидовалъ имъ, завидовалъ даже купчику, за то, что она смѣялась надъ нимъ. Какъ хорошо и какъ умно все, что она говорила! Конечно, всѣ актрисы говорятъ хорошо и умно, это

только я одинъ ничего не умѣю. Непремѣнно сдѣлаюсь актеромъ. Какъ прекрасно быть актеромъ! только страшно, навѣрное. Впрочемъ, къ этому можно привыкнуть; ей тоже, вѣроятно, было страшно выходить первый разъ.

И я мечталъ о томъ, какъ стану актеромъ, какъ познакомлюсь съ нею, какъ буду служить ей вѣрнымъ рыцаремъ, охранять и защищать ее, даму своего сердца, какъ пожертвую, наконецъ, за нее своею жизнью и какъ тогда, у моего смертнаго одра, она увидитъ и пойметъ, какъ сильно любилъ я ее до послѣдняго вздоха,— и много подобнаго приходило мнѣ въ голову въ этотъ тихій вечеръ, на берегу сонной рѣки, подъ мягкій плескъ затихающихъ волнъ...

IX.

Настоящее знакомство наше состоялось гораздо скорѣй, чѣмъ я могъ предполагать.

Когда я, на слѣдующій день, утромъ, пришелъ опять къ достопамятному мѣсту и, осторожно раздвинувъ мѣшавшія мнѣ вѣтви, заглянулъ въ сосѣдній садъ, я увидѣлъ ее такою же свѣжею, какъ и это майское утро, стоящею посреди сада, въ просторной, бѣлой, совершенно гладкой кофточкѣ. Она тотчасъ же замѣтила меня, когда я выглянулъ изъ-за стѣны. Я такъ смутился, что готовъ былъ снова скрыться, но она кивнула мнѣ головой, какъ старому знакомому, и сказала:

— Послушайте, юноша! нарвите мнѣ, пожалуйста, букетъ сирени, вотъ той, бѣлой. Я бы и сама сдѣлала это, да только не могу достать до нея отсюда.

Радостное изумленіе, казалось, лишило меня способности двигаться. Я даже не понималъ порядкомъ, что она говорила; я понималъ только одно: она первая заговорила со мною, она обратила на меня вниманіе; этого было довольно, чтобы привести меня въ восторженное остолбенѣніе.

Она сдѣлала нетерпѣливое движеніе.

— Чего же вы стоите? Или вы не хотите сдѣлать мнѣ любезность?

Но въ то же мгновеніе я уже бросился исполнять ея желаніе. Я рвалъ въ какомъ-то изступленіи, ломалъ цѣлыя вѣтки, торопясь и волнуясь, ничего не помня и не видя вокругъ себя.

— Довольно, довольно! — восклицала она со смѣхомъ, слѣдя за моею опустошительною работой. — Вы, кажется, цѣлыя кусты ко мнѣ перетащить хотите.

А я все рвалъ и рвалъ, пока обѣ руки не были заняты, такъ что поневолѣ пришлось остановиться.

— Ну, теперь несите ужъ сами ко мнѣ ваши букеты, я ихъ въ рукахъ держать не могу, — сказала она, когда я, красный, какъ ракъ, остановился передъ нею, едва удерживая въ рукахъ сорванные цвѣты.

Я соскочилъ со стѣны въ садъ, положилъ сирень на столъ и остановился въ нерѣшительности.

— Что же вы? садитесь! — она указала мнѣ на стулъ, а сама сѣла на скамейку, прислонившись спиной ко мшистому стволу липы.

— Сперва давайте искать счастья... Вы знаете, что такое счастье на сирени? Да? Только вы должны мнѣ помогать и найти непремѣнно цвѣточекъ о двѣнадцати лепесткахъ, ну, можно, пожалуй, и о десяти, но никакъ не меньше семи или восьми. Слышите?

Она бросила мнѣ кисть сирени и сама сосредоточенно принялась искать, съ такимъ выраженіемъ на лицѣ, словно дѣло шло о дѣйствительномъ счастьѣ. И каждый разъ, когда ей удавалось найти цвѣточекъ о пяти или шести лепесткахъ, она радостно восклицала.

— Я нашла счастье! я нашла счастье! Посмотрите, сколько я уже набрала.

И она указывала мнѣ на порядочную кучку отобранныхъ цвѣточковъ, лежавшихъ передъ ней.

Я уже давно позабылъ о своей сирени и только слѣдилъ, не спуская глазъ, за каждымъ ея движеніемъ, за быстрою работой ея тонкихъ и бѣлыхъ пальцевъ, за тѣмъ, какъ солнечный лучъ, случайно запавшій въ тѣнь старой липы, золотилъ ея локоны и пробѣгалъ по ея лицу, какъ синія жилки сквозили подъ тонкою кожей ея шеи, образовавшей чудную складку, когда она наклонялась къ цвѣтамъ, чтобы лучше разсмотрѣть ихъ.

Я глядѣлъ въ нѣмомъ восхищеніи, машинально перебирая въ рукѣ пушистую кисть сирени.

Вдругъ она подняла голову, откинула со лба нависшіе волосы и сказала строго:

— Что же вы мнѣ совсѣмъ не помогаете? Развѣ это любезно съ вашей стороны? Вы не нашли мнѣ ни одного счастья.

Я такъ смутился отъ этого неожиданнаго выговора, что могъ пробормотать только нѣсколько безсвязныхъ словъ извиненія. По всей вѣроятности, мой растерянный видъ былъ настолько смѣшонъ, что она не могла удержаться отъ хохота. Я покраснѣлъ еще болѣе, но нисколько не обидѣлся, а даже какъ будто обрадовался тому, что она смѣется надо мною. Сквозь смѣхъ она спросила:

— Сколько вамъ лѣтъ теперь?

— Шестнадцать, семнадцатый, — отвѣчалъ я, искренно сожалѣя, что не могу прибавить еще двухъ-трехъ годовъ.

Затѣмъ послѣдовалъ настоящій допросъ. Она освѣдомилась о моемъ имени, о томъ, съ кѣмъ я живу, чѣмъ занимаюсь, и такъ далѣе. Я отвѣчалъ, сперва смущенно, какъ преступникъ, дающій показанія предъ лицомъ суда, затѣмъ все смѣлѣй и смѣлѣе. Наконецъ, я рѣшился снова поднять глаза. Она сидѣла напротивъ меня, опершись локтемъ о столъ и положивши голову на руку, и глядѣла на меня съ насмѣшливымъ любопытствомъ, какъ на диковиннаго звѣря.

— И вы никогда не выходите изъ дому? не бываете въ гостяхъ? — продолжался допросъ.

— Очень рѣдко. У насъ здѣсь почти нѣтъ знакомыхъ.

— Жить въ маленькомъ губернскомъ городѣ — и не имѣть знакомыхъ!

Она всплеснула руками отъ удивленія.

— И въ театрѣ вы не бываете?

— Въ здѣшнемъ — ни разу. Одинъ разъ я былъ въ Москвѣ на оперѣ, но это давно, въ дѣтствѣ.

— Господи! — и она съ комическимъ изумленіемъ подняла глаза къ небу.

— Но я очень люблю театръ, — поспѣшилъ я прибавить.

— И что же, вамъ не скучно при такой жизни?

Я молчалъ. Въ эту минуту та жизнь, какую я до сихъ поръ велъ, на самомъ дѣлѣ казалась мнѣ въ высшей степени скучною. Надежда Романовна глядѣла на меня съ искреннимъ сожалѣніемъ.

— Я бы сошла съ ума на вашемъ мѣстѣ, — прибавила она тономъ убѣжденія.

Затѣмъ она прочла мнѣ цѣлое наставленіе.

— Вамъ слѣдуетъ почаще бывать въ обществѣ, отыскать себѣ товарищей, познакомиться съ барышнями. Не хорошо быть такимъ дичкомъ и нелюдимымъ, какъ вы. Вы молоды, вамъ нужно двигаться, веселиться, а вы производите впечатлѣніе какого-то профессора или философа. Это смѣшно!

Вдругъ она остановилась посреди рѣчи и посмотрѣла на часы:

— Однако, я засидѣлась съ вами! мнѣ ужъ давно пора на репетицію. Теперь у насъ репетиціи рано начинаются. А мнѣ еще переодѣться нужно, сегодня опять, вѣроятно, опоздаю! Прощайте юноша, до свиданья!

Она крѣпко пожала мнѣ руку и направилась къ парусинному балкону. На послѣдней ступени она остановилась и обернулась ко мнѣ:

— Хотите, я вамъ дамъ билетъ въ театръ? хотя бы на нынѣшній спектакль.

— Ахъ, нѣтъ, благодарю васъ, — испуганно пробормоталъ я, — мнѣ, право, нельзя, неудобно...

— Какъ знаете! — возразила она, еще разъ кивнула мнѣ головой и исчезла въ дверяхъ дома.

X.

Всѣ слѣдующіе дни я находился въ какомъ-то странномъ настроеніи. Я чувствовалъ себя такъ, какъ бываетъ иногда во снѣ, когда видишь передъ собой знакомыя лица, знакомые предметы, узнаешь ихъ, но въ то же время съ изумленіемъ замѣчаешь, что всѣ они какъ-то измѣнились, приняли какую-то иную окраску, точно смотришь на нихъ сквозь цвѣтное стекло. Я вдругъ какъ будто очутился въ новомъ мірѣ и самъ сталъ какъ будто другимъ, не тѣмъ, чѣмъ былъ прежде. Все это было смутно и непонятно, но казалось въ то же время совершенно естественнымъ, какъ во снѣ кажутся естественными самыя странныя вещи.

Съ Надеждой Романовной я видѣлся каждый день, иногда даже по нѣскольку разъ. Она встрѣчала меня, какъ стараго знакомаго, шутила и смѣялась надо мной, болтала все, что придетъ въ голову, декламировала отрывки изъ ролей. Кое-что я узналъ также изъ ея прежней жизни, изъ ея дѣтства.—Училась она въ пансіонѣ. Начальницей была желчная старая дѣва,

настоящій dragon de vertu, приглашавшая учителей исключительно старыхъ уродовъ. Одинъ только преподаватель исторіи былъ молодой, и то только потому, что сама она питала слабость къ его голубымъ глазамъ. Зато, какъ всѣ онѣ обожали его! какъ старательно приготовляли его уроки! Даже Маня Сараева, которая никогда ничего не знала, и та по цѣлымъ часамъ твердила учебникъ. — На урокахъ у нихъ сидѣла неизмѣнно классная дама, старая и злая нѣмка. Она вѣчно была чѣмъ-нибудь недовольна и, если случалось раздражить ее еще съ утра, то цѣлый день шипѣла, какъ стѣнные часы въ дортуарѣ, когда они собирались бить. Однажды онѣ обрѣзали всѣ ленты у ея ночныхъ чепчиковъ и потомъ вечеромъ едва не задохлись отъ смѣха въ своихъ постеляхъ, слыша, какъ она ворчала у себя въ комнатѣ и сердито двигала ящиками комода. — Прямо противъ пансіона жилъ какой-то господинъ, съ черными усами. Въ хорошую погоду онъ открывалъ окно и смотрѣлъ на нихъ въ лорнетъ. Однажды онѣ написали на листѣ бумаги большими буквами: кто вы? Господинъ такимъ же способомъ отвѣчалъ: отставной поручикъ. И онѣ такъ смѣялись надъ этимъ отвѣтомъ, что не замѣтили, какъ вошла начальница: господинъ тотчасъ же скрылся, имъ же была прочитана строгая нотація, а окна снаружи вымазаны мѣломъ.

И такимъ образомъ болтала она безъ конца. Я сидѣлъ безмолвно и восхищался каждымъ ея словомъ, находилъ все такимъ новымъ и оригинальнымъ. Иногда же она вдругъ обрывалась, умолкала и глядѣла на меня большими испытующими глазами. Она, кажется, съ перваго взгляда разгадала то нѣмое обожаніе, которое я питалъ къ ней, и забавлялась надъ моею безпомощностью юнаго влюбленнаго. Она знала, что я весь въ ея власти и играла со мной, какъ кошка съ мышью. Я чувствовалъ это инстинктивно, но мнѣ даже въ голову не приходило оказать какое-либо сопротивленіе такому безцеремонному порабощенію собственной личности.

Когда я не видѣлъ ея, я, по крайней мѣрѣ, мыслью былъ съ нею. Думать о ней стало для меня такою же потребностью, какъ дышать. Я досадовалъ и недоумѣвалъ, почему никогда не вижу ея во снѣ, между тѣмъ какъ наяву мысль о ней не покидала меня ни на минуту. И настолько жива была во мнѣ эта мысль, что стоило мнѣ только закрыть глаза, чтобы она, какъ наяву, предстала передо мной: я видѣлъ до малѣйшей

черточки ея лицо, ея улыбку, я слышалъ ея голосъ, шорохъ ея платья, чувствовалъ запахъ ея духовъ.

Одно только, что нѣсколько смущало меня, это была та фальшь, которая противъ воли вкралась въ мои отношенія къ домашнимъ. Ни за что на свѣтѣ не рѣшился бы я сказать матери или тетѣ Варѣ о своемъ знакомствѣ съ Надеждой Романовной. Удерживало ли меня отъ этого смутное сознаніе, что онѣ отнесутся отрицательно къ этому знакомству, я не знаю, но только за все это время я не произнесъ о немъ ни слова. Какъ бы то ни было, прежней искренности уже не существовало, и я самъ чувствовалъ себя стѣсненнымъ, даже какъ будто въ чемъ-то виноватымъ. Это, конечно, не могло скрыться отъ любящихъ глазъ матери, и я замѣчалъ иногда, какъ они съ безмолвнымъ вопросомъ останавливались на моемъ лицѣ, и мнѣ дѣлалось неловко подъ этимъ ласковымъ и грустнымъ взглядомъ.

XI.

Такимъ образомъ прошло съ недѣлю.

Однажды вечеромъ, — день былъ субботній и поэтому спектакля не было,—я по обыкновенію пришелъ къ Надеждѣ Романовнѣ, предварительно удостовѣрясь, что у нея никого не было въ гостяхъ. Въ этотъ вечеръ она была особенно возбуждена: то хохотала до упаду, болтала всякій вздоръ, шутила, то становилась задумчивою и грустною. И все это въ какихъ-нибудь пять минутъ. „Ахъ, какая тоска! какая тоска!“ повторяла она, стиснувъ зубы,— и столько глубокаго страданія звучало въ ея голосѣ, что у меня у самого тоскливо сжималось сердце.

Вдругъ она расплакалась.

Я совершенно растерялся. Не знаю, какъ это случилось, но самъ я очутился вдругъ передъ ней на колѣняхъ, покрывалъ, въ порывѣ давно сдерживаемаго чувства, ея руки и платье поцѣлуями, торопясь и волнуясь, говорилъ ей, говорилъ безъ конца,—о чемъ, я и самъ теперь рѣшительно не помню. Слезы ея пугали меня, точно я самъ былъ виновникомъ ихъ, я упрашивалъ ее перестать, успокоиться и самъ едва не плакалъ. Не знаю, подѣйствовали ли мои слова, но постепенно рыданія ея стали стихать, взглядъ прояснился, слезы высыхали на лицѣ. Охваченный какимъ-то сладостнымъ и жуткимъ восторгомъ, я далъ волю своимъ мечтамъ, я высказалъ все, что мучило и

волновало меня, открылъ передъ нею всю свою душу, — и она глядѣла въ нее своими заплаканными глазами, перебирала рукой мои волосы и съ задумчивою улыбкой кивала мнѣ головой на мои мечтанія.

Часы въ домѣ неторопливо пробили восемь.

Надежда Романовна встрепенулась, провела рукой по лицу, точно очнувшись отъ глубокаго сна, и вдругъ весело засмѣялась.

— Однако, юноша, вы дѣлаете большіе успѣхи! Форменное признаніе въ любви! — и съ какимъ краснорѣчіемъ! Право, я не ожидала отъ васъ такой смѣлости. Что значитъ, побывать въ обществѣ женщины!

Что-то больно кольнуло мнѣ въ сердце. Я неловко поднялся и смотрѣлъ на нее, едва понимая то, что она мнѣ говорила. Я чувствовалъ только, что она смѣялась, смѣялась надо мною. Я былъ пристыженъ и уничтоженъ.

— А я-то, я-то! — она всплеснула руками, — точно совсѣмъ сошла съ ума! Разревѣлась, словно нервничающая барыня! Просто, ни на что не похоже! Но что съ вами, monsieur? — прибавила она, взглядывая на мое лицо. — Ужъ не собираетесь ли и вы расплакаться? Ну, не совѣтую.

— Конечно, вы можете смѣяться надо мною, я самъ сознаю, что я смѣшонъ. Но я не хотѣлъ сдѣлать ничего дурного. Я хотѣлъ только сказать... Мнѣ стало васъ очень жаль, когда вы заплакали... Я самъ, право, не знаю, какъ все это случилось...

Я путался: слезы мѣшали мнѣ говорить.

Надежда Романовна опять стала серьезною.

— Я вовсе не хочу смѣяться надъ вами. Мнѣ просто стало досадно, что я, какъ институтка, ударилась передъ вами въ слезы. Если вы считаете себя обиженнымъ, то я готова просить извиненія: я не желала васъ оскорбить. Слышите, не извольте дуться! Въ знакъ примиренія позволяю вамъ поцѣловать свою руку.

И она, съ жестомъ театральной королевы протянула мнѣ руку и пѣвучимъ голосомъ проговорила:

— Пребываю къ вамъ благосклонна, милордъ!

Я коснулся губами до бѣлыхъ тонкихъ пальцевъ съ розовыми ногтями.

— Ну, вотъ это хорошо. Итакъ, мы остаемся друзьями, не правда ли? А теперь отправляйтесь въ домъ и принесите

мою роль: она лежитъ на столикѣ въ углу. Вы мнѣ будете начитывать, а то я совсѣмъ разлѣнилась: послѣзавтра генеральная репетиція, а я еще ничего не знаю. Ступайте!

Когда я вернулся, она сидѣла, прислонясь головой къ стволу липы и задумчиво глядя куда-то въ даль. Я не рѣшался первый прервать молчаніе, она же какъ будто и не замѣтила моего прихода. Украдкой я взглядывалъ на нее, стараясь понять, о чемъ она думаетъ. Но ничего нельзя было прочесть на ея лицѣ.—Потомъ она тихо заговорила, попрежнему не сводя взора съ какого-то предмета передъ собой:

— Я вовсе не смѣюсь надъ вами. Напротивъ, мнѣ самой кажется иногда, что я люблю васъ. Серьезно! Въ васъ есть что-то свѣжее, нетронутое, чего теперь почти не встрѣтишь. Васъ сохранили до сихъ поръ отъ всего дурного, пошлаго. Ваша матушка, навѣрное, прекрасная женщина.

— Да, она прекрасная женщина, — машинально повторилъ я, чувствуя, какъ вся кровь вдругъ прилила мнѣ къ сердцу и затѣмъ отхлынула снова.

— Это видно по васъ. Жизнь еще совсѣмъ не коснулась вашей души. Ахъ, если бы вы знали, что̀ значитъ прожить цѣлую жизнь, да еще провинціальной актрисой. Какъ все это гадко, гадко, гадко!

Она откинула голову назадъ и закрыла лицо обѣими руками.

— Знаете ли вы, что я дурная, злая, завистливая женщина. Во мнѣ нѣтъ ничего здороваго, нетронутаго. Я не умѣю болѣе жить и чувствовать по-человѣчески. Когда я говорю, мнѣ кажется всегда, будто я читаю роль, — даже теперь... Я умѣю только завидовать: я завидую соперницѣ за хлопки, завидую Манѣ Сараевой за то, что она стала теперь губернаторшей и ѣздитъ въ собственныхъ экипажахъ, завидую вамъ за то, что вы молоды и не испорчены, завидую всѣмъ и за все! Правда, я не всегда была такою, раньше я была лучше, добрѣе. Но жизнь, жизнь сломила меня! Ахъ, если бы вы знали, до чего я иногда бываю зла!

— Нѣтъ, нѣтъ, вы хорошая, вы добрая, — торопился я возражать. — Васъ всѣ такъ любятъ!

— Любятъ? — она засмѣялась короткимъ смѣхомъ, потомъ взяла мою руку и сказала, пристально смотря мнѣ въ лицо:

— Послушайте, юноша, — вотъ вамъ мой совѣтъ: уйдите отсюда и никогда не приходите опять, забудьте меня, не думайте

обо мнѣ, — я совѣтую вамъ такъ, потому что люблю васъ и желаю вамъ добра. Мнѣ жаль васъ... Со временемъ вы поймете, за что мнѣ было васъ жаль. Въ другое время я бы васъ не пощадила, но теперь я въ добромъ настроеніи, теперь я великодушна. Знайте, что меня не за что любить, что я дурная, испорченная женщина, что эта зараза перейдетъ и на васъ.

Но я не слушалъ ея и, вмѣсто всякаго отвѣта, покрывалъ жадными поцѣлуями ея руки. Надежда Романовна не отнимала ихъ.

— Такъ вы не боитесь меня? — тихо спросила она, поднимая мою голову и глубоко заглядывая мнѣ въ глаза.

— Нѣтъ, я не боюсь васъ!

Точно бездонное море раскрывалось передо мной, и я, съ трепещущимъ сердцемъ, зажмуря глаза, готовъ былъ кинуться съ высокой скалы въ его холодныя волны.

— Правда?

Что-то на одно мгновеніе вспыхнуло въ ея глазахъ — и погасло.

Въ эту минуту у калитки раздался порывистый звонокъ. Надежда Романовна отняла руки и встала съ мѣста.

— Кто бы это могъ быть? — досадливо произнесла она. — Вѣроятно, опять Илья Ильичъ, со своимъ краснымъ носомъ и чувствительными романсами. Какая скука! Надо позвать Аннушку: она, навѣрное, опять черезъ заборъ съ сосѣдскимъ кучеромъ любезничаетъ, ничего не услышитъ. Прощайте, юноша!

Она кивнула мнѣ головой и направилась къ дому. Но, сдѣлавши нѣсколько шаговъ, вдругъ обернулась, словно вспомнивши о чемъ-то, съ улыбкой протянула мнѣ руку и, пока я прижималъ ее къ устамъ, прошептала надъ ухомъ:

— Приходите въ двѣнадцать часовъ: я буду васъ ждать.

XII.

Не знаю, какъ провелъ я остальной вечеръ.

Я былъ словно въ чаду, сладкое опьянѣніе охватывало все мое существо, голова горѣла и кружилась. „Приходите, я буду васъ ждать...“ — звучали все еще въ моихъ ушахъ послѣднія слова Надежды Романовны, и я, съ восторгомъ и стыдомъ, повторялъ ихъ безъ конца, словно они были для меня какою-то загадкой, таинственный смыслъ которой я силился постигнуть.

Тонъ голоса, улыбка, прощальное пожатіе, короткое и крѣпкое, все это вспоминалось мнѣ до мельчайшихъ подробностей, точно видѣнный сонъ, въ которомъ все такъ просто и понятно для души, такъ смутно и чуждо для холодной мысли.

Да полно, ужъ не грежу ли я, въ самомъ дѣлѣ?—Но кисть бѣлой сирени, бывшая въ моей рукѣ, свидѣтельствовала мнѣ, что это не было сномъ. Эта кисть раньше была приколота у нея на груди, но потомъ она обронила ее, и теперь я ни за что на свѣтѣ не отдалъ бы ея никому. Теперь я чувствовалъ себя способнымъ на всякій подвигъ для нея, я сразу выросъ въ собственныхъ глазахъ, я былъ гордъ сознаніемъ своей любви. Жизнь, та жизнь, которая до сихъ поръ только рисовалась моему воображенію сквозь неясную призму прочитанныхъ романовъ, которая до сихъ поръ лежала для меня гдѣ-то вдали, подернутая полупрозрачною дымкой тумана, эта жизнь теперь предстала предо мной, со всѣмъ своимъ счастьемъ, со всею своею любовью, она теперь сама шла мнѣ навстрѣчу — и я готовъ былъ отдаться ей весь, и въ то же время жутко становилось на душѣ отъ ея таинственной близости.

Время шло томительно медленно. Вечеръ, казалось, растягивался на цѣлую вѣчность. Думать о чемъ-либо я не могъ. Напрасно пытался я составить въ умѣ тѣ рѣчи, съ которыми хотѣлъ обратиться къ ней, въ которыхъ хотѣлъ выразить всю свою любовь и всю свою преданность, пытался сочинить что-нибудь особенно умное и благородное, — все выходило какъ-то смутно и безтолково. Одна только мысль, одно только чувство всевластно царило во мнѣ: „она меня любитъ, она звала меня" — и я не уставалъ повторять себѣ эти слова, безцѣльно блуждая по саду и нигдѣ не находя себѣ ни мѣста, ни покоя.

Мать съ тетей Варей сидѣли на скамьѣ надъ рѣкой. Уже издали слышалъ я ихъ тихіе голоса, но не могъ разобрать, о чемъ онѣ говорили; только два раза мнѣ послышалось, что называли мое имя. Что-то похожее на угрызеніе совѣсти шевельнулось въ моей душѣ: до сихъ поръ, за весь этотъ вечеръ, я ни разу не вспомнилъ о нихъ. Мнѣ стало стыдно и больно за себя, захотѣлось подойти къ нимъ, сказать имъ слово ласки и любви, — но что-то, какая-то внутренняя стыдливость, не позволило мнѣ сдѣлать это. И я ушелъ. Въ первый разъ въ жизни отвернулся я отъ этихъ хранителей моего дѣтства, отвернулся отъ своего дѣтства. Оно показалось мнѣ вдругъ та-

кимъ далекимъ, такимъ чуждымъ, точно цѣлая бездна отдѣляла меня отъ него. И въ эту минуту грустно, очень грустно было у меня на душѣ.

Ужинать подали на террасѣ. Вечеръ былъ тихъ и свѣтелъ. Ночныя бабочки кружились вокругъ свѣчей, жукъ съ сердитымъ жужжаньемъ ударялся о стѣну, гдѣ-то надъ моею головою соловей, пока еще робко и неувѣренно, нѣсколько разъ принимался пѣть въ глубинѣ сада. Я поминутно смотрѣлъ на часы.

— Что съ тобой? Ты ничего не ѣшь? — заботливо спрашивала меня мать.

И, точно преступникъ, я избѣгалъ ея взора.

— Напротивъ, я очень голоденъ, — отвѣчалъ я, съ трудомъ проглатывая тартинку.

Мать задумчиво покачала головой.

— Милый мальчикъ, тебѣ, конечно, скучно съ нами, старухами. Ты теперь уже не маленькій: тебѣ нужно общество товарищей. Нельзя жъ въ самомъ дѣлѣ вѣчно сидѣть въ четырехъ стѣнахъ.

Она придвинула ко мнѣ свое кресло, взяла мою руку и тихо ласкала ее своею худою рукой.

— Знаешь ли, что Антонъ Антоновичъ настоятельно совѣтуетъ для тебя перемѣну воздуха, больше движенія, больше развлеченія. И, конечно, онъ правъ, какъ ни горько мнѣ разставаться съ тобой. Я бы и сама рада была проѣхаться, да боюсь разболѣться дорогой. Антонъ Антоновичъ совѣтуетъ отправиться на Кавказъ или на море: тетя Варя поѣдетъ съ тобой. Что ты скажешь на это?

Я былъ страшно перепуганъ этимъ предложеніемъ. Уѣхать теперь? отъ нея? — Ни за что!

— Увѣряю тебя, мама, что я теперь такъ здоровъ, какъ никогда. Я чувствую себя прекрасно! Что я блѣденъ, это ничего не значитъ: я и всегда былъ такимъ. А уѣзжать мнѣ не хочется, совсѣмъ не хочется. Милая, дорогая, позволь мнѣ остаться дома, съ тобой!

— Но почему же? Вѣдь раньше ты самъ мечталъ поѣхать туда, почему же теперь отказываешься?

Что я могъ сказать на это? Я молчалъ.

— Ты увидишь Кавказъ, горы, чудные виды...

— Будешь ходить въ черкескѣ, пить кахетинское прямо изъ бурдюка, ѣсть шашлыкъ, — со своей стороны уговаривала тетя

Варя. — Помнишь, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, ты какъ-то самъ пытался приготовить шашлыкъ и угощалъ насъ: только, кромѣ тебя, никто не могъ съѣсть ни кусочка.

— Если не хочешь на Кавказъ, то поѣзжай хоть въ Гапсаль, — предлагала мать.

Но выраженіе лица у меня было, вѣроятно, такое несчастное, что она не настаивала. Можетъ-быть, мысль о разлукѣ пугала и ее самое не меньше, чѣмъ меня.

— Ты у насъ выросъ, какъ въ теплицѣ, — говорила тетя Варя. — Тебѣ надо быть побольше среди людей, привыкнуть къ жизни. Подумай только о томъ, что будешь ты дѣлать, когда насъ не станетъ: вѣдь ты совершенно потеряешься. Хочешь, я приглашу къ тебѣ Петю Волкова? Онъ прекрасный мальчикъ, и мнѣ кажется, что вы сойдетесь съ нимъ.

— Да, пожалуйста, пригласи. Мнѣ будетъ очень пріятно, — поспѣшно вставилъ я, притворяясь чрезвычайно обрадованнымъ, хотя, на самомъ дѣлѣ, я не видѣлъ въ этомъ знакомствѣ ничего пріятнаго.

— Какъ жаль, что здѣсь, въ городѣ, нѣтъ никакихъ развлеченій, подходящихъ для него, — сказала мать; — особенно теперь, когда всѣ разъѣзжаются. Развѣ съѣздить вамъ въ театръ? Какъ ты думаешь, Варя? Вѣдь говорятъ, здѣсь недурно играютъ.

Я даже похолодѣлъ при этихъ словахъ: до того они были неожиданны и радостны для меня.

— Ахъ, мама, вотъ это прекрасно! Я уже давно собирался просить тебя объ этомъ. Я такъ люблю театръ!

— Что жъ, отправляйтесь хоть завтра; я буду очень рада, если ты повеселишься. Нужно только узнать сперва, что̀ завтра пойдетъ.

— Завтра идетъ „На бойкомъ мѣстѣ“ и водевиль „Вицъ-мундиръ“, — поспѣшно сообщилъ я.

— Ты откуда знаешь?

Я смутился и не зналъ, что отвѣчать. Но въ это время вниманіе матери было привлечено большою ночною бабочкой, кружившеюся вокругъ свѣчи: мать старалась поймать ее, чтобы та не сожгла себѣ крыльцевъ. Я воспользовался этою минутой и всталъ изъ-за стола.

XIII.

Ночь наступила такая же свѣтлая и тихая, какимъ былъ и весь вечеръ. Медленно, едва примѣтно гасла заря, словно ей жалко было разставаться съ землею, опьяненной вешними грезами и вешнимъ счастьемъ; полоса зари продолжала пламенѣть на горизонтѣ, а надъ нею, сверкая переливами цвѣтовъ, тихо разгоралась Капелла. Крупныя звѣзды кое-гдѣ мерцали на матовомъ куполѣ неба. Прозрачный, серебристый воздухъ былъ весь напоенъ сладкимъ ароматомъ цвѣтущихъ черешенъ и яблонь. Все звонче, все побѣдоноснѣй становилась пѣснь соловья, и, точно въ отвѣтъ на его страстный призывъ, какой-то шелестъ, какой-то таинственный шорохъ не смолкалъ во всемъ саду, у каждаго дерева, на каждомъ кустѣ, словно чье-то неслышное вѣяніе, чье-то трепетное дыханіе проносилось надъ грезящимъ міромъ. „Это цвѣты распускаются и промежъ собой разговариваютъ“, — объясняла мнѣ когда-то старая няня. — Но теперь я не слышалъ ничего: такъ сильно билось въ груди мое сердце.

Осторожно, прислушиваясь къ каждому своему шагу, спустился я въ садъ. Ночною свѣжестью пахнуло мнѣ въ разгоряченное лицо изъ его темныхъ аллей. Я весь дрожалъ какъ въ лихорадкѣ, ноги мои подкашивались, въ вискахъ било, точно молотомъ. Я задыхался. Раза два мнѣ показалось, будто кто-то тихо, едва внятно назвалъ меня по имени, чудились чьи-то робкіе шаги позади меня. Непонятный страхъ овладѣвалъ мною. Я останавливался и прислушивался; но все было тихо вокругъ, и только издали, изъ-за рѣки, едва-едва доносилась чья-то одинокая заунывная пѣсня. И я продолжалъ итти, вздрагивая при всякомъ трескѣ сухой вѣтки подъ ногами, при всякомъ шорохѣ спящей птицы въ кустѣ.

Вся моя смѣлость, вся моя рѣшимость пропали безъ слѣда. „Зачѣмъ я иду? Что я ей? — мальчикъ, подростокъ. Можетъ ли быть, что она меня любитъ? Она просто хочетъ посмѣяться надо мной“. Смутныя мысли проносились въ головѣ. Вспоминались ея странныя, загадочныя слова. Становилось жутко... А когда я, наконецъ, очутился передъ давно знакомымъ мѣстомъ, у обвалившейся стѣны, холодный потъ выступилъ у меня на лбу. Мнѣ захотѣлось бѣжать отсюда, скорѣй, сломя голову, домой, зарыться съ головой въ подушку, забыть все это, ни-

чего больше не видѣть, ни о чемъ не думать, ничего не чувствовать. Минута — и я, въ самомъ дѣлѣ, обратился бы въ бѣгство; но какая-то невѣдомая сила противъ воли толкала меня впередъ; я чувствовалъ себя безсильнымъ сопротивляться ей, рѣшимость отчаянія овладѣла мною и, съ замираніемъ сердца, спрыгнулъ я по ту сторону ограды.

Позади меня два-три камня съ мягкимъ шумомъ свалились на траву.

XIV.

На балконѣ, обтянутомъ парусиной, не было никого. Лампа, подъ зеленымъ колпакомъ, тускло освѣщала царствовавшій вокругъ безпорядокъ. На скомканной и залитой скатерти стояли стаканы съ недопитымъ чаемъ; кружки нарѣзаннаго лимона лежали на блюдечкѣ подлѣ бутылки съ коньякомъ; изъ-подъ чьей-то широкополой измятой шляпы выставлялся бѣлый свертокъ. Дорожный сакъ стоялъ на полу.

Что бы это значило? Я въ нерѣшительности остановился на ступенькахъ балкона, — но только на одно мгновеніе. Соображать я больше ничего не могъ. Я зналъ только, что я у *нея*, что черезъ минуту я буду съ *нею*. Старыя ступеньки заскрипѣли подъ моими шагами. Я невольно схватился за сердце, оглушавшее меня своимъ біеніемъ.

Въ это время стеклянная дверь на балконъ отворилась, и мнѣ навстрѣчу вышла Надежда Романовна, — но не одна: слѣдомъ за ней шелъ высокій, плотный мужчина, съ бритымъ лицомъ, одѣтый въ лѣтній пиджакъ; въ эту минуту онъ вынималъ папироску изъ портсигара.

— Это вы, юноша? Хорошо, что зашли! — Надежда Романовна протянула мнѣ руку. — Вотъ, — обратилась она къ своему спутнику, — это нашъ сосѣдъ. А это мой мужъ, — прибавила она съ удареніемъ и значительно взглянула на меня.

Я стоялъ, какъ пораженный громомъ. Мужъ? Какой мужъ? Она никогда ничего не говорила мнѣ о мужѣ. Стало-быть, она обманывала меня, насмѣхалась надо мной! Я чувствовалъ, какъ мои руки сразу похолодѣли; но лицо продолжало горѣть нестерпимо.

А Надежда Романовна, между тѣмъ, что-то говорила, — я не понималъ ни слова, — что-то спрашивала и меня, и мужа, — какъ ни въ чемъ не бывало! Въ эту минуту я ее ненавидѣлъ;

ненавидѣлъ это лицо со вздернутою губой, эти руки, безпечно игравшія браслетомъ, эту розу въ золотистыхъ волосахъ, — я самъ принесъ ее утромъ, лучшую розу, какую только могъ найти на расцвѣтшихъ кустахъ. Жгучее чувство стыда и обиды охватывало меня. Къ горлу подступали слезы.

Физіономія моя, по всей вѣроятности, была до нельзя жалкая, потому что я замѣтилъ, какъ углы ея губъ дрожали коварною улыбкой, каждый разъ, когда она взглядывала на меня. О, какъ я ее ненавидѣлъ! но я не смѣлъ даже взоромъ высказать ей этого, изъ боязни тутъ же расплакаться.

Мужъ, видимо, не замѣчалъ моего смущенія.

— Ну, не подлецъ ли онъ послѣ этого, скажите на милость? — говорилъ онъ, сжимая мою руку своими мясистыми пальцами. — Видитъ, что дѣло не идетъ, — бросилъ труппу, можно сказать, на произволъ судьбы и удралъ со всею выручкой: развѣ это не феноменальная подлость?

— Андрей Иванычъ только что изъ Тамбова возвратился: тамъ отъ нихъ распорядитель сбѣжалъ, ихъ всѣхъ безъ ничего оставилъ, — поясняла Надежда Романовна.

— Да, памятенъ мнѣ будетъ этотъ Тамбовъ! Скверный городъ! подлый городъ! Повѣрите ли: туда съ двумя чемоданами пріѣхалъ, а вернулся совсѣмъ налегкѣ. Былъ у меня фракъ, настоящей петербургской работы, тончайшаго сукна, были золотые часы съ цѣпочкой, перстень былъ съ топазомъ, — все въ Тамбовѣ осталось, да и самъ-то я еле-еле выбрался: даже телеграмму сюда не на что было послать, жену извѣстить, что, молъ, ѣду. Да и то еще благо, что не пришлось совсѣмъ Аркашкѣ уподобиться, по образу пѣшаго хожденія пропутешествовать. Не угодно ли рюмку коньяку? Нѣтъ, не хотите? Ну, а я выпью.

Онъ усадилъ меня за столъ; я повиновался машинально, все еще не будучи въ состояніи окончательно придти въ себя. Воля моя была парализована, мысли путались... Что могло быть въ томъ сверткѣ, подъ шляпой? И какая это смѣшная шляпа!..

— Можетъ-быть, вамъ стаканъ чаю налить? — предлагала Надежда Романовна. — Только чай холодный, а самовара некому поставить, потому что Аннушки дома нѣтъ, я ее къ роднымъ отпустила.

Андрей Иванычъ выпилъ и взялъ ломтикъ лимона.

— Эхъ! „не водись-ка на свѣтѣ вина"... Помните, молодой человѣкъ, Некрасова? Хорошій поэтъ. Если бы больше такихъ было на Руси! И стихи хорошіе, только ко мнѣ не подходятъ. Ежели бы, въ самомъ дѣлѣ, не было этого зелья, развѣ я таскался бы по разнымъ Тамбовамъ и Калугамъ? Я бъ тогда тысячные оклады на казенной сценѣ получалъ, меня бы на рукахъ носили. Ну, а теперь: выпьешь, — глядь, какой-нибудь скандалъ или дебошъ учинишь, а какъ, зачѣмъ и почему, самъ потомъ не знаешь. Самому стыдно станетъ, потому что все-таки человѣкъ порядочный, только натура широкая, русская. Съ этимъ ужъ ничего не подѣлаешь! Откуда у тебя эта роза, такая большая? — обратился онъ къ Надеждѣ Романовнѣ, указывая на цвѣтокъ въ ея волосахъ.

— Откуда? Конечно, отъ поклонника, — отвѣчала она, и въ голосѣ мнѣ почудилась легкая усмѣшка.

„Зачѣмъ я здѣсь сижу? Уйти, бѣжать!" мелькало у меня въ головѣ. „Сказать ей что-нибудь такое, чтобы ей самой стало больно и стыдно? Показать, что я не ребенокъ, не игрушка!" — Но ничего не приходило мнѣ на умъ, и я продолжалъ сидѣть молча, стараясь только не глядѣть на нее. Я упорно смотрѣлъ передъ собою, туда, гдѣ изъ-за перилъ балкона молодой хмель протягивалъ къ свѣту свои цѣпкія кольца, тихо колебавшіяся въ воздухѣ.

— Да что роза! Роза — пустяки! Главное, чтобы была душа въ человѣкѣ, — продолжалъ Андрей Иванычъ. — Отчего, напримѣръ, у насъ такъ мало настоящихъ артистовъ? Потому что души нѣтъ у многихъ, а такъ только подлыя душонки. Далась ему одна какая-нибудь роль, онъ ужъ ничего больше играть не хочетъ и не можетъ, а про себя, все-таки, думаетъ, что онъ настоящій артистъ. А заставь его сыграть что-нибудь другое, у него ничего и не выйдетъ. Какой же это артистъ послѣ этого! Я себя хвалить не стану, а скажу только, что какую бы мнѣ роль ни дали, я въ каждую войти могу, то-есть, что называется, до тонкостей. Я и резонеръ, я и первый любовникъ, я и на комическихъ амплуа себя не уроню. Кто играетъ Несчастливцева? — я. Кто играетъ Аркашку? — опять-таки я. Много ли вы такихъ артистовъ найдете? Наперечетъ, батенька, всѣ они наперечетъ! Рыдаешь ты, такъ чтобъ весь театръ съ тобой слезы лилъ, — смѣешься, такъ чтобъ у всѣхъ

животики подводило, — вотъ это настоящій актеръ. А остальное — мелюзга, мразь!

Андрей Иванычъ съ презрѣніемъ отвернулся, такъ что ненадежный стулъ заскрипѣлъ подъ его грузнымъ тѣломъ.

Я поднялся.

— Куда же вы, дорогой мой? Только что пришли, и ужъ уходить собираетесь? Посидите еще полчасика; я васъ сотерномъ угощу: кажется, одна бутылка осталась отъ прежняго изобилія.

Я съ трудомъ пробормоталъ нѣсколько фразъ:

— Я спѣшу... Мнѣ пора домой... Я зашелъ только на одну минуту, случайно.

Опять мнѣ показалось, будто Надежда Романовна усмѣхнулась. Она не удерживала меня.

— Право слово, оставались бы, побалакали бы съ нами, — какъ куряне, мои родичи, говорятъ.

Но я рѣшительно отказывался.

— Ну, какъ знаете. Заходите когда-нибудь въ скорости, благо вамъ недалеко. Я вѣдь здѣсь, по всей вѣроятности, останусь; будемъ и впредь знакомы.

XV.

Долго потомъ лежалъ я на своей постели, зарывшись съ головой въ подушку, весь дрожа отъ сдерживаемыхъ рыданій. Мое первое горе, первое разочарованіе осилило, сломило меня. Душа изнывала отъ боли. Мнѣ казалось, что я не переживу этого дня, что я долженъ умереть, теперь же, сейчасъ же. Все самолюбіе шестнадцатилѣтняго мечтателя было возмущено, уязвлено, — и нѣтъ ничего на свѣтѣ больнѣе уязвленнаго самолюбія. Горько и стыдно было мнѣ за самого себя: такимъ жалкимъ, безпомощнымъ, униженнымъ казался я въ собственныхъ глазахъ. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, до слезъ хотѣлось чьей-либо ласки, привѣтнаго взгляда, тихаго слова участья, — но все вокругъ было глухо и безмолвно, и только часы безъ конца повторяли скучную и монотонную пѣсню времени.

Ночь проходила. Слезы облегчили мнѣ душу. Рыданья постепенно стихали, стихала щемящая боль, тихая грусть завладѣвала всѣмъ существомъ. Я лежалъ, закинувъ руки за голову, съ широко раскрытыми глазами, и смотрѣлъ, какъ ноч-

ныя тѣни мало-по-малу прятались по угламъ, какъ всѣ предметы вокругъ пріобрѣтали давно знакомую форму и окраску, какъ голубой день все болѣе и болѣе наполнялъ комнату свѣтомъ и жизнью. Просыпались первыя птички въ саду. Вотъ защебетала одна, за ней другая. Ласточки зашевелились надъ окномъ. Утренній вѣтерокъ зашелестилъ листвой деревьевъ.

Я поднялся и открылъ окно; росистою свѣжестью повѣяло на меня. Прислонившись головой къ переплету рамы, я жадною грудью вдыхалъ ароматный воздухъ. Все ярче и ярче разгоралась заря, заливая весь садъ золотистымъ свѣтомъ. Свѣтлый день спокойно вступалъ въ свои права; и на душѣ у меня становилось свѣтло и спокойно. Позабытая кисть сирени лежала на подоконникѣ: это была та самая, которую я еще такъ недавно покрывалъ восторженными поцѣлуями; теперь лепестки ея уже свернулись, она поблекла и завяла. Видъ ея не вызвалъ во мнѣ никакой горечи, никакой боли. Одно только чувствовалъ и сознавалъ я въ эту минуту: что какой-то переломъ совершился въ моей жизни, что я уже не тотъ, какъ прежде, что что-то погасло и умерло въ моей груди — навсегда... Въ эту вешнюю ночь окончились годы моего отрочества; въ эту вешнюю ночь я въ первый разъ сталъ лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью, въ первый разъ заглянулъ въ глаза невѣдомой ранѣе жизни, — и, подъ ея безучастнымъ взоромъ, тоскливо сжалось мое сердце, холодомъ повѣяло мнѣ въ душу, и былыя мечты поблекли и завяли, какъ эта пышная кисть бѣлой сирени.

В. Саводникъ.

Книга особенно замѣчательной судьбы.

V.

Мы ожидаемъ чего-нибудь необыкновенно страннаго и дѣтскаго въ самыхъ, если позволительно такъ выразиться, магистраляхъ мышленія Бокля; въ томъ основномъ планѣ и въ тѣхъ руководящихъ идеяхъ, которыя на протяженіи книги онъ станетъ унизывать необозримыми фактами, вычитанными имъ изъ необозримаго сброда книгъ, безпорядочно скупавшихся у букинистовъ. Въ предыдущей главѣ мы подвели читателя къ коренному его понятію: что такое наука и что такое не наука; наука—это знаніе „законовъ", это возможность „предвидѣть и предсказывать" явленія; ея необработанное преддверіе есть все, что до этого вѣдѣнія не доразвилось. Самый же законъ есть постоянство явленій, ихъ подмѣченная устойчивость, „единообразіе" въ текущемъ времени... Мысль его труда, великая битва съ „imbeciles historiens" была бы выиграна, если бы имъ, никогда даже не пытавшимся искать эти законы, онъ съ очевидностью математическаго рѣшенія показалъ, что въ фактахъ жизни человѣческой, „какъ они ни сложны", дѣйствительно, *есть* это постоянство и устойчивость. И онъ это доказываетъ.

По всей Европѣ зашумѣли, смущая общества Англіи, Россіи, Франціи, поразительные примѣры „единообразій", которыя онъ дѣйствительно привелъ. Такое явленіе, какъ преступное убійство, все обставленное страстями и случайностью, обусловленное въ самой выполнимости своей совпаденіемъ множества мельчайшихъ и для самого преступника непредвидимыхъ обстоятельствъ, — казалось бы, не представляетъ возможности предвидѣнія для наблюдателя - ученаго и не допускаетъ никакой повторяемости: между тѣмъ цифра убійствъ, по даннымъ статистики, изъ года въ годъ повторяется для каждой страны,

слабо варьируя, „съ правильностью движенія морскихъ теченій и смѣны временъ года“ (стр. 11). Но вотъ самоубійство, чисто субъективный актъ, куда не можетъ замѣшаться регулирующее законодательство и администрація, актъ, казалось бы, свободной воли: оказывается, по изслѣдованіямъ того же Кетле, что не только цифра ихъ, но и распредѣленіе по возрастамъ и, наконецъ, по способамъ и орудіямъ совершенія почти постоянны изъ года въ годъ, колеблясь, напр., въ Лондонѣ между 213 и 266; это постоянство вскрываетъ для насъ „общій законъ; частный же вопросъ о томъ, кто именно совершитъ надъ собою самоубійство, зависитъ отъ дѣйствія болѣе частныхъ законовъ, которые, однако, въ совокупномъ дѣйствіи своемъ, должны подчиниться главному общественному закону, очевидно находясь отъ него въ зависимости“ (стр. 12). Наконецъ, Бокль беретъ браки, т. е. актъ, въ которомъ все играетъ страстью и огнемъ, гдѣ все неуловимо и даже, относительно заключительнаго момента, непредугадываемо для самихъ любящихъ, которыхъ надежды такъ часто разбиваются: та же неумолимая, безстрастная, неподкупная статистика показываетъ, что и ихъ число почти одинаково изъ года въ годъ. Наконецъ, онъ беретъ мелочь, смѣшную въ незначительности своей вещь: число опускаемыхъ въ почтовые ящики писемъ безъ адреса; это — простая забывчивость лицъ, пишущихъ письма, совершенно случайная и въ общемъ рѣдкая: однако, изъ года въ годъ въ Соединенномъ королевствѣ правительственными чиновниками вынимается изъ ящиковъ то же число конвертовъ, на которыхъ адресъ отсутствуетъ.

Приведя эти поразившіе его примѣры, которые онъ всѣ заимствовалъ у Кетле, Бокль разсуждаетъ о параллелограммѣ силъ въ механикѣ, — „прекрасной теоріи, по которой силы относятся однѣ къ другимъ, какъ діагонали ихъ параллелограммовъ“. „Этотъ великій законъ, столь богатый послѣдствіями“, указываетъ онъ, „не возбуждаетъ никакого сомнѣнія у всѣхъ, кто знакомъ съ его основаніями, и однако, всякій разъ, какъ мы наблюдаемъ его дѣйствіе въ практическомъ приложеніи, мы наблюдаемъ въ немъ малыя отступленія, зависящія отъ сопротивленія среды, расположенія атомовъ въ движущемся тѣлѣ и отъ другихъ обстоятельствъ движенія; такъ, но не въ большей степени и не отъ другихъ причинъ, строгіе законы общественныхъ явленій, обнаруженные въ указанныхъ единообразіяхъ, представляютъ нѣкоторыя колебанія между предѣльными вели-

чинами, а не повтореніе одной величины изъ года въ годъ, безъ всякой варіаціи"... Коренная мысль его объ аналогіи жизни человѣческой и жизни природы, а слѣдовательно и объ аналогіи исторіи съ науками естественными—доказана. Но какъ? и что именно онъ доказалъ? что такое все приведенное нами разсужденіе?

Никѣмъ, въ цѣлой Европѣ никѣмъ не было замѣчено, что всѣ имъ приведенные факты не суть вовсе законы, а только иллюстраціи давно и всякому извѣстной логической аксіомы: „когда причина *A* производитъ слѣдствіе *a*, и *A*—сохраняется, сохраняется и *a*". Мнѣ ничего фактически неизвѣстно о Китаѣ, кромѣ того, что онъ обширенъ, люденъ, производитъ чай и что тамъ за проступки бьютъ мандариновъ по пятамъ, какъ и обыкновенныхъ смертныхъ; и хотя новый Кетле не обогатилъ насъ свѣдѣніями о внутренней жизни этой страны, — а, главное: я лично о ней ничего не знаю, но я знаю тотъ удивившій бы Бокля фактъ, что въ 1801 году тамъ было дано столько же,—„почти столько же",—ударовъ бамбуковою палкой, сколько и въ 1799 году. Бьютъ за проступокъ обнаруженный; и если средства обнаруженія остались тѣ же, порочность, конечно, та же, и статьи закона не измѣнились, какъ можетъ число даваемыхъ палокъ, плодъ этихъ неизмѣнившихся условій, стать меньше или больше! Зачѣмъ Бокль рылся у Кетле? Если бы онъ открылъ первую страницу логики, или если бы въ школѣ, преждевременно имъ оставленной, онъ перешелъ въ слѣдующій классъ,—и, не выходя изъ кабинета, онъ могъ бы исписать еще болѣе поразительными примѣрами „единообразій" столько же страницъ, сколько ихъ есть въ его книгѣ. Не удивительно ли: подброшенный кверху камень въ Греціи, но также и „въ Римѣ позднихъ эпохъ развитія", падалъ, „отъ чего бы это ни происходило", опять обратно книзу; и всякій разъ мебель, толкнутая съ достаточною силой, если выходила изъ равновѣсія—въ Старомъ и Новомъ свѣтѣ, а по документамъ „даже въ эпоху Инковъ", падала и разбивалась при хрупкости; а если изъ равновѣсія не выходила, возвращалась въ прежнее положеніе. Аналогичны этимъ, и только этимъ примѣрамъ всѣ, какіе онъ записалъ; забывчивость въ Англіи, т. е. число людей забывчивыхъ и мѣра ихъ забывчивости, конечно, въ 1846 и въ 1847 году были тѣ же: и то, что течетъ изъ этой причины какъ слѣдствіе—число безъ адреса опущенныхъ писемъ, конечно, течетъ безъ

варіацій. Можно было бы, не считая, сказать, что число невѣрно даваемыхъ сдачъ въ мелочныхъ лавочкахъ повторяется въ Англіи, а также впрочемъ и въ Европѣ одинаково изъ года въ годъ. Это — монотонная сторона исторіи ли, физической ли природы; ея калейдоскопическій моментъ; и міръ былъ бы невозможенъ, невозможно было бы бытіе въ немъ, если бы одна и та же причина, или комплексъ причинъ, произведя сегодня это, производилъ завтра совсѣмъ иное. Но кто съ указанія на это начиналъ науку? и въ любимыхъ имъ книгахъ по естествознанію гдѣ находилъ онъ разсужденія этой степени наивности и простоты?

Между тѣмъ его полумысль, полуоткрытіе, что число самоубійствъ изъ года въ годъ повторяется, и что свободѣ человѣка принадлежитъ лишь выбрать имя того, кто приметъ на себя „исполненіе закона“, — породила на всемъ протяженіи Европы нѣкоторую меланхолію, заставивъ безъ возраженій, безъ ропота отказаться отъ представленій о свободѣ воли... Но свобода именно относится къ имени, къ дню; къ тому, что эта Татьяна, несмотря на тѣснящій ее голодъ, или несмотря на обманъ любимаго человѣка, сегодня какъ вчера и завтра какъ сегодня борется съ мыслью о самоубійствѣ, которое одно ей осталось... Но вотъ, она убилась и „пополнила число“, къ удовольствію Кетле и удивленію Бокля: что это значитъ, что новаго дала она намъ? — Да ничего, кромѣ того, что и Сципіонъ Африканскій, если бъ ему 21 день не давать хлѣба и никакой пищи, умеръ бы совершенно такъ, какъ и его рабъ или моя кухарка „при тѣхъ же обстоятельствахъ“. Неизмѣнны здѣсь, повторяются изъ года въ годъ давящія на человѣка, тѣснящія его грудь условія существованія, повторяется физика его бытія, механика условій и среды; и изъ года въ годъ онъ задыхается въ той же цифрѣ, изъ года въ годъ — борясь, страдая, побѣждаясь. Но какъ побѣжденный, издыхая, въ послѣдній мигъ сопротивленія и сознанія онъ былъ свободенъ въ 1846 году, такъ останется свободенъ въ 1847 г., останется вѣчно. Въ примѣрахъ, какъ письмо безъ адреса, понужденіе мягко, ласкающе, не грубо; оно состоитъ въ недостаточномъ воспитаніи вниманія; но и мягкое или отрицательное — оно есть; и никто никогда, защищая свободную волю человѣка, не защищалъ тотъ тезисъ, что человѣкъ не уступаетъ никакому понужденію, что онъ вообще и абсолютно отъ всего кромѣ себя независимъ.

Сократъ или Кантъ знали, какъ и Бокль, что послѣ 18 часовъ бодрствованія человѣкъ неудержимо засыпаетъ, и что рѣшительно никто, никакой святой или мудрецъ, будь это самый „свободный“ стоикъ, не удержался бы отъ сна послѣ 72 часовъ бодрствованія. Евангеліе также говоритъ намъ о свободѣ человѣка; оно говоритъ о его свободѣ черезъ Бога; но и оно разсказываетъ, что Спасителевы ученики спали въ тотъ самый часъ, какъ Учителя брала стража. Не въ этомъ вовсе состоитъ человѣческая свобода, но въ акціи, въ усиліи; не въ побѣдѣ— это есть вопросъ его *силы,* а въ борьбѣ — ибо здѣсь только начинается *свобода.* Что „ежегодно 213 человѣкъ въ Лондонѣ кончаютъ самоубійствомъ“ — и значитъ только, что 213 человѣкъ въ Лондонѣ были пересилены обстоятельствами этого, того, третьяго года, постоянными въ каждомъ году; пали какъ гладіаторы, и не оплаканные, на аренѣ цирка, но каждый борясь и всякій свободенъ въ „волѣ“ своей до издыханія; и не отъ увеличенія „духовной свободы“, не отъ факта „свободы воли“, а отъ укрѣпленія ихъ мускуловъ при той же совершенно „не свободѣ“ или „свободѣ воли“ могла бы измѣниться цифра павшихъ: какъ она измѣнялась бы, если бы въ одномъ году бросали на арену дѣтей, и въ другомъ — взрослыхъ, равныхъ, однако, въ существѣ своей психической природы; или эта цифра измѣнилась бы, если бы въ этомъ году выпускались на нихъ шакалы, и въ другомъ — медвѣди: качества звѣря, или „окружающихъ обстоятельствъ“, равно лежащія внѣ граней человѣческой свободы и снова ничего не затрогивающія въ существѣ ея, не рѣшающія о человѣкѣ никакого вопроса.

Это — относительно метода доказыванія, и еще хуже обстоитъ дѣло относительно предмета доказываемаго. Тема Бокля была не отыскать постоянство „жизненныхъ явленій“, но постоянство „и слѣдовательно закономѣрность“ явленій именно и только „исторіи“. Между тѣмъ — гдѣ они? гдѣ они среди этихъ иллюстрацій, которыя онъ наивно принялъ за „законы“; и пусть даже это будутъ дѣйствительно „законы“, — но чего? Убійствъ въ 47 году столько же, сколько въ 1846, — но почему это исторія? Гдѣ здѣсь Рахиль, только однажды сказавшая слово, — и оно было такъ замѣчательно, что занесено на страницы вѣчной книги? Исторія есть *новое,* есть *рождающееся;* исторія есть *генезисъ;* ея предметъ есть не фактъ, не событіе, не калейдоскопическая перемѣна, но варіація, если позволительно такъ

выразиться, въ условіяхъ устройства, вращенія, бытія или небытія самого калейдоскопа. Народы воевали, но они всегда воевали, и порознь въ этой или той войнѣ еще нѣтъ исторической перемѣны и слѣдовательно предмета для размышленій историка: есть факты для записи хроникера или „лѣтописца"; но вотъ съ изобрѣтенія пороха народы стали воевать иначе, — и продолжается хроника, но рядомъ съ нею начинается и исторія: генезисъ въ самомъ генезисѣ, смѣна калейдоскопа стереоскопомъ, — вотъ ея настоящій и вмѣстѣ единственный предметъ. Мы сказали, что евреи не были мореплавателями — и это не входитъ въ исторію; но аѳиняне были ими — и это также не входитъ въ исторію, пока они не доплыли до Египта и не вступили и не завязали съ нимъ сношеній: это — не то, что было за годъ раньше, и исторія вписываетъ этотъ *новый* фактъ, изучаетъ его подробности, слѣдитъ за его послѣдствіями: все за *новымъ*, что онъ открываетъ собою въ будничной вереницѣ событій, въ „трудахъ и дняхъ", которые съ этого момента потекутъ нѣсколько иначе, чѣмъ до него. *Нарастающее* въ потокѣ вѣчности „сегодня", *выплеснувшееся* изъ границъ „вчера" и „завтра", — греки уже не похожіе на Востокъ, Римъ отбѣжавшій отъ Греціи въ сторону, Галилея во всемъ имъ обоимъ противоположная и, наконецъ, „дикарь" — Шекспиръ, такъ не похожій ни на Софокла, ни на Плавта, — вотъ таинственный и нигдѣ еще въ природѣ не наблюдаемый циклъ явленій, узоръ фактовъ и, конечно, узелъ законовъ и силъ, который испытуетъ исторія; и замѣнить этотъ таинственный, непостижимый, или очень трудно разгадываемый, узоръ счетомъ бамбуковыхъ ударовъ въ Китаѣ, просчитывающихся въ мелочныхъ лавкахъ кухарокъ, опущенныхъ безъ адреса и даже безъ писемъ конвертовъ, и, наконецъ, убійствъ и самоубійствъ, — значило не только не возвести „бѣдную заброшенную вѣтвь знаній" къ состоянію Кеплеро-Ньютоніанской космографіи, но и просто ничего въ ней не понять, не замѣтить самаго ея предмета.

VI.

Отъ этой фундаментальной магистрали его мышленія побѣжали боковыя линіи: это — знаменитыя, ставшія знаменитыми, его разсужденія „о вліяніи природы на человѣка". Снова вся Европа была удивлена; тщетно опять „imbeciles historiens" увѣ-

ряли, что уже аналогичныя этому разсужденія есть у Геродота; что они встрѣчаются у Бодэна, Монтескье; у насъ, — что они есть у С. М. Соловьева; и, я думаю, что есть у всякаго рыбака на берегу Ладожскаго озера, который понимаетъ, почему онъ занимается рыбною ловлей, а не разводитъ мериносовъ. Но кромѣ того, что всѣ эти разсужденія — у Геродота, Монтескье, Соловьева, нашего рыбака — смѣшны и не нужны; они всегда невѣрны; и, наконецъ, они вовсе не затрогиваютъ *исторіи*, варіацій, а только объясняютъ *бытъ*, — сегодня, насколько оно не всплескивается надъ вчера. Моммзенъ, необъятный ученый и мѣстами геніальный изобразитель судебъ Рима, объясняетъ въ исторіи вѣчнаго города „причины", какъ онъ думаетъ, „начальнаго возвышенія его": и мы читаемъ у него, что Тибръ былъ не глубокъ и безъ пороговъ, почему плаваніе, „а слѣдовательно и торговля", были возможны; „если бы онъ былъ, — разсуждаетъ знаменитый историкъ, — построенъ около самого устья Тибра, — онъ въ самомъ же началѣ былъ бы разоренъ и разрушенъ морскими пиратами, или, по крайней мѣрѣ, ихъ нападенія задержали бы его развитіе; напротивъ, находясь очень далеко отъ устьевъ, — онъ не зналъ бы моря и не имѣлъ бы всѣхъ выгодъ этого знанія". Историку-физіократу, какимъ на этотъ разъ захотѣлъ стать Моммзенъ, чтобы хоть сколько-нибудь выйти изъ этой дѣтской, а, главное, ненужной ни для чего логики, необходимо было бы указать на что-нибудь такое, что̀ было особеннаго и исключительнаго, единственнаго на землѣ, въ условіяхъ мѣстности, гдѣ возникъ единственный по судьбамъ и значенію городъ; или, напротивъ, хоть доказать, что на протяженіи всего западнаго побережья Аппенинскаго полуострова не было ни одного поселка „не очень близкаго и не очень далекаго отъ устья не глубокой и безъ пороговъ рѣки". Но оставимъ это и перейдемъ къ другимъ народамъ, гдѣ эта спорная сторона исторіи яснѣе. Въ тысячѣ мѣстъ Аравіи могла сложиться судьба Израиля; даже племя семитическое — было тамъ; и не сложилась она нигдѣ, но только въ благословенномъ сѣмени Авраама. Въ первой главѣ евангелиста Матѳея, въ этой для невнимательнаго читателя утомительной главѣ, данъ въ сущности прототипъ исторіи и сложена альфа ея пониманія: „Іосафатъ роди Іорама... Матѳанъ роди Іакова, Іаковъ роди Іосифа, мужа Маріи, изъ дома Давидова, отъ нея же, въ тридцатый годъ правленія кесаря Августа, родился Іисусъ, назы-

ваемый Христомъ“. И только — и больше ничего нѣтъ, а главное — не нужно; или все остальное за этимъ — неизслѣдимо вовсе, не услѣдимо никогда, и мы лишь закрываемъ отъ себя истину, маскируемъ словами честное непониманіе, какое намъ оставлено, когда пытаемся изъ „вида страны“, „качествъ почвы“, „близости моря“ вывести то, что отсюда ясно не выводимо. На плоской равнинѣ Лаціума, въ маленькой Альба-Лонгѣ, — пусть фабула о братьяхъ-близнецахъ достовѣрна, — чередовались reges — пастухи, самыя имена коихъ не занесены ни въ какую хартію, пока ... „Нумиторъ роди Рею Сильвію, Рея Сильвія роди Ромула и брата его...“ и „зачалась“, таинственно, — это во-первыхъ, и неудержимо, — это во-вторыхъ, новая вѣтвь исторіи: совершенно новая, ни съ какою изъ предыдущихъ не сходная. Да, лоно матери, а не климатъ и почва, есть точка новыхъ въ исторіи рожденій: отъ этого они такъ живы, неустранимы, и, собственно, они потому и начинаютъ исторію, нарушая калейдоскопъ, что преодолѣваютъ прежде всего калейдоскопическую сторону „трудовъ и дней“, лежащую въ климатѣ и почвѣ. Никогда на землѣ не было двухъ Римовъ; нигдѣ — двухъ Аѳинъ; одинъ — Сіонъ; нигдѣ аналогій, ни въ чемъ — повтореній, при повторяющейся въ сущности „почвѣ“, „климатѣ“, „общемъ видѣ страны“, какъ трудолюбиво записывалъ и, съ надеждой что-то въ этомъ найти, обдумывалъ Бокль. Въ фактѣ, намъ близкомъ и совершенно достовѣрномъ, яснѣе, чѣмъ во всѣхъ аналогичныхъ, видно проявленіе этихъ таинственныхъ „началъ“ исторіи: Мономахъ роди Юрія, Юрій роди Андрея и помре въ Кіевѣ, Андрей же, получа Кіевъ, возненавидѣлъ землю свою, родъ свой и, бѣжавъ съ образомъ Богоматери на сѣверъ, въ холодные лѣса, срубилъ село и дерзко назвалъ его „Боголюбовымъ“, т. е. „возлюбленнымъ отъ Бога“, и еще болѣе дерзостно повѣрилъ, что отнынѣ изъ него, а не изъ стараго и священнаго Кіева, будетъ расти стволъ нашей исторіи: „и повелѣ, взявъ, разорить Кіевъ“. Вотъ фактъ во всѣхъ его чертахъ извѣстный, въ каждой чертѣ своей таинственный. Ясно, что движущій имъ пульсъ исторіи, ея тайна, лежитъ не въ волнахъ моря, которыя плещутся о берегъ, и тогда „возникаетъ мореплаваніе“: онѣ плещутся о Китай — и ничего тамъ не вызываютъ, тогда какъ Петръ, „рожденный отъ Натальи“, дотянулся до моря и „зачалъ мореплаваніе“, т. е. тайна лежитъ въ человѣкѣ, который глядитъ на море и или пугливо

отпрядываетъ отъ него назадъ, или мужественно и съ любопытствомъ въ него бросается; не въ горахъ, но въ человѣкѣ, который на нихъ или съ нихъ смотритъ: и то, какъ самнитяне, устрояетъ въ нихъ прочный бытъ, устойчивый общественный строй, „священную Весту“, то, какъ кавказцы, не устраиваетъ вовсе никакого строя и живетъ полу-разбоемъ, полу-войной; не въ почвѣ, которую воздѣлываютъ „братья“, и вотъ одинъ изъ нихъ „убиваетъ брата своего“: онъ — Каинъ и имѣетъ свою исторію; другой же „бѣ угоденъ Богу“: онъ Авель и имѣетъ особую для себя исторію.

Но и помимо этого, „страна“, „природа“, „море“, „цвѣтъ неба“, „качества земли“ — все это есть *постоянный* фактъ, причина постояннаго же *быта*, и, между тѣмъ, историку предлежитъ объяснять *перемѣнное*. Цвѣтъ неба и почва при Ромулѣ и Тиверіи остались тѣ же, а историку нужно объяснить неисчерпаемый рядъ фактовъ, включенныхъ между Ромуломъ и Тиверіемъ; были пуническія войны, и никакого вліянія почвы; была борьба патриціевъ и плебеевъ, — и опять при чемъ цвѣтъ неба? Власть царская отмѣнена, она раздвоилась въ собратьевъ-консуловъ и сохранилась только въ странномъ учрежденіи interrex'овъ, — и опять при чемъ тутъ, что устье Тибра лежало за нѣсколько верстъ отъ Капитолія?

Даже если мы возьмемъ *общій* колоритъ исторіи, повидимому, уже объясняющійся изъ общихъ условій мѣстности, мы увидимъ, что и здѣсь связь объясняющаго и объясняемаго проблематична и даже прямо отсутствуетъ. Не подъ однимъ ли и тѣмъ же „сладострастнымъ куполомъ“ неба выросъ „желѣзный“ Римъ и Римъ Петрарки, Боккачіо, Рафаэля, Тиціана: мы говоримъ объ Италіи XIII—XV вв., объ этомъ скопищѣ несвязанныхъ городовъ, выглядывавшихъ себѣ изъ-за Альпъ, гдѣ среди нѣги и слабости вдругъ задышали чудный рѣзецъ, чудная кисть, чудный стихъ, послѣ того, какъ тысячелѣтіе передвигались тупые легіоны и жаднымъ глазомъ, мускулистою рукой не хотѣли и не умѣли оставить ничего независимымъ отъ себя. Двѣ Италіи — и одно небо; двѣ цивилизаціи — и одинъ только полуостровъ; все новое — при вѣчно старыхъ условіяхъ, новое уже въ *общемъ* колоритѣ своемъ. Что будемъ искать мы въ этихъ условіяхъ; какое скудоуміе понудитъ насъ еще и еще, день за днемъ и годъ за годомъ перебирать эти условія, это „небо“, „почву“, „море“, „рѣки“, „видъ отдаленныхъ горъ“,

когда они такъ бѣдны, понятны, не многочисленны, — и выросшее среди нихъ такъ таинственно, глубоко, необозримо. „Генiй земли“, ψυχή τῆς γῆς, сказали бы мы, если бы терминологія неоплатониковъ была еще жива; часть „міровой души“ есть этотъ темный духъ нашей планеты; и брызги, дыханія его есть этотъ генiй Рима, этотъ генiй новой Италіи, генiй и вообще эпохъ, культуръ, народовъ. Но мы сказанному не придаемъ значенія; мы дѣлаемъ археологическое припоминаніе, совершенно обратное новѣйшей гипотезѣ, которую разбираемъ, — не для иныхъ цѣлей, однако, какъ чтобы твердо указать, что между этою гипотезой, столь дѣтскою, и болѣе серьезнымъ по конструкціи древнимъ предположеніемъ есть огромная не заполненная пустота, гдѣ любопытство человѣческое никогда не перестанетъ играть блестками воображенія, но никогда они не начнутъ собою науки; войдутъ въ исторію, какъ новый предметъ для ея размышленій, и ничѣмъ ей самой, въ ея задачахъ, не помогутъ. „Іосафатъ роди Іорама“, „Рея — Ромула“, „Юрій — Андрея“...

В. Розановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

* *
*

Пронеслася ночная гроза,—вѣтеръ стихъ и уснулъ;
Дальше, глуше и глуше все грома стихающій гулъ.
За свалившейся тучей скользя облака убѣгаютъ;
Снова звѣзды на небѣ блестятъ, воздухъ влаженъ и чистъ;
Садъ затихъ... только капли съ деревъ овлажненныхъ спадаютъ,
Когда дрогнетъ подъ тяжестью ихъ засыпающій листъ...
И сильнѣе запахло березой и тополемъ слаще...
— Тише... Слышишь? какъ близко надъ нами, въ черемухѣ,
въ чащѣ,
Соловей... осторожнѣе! вѣтку смотри не задѣнь,
Не спугни... сядемъ здѣсь, гдѣ темнѣе какъ будто бы тѣнь,
Будемъ слушать его...
Ночь надъ нами какъ вздохъ пролетаетъ...
Мы молчимъ... только руку рука незамѣтно сжимаетъ,
И мы слушать и слушать хотѣли бы такъ безъ конца.
Ночь плыветъ...
Но затѣмъ звонкій голосъ ночного пѣвца
Затуманился, будто покрылся налетомъ печали,
И слабѣе звучитъ... и звучитъ ужъ какъ будто изъ дали...
Отчего ночь такъ странно темнѣетъ, волнуясь кругомъ,
Словно траурный газъ ея въ нашихъ глазахъ застилаетъ?
И мы плачемъ... о чемъ?..—о, я знаю, я знаю о чемъ:
Этотъ призракъ весны и любви ужъ отъ насъ улетаетъ,
Этотъ садъ... эта пѣснь, эта ночь... все такъ живо, но ахъ!
Это сонъ... Это памяти ищущей въ прошломъ видѣнья,
Они вызваны ею насильно изъ мрака забвенья,
Ея нѣтъ, этой ночи... она лишь въ минувшихъ мечтахъ.

Н. Плахово.

Русскіе и русская жизнь въ Варшавѣ.

(1815—1895).

Историческій очеркъ.

Въ 1895 году исполнилось 80 лѣтъ со времени присоединенія къ Россіи Привислянскаго края съ его центромъ — Варшавой. У насъ не мало писано о польскихъ мятежахъ 1830—31 гг. и 1863 года, но о томъ, какъ жили въ Привислянскомъ краѣ русскіе со времени перехода его подъ власть Россіи, какъ росло здѣсь число русскихъ, какъ зарождалась и слагалась тутъ русская общественная жизнь, какъ возникали русскія общественныя учрежденія,—въ нашей литературѣ имѣются лишь отрывочныя и далеко неполныя свѣдѣнія. Эти свѣдѣнія можно найти въ трудахъ протоіереевъ Лотоцкаго и Корженевскаго по исторіи православной церкви въ Привисляньи, въ напечатанной въ началѣ 80-ыхъ годовъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* статьѣ Вс. Крестовскаго „Военная жизнь въ Варшавѣ до 1831 г.“ и въ исторіяхъ нѣкоторыхъ полковъ, квартировавшихъ и квартирующихъ понынѣ въ Привислянскомъ краѣ, а также въ появлявшихся въ разное время „Воспоминаніяхъ“ и „Запискахъ“ разныхъ лицъ.

Въ предлагаемомъ очеркѣ я старался нарисовать возможно полную картину русской жизни въ Варшавѣ за послѣднія 80 лѣтъ, почерпая данныя изъ указанныхъ источниковъ, изъ варшавскихъ газетъ прежнихъ лѣтъ, а также основываясь на бывшихъ въ моихъ рукахъ архивныхъ документахъ, на разсказахъ варшавскихъ русскихъ старожиловъ, которымъ приношу благодарность за сообщенныя мнѣ свѣдѣнія, и на нѣкоторыхъ историческихъ трудахъ и мемуарахъ польскихъ авторовъ.

I.

Наполеонъ былъ разбитъ. Наши войска, преслѣдуя его армію, вступили въ январѣ 1813 г. въ варшавское герцогство, послѣ чего императоръ Александръ I учредилъ для управленія герцогствомъ временный верховный совѣтъ. Предсѣдателемъ этого совѣта и вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ-губернаторомъ варшавскаго герцогства былъ назначенъ сенаторъ В. С. Ланской, служившій прежде въ Литвѣ и считавшійся опытнымъ администраторомъ, товарищемъ предсѣдателя — Н. Н. Новосильцовъ, другъ юности императора Александра, а членами: Вавржецкій, командовавшій въ 1794 г. послѣ взятія въ плѣнъ Костюшки польскимъ войскомъ, князь Любецкій-Друцкій и Комомбъ, завѣдывавшій ранѣе имѣніями короля саксонскаго, герцога варшавскаго. Польскій литераторъ первой половины этого столѣтія Дмоховскій свидѣтельствуетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ", что дѣятельность временнаго верховнаго совѣта характеризовалась „величайшею мягкостью и заботами о благѣ страны", [1]) а командовавшій нашею резервною арміей князь Лобановъ-Ростовскій, говоря въ письмѣ къ Аракчееву объ отношеніи къ полякамъ генералъ-губернатора варшавскаго герцогства, выразился: „истинно стыдно явное и, такъ сказать, подобострастное во всякомъ случаѣ угожденіе полякамъ" [2]). Мы увидимъ ниже, что лично В. С. Ланского нельзя упрекать въ „подобострастномъ угожденіи полякамъ": онъ понималъ ошибочность польской политики императора Александра I и нѣсколько разъ пытался склонить государя измѣнить эту политику, но въ виду „строжайшихъ приказаній" государя „смотрѣть на поляковъ, какъ на друзей и братьевъ" [3]) и въ виду тѣхъ условій, въ которыя онъ былъ поставленъ, Ланской не могъ дѣйствовать согласно со своими взглядами. „Величайшая мягкость" образа дѣйствій временнаго верховнаго совѣта привела къ тому, что поляки, притихшіе было подъ впечатлѣніемъ успѣховъ нашего оружія въ первое время послѣ занятія нами герцогства, стали съ тече-

[1]) F. Dmochowskiego. «Wspomnienia od 1806 do 1830 v». Варшава 1858 г. стр. 53.

[2]) А. К. Пузыревскій: «Польско-русская война 1831 г.» СПБ. 1890 г. Стр. 6.

[3]) Подлинныя слова императора Александра изъ письма къ князю А. Чарторыйскому.

ніемъ времени волноваться, а когда получились въ Варшавѣ въ маѣ 1813 г. извѣстія о неудачахъ русскихъ подъ Люценомъ и Бауценомъ, варшавское населеніе, зная, что русскій гарнизонъ въ Варшавѣ малочисленъ, начало явно выражать неповиновеніе русской власти. Тогда Ланской обратился за помощью къ Паскевичу, блокировавшему въ то время крѣпость Модлинъ (въ 40 верстахъ отъ Варшавы, нынѣ Новогеоргіевскъ). Будущій князь Варшавскій, въ ту пору молодой генералъ, поспѣшилъ въ Варшаву съ однимъ баталіономъ и 4 орудіями, и населеніе города успокоилось. Послѣ этого русскій гарнизонъ въ Варшавѣ былъ усиленъ. Въ іюнѣ 1813 г. въ Варшавѣ и ея окрестностяхъ расположился корпусъ генерала Брозина, входившій въ составъ резервной арміи князя Лобанова-Ростовскаго, а въ августѣ 1814 г. вступилъ въ Варшаву съ войсками, возвращаясь изъ Парижа, фельдмаршалъ Барклай-де-Толли и пробылъ здѣсь до марта 1815 г., когда послѣ бѣгства Наполеона съ острова Эльбы, былъ вызванъ государемъ за-границу. Фельдмаршалъ занималъ въ Варшавѣ квартиру въ такъ называемомъ Брюлевскомъ домѣ, построенномъ министромъ польскаго короля Августа III, Брюлемъ. Въ эпоху Екатерины II въ этомъ домѣ жили русскіе послы при польскомъ дворѣ.

Находясь въ Варшавѣ, Барклай-де-Толли составилъ „Инструкцію для войскъ“, которая считается первымъ напечатаннымъ въ Варшавѣ на русскомъ языкѣ гражданскимъ шрифтомъ произведеніемъ печати. Вслѣдъ за Барклаемъ-де-Толли прибылъ въ Варшаву цесаревичъ Константинъ Павловичъ и подъ его командой пришли сюда вмѣстѣ съ русскимъ гвардейскимъ отрядомъ (баталіонъ Литовскаго, баталіонъ Финляндскаго, дивизіонъ Уланскаго полка и полубатарея гвардейской конной артиллеріи) польскія войска, предавшіяся русскому государю послѣ взятія нами Парижа. Объявляя за нѣсколько дней до прибытія цесаревича Константина Павловича объ ожидаемомъ вступленіи подъ его командой польскихъ войскъ въ Варшаву, Барклай-де-Толли предписалъ начальникамъ отдѣльныхъ частей внушить всѣмъ подчиненнымъ „о дружественномъ отношеніи и обращеніи съ сими войсками“ [1]). Когда въ Парижѣ къ императору Александру явилась депутація отъ польскихъ легіоновъ, государь сказалъ ей, что „польская армія сохранитъ свое устрой-

[1]) Вс. Вл. Крестовскій. «Исторія лейбъ-гвардіи Уланскаго Е. В. полка». Стр. 78.

ство“ и, указавъ на находившагося при немъ Константина Павловича, добавилъ „командовать ею будетъ Мой братъ“. Приходъ въ Варшаву польскаго отряда подъ командой цесаревича послужилъ подтвержденіемъ этихъ словъ. Убѣдившись изъ этого и другихъ фактовъ, что русскій государь склоненъ исполнить ихъ желанія, зная, что судьба ихъ въ данный моментъ всецѣло зависитъ отъ императора Александра, затмившаго блескомъ русскаго оружія славу „генія побѣды“, какъ они называли Наполеона, поляки, — собственно говоря, верхній слой польскаго населенія, — стали ухаживать за русскими. Такъ называемая русская партія, во главѣ которой стоялъ князь Адамъ Чарторыйскій и для которой было очень нежелательно, чтобы поляки въ это время выказывали ненависть къ Россіи, вела дѣятельную агитацію въ пользу русскаго государя, стараясь сдѣлать популярнымъ его имя среди поляковъ и распространяя вѣсти о его великодушіи и милостивомъ и ласковомъ обращеніи съ поляками въ Парижѣ, во время проѣздовъ чрезъ варшавское герцогство. Эта агитація имѣла успѣхъ: русская партія росла. Какъ ни велико было увлеченіе поляковъ Наполеономъ, но среди нихъ находились все-таки люди, относившіеся къ нему скептически. Къ послѣднимъ принадлежалъ, напр., пользовавшійся тогда извѣстностью поэтъ Мольскій. Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній онъ рѣзко осмѣялъ созданное Наполеономъ варшавское герцогство. Вотъ начало этого стихотворенія:

U xięstwie panuje Król niemiec,
Polak w kraju cudzoziemiec.
Żolnierz polski, pieniądz prusski,
Rząd w kraju, kodex francuzki [1]).

Далѣе въ этомъ стихотвореніи говорится, что чиновники дерутъ шкуры съ разоренныхъ братьевъ, что крестьяне бѣдствуютъ и что польскихъ солдатъ заставляютъ ходить въ чужія страны и жертвовать жизнью за чужое дѣло. Оно оканчивается восклицаніемъ: „да здравствуетъ возстановленная Наполеономъ Польша, но гдѣ она — знаетъ одинъ чортъ!“ Люди, относившіеся къ Наполеону, подобно Мольскому, первые примкнули къ Чарторыйскому, а за ними начали присоединяться къ нему и

[1]) Въ герцогствѣ царствуетъ король нѣмецъ, полякъ у себя на родинѣ — чужеземецъ, войско — польское, деньги — прусскія, правительство — мѣстное а кодексъ — французскій.

прежніе поклонники Наполеона, увидѣвъ, что Наполеонъ палъ, и что первенствующее значеніе въ Европѣ пріобрѣла Россія. Большинство, становясь въ ряды русской партіи, надѣялось сдѣлать русскаго государя безпрекословнымъ исполнителемъ польскихъ плановъ и, чтобы укрѣпить его расположеніе и довѣріе къ полякамъ, всячески выражало ему преданность, конечно, въ расчетѣ отвернуться отъ Россіи при первомъ удобномъ случаѣ; но въ средѣ тогдашнихъ польскихъ руссофиловъ были, впрочемъ, въ небольшомъ числѣ, и люди, искренно желавшіе русско-польской дружбы, какъ, напр., Сташицъ, Заіончекъ, а также небольшой кружокъ славянофиловъ, образовавшійся въ Варшавѣ въ началѣ этого вѣка. Благодаря вліянію русской партіи, поляки стали сходиться въ Варшавѣ съ русскими и устраивать пиры, на которыхъ провозглашались тосты за славянское единеніе и за русско-польскую дружбу.

Этому сближенію значительно содѣйствовало то, что русскіе относились къ полякамъ совсѣмъ иначе, чѣмъ ихъ недавніе „избавители“ французы, которые смотрѣли на нихъ какъ на варваровъ и обращались съ ними высокомѣрно и дерзко. К. Козмянъ, польскій дѣятель начала этого столѣтія, говоря въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ объ отношеніи французовъ къ полякамъ, передаетъ слѣдующій характерный эпизодъ: „Когда французскія войска вошли въ Варшаву, епископъ Вороничъ, славившійся въ то время ученостью и краснорѣчіемъ, находился въ домѣ кастелянши Поляницкой; увидавъ въ окно, что французскіе солдаты поставили ружья въ козлы и грѣются, хлопая рука объ руку, епископъ указалъ хозяйкѣ на солдатъ, сказавъ, чтобы она выслала имъ угощеніе, а самъ заторопился домой, чтобы и отъ себя послать угощеніе французамъ; явившись домой, епископъ, къ своему удивленію, увидалъ, что въ его домѣ хозяйничаютъ французы и что на его постели лежитъ французскій офицеръ въ мокромъ платьѣ и грязныхъ сапогахъ; Вороничъ до того растерялся, что сталъ извиняться передъ французами за то, что его не было дома, вслѣдстіе чего онъ не могъ принять „избавителей“, какъ подобаетъ гостепріимному хозяину; „Что! — крикнулъ лежавшій на кровати офицеръ, — я здѣсь хозяинъ, а ты мой слуга: снимай сапоги!“ и растерявшійся старикъ-епископъ, какъ потомъ, со слезами на глазахъ, самъ разсказывалъ, тѣми самыми руками, которыми приносится безкровная жертва, вынужденъ былъ снять забрызганные грязью сапоги

этого безбожника“ [1]). Русскіе же держали себя по отношенію къ полякамъ весьма любезно и предупредительно, какъ вслѣдствіе приказаній свыше, такъ и потому, что въ то время увлеченіе Западомъ въ нашемъ обществѣ было въ ходу, а поляки считали себя представителями западной культуры и ставили себя въ культурномъ отношеніи выше насъ, чему многіе изъ русскихъ наивно повѣрили. Русскій государь, удивляя міръ своимъ великодушіемъ, „освобождалъ“ тогда Европу, и многіе изъ русскихъ, проникаясь его настроеніемъ, старались выказать себя великодушными рыцарями. Къ сожалѣнію, за все это великодушіе, — вѣрнѣе сказать, безцѣльное и вытекавшее изъ ошибочныхъ взглядовъ великодушничанье, — Россіи пришлось тяжело поплатиться впослѣдствіи.

Ѳ. Н. Глинка, бывшій въ 1813 и 1814 годахъ въ Варшавѣ, говоритъ о тогдашнемъ поведеніи здѣсь нашихъ офицеровъ, что они вели себя „какъ самые благородные рыцари Боярдова времени“. „Щедрость нашихъ офицеровъ, — продолжаетъ онъ, — особенно удивительна; въ трактирахъ сыплютъ деньги; приходитъ, напримѣръ, старикъ съ дочерью, онъ играетъ на скрипкѣ, она поетъ, — и куча серебра очутилась передъ ними! Приходитъ бѣдная монахиня и проситъ, чтобы ей заказать какую-либо работу, и ротмистръ Милорадовичъ даетъ ей тысячу рублей и велитъ сшить себѣ три манишки“ [2]). Новый 1815 г. былъ встрѣченъ въ Варшавѣ шумными пирами, на которыхъ поляки братались съ русскими. Въ этомъ году пиры и пикники продолжались. Русскіе генералы старались перещеголять польскихъ пановъ, а тѣ хотѣли затмить русскихъ. Въ то время въ Варшавѣ въ числѣ русскихъ находился С. Л. Пушкинъ, отецъ знаменитаго поэта, учившагося тогда въ Царскосельскомъ лицеѣ. С. Л. занималъ должность управляющаго комиссаріатскою комиссіей резервной арміи; онъ бывалъ въ польскихъ домахъ, но въ душѣ относился къ полякамъ съ недовѣріемъ, подобно всѣмъ тѣмъ, которые не раздѣляли полонофильскихъ увлеченій государя.

Какъ извѣстно, намѣренія императора Александра I относительно поляковъ встрѣтили на Вѣнскомъ конгрессѣ сильное противодѣйствіе со стороны европейскихъ державъ. Дѣло дошло до того, что императоръ былъ готовъ силой оружія поддержать

[1]) Pomietniki Kajetana Kozmiana. T. II. Стр. 149.
[2]) «Письма русскаго офицера». М. 1870 г. Стр. 90—91.

свои требованія и ужъ заготовилъ воззваніе къ польской арміи. Наконецъ, путемъ взаимныхъ уступокъ было достигнуто соглашеніе, и варшавское герцогство, за исключеніемъ Познанской области, присоединенной къ Пруссіи, Кракова, объявленнаго вольнымъ городомъ, и Велички, возвращенной Австріи, отошло къ Россіи; кромѣ того, Австріи была уступлена Тарнопольская область, принадлежавшая съ 1809 г. Россіи и населенная преимущественно русскими. Въ концѣ апрѣля 1815 г. предсѣдатель сената варшавскаго герцогства, Островскій, получилъ письмо отъ императора. Государь извѣщалъ о возстановленіи Польши подъ названіемъ Царства Польскаго съ присоединеніемъ къ Россіи, обѣщая даровать полякамъ конституцію. Немедленно было объявлено объ этомъ жителямъ Царства Польскаго, и 13 мая было обнародовано объ образованіи Царства въ *Русскомъ Инвалидѣ*, при чемъ воздана похвала польской храбрости и благородству и сказано, что поляки вполнѣ достойны милостей императора Александра I. Предсѣдатель временнаго верховнаго совѣта герцогства варшавскаго, В. С. Ланской, подававшій въ 1814 году государю записку, въ которой высказывался противъ дарованія полякамъ конституціи, послѣ объявленія о созданіи автономнаго и конституціоннаго Царства Польскаго, написалъ императору глубокое по мысли и прочувственное письмо: „Всемилостивѣйшій государь, — писалъ Ланской, — вмѣняю въ обязанность донести, что манифестъ о возстановленіи польскаго королевства подъ скипетромъ Россіи не произвелъ такого вліянія, какого ожидать должно отъ народа болѣе чувствительнаго. Причиной есть слѣдующее: всеобщее желаніе быть Польшѣ владѣніемъ отдѣльнымъ въ томъ же пространствѣ, въ какомъ было оно прежде раздѣленія... Государь, простите русскому, открывающему передъ Тобой чувства свои, осмѣливающемуся еще изъяснить, что благосердіе Твое и всѣ усилія наши не могутъ быть сильны сблизить съ нами народъ и войско польское, и потому, если я не ошибаюсь, то въ формируемомъ войскѣ мы питаемъ змія, готоваго всегда изліять на насъ ядъ свой. Болѣе не смѣю говорить о семъ и, какъ сынъ отечества, какъ вѣрный подданный вашему императорскому величеству, не имѣю другой цѣли въ семъ донесеніи, кромѣ увѣренія, что ни въ какомъ случаѣ считать на поляковъ невозможно“ [1]).

[1]) *Русскій Архивъ* 1863 г. Стр. 839.

Около того же времени Чарторыйскій обратился къ государю съ письмомъ, исполненнымъ льстивыхъ фразъ, но свидѣтельствующихъ, что онъ и большинство поляковъ относились къ Александру I, послѣ вѣнскаго конгресса, безъ особой благодарности, а Костюшко въ письмѣ на имя Чарторыйскаго, выражая благодарность государю за возстановленіе имени Польши, высказалъ недовольство тѣмъ, что королевство польское возстановлено не въ предѣлахъ 1772 г., и заявилъ, что этимъ императоръ нарушилъ обѣщаніе, данное ему при личномъ свиданіи послѣ взятія Парижа. Но недовольство руководителей польской политики рѣшеніемъ вѣнскаго конгресса смягчилось надеждой, что раньше или позже имъ удастся добиться у императора присоединенія къ царству земель, входившихъ въ составъ Рѣчи Посполитой до 1772 г. Въ частности Чарторыйскій, кромѣ того, надѣялся, что онъ будетъ назначенъ намѣстникомъ новаго Царства и, занимая этотъ важный постъ, сумѣетъ достигнуть завѣтныхъ польскихъ цѣлей. Вслѣдствіе всего этого поляки сдерживали свое недовольство и попрежнему старались казаться преданными Россіи, а потому и русско-польскія отношенія въ Варшавѣ наружно сохранили свой прежній характеръ.

II.

8 іюня 1815 г. состоялось весьма торжественно провозглашеніе герцогства варшавскаго Царствомъ Польскимъ. За нѣсколько дней до этого торжества было объявлено отъ имени короля саксонскаго, герцога варшавскаго, объ освобожденіи населенія герцогства отъ принесенной герцогу присяги. 8 іюня утромъ въ каѳедральномъ костелѣ св. Яна, куда собрались всѣ власти и представители высшаго варшавскаго общества, архіепископъ совершилъ богослуженіе, по окончаніи котораго читался манифестъ, возвѣщавшій объ образованіи Царства Польскаго и обѣщавшій конституцію. Послѣ чтенія манифеста членъ временнаго верховнаго совѣта герцогства варшавскаго, Вавржецкій, сказалъ рѣчь. Эта рѣчь, напечатанная тогда въ Варшавѣ, какъ на польскомъ языкѣ, такъ и въ русскомъ переводѣ, прославляла императора Александра и его великодушіе. Послѣ рѣчи Вавржецкаго, онъ, Ланской, Новосильцовъ, Чарторыйскій и Любецкій-Друцкій, облеченные на день этого торжества званіемъ намѣстниковъ, при чемъ Ланской именовался первымъ на-

мѣстникомъ, подошли къ устроенному въ костелѣ трону и, ставъ на ступени трона, приняли присягу на вѣрность императору Александру отъ находившихся въ костелѣ лицъ. Въ это время къ правительственнымъ зданіямъ въ городѣ прикрѣплялись государственные гербы Царства — бѣлые одноглавые орлы. По окончаніи торжества въ костелѣ, намѣстники отправились на прилегающее къ Варшавѣ Вольское поле, гдѣ находился въ лагерѣ съ войсками великій князь Константинъ Павловичъ. Польское войско принесло здѣсь присягу на вѣрность императору Александру; послѣ чего былъ произведенъ парадъ, а затѣмъ въ замкѣ состоялся торжественный обѣдъ. Вечеромъ въ театрѣ давали безплатное представленіе. Передъ началомъ представленія на сценѣ былъ выставленъ бюстъ государя и исполнена приличная случаю кантата. Временный верховный совѣтъ герцогства прекратилъ съ этого дня свое существованіе, и его мѣсто заняло временное правительство Царства Польскаго, состоявшее изъ предсѣдателя Ланского и членовъ: Новосильцова, Чарторыйскаго, Вавржецкаго и Любецкаго-Друцкаго.

Это правительство дѣйствовало до декабря 1815 г., когда вошла въ силу конституція. Временное правительство, считая себя калифомъ на часъ, мало проявляло свою дѣятельность; зато цесаревичъ Константинъ Павловичъ энергично работалъ въ это время, формируя польскую армію изъ наполеоновскихъ польскихъ легіоновъ и стараясь къ ожидавшемуся осенью пріѣзду государя въ Варшаву представить ее въ полномъ блескѣ. Оружіе, одежда и даже деньги для продовольствія польскихъ войскъ отпускались не изъ суммъ царства, а Имперіи. Возвращаясь изъ-за границы, въ концѣ октября государь прибылъ въ пограничный городъ Калишъ. Въ Калишѣ императоръ одѣлъ въ первый разъ польскій мундиръ и звѣзду Бѣлаго орла. Конституція для Царства Польскаго въ это время не была еще утверждена, и поляки знали, что цесаревичъ Константинъ Павловичъ не сочувствовалъ введенію ея, относясь отрицательно къ конституціоннымъ порядкамъ вообще; знали, что Ланской и Новосильцовъ тоже противятся введенію въ Царствѣ Польскомъ конституціи. Чтобы парализовать вліяніе царевича, Ланского и Новосильцова, руководители поляковъ рѣшили принять государя въ Варшавѣ самымъ торжественнымъ образомъ и убѣдить его въ своей безпредѣльной благодарности и преданности. 31 октября государь прибылъ въ Варшаву. Онъ въѣхалъ въ городъ вмѣстѣ

съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ, встрѣтившимъ его за заставой, окруженный русскими и польскими генералами. На площади Трехъ-Крестовъ, переименованной впослѣдствіи въ площадь св. Александра, были устроены тріумфальные ворота. Здѣсь находились представители власти, цехи и еврейскіе старшины. Президентъ города привѣтствовалъ государя рѣчью и вручилъ ему городскіе ключи. На мѣстѣ, гдѣ были устроены тріумфальные ворота впослѣдствіи построенъ костелъ св. Александра, въ память перваго въѣзда императора Александра I въ Варшаву. Когда императоръ въѣзжалъ въ городъ, во всѣхъ костелахъ начался звонъ, а съ городскихъ валовъ былъ произведенъ 101 выстрѣлъ. Съ площади Трехъ-Крестовъ государь прослѣдовалъ по улицѣ Новый Свѣтъ, по обѣимъ сторонамъ которой стояли войска, на Саксонскую площадь, гдѣ войска прошли передъ нимъ церемоніальнымъ маршемъ. Отсюда онъ направился въ замокъ. По дорогѣ въ замокъ стояло множество народа и, по словамъ *Варшавской газеты*, въ числѣ привѣтствовавшихъ было много ксендзовъ, которые благословляли императора. При входѣ въ замокъ, резиденцію польскихъ королей, государь былъ встрѣченъ представителями варшавскихъ властей. Государь вмѣстѣ съ ними отправился въ замковую католическую часовню, гдѣ была отслужена обѣдня и пропѣто: „Te Deum laudamus". Затѣмъ императоръ принималъ предсѣдателя сената Островскаго, благодарившаго отъ имени населенія Царства за оказанныя милости, и другихъ представителей мѣстной власти. Вечеромъ въ театрѣ было дано безплатное представленіе, и весь городъ иллюминованъ. На Медовой улицѣ былъ сооруженъ храмъ „Славы", а на Краковскомъ предмѣстьи храмъ „Благодарности": внутри его находилась статуя, изображавшая женщину (Польшу), стоящую на колѣняхъ передъ алтаремъ, на которомъ лежали королевскія регаліи. Во многихъ окнахъ горѣли транспаранты. Евреи выставили въ окнахъ дома управленія своей общины большой транспарантъ, изображавшій ковчегъ Ноя съ подлетающимъ къ ковчегу голубемъ съ оливковою вѣтвью. Подъ этимъ изображеніемъ была надпись:

Jak Bóg z potopu ziemię laską oswobodzit,
Tak dzisiaj swiat Alexander na navo odrodzit [1]).

---

[1]) Какъ Богъ своею милостью освободилъ землю отъ потопа, такъ нынѣ Александръ возродилъ міръ.

Поэтъ Мольскій привѣтствовалъ пріѣздъ государя стихотвореніемъ, помѣщеннымъ въ *Газетѣ Варшавской* и начинавшимся такъ:

W nadziejach po dtugiej niepewnosci stanie
Witamy Cię z zcutoscią, milosciwy Panie,
Dwacroć Polskę, widziales, dziś po raz trzeci
Oglądasz, jak dobry Ojciec swoich dzieci [1]).

Помѣстивъ это стихотвореніе, *Газета Варшавская* напечатала по поводу прибытія императора и статью. Приводимъ начало и конецъ этой статьи, пропуская середину, заключающую описаніе въѣзда государя: „Нетерпѣливыя ожиданія нашего народа наконецъ исполнились въ памятный для поляковъ день 12 ноября (т. е. 31 октября по старому стилю)... Надъ польскими полками развѣвались знамена съ бѣлыми орлами. Полныя народа улицы, дома, украшенные вѣнками и цвѣтами, открытыя окна, въ которыхъ толпились женщины,—представляли собой грандіозное и трогательное зрѣлище. Мы увидѣли монарха прекрасной наружности въ польскомъ мундирѣ съ орденомъ Бѣлаго орла. Мысль, что Александръ, коему мы обязаны возстановленіемъ нашего отечества, находится среди насъ, затрогивала самыя чувствительныя струны польскаго сердца. Послѣ долгихъ бѣдствій нашъ край и столица не могли принять своего монарха съ тою торжественностью и пышностью, съ коими его принимали богатыя столицы,—мы же богаты лишь благодарностью и искренностью чувства. До поздней ночи монархъ работалъ въ своемъ кабинетѣ. Такъ окончился этотъ день, который останется памятнымъ навсегда въ нашей исторіи: день этотъ— новый краеугольный камень, на которомъ прочно будетъ почивать зданіе нашего отечества. Долго поляки возлагали надежды на войны и на побѣдителей; небо показало въ лицѣ императора Александра, что для возстановленія нашего отечества нуженъ былъ побѣдитель, исполненный добродѣтели. Побѣдитель возстановляетъ и охраняетъ государство, а добродѣтель дастъ народамъ блага и прочное существованіе".

На слѣдующій день по пріѣздѣ государя въ Варшаву во всѣхъ костелахъ были отслужены благодарственные молебны съ

[1]) Послѣ продолжительнаго состоянія неувѣренности, мы съ надеждами чувствительно привѣтствуемъ Тебя, всемилостивый Государь! Ты видѣлъ два раза Польшу, а нынѣ въ третій разъ посѣщаешь, какъ добрый отецъ, своихъ дѣтей.

колокольнымъ звономъ за благополучное прибытіе государя въ Варшаву, послѣ чего состоялся парадъ въ Высочайшемъ присутствіи, а вечеромъ былъ балъ у Ланского. Государь пробылъ въ Варшавѣ до 18 ноября, занимаясь при участіи Чарторыйскаго и другихъ поляковъ составленіемъ конституціи. Пребываніе его было рядомъ безпрерывныхъ торжествъ. Парады смѣнялись роскошными обѣдами, а обѣды блестящими балами. Изъ разныхъ концовъ Царства пріѣзжали въ Варшаву депутаціи представляться государю и благодарить его за принятіе титула польскаго короля и за воскрешеніе Польши. Пріѣзжала и литовская депутація съ княземъ Огинскимъ во главѣ. Эта депутація явилась въ Варшаву къ польскому королю Александру, а не въ Петербургъ къ всероссійскому императору, конечно, съ цѣлью показать неразрывность Литвы (сѣверо-западныхъ губерній) и короны (Царства Польскаго). 15 ноября государь подписалъ конституціонную хартію, но обнародованіе ея было отложено до 12 декабря, дня рожденія государя. Нужно было еще назначить намѣстника. Князь Адамъ Чарторыйскій всѣми силами добивался этого поста, но довѣріе къ нему государя было подорвано его поведеніемъ въ 1812 г., когда онъ вышелъ въ отставку изъ русской службы и, при первыхъ успѣхахъ Наполеона въ Россіи, написалъ одному изъ близкихъ къ Наполеону лицъ письмо, въ которомъ льстилъ французскому императору и выражалъ ему свою преданность. Письмо это по вступленіи русскихъ войскъ во Францію попало въ русскія руки. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, назначенный главнокомандующимъ польскою арміей и командиромъ литовскаго корпуса, расположеннаго въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, былъ противъ назначенія Чарторыйскаго намѣстникомъ. В. С. Ланской и Н. Н. Новосильцовъ также высказывались противъ Чарторыйскаго. Его мать, княгиня Изабелла, живя въ Петербургѣ, несмотря на свое скандальное прошлое съумѣвшая приблизиться ко двору и пріобрѣсти расположеніе государя, дѣятельно хлопотала за своего сына, но государь уклонялся отъ рѣшительнаго отвѣта. Вечеромъ 17 ноября многіе варшавскіе сановники и въ числѣ ихъ князь Чарторыйскій собрались въ замокъ, узнавъ, что на слѣдующій день государь рѣшилъ уѣхать изъ Варшавы; съ нетерпѣніемъ они ждали рѣшенія, — кто будетъ назначенъ намѣстникомъ. Государь работалъ у себя въ кабинетѣ. Наконецъ, стало извѣстно, что выборъ императора палъ на кандидата

цесаревича, генерала Заіончека. „Обманутый въ своихъ честолюбивыхъ замыслахъ Чарторыйскій, — говоритъ Михайловскій-Данилевскій, — ходилъ въ эту ночь по двору съ разстроеннымъ видомъ, какъ изступленный, и не говоря ни слова ни съ кѣмъ изъ насъ, русскихъ, находившихся въ комнатахъ передъ кабинетомъ государя, въ которомъ его величество занимался до ранняго утра [1]). Съ этого дня Чарторыйскій и его мать глубоко затаили въ сердцахъ чувство мести.

Во время пребыванія въ Варшавѣ государь щедро осыпалъ милостями поляковъ: поляки, находившіеся въ плѣну въ Россіи и взятые въ плѣнъ въ Германіи и во Франціи, возвращались, по его повелѣнію, на родину; послѣдовало распоряженіе о снятіи въ западныхъ губерніяхъ запрещенія съ имѣній поляковъ, служившихъ подъ знаменами Наполеона; государь назначилъ къ себѣ нѣсколько флигель-адъютантовъ изъ польскихъ офицеровъ и польскихъ дѣвицъ жаловалъ въ фрейлины, раздавалъ русскіе ордена, многихъ знатныхъ поляковъ удостоивалъ личнымъ посѣщеніемъ. Всѣ эти милости и умѣнье государя привлекать къ себѣ людей личною обходительностью однако мало подкупали поляковъ. Польскія дамы, игравшія, какъ извѣстно, видную роль въ судьбѣ Польши, сравнивая императора Александра съ Наполеономъ, который относился вообще деспотически къ полякамъ и выбиралъ себѣ любовницъ изъ среды польскихъ аристократокъ, совсѣмъ не заботясь о соблюденіи малѣйшаго приличія и обращаясь съ ними „по солдатски“, были очарованы, по свидѣтельству современницъ, джентльменскою любезностью и обходительностью русскаго государя, но это очарованіе не мѣшало имъ оставаться фанатичками, полными ненависти ко всему русскому.

III.

Съ назначеніемъ генерала Заіончека намѣстникомъ, временное управленіе Царства (Ланской, Новосильцовъ, Чарторыйскій, Любецкій-Друцкій) закрыло свои дѣйствія. Ланской былъ отозванъ въ Петербургъ и назначенъ членомъ государственнаго совѣта. Представителями русской власти въ Царствѣ остались цесаревичъ Константинъ Павловичъ и Новосильцовъ, назначенный императорскимъ комиссаромъ при польскомъ сеймѣ. Русскій гвардейскій отрядъ, приведенный въ Варшаву цесареви-

[1]) Записки 1814 и 1815 годовъ. СПБ. 183? г. Стр. 339.

чемъ въ 1814 г. вмѣстѣ съ польскими легіонами и затѣмъ совершившій подъ командой цесаревича, послѣ бѣгства Наполеона съ острова Эльбы, походъ во Францію, былъ оставленъ при цесаревичѣ въ Варшавѣ. Въ приказѣ цесаревича отъ 22 ноября 1815 г. „въ польскую армію“ объ оставленіи въ Варшавѣ гвардейскаго русскаго отряда говорится слѣдующее: „Для скорѣйшаго изученія всего, что солдату необходимо и для управленія и усовершенствованія въ польской арміи всѣхъ частей службы, его императорское величество изволилъ оставить въ Варшавѣ россійской лейбъ-гвардіи два баталіона и два эскадрона, для чего назначается нынѣ каждому кавалерійскому (польскому) полку изъ оныхъ лейбъ-гвардіи уланскихъ эскадроновъ по одному оберъ-офицеру, по два унтеръ-офицера и по восьми рядовыхъ, и каждому пѣхотному полку изъ оныхъ лейбъ-гвардіи баталіоновъ по одному оберъ-офицеру, по четыре унтеръ-офицера и по тридцать два рядовыхъ, которые и будутъ находиться при полкахъ польской арміи, будутъ служить во всѣхъ частяхъ примѣромъ и образцомъ и обязаны показывать весь обрядъ службы, какой заведенъ въ частяхъ россійской лейбъ-гвардіи, и гг. начальники полковъ польской арміи приложатъ все возможное стараніе воспользоваться симъ даваемымъ средствомъ для усовершенствованія всѣхъ частей службы въ своихъ полкахъ“ [1]). Въ концѣ 1817 г. составъ варшавскаго русскаго отряда измѣнился: квартировавшій въ Варшавѣ баталіонъ Литовскаго полка былъ переформированъ въ Литовскій полкъ, а изъ баталіона Финляндскаго полка былъ образованъ Волынскій полкъ, изъ двухъ же эскадроновъ уланскаго полка — уланскій и Подольскій кирасирскій полки; въ 1824 г. къ варшавскому русскому отряду былъ присоединенъ образованный тогда Гродненскій гусарскій полкъ. Сначала въ варшавскихъ русскихъ полкахъ служили исключительно русскіе, но скоро въ нихъ занялъ видное мѣсто польскій элементъ. Возвращавшіеся черезъ Варшаву изъ заграничныхъ госпиталей офицеры и нижніе чины нашей арміи должны были здѣсь представиться цесаревичу. Онъ выбиралъ изъ нихъ литовцевъ и поляковъ и оставлялъ ихъ въ Варшавѣ. Когда въ 1817 г. было приступлено къ развертыванію квартировавшихъ въ Варшавѣ русскихъ баталіоновъ и

---

[1]) Маркграфскій. „Исторія лейбъ-гвардіи Литовскаго полка“. Варшава, 1887 г. Стр. 115.

эскадроновъ въ полки, цесаревичъ, находясь въ Петербургѣ, выбралъ для варшавскаго отряда изъ петербургскихъ полковъ поляковъ и литовцевъ, уроженцевъ западныхъ губерній, и такой же выборъ произвелъ между выпускными воспитанниками кадетскихъ корпусовъ. Кромѣ того, съ теченіемъ времени въ варшавскій русскій отрядъ стало поступать юнкерами много поляковъ изъ уроженцевъ Царства Польскаго и западныхъ губерній. Во всякомъ случаѣ за все время съ 1815 по 1830 г. большая часть офицеровъ варшавскаго русскаго отряда состояла изъ русскихъ, и командирами всѣхъ полковъ этого отряда были все время русскіе. Кромѣ гвардейскихъ офицеровъ въ Варшавѣ въ то время было нѣсколько казачьихъ офицеровъ, служившихъ въ находившемся въ Варшавѣ управленіи казачьихъ войскъ, замѣнявшихъ тогда нынѣшнюю пограничную стражу и охранявшихъ государственную границу.

Окружавшія цесаревича лица въ національномъ отношеніи представляли полное „смѣшеніе языковъ": тутъ были русскіе (Кривцовъ, Колзаковъ и др.), нѣсколько поляковъ (Рожнецкій, Красинскій и др.), грекъ Курута, англичанинъ Феншау, нѣмцы (напримѣръ, Даненбергъ, Нессельроде) [1]. Большинство этихъ иноплеменниковъ очень плохо владѣло русскимъ языкомъ. Штатъ двора цесаревича, во главѣ коего были поставлены его любимецъ гофмаршалъ двора и вмѣстѣ съ тѣмъ начальникъ штаба, генералъ Курута, и шталмейстеръ, генералъ Жандръ, состоялъ преимущественно изъ русскихъ, въ штатѣ же варшавскаго королевскаго двора императора Александра было только двое русскихъ, занимавшихъ весьма скромныя должности берейторовъ. Въ числѣ адъютантовъ цесаревича было нѣсколько русскихъ молодыхъ людей; комендантомъ Варшавы цесаревичъ назначилъ русскаго генерала Левицкаго. Военною канцеляріей цесаревича управлялъ русскій Даниловъ, впослѣдствіи сенаторъ; всѣ чиновники этой канцеляріи, которыхъ было до 20, были русскіе. Въ канцеляріи императорскаго комиссара при польскомъ сеймѣ, Новосильцова, преобладали русскіе. Для порученій по дипломатической части при цесаревичѣ находился чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, Моренгеймъ, канце-

[1] Родственникъ извѣстнаго нашего канцлера. Онъ перешелъ на русскую службу изъ германской въ 1803 г. и былъ впослѣдствіи начальникомъ варшавскаго жандармскаго округа.

лярія котораго также состояла преимущественно изъ русскихъ; кромѣ того, русскіе служили въ находившейся въ Варшавѣ провіантской комиссіи литовскаго корпуса и въ комиссаріатскомъ комиссіонерствѣ варшавскаго русскаго гвардейскаго отряда. Число бывшихъ тогда въ Варшавѣ русскихъ пополнялось еще нѣсколькими подрядчиками и купцами. Русскіе купцы, по преимуществу черниговскіе старообрядцы, издавна имѣли торговыя связи съ Варшавой и въ періодъ 1815—1830 годовъ здѣсь было около 15 лавокъ, торговавшихъ русскимъ товаромъ; изъ нихъ 5—6 принадлежали евреямъ, а остальныя русскимъ.

Изъ сказаннаго видно, что въ то время въ Варшавѣ было уже довольно много русскихъ, особенно, если принять во вниманіе, что общая цифра населенія въ Варшавѣ тогда была втрое менѣе теперешней.

Отношенія между русскими и поляками въ Варшавѣ въ первое время послѣ 1815 г. были сносныя, хотя извѣстно не мало случаевъ русско-польскихъ столкновеній и дракъ русскихъ солдатъ съ польскими. Константинъ Павловичъ употреблялъ различныя мѣры, чтобы не допускать подобныхъ столкновеній и дракъ: для сближенія русскихъ и польскихъ солдатъ онъ приказывалъ устраивать для нихъ общія пирушки, главное же средство для урегулированія русско-польскихъ отношеній цесаревичъ, женившійся самъ въ 1820 году на полькѣ, видѣлъ въ смѣшанныхъ бракахъ, и не мало русскихъ вступало тогда въ браки съ польками. Случаи же женитьбы поляковъ на русскихъ дѣвицахъ едва ли бывали. Впрочемъ, и число русскихъ дѣвицъ въ то время въ Варшавѣ было не велико; въ русскомъ варшавскомъ обществѣ тогда въ еще большей степени, чѣмъ теперь, преобладалъ мужской элементъ. Законъ объ обязательномъ крещеніи въ православіе дѣтей, рожденныхъ въ здѣшнемъ краѣ отъ браковъ православныхъ съ иновѣрными, былъ введенъ въ 1838 г., до этого же года выборъ вѣроисповѣданій для дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ предоставлялся усмотрѣнію родителей, и часто дѣти рожденныя отъ браковъ православныхъ съ католичками были крещаемы по католическому обряду. Въ настоящее время есть поляки-католики, носящіе вполнѣ русскія фамиліи: Кочетовыхъ, Емельяновыхъ, Петровыхъ и т. п. Нѣкоторыя лица русскаго происхожденія, сдѣлавшись католиками, измѣнили свои фамиліи: потомки русскаго купца старообрядца Соловьева именуются теперь Грегоровичами. Бывали

случаи, что выходившіе въ отставку солдаты русскаго варшавскаго отряда женились на полькахъ и затѣмъ переселялись съ женами изъ Варшавы въ разныя захолустья края, въ которыхъ не было ни православныхъ церквей, ни священниковъ, и, конечно, дѣтей отъ этихъ браковъ крестили ксендзы по католическому обряду.

IV.

Въ бытность императора Александра I въ 1815 г. въ Варшавѣ ему показали мѣсто, на которомъ временно былъ похороненъ царь Василій Шуйскій, умершій въ польскомъ плѣну. Государь выразилъ волю, чтобы на этомъ мѣстѣ былъ построенъ православный храмъ. Въ 1816 г. послѣдовалъ высочайшій указъ объ этомъ, но этотъ указъ не былъ исполненъ до нашихъ дней, и лишь теперь, въ 90-хъ годахъ, по ходатайству попечителя варшавскаго учебнаго округа, А. Л. Апухтина, приступлено къ перестройкѣ находящагося на этомъ мѣстѣ зданія въ церковь-школу: серединную часть зданія займетъ церковь, увѣнчанная куполомъ съ крестомъ, а въ боковыхъ частяхъ помѣстятся классы 1-й мужской гимназіи; лицевая часть зданія перестраивается въ византійскомъ стилѣ.

Домовая православная церковь въ бывшемъ королевскомъ замкѣ, освященная въ честь Константина Павловича, во имя равноапостольнаго царя Константина, была устроена въ 1815 г. Иконостасъ съ надписью надъ царскими вратами „Разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ“ былъ взятъ для этой церкви изъ походной императора Александра I, въ которой онъ молился во время походовъ 1813 – 1814 г. По праздничнымъ, воскреснымъ и табельнымъ днямъ въ замковой церкви всегда бывалъ цесаревичъ; сюда же являлись лица его свиты и высшіе русскіе и польскіе чиновники, а отъ всѣхъ частей русскаго отряда посылались наряды, которые по окончаніи богослуженія собирались на Замковой площади и проходили церемоніальнымъ маршемъ передъ цесаревичемъ.

6 января, въ день Богоявленія, ежегодно происходилъ парадъ; русскіе полки ставились шпалерами отъ замка до берега Вислы, гдѣ устраивалась іордань для освященія воды, и окроплялись штандарты и знамена. Кромѣ замковой церкви, въ эпоху 1815—1830 годовъ, была въ Варшавѣ еще одна православная, греческая. Греки стали селиться въ Варшавѣ въ на-

чалѣ прошлаго вѣка. Сначала поляки совсѣмъ не позволяли имъ устраивать церквей, а затѣмъ, по ходатайству императрицы Екатерины II, имъ было разрѣшено устроить домовую церковь, но безъ колоколовъ и безъ креста на зданіи, въ которомъ она помѣщалась; кромѣ того, поляки требовали, чтобы при церкви находились іеромонахи, а не священники изъ бѣлаго духовенства и чтобы эти іеромонахи по книгамъ народонаселенія считались купеческими приказчиками.

Первоначальная варшавская православная греческая церковь помѣщалась на Закрочимской улицѣ, а въ 1806 г. она была переведена на Козью улицу въ домъ грека Дадани. Съ переходомъ въ 1815 г. Варшавы подъ власть Россіи, греки стали собирать пожертвованія въ своей средѣ на постройку церкви; они купили домъ на Подвальной улицѣ и во дворѣ его устроили церковь, освященную во имя Св. Троицы въ 1818 г. присланнымъ буковинскимъ архіепископомъ Даніиломъ іеромонахомъ Павловскимъ, который и былъ первымъ настоятелемъ ея. Церковь эта существуетъ до настоящаго времени. Ей принадлежитъ дорогая серебряная вызолоченная чаша, купленная варшавскими греками отъ французовъ во время бѣгства черезъ Варшаву послѣднихъ изъ Россіи; кромѣ этой чаши, варшавскіе греки купили у французовъ въ 1813 г. много церковной утвари и церковныхъ облаченій.

До 1825 г. варшавская греческая церковь находилась въ вѣдѣніи буковинскаго православнаго архіепископа, а въ означенномъ году она перешла въ вѣдѣніе Святѣйшаго Синода и была подчинена минскому архіепископу, который назначилъ настоятелемъ ея священника Михѣя Пигулевскаго. Въ 1827 г. прихожанъ грековъ варшавской церкви числилось 36 мужчинъ и 26 женщинъ. Одновременно съ подчиненіемъ варшавской греческой церкви и другихъ православныхъ церквей въ Царствѣ Польскомъ минскому архіепископу послѣдовалъ высочайшій указъ, чтобы правительственная комиссія духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія Царства, при участіи сенатора Новосильцова и командированнаго Святѣйшимъ Синодомъ лица, вошла въ разсмотрѣніе вопроса, какія дѣла, касающіяся православной вѣры, должны подлежать суду минскаго архіепископа и какія гражданскимъ судамъ Царства Польскаго. Этимъ же указомъ было повелѣно отпускать изъ казны Царства Польскаго ежегодно 3600 р. на содержаніе грекороссійскаго духовенства.

Вскорѣ обнаружилось неудобство подчиненія церквей Царства минскому архіепископу, и въ концѣ 1827 г. эти церкви были подчинены епископу волынскому, какъ ближайшему къ Царству Польскому, и тогда же въ Царство былъ командированъ для обозрѣнія православныхъ церквей членъ московской синодальной конторы протопресвитеръ Успенскаго собора, Дмитріевъ. Результатомъ его командировки было высочайше утвержденное 25 января 1829 г. положеніе о православныхъ церквахъ Царства. Этимъ положеніемъ была опредѣлена юрисдикція православнаго епископскаго суда въ Царствѣ, а также постановлено „для ближайшаго надзора за надлежащимъ порядкомъ въ церквахъ и духовенствѣ быть благочинному, который имѣетъ пребывать въ Варшавѣ при Подвальной Свято-Троицкой церкви".

По свѣдѣніямъ, собраннымъ протопресвитеромъ Дмитріевымъ, въ 1828 г. значилось тогда въ Царствѣ Польскомъ православныхъ приходскихъ церквей шесть и одинъ монастырь (Яблочинскій); при нихъ осѣдлыхъ прихожанъ, большею частью грековъ, было душъ обоего пола 416; сверхъ того, число ихъ умножалось инвалидными военными чинами, пограничнымъ казацкимъ войскомъ и лицами отставными, въ разныхъ мѣстахъ Царства Польскаго жительствовавшими [1]). Такъ какъ назначенный въ 1825 г. минскимъ архіепископомъ священникъ Михѣй Пигулевскій умеръ въ 1827 г., то на его мѣсто волынскій епископъ, преосвященный Стефанъ, отправилъ протоіерея бердичевской Успенской церкви, Ѳеофила Новицкаго, который вскорѣ послѣ своего прибытія въ Варшаву былъ назначенъ благочиннымъ церквей Царства Польскаго. Въ маѣ 1829 г., когда императоръ Николай I прибылъ въ Варшаву для коронованія польскою короной, протоіерей Новицкій доложилъ статсъ-секретарю Танѣеву о необходимости построить въ Варшавѣ православный соборъ. Танѣевъ сдѣлалъ докладъ объ этомъ императору; государь посѣтилъ Подвальную церковь и „возымѣлъ твердое намѣреніе соорудить приличный соборный храмъ и снабдить его всѣмъ необходимымъ", но исполненіе этого намѣренія было задержано вспыхнувшимъ въ 1830 г. польскимъ возстаніемъ.

Говоря о православныхъ церквахъ, упомянемъ кстати, что въ Варшавѣ находился уніатскій базиліанскій монастырь. Во

[1]) Лотацкій. «Церковно-историческое и статистическое описаніе варшавской православной епархіи». Почаевъ 1863 г. Стр. 168 и 169.

второй половинѣ прошлаго вѣка у монастырской уніатской церкви было до 5000 прихожанъ, но число ихъ изъ года въ годъ, вслѣдствіе перехода въ католичество, уменьшалось, и въ 20-хъ годахъ нынѣшняго вѣка въ Варшавѣ считалось не болѣе 1000 уніатовъ. Большинство варшавскихъ уніатовъ было русскаго происхожденія, но почти всѣ они были сильно ополячены. Отдѣльнаго православнаго кладбища до 1841 г. въ Варшавѣ не было. Для погребенія православныхъ, какъ грековъ, такъ и русскихъ, былъ отведенъ участокъ на лютеранскомъ кладбищѣ. Здѣсь похоронено нѣсколько десятковъ православныхъ и въ томъ числѣ первый русскій настоятель подвальной церкви Михѣй Пигулевскій и нѣкоторые офицеры изъ павшихъ при штурмѣ Варшавы въ 1831 году. Остальные убитые при штурмѣ похоронены въ братскихъ могилахъ въ окрестностяхъ Варшавы. Православныхъ, у которыхъ есть на этомъ кладбищѣ фамильные склепы, до сихъ поръ хоронятъ на немъ. Для погребенія старообрядцевъ было отведено мѣсто далеко за городомъ за предмѣстьемъ Прагой. Самая старинная могила изъ находящихся на этомъ кладбищѣ относится къ 1824 г.

Дѣти русскихъ варшавскихъ жителей учились въ то время или дома, подъ руководствомъ гувернеровъ, или же въ польскихъ училищахъ, въ которыхъ не преподавался ни русскій языкъ, ни Законъ Божій для православныхъ. Составитель извѣстныхъ словарей Н. Макаровъ, привезенный въ Варшаву въ 20-хъ годахъ мальчикомъ и учившійся въ варшавскомъ училищѣ подпрапорщиковъ, разсказываетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, что до 1827 года русскіе юнкера ходили въ воскресные и праздничные дни вмѣстѣ съ католиками въ костелъ, и что только съ 1827 г., по почину командира Волынскаго полка, ихъ стали посылать по воскресеньямъ и праздникамъ въ греческую церковь. „При выходѣ изъ училища, — повѣствуетъ далѣе Макаровъ, — я превосходно зналъ польскій языкъ, но за то до того отвыкъ отъ своего родного языка, что дѣлалъ большія ошибки, говоря по русски, и постоянно употреблялъ полонизмы“[1]).

Вообще, русскій языкъ въ то время былъ въ Варшавѣ въ полномъ загонѣ. Поляки не считали нужнымъ учиться русскому языку, и никто не требовалъ отъ нихъ этого. Офиціальнымъ языкомъ сношеній Царства съ Имперіей считался французскій,

[1]) «Мои 70-лѣтнія воспоминанія». Ч. IV. Стр. 110.

на французскомъ языкѣ императоры Александръ I и Николай I произносили рѣчи въ засѣданіяхъ сейма.

Всѣ русскіе, жившіе тогда въ Варшавѣ, учились говорить по-польски и объяснялись съ поляками на польскомъ или на французскомъ языкѣ. Константинъ Павловичъ совершенно свободно говорилъ по-польски. Высочайшіе манифесты печатались и объявлялись на одномъ польскомъ языкѣ. Только въ издававшихся въ Варшавѣ, по распоряженію цесаревича, военныхъ уставахъ и наставленіяхъ помѣщался на ряду съ польскимъ и русскій текстъ, потому что эти уставы и наставленія предназначались не только для польской арміи, но и для варшавскаго русскаго отряда, а также для литовскаго корпуса.

А. Сидоровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ДОНЪ ЖУАНЪ и ФАУСТЪ.

ТРАГЕДІЯ ВЪ 4-хъ АКТАХЪ

Д. Х. Граббе.

(Переводъ съ нѣмецкаго Н. П. Аксакова.)

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Предлагая русской публикѣ переводъ драмы „Фаустъ и Донъ Жуанъ", написанной болѣе полустолѣтія тому назадъ нѣмецкимъ поэтомъ Дитрихомъ Христіаномъ Граббе (род. 1 декабря 1801 г. ум. 7 мая 1836 года), мы чувствуемъ необходимость сказать нѣсколько словъ объ авторѣ и о самомъ произведеніи.

Печальна была судьба автора, но и произведеніямъ его, по причинамъ, которыя мы сейчасъ укажемъ, судьба долгое, по крайней мѣрѣ, время не улыбалась. Страстная природа автора не давала ему мириться съ жизнью, бросала его изъ одного положенія въ другое, разстраивала его организмъ и привела его, наконецъ, къ пороку, сгубившему уже много крупныхъ и сильныхъ дарованій — алкоголизму. Поэтъ умеръ молодымъ еще человѣкомъ, имѣя всего тридцать-пять лѣтъ отъ роду.

Незавидна и судьба его произведеній. Всѣ они производили при своемъ выходѣ болѣе или менѣе сильное впечатлѣніе, вызывая сочувственные и даже восторженные отзывы, но потомъ постепенно забывались, такъ что и самъ ихъ авторъ, до выхода перваго собранія всѣхъ его произведеній въ 1870 году, многимъ, даже и интересующимся литературой, оставался совершенно неизвѣстнымъ. Причины забвенія этого біографъ Граббе, извѣстный Рудольфъ Готшалькъ, усматриваетъ съ одной стороны въ томъ, что драматическія произведенія Граббе — а онъ писалъ только драмы — совершенно не приспособлены для сцены, а иногда и писались не для сцены, а съ другой стороны въ томъ, что общаго собранія сочиненій этого автора не дѣлалось въ теченіе болѣе тридцати лѣтъ послѣ его смерти, да не существовало и при его жизни. Отдѣльныя изданія драмъ терялись, забывались, а сцена не напоминала о нихъ. Имя Граббе до второй половины шестидесятыхъ годовъ не стояло даже въ исторіи литературы. Только въ шестидесятыхъ годахъ, когда повторены были изданіемъ двѣ драмы Граббе „Фаустъ и Донъ Жуанъ" и „Наполеонъ", нѣмецкая публика вспомнила о своемъ забытомъ поэтѣ, отнеслась уже къ нему съ полнымъ

сочувствіемъ и на этотъ разъ уже вполнѣ оцѣнила его. Полное собраніе его сочиненій, вышедшее въ 1870 году и ознакомившее съ другими драматическими произведеніями его: „Марій и Сулла“, „Ганнибалъ“, „Фридрихъ Барбароса“, „Генрихъ VI“ — окончательно установило славу его и дало возможность составить правильное представленіе о характерѣ и силѣ его таланта.

Но наряду съ этими причинами была и еще одна, отразившая вліяніе свое на судьбѣ „Фауста и Донъ Жуана“. Съ 1808 года до 1830 года Германія, а съ нею и почти вся Европа, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за медленнымъ появленіемъ на свѣтъ „Фауста“ Гете, слѣдила за долгимъ процессомъ творчества великана нѣмецкой поэзіи. Всѣмъ было извѣстно, что еще съ 1773 года Гете работаетъ надъ „Фаустомъ“. Въ 1790 году вышелъ первый „фрагментъ“. Въ 1808 году вышла первая часть „Фауста“. Но всѣмъ было извѣстно, что процессъ творчества еще не замкнулся, что Гете еще пишетъ „Фауста“, еще работаетъ надъ нимъ. Всѣ напряженно ожидали. Въ 1829 году появился на свѣтъ „Фаустъ и Донъ Жуанъ“ молодого и еще мало извѣстнаго поэта Граббе. Его и прочли только въ ожиданіи... Въ 1830 году вышла вторая часть „Фауста“ Гете, и о драмѣ Граббе одни позабыли, а другіе еще и не успѣли прочесть ее. Драма Граббе на время канула въ лету, чтобы вынырнуть изъ нея только тридцатью слишкомъ годами позже.

Нельзя, конечно, отрицать, что въ переведенной нами драмѣ Граббе сказывается отчасти вліяніе гетевскаго Фауста. Но на чемъ только не сказывалось оно въ свое время. И по замыслу, и по фабулѣ и по отношенію къ отдѣльнымъ характерамъ „Фаустъ и Донъ Жуанъ“ есть безспорно произведеніе совершенно самостоятельное, имѣющее свои оригинальныя достоинства и свои оригинальные недостатки. Совершенно самостояteленъ, напр., тамъ и характеръ Мефистофеля; совершенно самостоятельны и воззрѣнія автора на природу демоническаго начала. Мысль поставить „Фауста и Донъ Жуана“ на очную ставку, сдѣлать ихъ, такъ сказать, двумя фокусами одной и той же драмы, съ своей стороны уже заслуживаетъ уваженія и возбуждаетъ интересъ.

О достоинствахъ и художественныхъ красотахъ драмы предоставляемъ судить читателю.

Драма „Фаустъ и Донъ Жуанъ“ одинъ только разъ давалась на сценѣ маленькаго театра въ Детмольдѣ, при самой убогой обстановкѣ. Изъ всѣхъ драмъ Граббе „Фаустъ и Донъ Жуанъ“, по мнѣнію Готшалька, всего болѣе пригодна для сцены, хотя и, разумѣется, при нѣкоторой передѣлкѣ и при непремѣнно богатой, роскошной, а никакъ уже не жалкой и не убогой обстановкѣ.

Мы передаемъ драму Граббе безъ всякихъ передѣлокъ и почти буквально.

Н. Асаковъ.

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

Сцена I.

Римъ. — Улица. — Близъ дворца испанскаго посольства.

Донъ Жуанъ.

Всѣ площади, всѣ улицы пустынны,
Лишь въ темнотѣ чуть шепчутся фонтаны...
Спитъ вѣчный Римъ, усталый, утомленный
Тысячелѣтье длившейся борьбою
И бременемъ своей великой славы.
О, бѣдная столица міра! ты
Любви не знала.
Что за чудный воздухъ!
Какая свѣжесть вѣетъ съ горъ Альбанскихъ!
Волшебнымъ этимъ воздухомъ дышали
Когда-то кесари; теперь же имъ моя
Возлюбленная дышитъ...

Лепорелло.

Нѣтъ, позвольте!
То дымъ изъ недалекаго трактира
Сюда несется съ запахомъ жаркого
И бьетъ намъ въ носъ.

Донъ Жуанъ.

Послушай, Лепорелло!
Ты разузналъ про дѣвушку?

Лепорелло.

Она
Достойна быть жемчужиной прекрасной
Въ томъ пышномъ ожерельѣ, что на шеѣ
Давно вы носите.

Донъ Жуанъ.

Она блистаетъ
Межъ женщинъ, словно солнце.

Лепорелло.

Я въ восторгѣ
Съ тѣхъ поръ, какъ увидалъ ее...

Донъ Жуанъ.

Отлично!
Такъ опиши жъ скорѣе мнѣ подробно
Ея фигуру, ростъ, движенья...

Лепорелло.

Какъ?
Вы до сихъ поръ ее и не видали?

Донъ Жуанъ.

Что видѣть? слышать?—почему я знаю...
Я ослѣпленъ былъ взглядомъ...

Лепорелло.

Онъ прекрасенъ;
Но передъ прочимъ онъ еще блѣднѣетъ.

Донъ Жуанъ.

Она звѣзда волшебной ночи... Богомъ
Тебѣ клянусь!—полярная звѣзда,
Что мнѣ одна свѣтить отнынѣ будетъ.

Лепорелло.

А что для васъ *одна?* Двѣ тысячи?

Донъ Жуанъ.

Такой любви еще не испыталъ я!

Лепорелло.

А сколько сотенъ разъ вы говорили
Ужъ это раньше?

Донъ Жуанъ.

Кто ея отецъ?

Лепорелло.

Севильскій губернаторъ, — побѣдитель
Когда-то прежде мавровъ подъ Гренадой,
Теперь посолъ испанскій при дворѣ
Его святѣйшества.

Донъ Жуанъ.

Какъ! онъ испанецъ?
Такъ, стало быть, она моя землячка!

Лепорелло.

Да! только губернаторъ старъ и строгъ,
Какъ слышалъ я.

Донъ Жуанъ.

Она же чудный плодъ
На крѣпкомъ деревѣ...

Лепорелло.

Но плодъ высоко
Виситъ на деревѣ и мощенъ стволъ...

Донъ Жуанъ.

Чѣмъ выше плодъ и чѣмъ онъ ближе къ солнцу,
Тѣмъ зрѣетъ онъ успѣшнѣй и скорѣе,
А чѣмъ скорѣй онъ зрѣетъ, тѣмъ скорѣе
И падаетъ на землю онъ...

Лепорелло.

Но прежде
Вамъ устранить придется жениха.

Донъ Жуанъ.

Какъ? Жениха? Молчи же! Я стыжуся
И слова этого... А какъ зовутъ безумца,
Что стать ея рѣшился женихомъ,
Своей судьбы не чуя.

Лепорелло.

Онъ племянникъ
Ея отца, прибывшій вмѣстѣ съ нимъ,
И Донъ Октавіо зовется,—господинъ
Съ образованіемъ, съ прекраснымъ сердцемъ,
Съ красивой внѣшностью, весь въ черномъ
И вѣчно въ бѣлыхъ шелковыхъ перчаткахъ.

Донъ Жуанъ *(перебивая).*

Живетъ умѣренно и безъ скандаловъ,
Танцуетъ хорошо, недурно ѣздитъ,
Свободно разсуждаетъ по французски
И въ обществѣ держать себя умѣетъ,
А, можетъ быть, и пишетъ безъ ошибокъ

Орѳографическихъ... Такихъ дорогу
Пересѣкать люблю я...

Лепорелло.

Вотъ и я
Переносить не въ силахъ точно такъ же,
Когда орѳографически цѣлуютъ
Ту дѣвушку, которую люблю я,
Вводя въ обманъ ее, какъ и меня.
Къ чему правописаніе? Кривые
Пути ведутъ гораздо ближе къ *цѣли*.

Донъ Жуанъ.

Ахъ, что мнѣ цѣль! Не говори о цѣли.
Пусть къ цѣли я стремлюсь, но мысль о цѣли
Противна мнѣ. Цѣль для меня есть смерть.
Блаженъ, кто вѣчно можетъ лишь стремиться,
Блаженъ, кто могъ бы вѣчно голодать!

Лепорелло.

Благодарю! Давно я замѣчаю,
Что заставляете меня вы голодать
По мудрому принципу, — но желудокъ
Во мнѣ съ принципомъ этимъ не согласенъ
И вопіётъ: Блаженъ кто вѣчно жретъ!

Донъ Жуанъ.

Горю я нетерпѣньемъ. Вотъ и домъ
Испанскаго посла; она живетъ въ немъ...
Произведемъ же шумъ, чтобы къ окошку
Ее привлечь...

Лепорелло.

Что съ нимъ случилось? Боже!
Онъ вынулъ мечъ!, Клянусь моимъ патрономъ!
Я убѣгу сейчасъ же...

Донъ Жуанъ.

Трусъ! Для вида
Я вынулъ мечъ... Бери же свой скорѣе!
Скорѣй! Скорѣй! Не то какъ червяка
Я проколю тебя сейчасъ на мѣстѣ.

Лепорелло.

Святой Іаковъ! Я погибъ... Не шутитъ
Мечомъ онъ никогда... При видѣ стали
Онъ жаждетъ крови, какъ голодный волкъ...
Я долженъ защищаться.

Донъ Жуанъ.

Молодецъ!
Другъ Лепорелло! Ловко! Вотъ что значитъ,
Что ты стоишь теперь на римской почвѣ,
Дарившей міру безъ числа героевъ...
Она тебя вторично порождаетъ.
Теперь бѣги скорѣе прочь отсюда?
Кричи о сбирахъ и убійцахъ въ волю;
А чтобъ твой крикъ естественнымъ казался,
Пораню я тебя легонько въ руку,
Но будь поближе, чтобъ вернуться снова,
Когда я кликну.

Лепорелло.

Ой, умираю!
Моя рука! На помощь! сбиры! сбиры!

Донъ Жуанъ.

Сюда! Сюда! Ловите же бандита!
(Лепорелло бѣжитъ. Шумъ во дворѣ губернатора.)

Губернаторъ *(внутри)*.

Огня! Къ оружію! Октавіо, за мною.

Октавіо.

Готовъ пожертвовать имуществомъ и жизнью!

Донъ Жуанъ *(про себя)*.

Кто жертвовать готовъ, тотъ не болтаетъ!
Болтунъ презрѣнный! Но ужъ близко время,
Когда война и миръ, любовь и счастье,
И Богъ и вѣра будутъ только *клички*
Того, что прежде было. *Всепокорно*
Мы будемъ нищихъ прогонять пинками
И *всепочтительно* просить стаканъ воды
У каждаго слуги.

Въ одномъ изъ оконъ губернаторскаго дворца показывается служанка съ зажженными восковыми свѣчами въ канделябрахъ,— а изъ за-нея на минуту выглядываетъ донна Анна.

Донъ Жуанъ *(замѣчая донну Анну).*

Орломъ блестящимъ
Несется молнія на землю съ неба,
И лѣсъ, дрожа, склоняется предъ нею
И радостно ея пріемлетъ пламя
И дышитъ счастьемъ, отъ нея сгорая...
Вотъ такъ и я теперь къ твоимъ ногамъ
Въ восторгѣ падаю.

(Донна Анна съ наивнымъ жестомъ отходитъ отъ окна).

Напрасно
Меня ты гонишь! Я къ тебѣ проникну,
Хотя бъ пришлось итти мнѣ черезъ трупы
И твоего отца родного кровь.

(Губернаторъ, Донъ Октавіо и слуги съ факелами выходятъ изъ дворца).

Губернаторъ.

Что это значитъ! Кто шумѣть дерзаетъ
Здѣсь подъ ея окномъ. Скорѣй ищите!
Я строго наказать его сбираюсь.

Донъ Октавіо.

Ахъ, успокойтесь, губернаторъ. Здѣсь
Мы на чужой землѣ.

Губернаторъ.

Но я посланникъ
И собственнымъ судомъ судить могу я.
Гдѣ я стою—испанская земля,
Испанскій воздухъ—всюду, гдѣ дышу я.
Ужель теперь, когда задѣта честь,
Переносить я долженъ оскорбленья,
Обидчика не смѣя наказать?

Донъ Октавіо.

Но шумъ пустой не задѣваетъ чести
Моей невѣсты.

Губернаторъ.

Что ты говоришь!
Честь—это глазъ, и каждая пылинка
Слѣпитъ меня и причиняетъ боль.

Донъ Октавіо.

Но вѣдь виновника теперь мы не находимъ.

Губернаторъ.

Должны найти.

Донъ Жуанъ *(показываясь)*

Но незачѣмъ искать.
Я знаю, кто онъ и куда онъ скрылся.

Губернаторъ.

А кто вы сами?

Донъ Жуанъ.

Я испанскій грандъ
И Донъ Жуанъ по имени.

Губернаторъ.

Возможно ль?
Тотъ самый Донъ Жуанъ, что такъ отважно
За короля сражался въ Гваціано?

Донъ Жуанъ.

Тотъ самый передъ вами, донъ!

Губернаторъ.

Такъ руку!
Скорѣе руку мнѣ! Кто любитъ короля,
Тотъ братъ мнѣ.

Донъ Жуанъ.

Вы землякъ мнѣ настоящій.
Вотъ вамъ рука. *(Про себя)* Его я осѣдлаю
Патріотическими фразами тѣмъ лучше,
Что самъ ихъ говорю серьезно.

(Громко).

Въ Римѣ
Примите мой привѣтъ. Дышу свободно

Я всякій разъ, какъ только рѣчь коснется
Родной Испаніи.
На небѣ нѣтъ громовъ
И звуковъ на землѣ, хотя бъ звучали
Они съ прелестныхъ губокъ, что могли бы
Такою мощью обладать и силой,
Какъ слово: родина! Сильнѣе всякихъ трубъ
Не разъ въ бояхъ то слово возбуждало
Мнѣ бодрость въ сердцѣ. Съ этимъ словомъ мнѣ
Рисуется Испанія съ горами,
Съ потоками, съ семьей богатырей,
Съ старинными могилами героевъ,
Со всей своею доблестью и силой.
Презрѣнно чванство суетныхъ людей,
Прекрасна родина, и отъ души должны мы
Гордиться ей.

Донъ Октавіо.

Но не совсѣмъ согласны
Съ дѣлами ваши рѣчи. Я не мало
О васъ слыхалъ. Вѣнчаетесь вы чаще,
Какъ слышно, розами прекрасными любви,
Чѣмъ дубомъ или лавромъ.

Донъ Жуанъ *(про себя).*

Онъ ревнивъ
И что нибудь замѣтилъ. Кто ревнивъ,
Тотъ самъ не любитъ и того не любятъ.
Онъ самъ мнѣ подаетъ надежду. *(Громко)* Другъ,
Узнайте лучше вѣчный мой девизъ:
Король и честь, отчизна и любовь.
Презрѣнна жизнь, какъ прѣсное питье,
Когда четыре эти слова съ нею
Въ одинъ вѣнокъ душистый не сплелися.

Донъ Октавіо.

Вы, кажется, забыли слово—*вѣрность*.

Донъ Жуанъ.

Но я не рабъ и не люблю цѣпей.

Губернаторъ.

Довольно! Перестаньте спорить. Кто

И короля и славу уважаетъ,
Не можетъ тотъ, конечно, быть невѣрнымъ,
И главное достоинство забыть,
Что существуетъ въ мірѣ.
Такъ скажите жь,
Кто былъ наглецъ, дерзнувшій такъ шумѣть
Здѣсь подъ окномъ, и, кажется, что даже
Назвавшій имя дочери моей!

Донъ Жуанъ.

Волшебника вы знаете, что прибылъ
Изъ сѣверной Германіи, изъ края
Снѣговъ и льдовъ, и въ Римѣ поселился
И воздухъ отравилъ своимъ дыханьемъ?
Плащомъ закутанъ, блѣдный,—словно солнце
Его своимъ сіяньемъ не румянитъ,—
Блуждаетъ часто онъ по Авентину,
И тщетно сыщики схватить его стремятся,
Онъ колдовствомъ всегда ихъ устраняетъ,
А самъ отъ нихъ уходитъ невредимымъ!

Губернаторъ.

Вы говорите намъ о Фаустѣ?

Донъ Жуанъ.

Какъ хищный
И кровожадный ястребъ, онъ кружится
Надъ вашей дочерью давно ужъ, а сегодня
При помощи какихъ-то заклинаній
Онъ вызвать на балконъ ее стремился.
Но мечъ и храбрость колдовства сильнѣе;
Я указалъ ему мечомъ дорогу.

Губернаторъ.

Благодарю васъ отъ души! Но знайте,
Ни колдовство, ни мечъ не угрожаютъ
Ничѣмъ для чести донны Анны. Честь
Идетъ своимъ путемъ средь заклинаній
И блещущихъ мечей, и даже смерть сама
Слабѣе чести. Честь лишь побѣждаетъ,
Иль умираетъ. Такъ и дочь моя!
Презрѣненъ Фаустъ, что смутить мечтаетъ

Какимъ-нибудь безсильнымъ колдовствомъ
Младенческое сердце донны Анны;
Весь блескъ небесъ его не ослѣпитъ,
И нѣтъ на всемъ высокомъ этомъ небѣ
Такой прекрасно блещущей здѣзды.

Донъ Жуанъ *(про себя).*

Какъ самъ отецъ въ соблазнъ меня приводитъ!
Какой восторгъ торжествовать побѣду
Надъ женщиной такою! Пусть міры
Осиротѣлые, бездушные помчатся
Въ пустомъ пространствѣ—гдѣ найдется сердце
Живое, чуткое, тамъ новые міры
Возникнутъ тотчасъ, звѣзды, мѣсяцъ, солнце,
Заря заката и заря восхода
И скорбью тихою и радостью въ созвучьи
Съ побѣдною горячей жизнью сердца.

Губернаторъ.

Октавіо! мы Фауста должны
Схватить и на костеръ его доставить.
Пойдете съ нами вы.

Донъ Жуанъ.

Позвольте лучше
Теперь вернуться... Домъ мой безъ присмотра
Совсѣмъ оставленъ... Отперты всѣ двери...
Я долженъ удалиться, а съ дороги
Я вамъ пришлю на помощь полицейскихъ,
Чтобъ дѣлать обыскъ.

Губернаторъ.

Я прошу васъ только
Мнѣ сдѣлать честь и появиться завтра
На свадьбѣ донъ Октавіо и Анны—
Моей прекрасной дочери.

Донъ Жуанъ.

Явлюся,
Конечно, я.

Донъ Октавіо.

Прошу васъ сдѣлать честь.

Донъ Жуанъ.

Повѣрьте, честь останется за мною.

Губернаторъ.

Прощайте же.

Донъ Жуанъ *(про себя).*

Скорѣй идите къ чорту!

(Уходятъ.)

Донъ Жуанъ.

Слова! Слова! Но что слова? Лишь тамъ,
Гдѣ заглушаютъ рѣчи поцѣлуи,
Блаженно дышится. Я не похожъ
На дерево, шумящее листвою
При каждомъ вѣтеркѣ. Я радъ, однако,
Что посадилъ обоихъ дураковъ
На шею Фаусту, который вѣчно
Стремится къ аду, потому лишь только,
Что неба, намъ смотрящаго изъ глазъ
Прекрасной донны Анны, онъ не знаетъ.
Когда взаправду силенъ въ колдовствѣ онъ,
Пускай теперь отъ нихъ освободится!
Я дорожу дѣйствительностью только.
Ушелъ отецъ и вмѣстѣ съ нимъ женихъ;
Дверь отперта, и я могу войти...

(Пробуетъ, но дверь оказывается запертою.)

Э! хитрецы-то наши осторожны
И крѣпко дверь приперли за собою.
Но пустяки! Къ одной и той же цѣли
Всегда ведутъ насъ тысячи дорогъ.
Эй, Лепорелло! Лепорелло.

Лепорелло.

Что вамъ?

Рука, моя рука! Самъ фельдшеръ,
Едва взглянулъ, такъ руки опустилъ,
Плакучей ивѣ тотчасъ уподобясь,
А докторъ палецъ къ носу приложилъ
И рѣчь повелъ о скрофулахъ, катаррахъ
И всякомъ страшномъ вздорѣ. Черезъ васъ

Я весь мой вѣкъ теперь калѣкой буду.
И вотъ награда всѣмъ моимъ трудамъ!
О, времена! о, нравы!

Донъ Жуанъ.

Успокойся!
Совѣтую тебѣ. Иначе можешь
Ты рану первую забыть изъ-за второй,
Которую еще получишь. Слушай!
Знакомъ ли ты съ служанкой донны Анны?

Лепорелло.

Что выдумали вы? Откуда знать мнѣ
Служанку эту?

Донъ Жуанъ.

Глупо притворяться.
Ты третій день здѣсь бродишь передъ домомъ,
По моему приказу, и, конечно,
Не могъ ее оставить безъ вниманья...
Она жъ потомъ свѣтила доннѣ Аннѣ,
Какъ подошли онѣ къ окошку... Помнишь...
Брюнетка, съ родинкой на лбу, но съ бѣлой,
Прекрасной кожей, съ кругленькою тальей
И маленькими ручками.

Лепорелло.

Какъ? Сразу
Замѣтили вы въ ту жъ минуту,
Когда предъ вами быстро, какъ орелъ,
Своей красой сверкнула донна Анна,
Какъ сами вы сказали...

Донъ Жуанъ.

Ну такъ что же?
Служанка у окна стояла съ нею.

Лепорелло.

Вы истинно и совершенно геній!
Влюбиться въ госпожу и вмѣстѣ съ этимъ
Такъ тщательно служанку разсмотрѣть,
И все это въ теченіе мгновенья?
Мутится умъ! Кружится голова!

Донъ Жуанъ.

Я не педантъ, чтобъ соблюдать системы
И руководствоваться ими. Оцѣняю
Я красоту всегда, когда увижу.
Служанка любитъ насъ однимъ манеромъ,
А госпожа другимъ; попеременность
Намъ удвояетъ прелесть наслажденья
И насъ миритъ съ однообразьемъ жизни...
Гдѣ комната служанки?

Лепорелло.

Ахъ, грѣшно
Мнѣ открывать вамъ ангела жилище.
Вотъ здѣсь она въ подвальномъ этажѣ,
За низенькимъ, рѣшетчатымъ окошкомъ,
Всѣ черти пусть хранятъ ее крылами,
Коль ангеловъ совсѣмъ вы не боитесь!

Донъ Жуанъ.

Иди къ окну! Спроси, гдѣ можно завтра
Намъ повстрѣчать и видѣть донну Анну
Иначе, какъ въ дому.

Лепорелло.

Теперь-то? Ночью?

Донъ Жуанъ.

Что жъ, это романтично, а къ тому же
Я до утра терпѣть и ждать не въ силахъ.
Ты подъ окномъ, какъ ласковый ребенокъ,
Ее разбудишь нѣжными рѣчами.
Не счастье ли для дѣвушки проснуться
Подъ лестный говоръ, что нерѣдко даже
На лбахъ полуотжившихъ старыхъ женщинъ
Морщины расправляетъ?

Лепорелло.

Попытаюсь.
Я пѣсенку спою ей, отъ которой
Дрожатъ медвѣди, рысь отъ зимней спячки

Внезапно просыпается и уши
Настраиваетъ кверху, словно башни.

Донъ Жуанъ.

Но пой какъ можно тише!

Лепорелло.

О, не бойтесь!
То старая и рѣдкостная пѣснь,
Ее сложилъ отринутый любовникъ
Весенней ночью послѣ долгихъ вздоховъ,
Томительныхъ и тяжкихъ воздыханій. *(Поетъ)*.

Жукъ на заборѣ сидѣлъ—Брумъ, брумъ!
Муха кружилась безъ дѣлъ—Зумъ, зумъ!
Муха моей будь женой—Брумъ, брумъ!
Дамъ я тебѣ золотой—Зумъ, зумъ!

Донъ Жуанъ.

Стой! Пой разумнѣй!

Лепорелло.

Такъ, значитъ, долженъ
Я говорить, а пѣснь моя всегда
Выходитъ неразумною. Лизетта! *(шепчетъ въ окно)*.

Спишь ли ты, Лизетточка?—Ни словечка?—Ахъ, стало-быть ты не спишь. Ты на меня разсердилась? Ахъ, мой горностайчикъ, куколка ты моя, какъ можешь ты на меня сердиться? *(Къ донъ Жуану.)* Проклятая крыса не спитъ. Если бъ она спала, то давно бы проснулась и отвѣчала мнѣ. Она не спитъ и кокетничаетъ своимъ молчаніемъ.

Донъ Жуанъ.

Откуда же узналъ ты ея имя?

Лепорелло.

Ея имя? О! я прочелъ его по ея росту, по физіогноміи.—Каково имя—таковъ и человѣкъ. Вы не повѣрите, какъ много значатъ звуки имени. Амаліи всегда бываютъ длинныя, мечтательныя, Каролины—маленькія, живыя, Юліи—полныя, хладнокровныя, Августы похожи на потертые червонцы... О, господинъ! если я терплю много несчастій, то именно оттого только, что родители окрестили меня Лепорелло. *(Снова въ окно)*.

Лизетта! Прекраснѣйшая изъ дѣвушекъ! Возлюбленная! Одно только словечко! Я не могу ѣсть и спать. Твоя красота, твоя добродѣтель трогаетъ меня до слезъ.

Донъ Жуанъ.

Какъ лукъ!

Лепорелло.

Что въ сравненіи съ тобою твоя госпожа! Такъ, жалкое созданье, червь...

Донъ Жуанъ.

Плутъ!

Лепорелло.

Молчите! Это очень важно. Это помогаетъ. Она этому вѣритъ.

Донъ Жуанъ.

Ты правъ. Женщины съ вѣрой поступаютъ такъ же, какъ богачи съ ѣдой; онѣ выбираютъ только то, что имъ приходится по вкусу.

Лизетта *(изъ комнаты.)*

Что это? Что это такое? Кто это тамъ такъ безстыдно шумитъ? Или никогда онъ не перестанетъ?

Лепорелло.

Слышите ли! слышите ли! Никогда онъ не перестанетъ. Я говорилъ, что она давно меня слушаетъ.

Донъ Жуанъ.

Она бранится, а брань — призывный колоколъ гетеръ.

Лепорелло.

Вы знаете практику... Но и я въ ней кое-что смыслю. *(Показываетъ кольцо).* Вотъ этакая штучка для дѣвичьихъ глазъ — то же, что квадратура круга, истинный талисманъ. Самая лучшая изъ нихъ три раза отдастъ свою невинность, чтобы только заполучить мужа.

Донъ Жуанъ.

А мужья, по настоящему, должны бы носить обручальные кольца не на пальцѣ, а на носу, въ знакъ того, что ихъ водятъ за носъ.

Лепорелло.

Дражайшая Лизетта! Ужели ты не узнаешь меня, я принесъ тебѣ обручальное кольцо. Я поведу тебя завтра къ алтарю.

Донъ Жуанъ.

Прежде къ алтарю водили тельцовъ и барановъ, чтобы ихъ закалывать, а теперь водятъ дѣвушекъ, чтобы на нихъ жениться. Нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ.

Лизетта.

Графъ Лепорелло!

Донъ Жуанъ.

Какъ, плутъ? Ты выдаешь себя за графа?

Лепорелло.

Si segnore. Я люблю всегда по-графски.

Лизетта.

Графъ Лепорелло! Не обманите бѣдной дѣвушки. Берегитесь! Я бѣдна, но я все же римлянка. Клянусь Мадонной! Я убью васъ, если вы меня обманете. Постойте. Я сейчасъ выду. Гдѣ же кольцо?

Лепорелло.

Здѣсь, моя дорогая! Любовь моя вѣрна и неподдѣльна, какъ это золото! *(Къ донъ Жуану)*. Кольцо мѣдное и стóитъ всего шесть скудо, которыя и прошу вернуть мнѣ завтра.

Лизетта *(беретъ кольцо.)*

Залогъ любви съ кольцомъ теперь беру я
И за тобою, графъ, пойду до смерти.

Лепорелло.

О, дивное блаженство! Я жалѣю
О бѣдной матери, меня родившей...
Вотъ сдѣлаетъ глаза-то, коль узнаетъ
Какимъ связалъ себя неравнымъ бракомъ
Ея любимецъ. Скорби не снесетъ
Несчастная графиня... Пусть погибнетъ
Теперь весь міръ — а онъ не шевельнется
И не ворохнется, какъ я вполнѣ увѣренъ.

Что мнѣ весь міръ, когда моей ты будешь!
Гдѣ завтра утромъ встрѣтить донну Анну
Могу я, чтобы съ нею о тебѣ
Поговорить?

Лизетта.

Въ саду отцовскомъ будетъ
Гулять все утро завтра донна Анна.

Лепорелло.

А гдѣ тотъ садъ?

Лизетта.

За домомъ, возлѣ Тибра.

Лепорелло.

Узналъ я все. Одинъ лишь поцѣлуй
Теперь мнѣ дай, богиня, на прощанье...

Лизетта.

Меня такъ скоро хочешь ты покинуть?

Лепорелло.

До завтра лишь, прекрасная, а завтра
Я за тобой примчусь въ своей каретѣ
На четвернѣ отобранныхъ коней
И поведу тебя на Эбро, гдѣ мой замокъ
Красуется рядами старыхъ башенъ.

Лизетта.

Приди взять поцѣлуй и будь мнѣ вѣренъ
И думай обо мнѣ.

Донъ Жуанъ.

Назадъ! Назадъ!
При мнѣ никто не смѣетъ цѣловаться.

Лепорелло.

Но, господинъ!..

Донъ Жуанъ.

Молчи и будь покоенъ,
Коль жизнью дорожишь ты! Поцѣлуй
Единственная пища, отъ которой
Не насыщаются, а тотъ, кто ихъ беретъ
Въ моемъ присутствіи, тотъ крадетъ
Ихъ у меня.

Лизетта.

Графъ! Мой графъ!
Гдѣ вы? О, небо! Онъ меня покинулъ.
Онъ пренебрегъ обѣщанной наградой,
Онъ поцѣлуй отвергъ мой! Пусть гроза
Его сразитъ немедленно ударомъ,
А я пока окно свое закрою.

Донъ Жуанъ.

Ты слышалъ уже громъ ея окна,
Теперь вся ночь свободна предо мною,
Пока заря не загорится въ небѣ
Предъ донной Анной съ краскою стыда,
Въ красѣ ей уступая. Лепорелло!
Спѣши скорѣе графовъ Санвитано
И Лукаро позвать ко мнѣ.

Лепорелло.

На карты?

Донъ Жуанъ.

Конечно, другъ! На карты и вино.
Всю жизнь и все имущество на карту
Поставить и судьбѣ своей предаться
И млѣть отъ ожиданья — вотъ что значитъ
По истинному жизнью наслаждаться!

Лепорелло.

Но вы уже не спали
Двѣ ночи кряду.

Донъ Жуанъ.

Слушай! Стыдно спать!
То время, что не спимъ мы, похищаемъ
У смерти мы. Недремлющія очи
Подобны солнцамъ, что̀ не знаютъ сна! *(Уходитъ.)*

Лепорелло.

Онъ наслажденіемъ насытиться не можетъ!..
Но если бъ я владѣлъ его богатствомъ
И всей его судьбой, я былъ бы грѣшенъ
Какъ онъ тогда! Пойдемъ же къ Санвитано!

Д. Х. Граббе.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Пенсіонныя кассы для служащихъ въ частныхъ учрежденіяхъ.

Едва ли нужно распространяться о томъ, насколько серьезнымъ и жгучимъ для громадной части населенія является вопросъ объ обезпеченіи подъ старость нѣкоторыхъ опредѣленныхъ средствъ къ существованію. Конечно, вопросъ этотъ имѣетъ особо важное значеніе главнымъ образомъ для тѣхъ, всѣ средства къ жизни которыхъ заключаются въ томъ вознагражденіи, какое они получаютъ за свой трудъ, на томъ или другомъ поприщѣ. Но такія именно лица, въ настоящее время, въ силу естественныхъ экономическихъ условій, и составляютъ добрую половину населенія.

Еще весьма недавно кругъ этихъ лицъ ограничивался тѣмъ контингентомъ, который былъ призванъ на государственную службу, по военному или гражданскому вѣдомствамъ, и, потому, въ отношеніи этихъ лицъ и ихъ семействъ и была проявлена забота государства о матеріальномъ обезпеченіи ихъ старости, путемъ установленія для нихъ пенсій за выслугу лѣтъ, образующихся изъ обязательныхъ вычетовъ въ пенсіонный капиталъ извѣстной доли изъ получаемаго ими жалованья.

За послѣднія 30—40 лѣтъ положеніе это рѣзко измѣнилось. Съ одной стороны, стремительный и гигантскій ростъ нашей фабричной и торговой промышленности, создавъ цѣлую массу фабрикъ, заводовъ и всевозможныхъ промышленныхъ учрежденій, вызвалъ громадный спросъ на личный трудъ. Съ другой же стороны, измѣнившіяся экономическія условія жизни, появленіе новыхъ нуждъ и потребностей, постепенно возрастая, создали и не менѣе громадное предложеніе этого труда. Въ результатѣ, образовался весьма значительный контингентъ, преимущественно конечно, городскаго населенія, существующій исклю-

чительно на средства, получаемыя по службѣ во всевозможныхъ частныхъ фабрично и торгово-промышленныхъ учрежденіяхъ.

Конечно, служба въ частныхъ учрежденіяхъ оплачивается выше, а иной разъ и много выше, чѣмъ коронная; но зато она не представляетъ рѣшительно никакихъ гарантій, въ смыслѣ обезпеченія въ будущемъ, и, такимъ образомъ, забота въ этомъ отношеніи лежитъ исключительно на индивидуальныхъ способностяхъ каждаго отдѣльнаго субъекта создать себѣ способы этого обезпеченія въ будущемъ. Этихъ способовъ — два: первый—это откладываніе части заработка въ надеждѣ скопить сумму, достаточную для существованія и содержанія семьи, послѣ того какъ прекратится заработокъ; второй — это застрахованіе жизни. Ни тотъ, ни другой способъ, цѣли не достигаютъ: въ первомъ случаѣ—далеко не всегда возможно, путемъ сбереженій, обезпечить себѣ въ будущемъ существованіе, а во второмъ — уплата страховыхъ премій въ большинствѣ случаевъ довольно обременительна. Но главный недостатокъ обоихъ этихъ способовъ обезпеченія заключается въ томъ, что какъ тотъ, такъ и другой зависятъ исключительно отъ доброй воли человѣка, большаго или меньшаго сознанія имъ необходимости подумать о будущемъ и силы его характера въ этомъ отношеніи. Къ сожалѣнію, человѣческая натура слишкомъ слаба и, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, безсильна руководить въ этомъ отношеніи его дѣйствіями.

Поэтому, единственнымъ цѣлесообразнымъ и дѣйствительнымъ способомъ обезпеченія будущности человѣка, живущаго исключительно служебнымъ трудомъ, и является система установленія пенсій за выслугу лѣтъ, и притомъ такая, въ силу которой участіе въ пенсіонномъ капиталѣ и вычеты изъ жалованія на образованіе этого капитала были бы не добровольны, а обязательны для всѣхъ и каждаго, по примѣру того, какъ это водится на государственной службѣ.

Цѣлесообразность и необходимость образованія пенсіонныхъ кассъ для служащихъ въ частныхъ промышленныхъ учрежденіяхъ давно уже признана была обществомъ, и при нѣкоторыхъ изъ промышленныхъ учрежденій образованы были пенсіонныя кассы для служащихъ на основаніи особыхъ уставовъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ надлежащимъ порядкомъ утвержденныхъ. Уставы эти были на столько разнообразны, по существу содержащихся въ нихъ правилъ, что вызвали необходимость въ

изданіи общаго однообразнаго Положенія о подобныхъ кассахъ, 30 мая 1888 года удостоившагося Высочайшаго утвержденія.

При этомъ, весьма естественно, что тѣ пенсіонныя кассы, существованіе коихъ было основано на уставахъ, не согласныхъ съ этимъ Общимъ Положеніемъ, должны были подвергнуться нѣкоторой реорганизаціи, вызвавшей, къ сожалѣнію, весьма нежелательныя и чувствительныя недоразумѣнія.

Одно изъ такихъ и весьма крупныхъ недоразумѣній было недавно предметомъ судебнаго разбирательства.

При обществѣ Московско-Брестской желѣзной дороги съ 1872 года существовала пенсіонная касса служащихъ этой дороги, въ которую изъ жалованія послѣднихъ правленіемъ дороги производились обязательные вычеты. На основаніи устава кассы, въ образованіи ея капитала обязано было принимать участіе и само общество желѣзной дороги, путемъ ежегодныхъ опредѣленныхъ процентныхъ отчисленій изъ собственныхъ средствъ. Хотя правила этой кассы и несогласны были съ изданнымъ 30 мая 1888 года Общимъ Положеніемъ о пенсіонныхъ кассахъ, тѣмъ не менѣе, касса продолжала существовать, и вычеты въ ея капиталъ, изъ жалованія служащихъ дороги, исправно производились управленіемъ дороги, пока, наконецъ, въ 1893 году послѣдовало уже правительственное распоряженіе о прекращеніи дѣйствій кассы и ликвидаціи ея дѣлъ. Къ этому времени, по расчету общества, капиталъ кассы составлялъ сумму въ 1,700,000 руб., которую общество и предложило получить пенсіонерамъ по разверсткѣ, взамѣнъ выслуженной и получавшейся уже ими пенсіи. Такихъ пенсіонеровъ оказалось около 300 человѣкъ, и, по произведенной разверсткѣ, выходило, что за ежегодную пенсію, напримѣръ, въ размѣрѣ 303 руб. 50 коп., приходилось получить единовременно 852 руб. 60 коп., что оказывалось даже менѣе того, что пенсіонеромъ было внесено въ кассу. Пенсіонеры на предложеніе это не нашли возможнымъ согласиться и, избравъ повѣреннаго, поручили ему требовать судебнымъ порядкомъ удовлетворенія ихъ претензій, то-есть обязанія общества желѣзной дороги выдавать имъ пенсію и впредь на прежнихъ основаніяхъ. Первоначально предъявлены были у мирового судьи иски отъ имени двухъ изъ числа несо-

гласившихся пенсіонеровъ, — Цвѣлева и Бродовскаго. Исходъ этихъ двухъ исковъ долженъ былъ служить прецедентомъ для разрѣшенія претензій всѣхъ остальныхъ пенсіонеровъ. Какъ мировой судья, такъ и московскій столичный мировой съѣздъ, въ качествѣ апелляціонной инстанціи, признали за истцами право на полученіе ими и впредь пенсій, на прежнихъ основаніяхъ. Общество, усматривая, что, при такомъ положеніи, для удовлетворенія всѣхъ пенсіонеровъ, ему пришлось бы къ оказавшемуся по ликвидаціи кассы капиталу прибавить еще около 5,000,000 р. изъ своихъ собственныхъ средствъ, перенесло дѣло въ Сенатъ, который рѣшеніе съѣзда отмѣнилъ. Мотивомъ отмѣны послужило то, что съѣздомъ не выясненъ былъ вопросъ, — составляетъ ли касса и дорога, а вмѣстѣ съ тѣмъ капиталы кассы и дороги, нѣчто общее, нераздѣльное, или же касса являлась учрежденіемъ совершенно самостоятельнымъ. При вторичномъ разсмотрѣніи дѣла въ московскомъ столичномъ мировомъ съѣздѣ, въ ноябрѣ минувшаго 1897 года, въ съѣздѣ оказалось уже *сто тридцать* однородныхъ дѣлъ такихъ же пенсіонеровъ Московско-Брестской желѣзной дороги, общая сумма претензій по которымъ достигала 2—3 милліоновъ рублей. На судѣ повѣреннымъ истцовъ выдвинутъ былъ, между прочимъ, весьма существенный, хотя и не имѣющій прямого юридическаго отношенія къ предъявленнымъ искамъ, вопросъ о необходимости провѣрить оказавшуюся въ наличности сумму капитала пенсіонной кассы, для опредѣленія, дѣйствительно ли въ этотъ капиталъ поступали, изъ средствъ общества желѣзной дороги, установленныя уставомъ кассы ежегодныя отчисленія изъ прибылей общества. Вопросъ этотъ, имѣющій, несомнѣнно, весьма важное значеніе при опредѣленіи правильности разверстки и удовлетворенія участниковъ кассы единовременными выдачами, тѣмъ не менѣе, не могъ подлежать обсужденію суда въ данномъ случаѣ, такъ какъ исковыя требованія заключались исключительно въ признаніи права истцовъ на полученіе пенсій, а не въ спорѣ о правильности разверстки, которую они безусловно отвергали. Дѣло кончилось тѣмъ, что рѣшеніемъ мирового суда *во всѣхъ этихъ 130 искахъ было отказано.*

Таковъ былъ исходъ судебнаго процесса, продолжавшагося почти четыре года; и другимъ, съ точки зрѣнія строго юридической, онъ, надо полагать, и не могъ быть, разъ пенсіонная касса являлась учрежденіемъ самостоятельнымъ, не имѣющимъ

ничего общаго съ дѣлами общества желѣзной дороги. Но совсѣмъ другое приходится сказать, если взглянуть на фактическую сторону дѣла, съ точки зрѣнія нравственной и экономической.

Нужно было видѣть въ залѣ засѣданія мирового съѣзда эту сотню степенныхъ, недоумѣвающихъ стариковъ-пенсіонеровъ, на лицахъ которыхъ ясно выражались тѣ страданія, которыя они уже пережили, фактически лишившись выслуженныхъ ими пенсій, и тотъ трепетъ, съ которымъ они ожидали рѣшенія своей участи, составляющей, для большинства, жгучій вопросъ существованія! Долгіе годы упорнаго, кроваваго, подчасъ непосильнаго труда они отдали дѣлу служенія дорогѣ, получая за свой трудъ самое мизерное вознагражденіе. Насколько ничтожно и несообразно это вознагражденіе—вопросъ извѣстный всѣмъ и обратившій на себя вниманіе въ послѣднее время и общества и правительства. За все время своей службы труженики эти, независимо отъ своей воли, подвергались изъ своего этого ничтожнаго вознагражденія еще вычетамъ на образованіе капитала пенсіонной кассы. Они доводили до минимума всѣ свои житейскія потребности, отказывая себѣ въ самомъ необходимомъ, утѣшая себя единовременною надеждой, что эти кровавые взносы ихъ, подъ старость, въ моментъ лишенія возможности зарабатывать свое пропитаніе, явятся для нихъ средствами кое-какъ просуществовать, прокормить семью, дотянуть до момента смерти, не подвергаясь необходимости обращаться къ общественной благотворительности.

Эта надежда, или скорѣе увѣренность, ихъ воодушевляла, подкрѣпляла, облегчала ихъ тяжелый трудъ, давала возможность мириться съ претерпѣваемыми ими и ихъ семьями матеріальными недостатками и другими, сопряженными съ этимъ, житейскими невзгодами. И вдругъ, въ тотъ моментъ, когда, послѣ многолѣтней трудовой жизни, они достигли конечной ея цѣли; когда за исполненіемъ всѣхъ съ ихъ стороны обязательствъ и окончаніемъ опредѣленнаго срока службы, они, усталые, измученные, неспособные къ дальнѣйшей работѣ, жаждутъ отдохнуть подъ старость и воспользоваться плодами своего труда, своихъ лишеній, получивъ возможность существованія на выслуженную и составившуюся изъ ихъ же средствъ пенсію, — они узнаютъ, что они обманывались ложною надеждой; что пенсіи, обезпечивающей ихъ старость, нѣтъ; что они вправѣ получить лишь

ничтожное, сравнительно, единовременное пособіе, проживать на которое возможности не представляется; что они обречены вновь искать себѣ этого обезпеченія старости. Но, увы, — теперь, когда вся жизнь уже прошла, и впереди — лишь годы безпомощной старости, когда пропала и энергія и самая возможность работать, — это является уже недостижимымъ.

По истинѣ, положеніе вопіющее, безотрадное, вызывающее, во всякомъ человѣкѣ, чувство глубокой скорби и крайняго раздраженія!

Какъ ни смотрѣть на это дѣло, — естественнымъ его признать не приходится, и виновниками оказавшагося положенія никоимъ образомъ не могутъ быть признаны сами потерпѣвшіе. Касса существовала, и существовала при такомъ солидномъ учрежденіи, какъ многомилліонное Общество Московско-Брестской желѣзной дороги, состоя въ полномъ управленіи и завѣдываніи Общества и исключая такимъ образомъ всякую тѣнь недовѣрія и сомнѣнія въ ошибочномъ толкованіи, какъ обязанностей, такъ и правъ участниковъ кассы. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, думать, что участники кассы обязаны были понимать тонкую юридическую черту, заключающуюся въ томъ, что, хотя касса и состоитъ при Обществѣ дороги, но является учрежденіемъ самостоятельнымъ, никакой связи съ дорогой не имѣющимъ. Тѣмъ труднѣе это было понять, если принять во вниманіе, что вычеты въ пенсіонный капиталъ производились вѣдь не добровольно, а были обязательны. Слѣдовательно, являлось полное основаніе вѣрить, что и права участниковъ кассы вполнѣ гарантированы. А что права эти далеко не такъ смутны и эфемерны, явствуетъ уже изъ того, что даже судъ, при первомъ разсмотрѣніи дѣла, призналъ ихъ нарушенными Обществомъ дороги, и удовлетворилъ требованія истцовъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, развѣ не странно, что пенсіонная касса, о которой идетъ рѣчь, существуя на основаніи устава, несогласнаго съ общимъ Положеніемъ о подобныхъ кассахъ, отъ 30-го мая 1888 года, тѣмъ не менѣе, и послѣ изданія этого Положенія, продолжала дѣйствовать и исправно производить въ свой капиталъ вычеты изъ жалованія служащихъ, до тѣхъ поръ, пока уже въ 1893 году послѣдовало распоряженіе о закрытіи кассы? Неужели Общество дороги, въ полномъ вѣдѣніи коего находилась касса, не было обязано, послѣ изданія помянутаго Положенія, навести надлежащія справки, возможно ли дальнѣйшее существованіе кассы?

Почему въ уставѣ кассы не были предусмотрѣны, на случай ея ликвидаціи, тѣ послѣдствія, которыя при этомъ могутъ возникнуть для ея участниковъ, уже выслужившихъ срокъ службы и получающихъ изъ кассы выслуженныя пенсіи? Почему правила ликвидаціи кассы и права ея участниковъ, той или другой категоріи, не были строго и опредѣленно выработаны и надлежащимъ порядкомъ утверждены къ исполненію, что избавило бы, по крайней мѣрѣ, пенсіонеровъ кассы отъ необходимости искать опредѣленія и признанія своихъ правъ судебнымъ порядкомъ, вызывающимъ и продолжительную, и дорогую процедуру?

Всѣ подобнаго рода соображенія, порождаемыя этимъ судебнымъ процессомъ, а главнымъ образомъ, конечно, исходъ его, въ силу котораго оказалось извѣстное, довольно значительное количество людей потерпѣвшихъ, и потерпѣвшихъ совершенно безвинно и неожиданно, — имѣютъ чрезвычайно важное значеніе для будущаго развитія пенсіонныхъ кассъ и приводятъ къ заключенію, что въ настоящемъ дѣлѣ, при теперешнемъ его положеніи, единственнымъ раціональнымъ исходомъ было бы, если бы авторитетная правительственная власть приняла на себя какъ ликвидацію кассы, такъ и улаженіе дѣла по вопросу объ удовлетвореніи пенсіонеровъ кассы тѣмъ или другимъ способомъ. Исполненіе этого самимъ Обществомъ дороги, какъ учрежденіемъ заинтересованнымъ, вызоветъ, во всякомъ случаѣ, сомнѣніе въ правильности разрѣшенія вопроса, а вмѣстѣ съ тѣмъ, породитъ безусловно нежелательное, въ экономическомъ отношеніи, недовѣріе къ дѣятельности пенсіонныхъ кассъ, образованныхъ при частныхъ учрежденіяхъ, и послужитъ извѣстнымъ тормазомъ въ ихъ образованіи.

Между тѣмъ, польза существованія пенсіонныхъ кассъ при частныхъ учрежденіяхъ сознана самимъ правительствомъ, что подтверждается недавно распубликованнымъ, Высочайше утвержденнымъ 13-го іюня 1897 года, новымъ Положеніемъ о пенсіонныхъ кассахъ служащихъ и рабочихъ въ частныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ, страховыхъ обществахъ и другихъ торгово-промышленныхъ учрежденіяхъ.

По правиламъ этого Положенія, пенсіонныя кассы могутъ быть учреждаемы на основаніи ходатайствъ означенныхъ учрежденій, согласно уставамъ, представляемымъ на утвержденіе

Министерствъ Финансовъ и Внутреннихъ Дѣлъ. Пенсіонныя кассы учреждаются при условіяхъ добровольнаго или обязательнаго въ нихъ участія служащихъ и рабочихъ, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ сами предпріятія обязаны принимать участіе въ усиленіи средствъ кассы въ размѣрѣ, опредѣляемомъ въ уставахъ отдѣльныхъ кассъ. Пенсіонныя кассы эмеритальнаго типа могутъ быть учреждаемы только при условіи, если хозяева предпріятій примутъ на себя полную гарантію состоятельности кассы, и если предпріятія эти находятся въ достаточно благопріятномъ финансовомъ положеніи. Въ управленіи дѣлами пенсіонныхъ кассъ участвуютъ какъ представители предпріятій, такъ равно представители служащихъ и рабочихъ, въ количествѣ, пропорціональномъ суммамъ взносовъ ихъ на образованіе кассъ.

Такимъ образомъ, на основаніи правилъ новаго Положенія, случая, подобнаго тому, какой произошелъ на Московско-Брестской желѣзной дорогѣ, быть не можетъ, такъ какъ, при образованіи эмеритальной кассы, учрежденіе принимаетъ на себя отвѣтственность въ состоятельности кассы, въ отношеніи исполненія ея обязательствъ. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ состоятельность кассы гарантируется исключительно состоятельностью самого учрежденія, то, стало-быть, можетъ быть случай, что при внезапной несостоятельности учрежденія, что́ далеко не невѣроятно, пенсіонеры очутятся въ положеніи, аналогичномъ съ положеніемъ пенсіонеровъ Московско-Брестской дороги, съ тою только разницей, что положеніе это будетъ вызвано другою причиной.

Далѣе, предоставленіе иниціативы учрежденія пенсіонныхъ кассъ для служащихъ и рабочихъ извѣстнаго учрежденія усмотрѣнію самого учрежденія — не представляется цѣлесообразнымъ. Разъ, въ принципѣ, учрежденіе такихъ пенсіонныхъ кассъ признается желательнымъ и даже необходимымъ съ экономической точки зрѣнія, то, для правильнаго разрѣшенія вопроса, слѣдовало бы установить, что, при извѣстной максимальной нормѣ обширности предпріятія и количества въ немъ служащихъ и рабочихъ, учрежденіе пенсіонныхъ кассъ становилось бы обязательнымъ для предпріятія, а не зависящимъ отъ его усмотрѣнія.

Точно такъ же обязательнымъ, а не добровольнымъ должно бы быть и участіе во всѣхъ пенсіонныхъ кассахъ какъ служащихъ и рабочихъ, такъ и самого учрежденія.

Только при этихъ двухъ условіяхъ вопросъ объ обезпеченіи служащихъ и рабочихъ въ частныхъ учрежденіяхъ могъ бы считаться разрѣшеннымъ, или, по крайней мѣрѣ, поставленнымъ на правильную дорогу.

Но установленіе этихъ двухъ условій можетъ имѣть мѣсто лишь тогда, когда казна сама приметъ на себя полное завѣдываніе и распоряженіе всѣми пенсіонными кассами частныхъ учрежденій, установитъ для нихъ однообразныя правила и опредѣлитъ какъ обязанности, такъ и права участниковъ кассъ для служащихъ въ частныхъ учрежденіяхъ, примѣнительно къ тому, какъ это опредѣлено для лицъ, состоящихъ на коронной службѣ. Конечно, это было бы идеальное положеніе дѣла, которое не замедлило бы принести самые благотворные результаты. Вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя предполагать, чтобы осуществленіе его было сопряжено съ непреодолимыми, или даже особенно большими затрудненіями.

А если принять во вниманіе великое значеніе самого дѣла, крайнюю желательность его развитія, безчисленныя выгоды, которыя оно должно принести въ экономической жизни государства, и несомнѣнность, что, только при такой постановкѣ, вопросъ объ обезпеченіи этого громаднаго контингента трудящагося люда получитъ правильное и цѣлесообразное разрѣшеніе, — то нельзя допустить и мысли о возможности остановиться предъ тѣми или другими изъ предстоящихъ затрудненій.

Положеніе, въ которомъ въ настоящее время находится дѣло учрежденія пенсіонныхъ кассъ, самое безотрадное, и никакихъ надеждъ на развитіе его имѣть не приходится. Въ стремленіи оградить интересы пенсіонеровъ, правила 13-го іюня 1897 года парализовали начинанія учрежденій, вмѣнивъ имъ въ обязанность отвѣтствовать за состоятельность учреждаемой кассы. Наврядъ ли много найдется такихъ учрежденій, которыя проявятъ столь сердобольное отношеніе къ своимъ служащимъ и рабочимъ, что для блага ихъ учредятъ пенсіонную кассу, навязавъ себѣ на шею отвѣтственность за ея состоятельность. А между тѣмъ, съ другой стороны, такъ какъ иниціатива образованія пенсіонной кассы зависитъ исключительно отъ усмотрѣнія самого учрежденія, то понятно, что иниціатива эта наврядъ ли и будетъ кѣмъ-либо заявлена. Наконецъ, не малымъ тормазомъ явится и то обстоятельство, что разрѣшеніе Министерства извѣстному учрежденію на образованіе пенсіонной

кассы дается лишь по удостовѣреніи въ состоятельности самого учрежденія. Гдѣ же, спрашивается, та мѣрка, по которой можно констатировать состоятельность учрежденія? А за неимѣніемъ ея, наврядъ ли въ числѣ учрежденій найдется много охотниковъ подвергаться риску быть въ Министерствѣ признаннымъ — недостаточно состоятельнымъ учрежденіемъ.

Словомъ, какъ уже говорилось выше, разъ дѣло учрежденія пенсіонныхъ кассъ для служащихъ и рабочихъ въ частныхъ торгово-промышленныхъ учрежденіяхъ признавать за благо, за настоятельную потребность, имѣющую выдающееся значеніе въ общемъ экономическомъ строѣ государственной жизни, — какъ и есть на самомъ дѣлѣ, — то необходимо поставить его такъ, чтобы оно возможно болѣе развивалось, чтобы захватывало возможно большій кругъ участниковъ и чтобы было вполнѣ освобождено какъ отъ всякаго риска и нежелательныхъ случайностей для участниковъ кассъ, такъ и отъ затрудненій для учредителей оныхъ.

Все это можетъ быть достигнуто исключительно только при условіи участія въ дѣлѣ и завѣдываніи имъ со стороны казны. Всякая другая постановка дѣла поведетъ или къ весьма существеннымъ затрудненіямъ для учрежденій, или къ необезпеченности интересовъ для участниковъ кассъ; а какъ то, такъ и другое явится сильнымъ тормазомъ къ развитію дѣла, къ осуществленію его великой идеи.

Л. Спиридовичъ.

НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА.

Повѣсть.

I.

Было за полночь. Луна освѣщала балконъ и цвѣтникъ Никольской усадьбы. Запахъ сирени, жасмина и гіацинтовъ наполнялъ ночной воздухъ.

— Какъ хорошо, — произнесла Наталья Павловна, сидя на ступенькахъ, ведущихъ съ балкона въ цвѣтникъ. — Посмотри, Коля, какъ красиво выглядываетъ сквозь листву липъ прудъ, освѣщенный луною.

— Да, — отвѣтилъ тотъ, но взоръ его былъ устремленъ не на прекрасную картину природы, а на лицо молодой женщины. — Но съ которыхъ поръ ты стала восхищаться природой? Вообще, я замѣчаю въ тебѣ многія перемѣны. Вотъ уже недѣля, какъ я пріѣхалъ, и все стараюсь разгадать, что съ тобой дѣлается.

— Что же удивительнаго? Ты помнишь меня дѣвочкой, но, вѣдь, теперь мнѣ двадцать-три года. Цѣлыхъ пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я вышла замужъ. Я въ эти годы многому научилась и многое пережила, хотя, признаюсь, если бы не было совѣстно, я съ прежнимъ удовольствіемъ ходила бы рыбу ловить и бѣгала бы по саду.

— Да, дѣйствительно, ты многое пережила... Прости, что коснулся этого вопроса. Повѣрь — я не хотѣлъ тебѣ напомнить твою тяжелую утрату.

— Напротивъ, я очень рада, что ты коснулся этого вопроса: меня давно мучитъ мысль, что я бездушная женщина, что я никогда никого не любила, да и теперь не люблю. Сначала я думала, что смерть мужа меня сдѣлала такою, но теперь уже прошло три года, и я часто спрашиваю себя: чувствовала ли я свое несчастье? Объясни мнѣ, если можешь, почему я не могу думать о прошломъ. Оно мнѣ кажется такимъ далекимъ. О на-

стоящемъ я совсѣмъ не думаю: оно такъ безцвѣтно, такъ лишено всякаго интереса. А вмѣстѣ съ тѣмъ, я такъ чего-то жду! Мнѣ иногда бываетъ такъ душно, такъ тѣсно, — душа такъ рвется въ даль. Отчего это? Скажи.

Молодой человѣкъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее.

— Я вполнѣ понимаю тебя. Ты съ дѣтства была избалована всѣми: сначала моею матерью, которая тебя любила, какъ родную дочь, потомъ Михаилъ Алексѣевичъ полюбилъ тебя, какъ въ нашъ вѣкъ рѣдко кто любитъ. Проживши три года съ человѣкомъ, который только тобою жилъ, я понимаю, что ты чувствуешь, какъ многаго тебѣ теперь не достаетъ. Но, вѣдь, всякое горе проходитъ. Ты еще такъ молода: вся жизнь передъ тобою, ты опять полюбишь, выйдешь замужъ, и снова жизнь твоя наполнится.

— Выйти замужъ, — медленно проговорила молодая женщина, — не такъ легко, какъ тебѣ кажется. Дѣвушкѣ легче выйти замужъ: она не знаетъ, что̀ ее ждетъ впереди. По моему, вдовѣ не слѣдуетъ выходить вторично; если она была несчастна съ первымъ мужемъ, то страхъ опять попасть на такого же долженъ ее остановить.

— Но ты, вѣдь, была счастлива?

— Да-а... но втораго такого мужа трудно найти... А потому, испытавъ разъ счастье, мнѣ трудно будетъ довольствоваться малымъ.

— Но ты не дѣвочка; ты можешь выбрать; ты можешь найти такого же.

— Знаешь, что я тебѣ скажу: я думаю, что съ такимъ теперь уже не была бы вполнѣ счастлива.

— Что ты говоришь? Михаилъ Алексѣевичъ тебя такъ любилъ!

— Я думаю, никто никогда меня не будетъ такъ любить.

— Такъ я тебя не понимаю! Вѣдь и ты его любила.

— Не знаю, — грустно проговорила она.

— Зачѣмъ же ты за него выходила замужъ? — воскликнулъ ея собесѣдникъ, вскакивая съ кресла и подходя къ ней.

— Просто не знала, что дѣлала. Мнѣ было семнадцать лѣтъ, я на все смотрѣла дѣтскими глазами. Михаилъ Алексѣевичъ меня любилъ — я это чувствовала. Меня забавляла мысль быть дамой; твоя мать меня не отговаривала, и, не подумавши серьезно, я вышла за него. Я очень скоро къ нему привыкла.

Я его скорѣе любила какъ отца. Я полагаю, что еслибы онъ былъ живъ, я была бы счастлива! Но онъ былъ слишкомъ хорошъ для меня: онъ исполнялъ всѣ мои капризы. Когда онъ умеръ, я была страшно огорчена, но теперь вижу, что въ этомъ чувствѣ было много эгоизма. Мнѣ, главное, было ужасно, что я одна, что некому меня баловать, что я должна вернуться опять въ Россію и жить старою жизнью... Меня часто мучитъ мысль, что за всю его любовь я не могла отплатить тѣмъ же. Одно только осталось утѣшеніе: онъ этого не сознавалъ; даже, умирая, онъ благодарилъ меня за трехлѣтнее счастье со мною... Коля, скажи, отчего я его не любила, какъ онъ меня любилъ?—и въ голосѣ молодой женщины слышны были слезы.

— Тебѣ такъ кажется, дружокъ.

— Нѣтъ, не любила какъ надо, я знаю это. Я о немъ такъ не долго сожалѣла. Я чувствую, что любятъ совсѣмъ не такъ... Зачѣмъ онъ смотрѣлъ на меня, какъ на ребенка? Потворствуя и улыбаясь всѣмъ моимъ капризамъ и фантазіямъ, онъ тѣмъ самымъ пріучилъ меня смотрѣть на него, какъ на баловника-отца, а не какъ на мужа. Онъ развилъ во мнѣ эгоизмъ; зная, что все, что я ни дѣлаю — въ его глазахъ хорошо, я совсѣмъ не думала о немъ, о его желаніяхъ. Я даже помню, какъ разъ удивилась и разсердилась на него за то, что онъ не хотѣлъ исполнить какой-то мой капризъ; я цѣлый день съ нимъ не говорила, хотя и видѣла, какъ глубоко онъ огорченъ. Если бы я его любила, могло ли бы это случиться? Теперь я это все понимаю, теперь я вижу, чего мнѣ не хватало въ жизни съ нимъ: я его не любила. Онъ не былъ для меня самымъ дорогимъ существомъ въ мірѣ.

— Что ты хочешь этимъ сказать? Что ты подразумѣваешь подъ словами: „не любила его?“

— Вотъ видишь ли, я пришла къ тому заключенію, что женщина безъ любви не можетъ жить.

— Но, дружокъ, ты сама говоришь, что онъ тебя любилъ.

— Постой, дай мнѣ договорить. Я хочу сказать, что женщинѣ нужно самой любить, чтобы быть вполнѣ счастливою. Только тогда ея жизнь полна, только тогда она можетъ сказать, что цѣль ея жизни достигнута.

— Неужели ты думаешь, что цѣль жизни женщины только и заключается въ ея любви? Да развѣ она не можетъ пополнить свою жизнь чѣмъ-нибудь другимъ?

— Чѣмъ, напримѣръ?

— Да мало ли занятій можетъ найти женщина? Посмотри, сколько женщинъ теперь докторами. Да мало ли еще другихъ занятій для женщинъ!

— Ты находишь, что женщина можетъ заниматься мужскимъ трудомъ?

— Конечно; если она станетъ серьезно относиться къ дѣлу, а не по-диллетантски: она должна вникнуть въ глубину предмета, а не хватать верхи.

— Въ томъ-то и дѣло. Хотя очень пріятно знать, что вы, мужчины, такъ относитесь къ женскому труду, но я, къ сожалѣнію, должна признаться, не довѣряю способностямъ женщины заняться серьезнымъ дѣломъ.

— Отчего ты такъ думаешь? Допускаешь же ты умъ въ женщинѣ?

— Конечно, и даже нахожу, что, когда женщина дѣйствительно умна, то, пожалуй, она даже умнѣе умнаго мужчины.

— Такъ тѣмъ болѣе я не понимаю твоего отрицанія способности женщины заняться серьезнымъ трудомъ!

— Я, можетъ-быть, и ошибаюсь, но, по моему, это невозможно. Какъ бы женщина ни была умна и развита, ей не достаетъ способности сосредоточиться долго на одномъ предметѣ. Мы часто кажемся умнѣе васъ мужчинъ потому, что скорѣе васъ схватываемъ и понимаемъ вещи, но, по моему, это не умъ, а инстинктъ, котораго у женщинъ такъ много. Часто въ разговорѣ съ женщиной ты можешь найти много остроумія, но опять таки это доказываетъ только гибкость, а не глубину ума. Неужели ты никогда не замѣчалъ въ разговорахъ съ женщиной, какъ ей бываетъ трудно — логично выразить свою мысль?

— Повѣрь мнѣ, что въ томъ виновато ваше воспитаніе, а не вы сами.

— Можетъ-быть... но я думаю, что это не совсѣмъ такъ.

— Какая же по твоему причина?

— Не знаю, съумѣю ли я тебѣ объяснить мою мысль. Я думаю, что причина кроется въ физическихъ условіяхъ женской натуры: нервы играютъ огромную роль въ жизни большинства женщинъ. Я пришла къ тому убѣжденію, что онѣ живутъ нервами и находятся въ полной зависимости отъ нихъ. Что такое всѣ наши необъяснимыя симпатіи или антипатіи?

Нервы. Да, наконецъ, наша природа мѣшаетъ намъ работать на ряду съ мужчиной. Будемъ, напримѣръ, хоть говорить про женщину-врача. Допустимъ даже, что она серьезно занималась и не уступитъ въ своихъ познаніяхъ и мужчинѣ, но посмотримъ ее на дѣлѣ: если она не замужемъ, тогда еще она можетъ заниматься дѣломъ, ну, а если она замужемъ, и у нея дѣти? Какъ ты думаешь, есть у нея время, да и имѣетъ ли она право оставлять семью?

— Такъ ты, собственно, не отвергаешь способности женщины къ серьезному труду, а просто находишь, что она не имѣетъ права и для общественной пользы бросать свою семью?

— Ты мнѣ не далъ договорить. Уже не говоря о томъ, что, по моему, дѣйствительно, женщина не имѣетъ права бросать свою семью, для чего бы то ни было, но, вообще, я себѣ задавала не разъ вопросъ: какъ бы она могла заняться чужими больными дѣтьми, зная, что дома у нея собственный ребенокъ боленъ? Или она безсердечное и бездушное существо, и тогда я бы ее не допустила до своего ребенка, на котораго она смотритъ какъ на предметъ, на которомъ она пробуетъ свое искусство, или, если она сама хорошая мать, то могу ли я ей довѣрить своихъ дѣтей, когда знаю, что ея голова полна своимъ больнымъ ребенкомъ: она не можетъ быть спокойною и хладнокровною.

— Но и доктора-мужчины бываютъ семейные, однако же ихъ ты не боишься!

— Это совсѣмъ другое дѣло: мужчина умѣетъ владѣть своими нервами; онъ спокойнѣе оставляетъ домъ, зная, что дѣти не одни, что съ ними мать.

— Допустимъ, что это правда, но зачѣмъ же ты берешь семейныхъ женщинъ; есть незамужнія.

— Право, не знаю, что лучше... Отчего всѣ смѣются надъ старыми дѣвами? Отчего ихъ считаютъ злыми? По моему, это очень понятно: женщина создана для семьи. У старой дѣвы никого и ничего нѣтъ, никто ее не любитъ, никому она не нужна; вотъ почему онѣ такъ злы. Смѣются надъ ихъ любовью къ собакамъ, кошкамъ, попугаямъ! Но что же имъ остается? Ихъ любви никто не хочетъ. Куда же дѣвать всю любовь, привязанность и нѣжность, изъ которыхъ и состоитъ женщина? Видя кругомъ одну несправедливость къ себѣ, какъ имъ не быть злыми? Чѣмъ онѣ виноваты, что судьба ихъ ли-

шила всего, къ чему такъ стремится всякая женщина? — Никакая ученость не можетъ изгнать изъ женщины обиды на судьбу и на людей, которые не хотятъ въ ней видѣть ничего женскаго. Она дѣлается сухою, черствою и даже ядовитою, и такой я тоже не поручу своего ребенка. Она инстинктивно должна ненавидѣть дѣтей, которыхъ она лишена. — Да что объ этомъ говорить! Хотя всѣ и кричатъ теперь о женскомъ трудѣ, а что бы вы, господа мужчины, первые сказали, имѣя женой женщину служащую или ученую? Вы возвращаетесь со службы усталые, голодные; обѣдъ не поданъ: кухарка или поваръ пьяны, — женѣ некогда было подумать, она ѣздила къ своимъ больнымъ. Дѣти растрепаны, неумыты, — матери некогда ими заниматься, а потому они цѣлый день на кухнѣ съ прислугой, которая при нихъ не стѣсняется. Что жъ по твоему лучше: чтобы женщина исполняла долгъ гражданки, забывъ свой первый, естественный долгъ матери, или чтобы она довольствовалась своимъ назначеніемъ, кормила и воспитывала дѣтей, не мудрствуя лукаво?

— Съ этой точки зрѣнія я съ тобою согласенъ, но и воспитывать своихъ дѣтей не всякая способна — въ томъ-то и бѣда. Вотъ въ этомъ, дѣйствительно, виновато ваше глупое, пустое воспитаніе и поверхностное образованіе.

— А право не знаю, что лучше: дай намъ другое образованіе — и мы сейчасъ возмечтаемъ, что мы ученыя, что домашнимъ дѣломъ намъ некогда и постыдно заниматься, что мы призваны спасти родъ человѣческій, а отъ чего — сами хорошо не знаемъ. Начнемъ говорить много вздору и опять таки оставимъ дѣтей на попеченіи прислуги. Такъ что, пожалуй, мы даже лучше съ нашимъ поверхностнымъ образованіемъ; у каждой почти женщины есть врожденный инстинктъ, что̀ для ребенка нужно, — а потому не лучше ли будетъ, если мы только будемъ стараться хорошо физически и нравственно воспитать ребенка? Воспитавъ здороваго, крѣпкаго ребенка, мы можемъ надѣяться, что ему будетъ легче впослѣдствіи самому развиться и сдѣлаться и умственно развитымъ человѣкомъ.

— Но ты забываешь, что есть женщины бездѣтныя. Почему же такимъ и не заняться какимъ-нибудь серьезнымъ дѣломъ? По моему это лучше, чѣмъ цѣлый день проводить передъ зеркаломъ, пробовать новыя прически или объѣзжать знакомыхъ и собирать сплетни.

— Послушай, ты берешь примѣромъ пустыхъ и не развитыхъ женщинъ. Можно, сидя дома, заниматься собственнымъ развитіемъ: намъ, дѣвушкамъ, напримѣръ, многаго не даютъ читать, да въ 17 лѣтъ и трудно думать о чтеніи. Я за-границей встрѣчала многихъ дамъ, которыя цѣлый день были заняты чтеніемъ (и не однихъ романовъ, конечно), музыкой, рисованіемъ. Я, напримѣръ, много читаю, но цѣлый день нельзя читать, а такъ какъ никакихъ у меня талантовъ нѣтъ, я работаю. Ты можешь сказать, что моя работа никому не нужна и что это тоже своего рода пустая трата времени; не знаю, какъ на другихъ, но на меня она дѣйствуетъ благотворно. Бываютъ минуты, когда отъ наплыва мыслей въ головѣ дѣлается что-то необъяснимое: ты хочешь что-то себѣ разъяснить и не можешь, ты ищешь объясненія и еще больше путаешься; вотъ тогда-то я берусь за работу, и, повѣришь ли, это однообразное и механическое занятіе меня успокоиваетъ. Вообще, я замѣтила, что когда у меня руки заняты, я легче на все смотрю... Но я уклонилась отъ нашей темы. Отчего же бездѣтной женщинѣ не заниматься, но опять таки вопросъ въ томъ, — чѣмъ именно? Положимъ, что женщина интересуется медициной: она добивается докторскаго диплома, ѣздитъ въ клинику, находитъ удовольствіе заниматься въ лабораторіи. И, Богъ съ нею, пускай занимается. Все это я допускаю, пока она не будетъ стараться пробовать свое искусство надъ кѣмъ-нибудь...

— Но тогда для чего ей ея знанія? Ты что-то не логично говоришь. Почему же она не можетъ сама лѣчить?

— На мой взглядъ, по очень простой причинѣ: женщина— это ходячій капризъ, если такъ можно выразиться. Можешь себѣ представить — она пріѣзжаетъ къ больному, выслушиваетъ, выстукиваетъ его по всѣмъ правиламъ искусства; лѣченіе слѣдуетъ назначить самое опредѣленное и испытанное, но въ этотъ день она съ утра въ капризномъ настроеніи духа или у нея мигрень, ей почему-то кажется, что такое лѣченіе не подходитъ, — почему ей не испробовать своего? Ей *кажется*, что оно лучше, а разъ ей *кажется* — оно такъ и должно-быть. Въ итогѣ она приноситъ вредъ, а очень можетъ-быть, что на другой бы день она никогда не рискнула этого сдѣлать. А потому я и говорю: сначала уничтожьте въ женской натурѣ присущіе ей нервы, капризы, упрямство и „мнѣ такъ кажется“, и тогда, можетъ-быть, что-нибудь и выйдетъ.

— C'est un peu fort, признаюсь. Но, послушай, мы сейчасъ говоримъ о женщинахъ обезпеченныхъ, но, вѣдь, есть такія, которыя своимъ трудомъ стараются помогать мужу зарабатывать насущный хлѣбъ себѣ и дѣтямъ.

— Прекрасно, а когда она зарабатываетъ этотъ хлѣбъ, кто остается дома — печь его и смотрѣть за дѣтьми?

— На это есть кухарки и няньки.

— А что можетъ заработать такая женщина въ годъ?

— Да, я думаю, до 1000 или даже до 1500 рублей.

— Вотъ видишь ли, мой другъ, что я тебѣ скажу: она могла бы заработать эти же деньги, сидя дома.

— Это какимъ путемъ?

— Очень просто: ѣзди она сама на базаръ, и повѣрь, купитъ вдвое дешевле кухарки. Чтобы быть вполнѣ покойною насчетъ дѣтей, надо имѣть очень хорошую няньку, а такія очень рѣдки или дороги, — я уже не упоминаю про учительницу — это еще дороже. Сидя дома, она можетъ держать какую-нибудь горничную, попроще и подешевле. Наконецъ, сидя дома, она можетъ обшивать своихъ дѣтей, а не отдавать портнихамъ, которыя берутъ дорого, да и матеріи изводятъ гораздо болѣе. Вотъ и выходитъ: если подсчитать все это, то въ итогѣ эти 1000 рублей сведутся къ нулю. А потомъ надо еще принять въ расчетъ, что умственная работа гораздо болѣе утомляетъ, чѣмъ физическая. Придя домой, послѣ цѣлаго дня умственной работы, женщинѣ недостаточно лечь, чтобы отдохнуть: ей нужно полное спокойствіе и тишина. Куда же тогда дѣвать дѣтей, которыя цѣлый день не видѣли матери и отъ радости визжатъ и кричатъ?

— Я думаю, съ такимъ взглядомъ на жизнь женщины тебѣ должно быть скучно. Чѣмъ же ты занимаешься?

— Скучно, собственно, мнѣ никогда не бываетъ; я цѣлый день занята работой и чтеніемъ, но бываютъ минуты, когда дѣлается тяжело и холодно на душѣ. Кому я нужна? Развѣ только твоей матери... Ахъ, какъ я сожалѣю, что у меня нѣтъ дѣтей!

— Вотъ видишь ли, мы и вернулись къ началу нашего разговора. Тебѣ надо выйти замужъ.

— Повторяю, выйти замужъ, какъ въ первый разъ — ни зачто, а полюбить здѣсь некого... А не пора ли намъ спать? Вѣдь уже свѣтаетъ, — нервно прервала свою рѣчь, вставая, молодая женщина.

— Жаль уходить, такъ хорошо и тихо кругомъ. Я пройдусь еще по саду. — Онъ поцѣловалъ руку своей собесѣдницы и сошелъ въ садъ.

II.

Молодая женщина медленно направилась въ свою комнату. Она потушила лампу, подошла къ открытому окну и опустилась возлѣ него на кресло. Запахъ сирени наполнялъ комнату тяжелымъ, сладкимъ ароматомъ; вблизи пѣлъ соловей.

„Какая поэзія! Какъ природа хороша!“ и она вздохнула полною грудью. „Какъ хорошо вотъ такъ сидѣть и ни о чемъ не думать. Луна такая свѣтлая, мягкая, соловей такъ сладко поетъ и сирень такъ чу́дно пахнетъ... А мнѣ чего-то не достаетъ... Вѣдь много такихъ ночей я видѣла и соловья слушала—и ничего я тогда не желала... А сегодня... Отчего сердце такъ сильно бьется и просится куда-то въ даль? Отчего мнѣ кажется, что въ пѣніи соловья я слышу еще другой голосъ, говорящій мнѣ что-то неуловимое? Отчего запахъ сирени душитъ меня? Отчего мнѣ плакать хочется?“ Она провела рукой по горящимъ глазамъ и быстро встала. „Я сегодня точь въ точь институтка; сидѣть и мечтать простительно дѣвочкѣ, но не женщинѣ въ 23 года. Да, наконецъ, о чемъ мечтать? Жизнь моя прожита: въ будущемъ одно и то же. Неужели же и только? Да и въ прошломъ жила ли я?.. Нѣтъ, лучше не думать!“ она еще разъ взглянула въ садъ и увидала подходившаго къ дому молодого человѣка. „Какъ я рада, что Коля съ нами: съ нимъ хоть можно поговорить! Какъ онъ не похожъ на того мальчика, который когда-то говорилъ мнѣ о своей любви, прося меня подождать его три года! Какъ это все было давно и глупо!.. Но почему онъ теперь такой мрачный и подчасъ сухой, хотя я чувствую, что эта сухость не присуща ему? Онъ какъ будто боится казаться мягкимъ и добрымъ, каковъ онъ въ сущности и есть; и почему такъ часто слышна въ его словахъ горькая иронія надъ самимъ собой. Положимъ, я ничего не знаю о его жизни; тётя, повидимому, не замѣчаетъ въ немъ перемѣнъ, но она его видала каждый годъ,— я же въ эти пять лѣтъ почти его не видѣла. Но, во всякомъ случаѣ, онъ сталъ лучше: его прежняго фатовства и слѣда не осталось и поговорить съ нимъ можно по душѣ... Нѣтъ, рѣшительно, я очень рада, что онъ пріѣхалъ, а то съ тётей нельзя говорить, она совсѣмъ меня не понимаетъ“.

Ростовскій еще долго гулялъ по саду. „Какъ она не похожа на прежнюю Наташу, какъ она перемѣнилась! Впрочемъ, всѣ мы перемѣнились. Какъ все быстро прошло, а когда вспоминаешь, кажется, что это все было вчера. Какъ я былъ тогда глупъ и фатоватъ, и какъ мое объясненіе было пошло!.. А что бы вышло, если бы Наташа тогда согласилась? Въ состояніи ли я былъ бы дать то счастье, о которомъ она теперь думаетъ? Да и могла ли бы она тогда сама составить мое счастіе? Она была только хорошенькою, но пустою дѣвочкой. Жизнь съ такимъ человѣкомъ, какъ Ильинъ, сдѣлала ее развитою женщиной. Ей непремѣнно надо выйти опять замужъ: въ ней слишкомъ много энергіи и жизненной силы. Неужели же здѣсь она никого не видитъ? Ее надо уговорить переѣхать въ Петербургъ: здѣсь она заглохнетъ; но одной ей нельзя жить — она слишкомъ молода. Уговорить мать переѣхать? Она уже стара и ей будетъ тяжело... Да, странно въ жизни все слагается", — онъ тяжело вздохнулъ. „Какъ тогда жизнь была хороша, — и что она дала? Наташа не удовлетворена, я — преждевременно состарился... Нѣтъ, лучше не думать — не поможешь... Наташѣ чего-то недостаетъ, какъ говоритъ она; что бы она сказала, если бы я ей разсказалъ о моей жизни? Да пойметъ ли она? Она слишкомъ честна, чтобы понять столько фальши и лжи! Но я самъ виноватъ и винить никого не имѣю права!.. Пойду лучше спать".

III.

Наталья Павловна Ильина пяти лѣтъ осталась безъ матери. Убитый горемъ отецъ ея, Павелъ Петровичъ Рязанцевъ не могъ вынести жизни въ деревнѣ, гдѣ все ему напоминало умершую, и желалъ уѣхать за границу, но не зналъ, какъ ему быть съ дочерью; онъ рѣшительно не понималъ, что̀ нужно ребенку, и чувствовалъ, что одному ему невозможно заняться ея воспитаніемъ и что ей нуженъ женскій присмотръ.

Не зная, какъ быть, онъ рѣшилъ съѣздить посовѣтоваться къ сосѣдкѣ и дальней родственницѣ покойной жены — Вѣрѣ Семеновнѣ Ростовской. Захвативъ съ собой дѣвочку, онъ поѣхалъ къ ней. Усадьба Ростовской — Никольское лежала всего въ 10 верстахъ отъ его имѣнія.

Вѣра Семеновна ласково встрѣтила его и со слезами на глазахъ поцѣловала дѣвочку.

— Вѣра Семеновна, — обратился къ ней Рязанцевъ, — я къ вамъ пріѣхалъ за совѣтомъ: самъ я ничего не могу придумать.

— Все, что отъ меня зависитъ, я съ удовольствіемъ сдѣлаю. Сама знаю, чтò значитъ остаться одной. Только сначала позову Колю, чтобы онъ занялся съ Наташей, а то ей съ нами скучно, — и она вышла въ сосѣднюю комнату. Минуты черезъ двѣ она вернулась, держа за руку мальчика лѣтъ десяти.

— Коля, возьми съ собой Наташу и ступайте играть въ садъ; смотри только, чтобы она не ушиблась, и не подходите близко къ пруду.

Мальчикъ взялъ Наташу за руку и вышелъ съ нею.

— Теперь вы можете говорить, — обратилась хозяйка къ Рязанцеву.

— Что мнѣ дѣлать съ дѣвочкой? Мнѣ нужна гувернантка, а я даже не знаю, къ кому и куда обратиться. Самъ я ничего не понимаю, а Наташа уже слишкомъ большая, чтобы оставаться съ нянькой. Я рѣшилъ ѣхать за границу: тутъ я не могу жить — слишкомъ тяжело. Не знаете ли вы кого-нибудь, Вѣра Семеновна?

— Да, это трудная задача, и я, къ несчастью, никого не знаю и обратиться мнѣ не къ кому: со смерти мужа, вы сами знаете, я уже семь лѣтъ живу въ деревнѣ и думаю, что всѣ давно обо мнѣ забыли. Впрочемъ, я напишу брату: онъ живетъ въ Петербургѣ, у него также дѣти; можетъ быть, онъ и знаетъ кого-нибудь. Но ранѣе мѣсяца наврядъ ли можно будетъ найти.

— Какъ, цѣлый мѣсяцъ еще жить здѣсь? Но я съ ума сойду!

— Знаете что, — послѣ короткаго молчанія продолжала Вѣра Семеновна,— оставьте пока Наташу у меня и поѣзжайте съ Богомъ. Я живу совсѣмъ одна съ Колей, мальчику моему будетъ веселѣе съ ней, да и я буду рада чѣмъ-нибудь заняться.

— Право, не знаю, имѣю ли я право воспользоваться вашею добротой. Наташа такая озорница: жена ее такъ баловала, въ особенности въ послѣднее время.

— Этого я совсѣмъ не боюсь,— улыбнулась Вѣра Семеновна,— мнѣ не привыкать къ озорству: вы забыли, что мой Коля никому въ этомъ не уступитъ.—Такъ какъ же вы думаете? Согласны на мой планъ?

— Я не знаю, какъ васъ благодарить. Я радъ за свою дѣвочку, что не придется ей привыкать къ чужому человѣку: она давно васъ знаетъ и очень любитъ Колю.

— Такъ когда же вы думаете ѣхать?

— Черезъ недѣлю я устрою свои дѣла и выѣду.

— Такъ я буду ждать Наташу въ субботу и завтра же напишу брату о гувернанткѣ.

Черезъ недѣлю Павелъ Петровичъ привезъ дочь къ Ростовской и, пробывъ у нея два дня, выѣхалъ за границу.

Прошло два мѣсяца. Наташа привыкла къ своей новой обстановкѣ и очень полюбила добрую и кроткую Вѣру Семеновну, которую иначе не звала какъ тётей. Всѣ въ домѣ ласкали дѣвочку, стараясь заставить ее забыть потерю. Повидимому, дѣвочка давно забыла ее: иногда вспоминала о „хорошенькой мамѣ“; объ отцѣ же рѣдко говорила она, какъ будто совсѣмъ о немъ забыла. Вѣра Семеновна съ удовольствіемъ видѣла перемѣну, происшедшую съ Колей по пріѣздѣ дѣвочки. До этого времени всегда одинокій, мальчикъ часто скучалъ, и характеръ его замѣтно портился. Не видя никогда строгости, онъ сталъ относиться равнодушно къ любви матери, которая только имъ и жила. Прислуга очень не любила его за его озорство; не зная чѣмъ заняться, онъ цѣлыми днями всѣмъ дѣлалъ непріятности: выпускалъ воду изъ самоваровъ, мучилъ собакъ и кошекъ, и не проходило дня, чтобы не избилъ кого-нибудь изъ дворовыхъ дѣтей, заставляя ихъ повиноваться малѣйшимъ своимъ капризамъ.

Боясь лишиться хорошаго мѣста, прислуга молчала и не доносила Вѣрѣ Семеновнѣ о продѣлкахъ мальчика и только въ душѣ желала, чтобы онъ себѣ руку или ногу сломалъ, лазя по чердакамъ и гоняясь за голубями.

Переѣздомъ Наташи Коля остался сначала очень недоволенъ: ему не нравилось, что мать не всецѣло теперь имъ занята и постоянно дѣлаетъ ему замѣчанія, чтобы онъ не водилъ съ собой маленькую дѣвочку и чтобы смотрѣлъ за нею. — „Ты уже большой мальчикъ и долженъ ее охранять“, говорила ему мать.

Какъ-то разъ дѣти играли въ саду. Къ Наташѣ подошла дворовая собака и стала ласкаться. Коля, увидя одного изъ своихъ обычныхъ враговъ, подбѣжалъ и замахнулся лопаткой. Наташа покраснѣла и, обхвативъ шею собаки ручонками, крикнула: „Не смѣй бить! я не позволяю!“

— Вотъ еще, — засмѣялся мальчикъ, — терпѣть не могу этихъ уродовъ,— но, боясь зацѣпить лопаткой дѣвочку, ухватилъ собаку за хвостъ; та жалобно завизжала.

Наташа выпустила голову собаки, подошла къ нему и звонко ударила его по щекѣ.

— Я тебя терпѣть не могу! ты гадкій мальчишка! закричала она и, заплакавъ, убѣжала въ домъ.

Коля былъ пораженъ: онъ не замѣтилъ, какъ собака убѣжала, и только понялъ, что его побили, его, который до сихъ поръ только самъ всѣхъ билъ и мучилъ. — „Какъ она смѣла!", — прошепталъ онъ — „Что такое сдѣлать ей? отколотить не могу — слишкомъ мала. А! знаю что: пойду и брошу въ прудъ ея любимую кошку", и онъ направился въ комнату дѣвочки. Наташа сидѣла на полу посреди комнаты и горько плакала. Увидя входящаго виновника своего горя, она вскочила и, топнувъ ногой, проговорила: „Пошелъ вонъ! не смѣй ко мнѣ входить!" Мальчикъ медленно вышелъ. Весь день Коля никому не показывался: за обѣдомъ молчалъ и только исподлобья взглядывалъ на Наташу, которая весело болтала съ его матерью. На слѣдующій день Коля всячески старался заставить дѣвочку забыть его поступокъ: онъ ей строилъ дома изъ песку, разсадилъ садъ, одѣвалъ ея куколъ и принесъ книгу со сказками. Долго Наташа сохраняла свой строгій видъ, но наконецъ, при видѣ книги съ любимыми сказками, переложила гнѣвъ на милость и, сѣвъ вдали отъ мальчика, произнесла: „Читай". — Коля сталъ читать. По окончаніи сказки она повторила свое грозное: „читай", и онъ безпрекословно продолжалъ.

Черезъ мѣсяцъ никто не узнавалъ въ Колѣ прежняго шалуна: цѣлый день онъ не отходилъ отъ своей маленькой подруги, читалъ ей по часамъ сказки, игралъ съ нею въ куклы и, боясь ея гнѣва, никого не мучилъ.

Но, обрадованная перемѣной въ сынѣ, Вѣра Семеновна сознавала, что это повиновеніе капризамъ дѣвочки можетъ дурно повліять на нее и еще болѣе развить въ ней своенравіе и любовь къ повелѣнію. Чувствуя, что съ своимъ слабымъ характеромъ она не въ силахъ сама заняться воспитаніемъ дѣтей, она вторично написала брату, прося скорѣе выслать гувернантку, а также, если возможно, и гувернера для сына.

Только къ Рождеству пріѣхала гувернантка — очень некра-

сивая, лѣтъ 35-ти, дѣвушка, воспитанница одного изъ петербургскихъ институтовъ. Она сначала крайне не понравилась дѣвочкѣ, но, привыкнувъ, Наташа стала относиться къ ней съ большимъ довѣріемъ. Она почувствовала, что ей придется повиноваться, и что Софью Ивановну нельзя, какъ добрую „тётю", ласками заставить исполнять свои капризы. Съ своей стороны, и Софья Ивановна привязалась къ хорошенькой дѣвочкѣ и прилагала всѣ свои старанія, чтобы добиться любви своей воспитанницы. Коля терпѣть не могъ Софью Ивановну, за спиной передразнивалъ ее и, хотя Наташа его за то бранила, но все же не могла не смѣяться.

— Отчего ты ея не любишь? Она очень добрая, — спросила она его разъ.

— Она старая дура, — отвѣчалъ Коля, — отчего она не позволяетъ цѣлый день играть, а все читаетъ намъ какія-то скучныя книги.

Черезъ мѣсяцъ по пріѣздѣ Софьи Ивановны прибылъ и гувернеръ-швейцарецъ m-r Lubin, опытный и серьезный человѣкъ лѣтъ сорока. Вначалѣ онъ только заботился о томъ, чтобы пріучить мальчика къ себѣ. Онъ старался заинтересовать его; наглядно объясняя окружающіе предметы, онъ пріучалъ его къ большей наблюдательности. Умный и способный по природѣ, Коля скоро сталъ относиться съ глубокимъ интересомъ къ толкованіямъ m-r Lubin. Но что всего благотворнѣе дѣйствовало на мальчика, такъ это самыя отношенія къ нему его гувернера: въ нихъ не было педантизма и сухости, присущей большей части педагоговъ. Примѣняя свое преподаваніе къ понятіямъ десятилѣтняго мальчика, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, своими внѣклассными бесѣдами постепенно расширялъ его кругозоръ и пріучалъ критически относиться къ самому себѣ и смотрѣть на самого себя не какъ на ребенка только, которому допустимы капризы и шалости, а какъ на разумное существо. Коля быстро привязался къ m-r Lubin и, желая возвыситься въ его глазахъ и заслуживать его одобреніе, забывъ свою прежнюю лѣнь, сталъ усердно заниматься и въ годъ сдѣлалъ большіе успѣхи. Всѣ въ домѣ уважали гувернера: его вѣжливость завоевала любовь даже прислуги.

Сначала Колѣ смѣшно было, что m-r Lubin такъ вѣжливо снимаетъ шляпу, раскланиваясь даже съ коровницей Маврой.

— Очень нужно раскланиваться со всякою грязною бабой! — говорилъ онъ.

— А какъ вы думаете, Коля, отчего она грязна? — спросилъ его Lubin.

— Какъ отчего? она вѣчно въ коровникѣ.

— Вотъ сами видите: она не виновата въ томъ, что не можетъ всегда быть опрятною. А ваша мамаша довольна ею?

-- Очень даже. Съ тѣхъ поръ какъ она у насъ, мама говоритъ, что масло лучше сбито и молоко безъ сора.

— Значитъ, она хорошо исполняетъ свои обязанности, и ея грязное платье не мѣшаетъ ей держать въ чистотѣ довѣренное ей молочное хозяйство; а разъ человѣкъ добросовѣстно исполняетъ свои обязанности, его слѣдуетъ уважать, хотя бы онъ носилъ грязное платье. Тѣмъ болѣе надо быть вѣжливымъ къ женщинамъ: онѣ гораздо слабѣе насъ мужчинъ, а потому всякая съ нашей стороны грубость относительно нихъ докажетъ только, что мы не воспитанны и, какъ дикіе, пользуемся нашею грубою силой именно тамъ, гдѣ не могутъ защищаться.

Коля молча слушалъ своего наставника: онъ въ первый разъ слышалъ, что должно относиться и къ Маврѣ, какъ къ равному себѣ человѣку.

Постепенно онъ перемѣнилъ свое обращеніе съ прислугой, и если иногда у него по старой привычкѣ срывалось грубое слово, то цѣлый день былъ недоволенъ собой и старался чѣмъ-нибудь загладить относительно обиженнаго свою вину.

Одна Софья Ивановна не взлюбила m-r Lubin: ей казалось, что онъ слишкомъ много даетъ воли своему воспитаннику и позволяетъ ему разсуждать.

— Ему нужна какая нибудь дисциплина, — говорила она гувернеру, — онъ готовится къ военному воспитанію, а вы сами знаете, что безъ дисциплины, и очень строгой, тамъ не обойдется.

— Chere mademoiselle, я и стараюсь пріучить его къ внутренней дисциплинѣ надъ самимъ собой и повѣрьте, если успѣю въ этомъ, то наружная — покажется ему сравнительно легкою. Сознавая свое личное достоинство, онъ долженъ будетъ признавать его и въ другихъ; стараясь исправлять свои недостатки — и не изъ за страха наказанія, а въъ силу собственнаго сознанія

ихъ вредности — онъ не будетъ бояться военной дисциплины, а вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ принести большую пользу и своимъ товарищамъ.

Софья Ивановна сомнительно качала головой. Получивъ воспитаніе въ институтѣ, она продолжала смотрѣть на воспитаніе съ точки зрѣнія, усвоенной тамъ. Не обладая широкимъ взглядомъ, она не давала себѣ яснаго отчета въ различіи между внѣшнимъ и внутреннимъ воспитаніемъ ребенка. Она, напримѣръ, находила, что для Наташи прежде всего нужны изящныя манеры и умѣніе держать себя въ гостиной. Въ преподаваніе она вносила много педантизма и очень не любила, когда живая дѣвочка закидывала ее вопросами, находя, что во время урока нельзя разсуждать, а нужно точно изучать то, что напечатано. Иногда она, можетъ-быть, сознавала, что не въ состояніи дать яснаго и понятнаго для ребенка объясненія на вопросы дѣвочки.

Наташа очень уважала Софью Ивановну и даже по привычкѣ любила ее, но это не было тѣмъ разумнымъ чувствомъ, съ какимъ Коля относился къ своему воспитателю. Наташа училась хорошо, т. е. всегда прекрасно знала уроки, но любви къ занятіямъ не имѣла и удивлялась, какъ Коля и послѣ уроковъ могъ интересоваться такими вещами, которыя она также считала за уроки. Впрочемъ, иногда она прислушивалась къ его разговорамъ съ m-r Lubin и невольно начинала интересоваться разсужденіями наставника, излагаемыми всегда такъ ясно и понятно. Но Софья Ивановна замѣтила это и, боясь вліянія швейцарца на свою воспитанницу, тѣмъ болѣе, что она находила его методъ воспитанія совершенно неподходящимъ и вреднымъ для дѣвушекъ высшаго круга, старалась незамѣтно отвлекать дѣвушку отъ этихъ бесѣдъ.

Прошло три года, Наташа все еще жила у Ростовскихъ. Отецъ ея, послѣ годового пребыванія за границей, вернулся въ деревню. Вѣра Семеновна объявила ему, что такъ полюбила дѣвочку и привыкла къ ней, что не можетъ съ нею разстаться, а потому проситъ оставить ее у нея. Видя веселую Наташу, Павелъ Петровичъ сообразилъ, что для нея будетъ самое лучшее расти подъ присмотромъ такой доброй и хорошей женщины, какъ Ростовская, и охотно согласился на ея просьбу. Проживъ лѣто въ имѣніи, онъ уѣхалъ въ Петербургъ. Къ Пасхѣ Вѣра Семеновна получила отъ него письмо, въ которомъ онъ извѣ-

щалъ ее, что женится и такъ какъ вполнѣ знаетъ, что Наташѣ у нея хорошо, то проситъ оставить ее у себя.

Вѣра Семеновна была поражена извѣстіемъ о свадьбѣ Рязанцева.

— Такъ скоро забылъ! А, кажется, любилъ. Впрочемъ, ему едва 35 лѣтъ. Это мы, женщины, можемъ жить прошлымъ, а мужчинамъ нужно настоящее... Какъ я рада, что Наташу онъ оставляетъ у меня!

Наташа, повидимому, не поняла значенія женитьбы отца; ей было все равно: она такъ мало знала его и относилась къ нему какъ къ знакомому, и только; для нея было достаточно доброй „тёти“ и Коли, которые исполняли всѣ ея желанія.

IV.

Тринадцати лѣтъ Коля сдѣлался неузнаваемъ. Зная, что единственнымъ ему наказаніемъ за лѣнь и дурныя шалости будетъ глубокое огорченіе гувернера, онъ всѣми силами старался не вызывать его. И, съ своей стороны, m-r Lubin очень полюбилъ своего воспитанника и гордился имъ. „Kolá est une nature si forte et intelligente que c'est un vrai plaisir de l'aider“, говорилъ онъ не разъ Вѣрѣ Семеновнѣ, ставя на первый планъ способности мальчика и забывая про свое собственное умѣніе преподавать. Вѣра Семеновна такъ была имъ довольна, что просила остаться еще на два года.

— Я такъ люблю моего воспитаника,— отвѣтилъ Lubin,—что мнѣ самому трудно будетъ съ нимъ разстаться, но прежде всего мы должны подумать о немъ самомъ.

— Но я и думаю о немъ, прося васъ остаться. Онъ васъ такъ любитъ и уважаетъ, такъ во всѣхъ отношеніяхъ измѣнился къ лучшему, и ему легко съ вами итти далѣе въ своемъ образованіи.

— Я много объ этомъ думалъ и рѣшилъ, что какъ мнѣ самому ни жаль, но Колю пора отдать въ заведеніе; ему пора привыкать къ обществу товарищей-мальчиковъ. Вы его готовите къ военной службѣ: теперь ему надо вполнѣ русское воспитаніе, я же, къ сожалѣнію, могу лишь передать свои небольшія познанія, подходящія ко всѣмъ національностямъ. Но ему прежде всего надо быть русскимъ, а въ этомъ я не могу ему помочь. Je connai trop peu la Russie et chaque nation doit avoir

ses principes. Я могу ему даже повредить въ будущемъ, сдѣлавъ его, самъ не желая того, полу-швейцарцемъ, полу-русскимъ, а мужчина прежде всего долженъ быть цѣльнымъ.

Вѣра Семеновна, будучи дочерью и женой военныхъ, признавала только военное воспитаніе и потому рѣшилась помѣстить сына въ Николаевскій кадетскій корпусъ. Привыкнувъ къ спокойной деревенской жизни, ей было тяжело переѣхать самой въ Петербургъ; отвезя туда Колю, она поручила его своему брату, у котораго сыновья были въ томъ же корпусѣ, и вернулась въ Никольское. Наташа очень скучала о своемъ товарищѣ... Она вела счетъ днямъ до лѣтнихъ вакацій. Но когда пріѣхалъ Коля, она поняла, что то былъ уже другой мальчикъ: онъ какъ будто стыдился своей прежней дружбы съ дѣвочкой. Цѣлыми днями онъ пропадалъ: или ѣздилъ съ управляющимъ въ поле или ходилъ съ ружьемъ на охоту и на Наташу не обращалъ никакого вниманія. Теперь роли перемѣнились: теперь дѣвочка смотрѣла на него какъ на что-то особенное; она молча слушала, когда онъ разсказывалъ о корпусной жизни, о дядѣ и его семьѣ. Хотя самому мальчику иногда и хотѣлось поиграть съ Наташей, но онъ боялся потерять достоинство взрослаго человѣка, которымъ себя считалъ. Онъ съ удовольствіемъ уѣхалъ опять въ Петербургъ.

V.

Такъ проходили годы. Восемнадцати лѣтъ Коля кончилъ „Школу“ и вышелъ въ гвардію. Послѣ производства онъ на три недѣли пріѣхалъ къ матери. Тринадцати-лѣтняя Наташа въ восторгомъ смотрѣла на молодого офицера. Онъ казался ей сказочнымъ героемъ, хотя наружностью далеко не подходилъ къ этому типу: средняго роста, брюнетъ съ неправильными чертами, Ростовскій скорѣе былъ дуренъ собой, и лишь умные, задумчивые, сѣрые глаза смягчали недостатки некрасиваго лица. Польщенный обожаніемъ дѣвочки, онъ милостиво, но немного свысока, сталъ съ ней обращаться, давалъ ей уроки танцевъ и постоянно дѣлалъ замѣчанія, что она не такъ ходитъ и не такъ говоритъ.

Наташа, чтобы не навлечь неудовольствія своего героя, стала за собой наблюдать. Она краснѣла отъ стыда и восторга, когда, здороваясь, онъ цѣловалъ ея руку.

Вѣра Семеновна съ улыбкой наблюдала за молодежью: ее забавлялъ строгій, менторскій тонъ, которымъ Николай говорилъ съ Наташей. Софьѣ Ивановнѣ все это очень не нравилось: она не любила Николая по старой памяти; немного насмѣшливое обращеніе его съ нею не могло ей нравиться... Она всѣми силами старалась заставить Наташу по прежнему заниматься, а не сидѣть и гулять съ нимъ.

— Вѣдь ты уже не маленькая теперь, нельзя же цѣлый день сидѣть съ молодымъ человѣкомъ; да ему, навѣрно, самому скучно, хотя, конечно, онъ слишкомъ благовоспитанъ, чтобы это показать.

Послѣдній доводъ поразилъ Наташу, и она стала избѣгать молодого человѣка.

Повидимому, перемѣна обращенія Наташи удивила Николая онъ такъ привыкъ видѣть около себя хорошенькую дѣвочку, съ благоговѣніемъ слушавшую всѣ его нѣсколько фатоватыя изреченія. Онъ старался узнать отъ нея причину перемѣны, но дѣвочка упорно молчала.

Два года Николай не пріѣзжалъ въ Никольское, такъ какъ Вѣра Семеновна сама по дѣламъ бывала въ Петербургѣ. Дядя писалъ ей, что очень доволенъ племянникомъ, что въ полку очень любятъ его и, несмотря на его молодость, считаютъ прекраснымъ и серьезнымъ офицеромъ.

Не видя два года своего товарища, Наташа стала меньше о немъ думать, и ея дѣтская любовь къ нему прошла. За это время она очень перемѣнилась: шестнадцати лѣтъ она казалась совсѣмъ взрослою дѣвушкой; здоровая деревенская жизнь имѣла благотворное вліяніе на нее: высокая, стройная брюнетка съ яркимъ румянцемъ на щекахъ, съ большими веселыми карими глазами — она вполнѣ олицетворяла типъ русской красавицы. Съ Софьей Ивановной она уже очень мало занималась: Вѣра Семеновна находила, что она достаточно училась, и что ей пора уже привыкать къ обществу взрослыхъ, а потому начала приглашать къ себѣ сосѣдей. Какъ она, такъ и Софья Ивановна, часто удивлялись, какъ увѣренно и не конфузясь Наташа разыгрывала роль молодой хозяйки.

Лѣтомъ къ нимъ пріѣхалъ новый сосѣдъ, ранѣе никогда не жившій въ деревнѣ. То былъ уже 35-ти лѣтній человѣкъ — Михаилъ Алексѣевичъ Ильинъ, служившій до того въ гродненскихъ гусарахъ, но слабое здоровье заставило его выйти въ отставку,

и онъ рѣшился поселиться въ деревнѣ и заняться хозяйствомъ. Серьезный, развитой, начитанный, прекрасно владѣющій иностранными языками, Ильинъ сразу понравился Ростовской. Онъ сталъ очень часто у нихъ бывать, не сознавая сначала, что въ Никольскомъ его привлекаетъ веселая, молодая дѣвушка, относившаяся къ нему съ оттѣнкомъ уваженія и безъ малѣйшаго кокетства. Со всѣми остальными мужчинами, которые теперь стали очень часто бывать у Ростовской, Наташа, къ ужасу Софьи Ивановны, кокетничала, не разбирая даже ихъ возраста.

Въ августѣ, послѣ маневровъ, Ростовскій пріѣхалъ къ матери. Когда онъ вошелъ въ домъ, его поразили шумъ и смѣхъ многочисленныхъ голосовъ. Вдругъ открылась дверь ихъ залы, и высокая дѣвушка быстро подбѣжала къ нему, и, обнявъ, радостно проговорила:

— Наконецъ-то ты пріѣхалъ! Тетя цѣлый день тебя ждала. Снимай же скорѣе пальто.

Ростовскій съ удивленіемъ смотрѣлъ на говорившую: онъ не узнавалъ въ этой высокой красавицѣ маленькую дѣвочку, которую онъ видѣлъ въ послѣдній свой пріѣздъ.

— Какъ вы выросли, Наташа, — могъ онъ только сказать.

— И у тебя тоже усы выросли совсѣмъ на мужчину сталъ похожъ. Идемъ же скорѣе, — и она потащила его за руку въ залъ.

— Тетя! вотъ и онъ наконецъ пріѣхалъ! — крикнула она, входя.

Вѣра Семеновна поспѣшно поднялась и обняла сына.

— Коля, чего хочешь? обѣдать или чаю — все есть, — спрашивала Наташа.

— Я уже обѣдалъ; дайте мнѣ чаю.

— Такъ идемте въ столовую: самоваръ уже поданъ.

Вѣра Семеновна познакомила сына съ Ильинымъ и тремя молодыми людьми, бывшими въ залѣ.

За чаемъ Николай все съ бо́льшимъ и бо́льшимъ удивленіемъ наблюдалъ за Наташей. Она разливала чай и отчаянно кокетничала съ молодежью, которая влюбленными глазами слѣдила за каждымъ ея движеніемъ. Послѣ чая всѣ гости собрались уѣзжать.

Послѣ ихъ отъѣзда Вѣра Семеновна перешла въ свой маленькій кабинетъ и начала разспрашивать сына о его житьѣ-бытьѣ.

Наташа сѣла около нея и, не спуская глазъ, весело смотрѣла на Николая, котораго этотъ взглядъ смущалъ.

„Какъ она перемѣнилась: совсѣмъ женщиной стала“, думалъ онъ, разсказывая что-то своей матери.

— Что же, Наташа, вы, вѣроятно, совсѣмъ бросили ученіе? — спросилъ онъ ее.

— Нѣтъ, не совсѣмъ еще: Софья Ивановна заставляетъ меня читать скучнѣйшія книги. Но почему ты со мною говоришь на „вы“.

Ростовскій покраснѣлъ.

— Вы такъ выросли и перемѣнились, что право не знаю— какъ-то неловко.

— Что за глупости ты говоришь, —вмѣшалась Вѣра Семеновна, обнимая молодую дѣвушку, — для тебя Наташа все та же сестра, какъ и была.

— А знаете, тетя, мы совсѣмъ забыли, что Коля съ дороги и навѣрно усталъ: не пора ли дать ему отдохнуть?

— Я нисколько не усталъ; напротивъ, я такъ радъ васъ всѣхъ видѣть.

— Если такъ, то сидите, а я уйду. Мнѣ завтра надо рано вставать: мы собираемся съ Михаиломъ Алексѣевичемъ на рыбную ловлю; онъ обѣщалъ пріѣхать въ шесть часовъ за мной, —и Наташа встала, поцѣловала Вѣру Семеновну и подставила лобъ Ростовскому.

— Maman, кто такой Ильинъ? — спросилъ онъ по уходѣ Наташи.

— Ахъ, онъ милѣйшій человѣкъ; онъ нашъ сосѣдъ и почти каждый день бываетъ у насъ. Я ему очень благодарна: онъ такъ милъ къ Наташѣ, что иногда даже совѣстно. Она захотѣла ѣздить верхомъ — онъ самъ сыскалъ ей лошадь и выучилъ ѣздить. Вотъ завтра они верхомъ ѣдутъ на рыбную ловлю.

— Какъ, одни?

— Конечно. Что же тутъ такого? Наташа совершенно еще ребенокъ, и Михаилъ Алексѣевичъ ей почти въ отцы годится.

— Но за чаемъ я замѣтилъ, что онъ не совсѣмъ-то поотцовски на нее глядѣлъ.

— Глупости какія! Онъ ее очень любитъ и балуетъ, но относится совсѣмъ какъ къ ребенку.

Но Николай не могъ согласиться съ матерью и, поговоривъ еще съ полчаса, объявилъ, что усталъ и пойдетъ спать.

На слѣдующій день Наташа вернулась съ Ильинымъ веселая и оживленная и съ аппетитомъ принялась за завтракъ. Ильинъ, улыбаясь, перекидывался съ нею короткими фразами.

Она весело смѣялась. Ростовскій мрачно смотрѣлъ на нихъ: онъ чувствовалъ, что онъ имъ чужой, ихъ интересы были для него непонятны. Его самолюбіе 21 лѣтняго молодого человѣка страдало отъ отсутствія восторга и обожанія, вызываемыхъ имъ въ Наташѣ въ его прежніе пріѣзды. Она обращалась съ нимъ какъ съ братомъ и была очень рада его пріѣзду, но, чувствуя подъ собой твердую почву дѣвушки, которая уже многимъ нравится, слегка насмѣшливо относилась къ его громкимъ фразамъ и менторскому тону. Николай замѣтилъ разницу въ тонѣ, съ которымъ она обращалась къ Ильину. Она внимательно его слушала и постоянно обращалась къ нему, чтобы узнать его мнѣніе.

Во время завтрака Ильинъ спросилъ Наташу, прочла ли она книгу, которую онъ ей далъ.

— Нѣтъ еще, — отвѣтила она, — я прочла только до средины, но признаюсь, не совсѣмъ хорошо поняла. Я многое отмѣтила, чтобы вы мнѣ объяснили.

— Только не сегодня: я долженъ сейчасъ ѣхать въ городъ. Вы мнѣ разрѣшаете встать изъ-за стола, Вѣра Семеновна? Я боюсь опоздать на поѣздъ.

Послѣ отъѣзда Ильина Николай пошелъ въ комнату Наташи и, сѣвъ на диванъ, началъ съ нею разговоръ о немъ.

— Что вы давно знакомы съ Ильинымъ?

— Съ самой весны. Онъ такой хорошій и добрый! Мы всѣ его очень любимъ.

— А про какую книгу онъ тебя спрашивалъ?

— Бѣлинскаго; критику на „Героя нашего времени“.

— Чего же ты тамъ не поняла? Я тебѣ могу объяснить, если хочешь.

— Нѣтъ, благодарю, я привыкла къ объясненіямъ Михаила Алексѣевича: онъ такъ все ясно толкуетъ. Онъ все лѣто давалъ мнѣ читать серьезныя книги; я половину сама не понимала, но онъ мнѣ помогъ.

— Смотри, не сдѣлайся bas bleu. Эта черта такъ некрасива въ женщинѣ, — немного язвительно замѣтилъ Ростовскій.

— Кто? я bas bleu? — воскликнула Наташа, — да я думаю, мнѣ легче сдѣлаться китайскою императрицей. Если бы не Ми-

хаилъ Алексѣевичъ, я бы до сихъ поръ ничего не читала, да и теперь, признаюсь, не очень-то люблю чтеніе.

— Что же ты любишь?

— Ѣздить верхомъ, гулять, танцовать -- вообще какъ можно больше движенія. Да что обо мнѣ говорить, ты лучше разскажи про твое житье въ Петербургѣ. Какъ бы мнѣ хотѣлось тамъ пожить!

Дни проходили за днями, и приближалось время отъѣзда Ростовскаго. Въ эти три недѣли онъ, незамѣтно для самаго себя, влюбился въ Наташу и страшно ревновалъ ее къ Ильину. Ильинъ же, замѣтя чувство Ростовскаго, сталъ рѣже за послѣднее время бывать. Съ грустью смотрѣлъ онъ на эту молодую любовь: ему казалось, что и Наташа любитъ Николая. Глядя на молодыхъ людей, онъ сознавалъ, что Ростовскій гораздо болѣе подходитъ къ молодой дѣвушкѣ, чѣмъ онъ, и теперь ясно понялъ, какъ глубоко онъ любитъ этого почти еще ребенка.

Наташа же ничего не замѣчала, что̀ дѣлалось кругомъ нея. Она весело болтала съ Николаемъ, не замѣчая того, что онъ всюду слѣдовалъ за нею и начиналъ постепенно намекать на свою любовь. Наканунѣ отъѣзда Ростовскій не выдержалъ и рѣшился признаться. Они сидѣли одни въ комнатѣ Наташи. Николай молча слѣдилъ за молодой дѣвушкой, которая работала.

— Какъ мнѣ жаль, что ты завтра уѣзжаешь! — прервала она молчаніе.—А не правда ли, какъ мы весело провели время?

— Тебѣ жаль, что я уѣзжаю? А я думалъ, что тебѣ все равно.

— Что за глупости ты говоришь?—быстро опустивъ работу на колѣни и съ удивленіемъ взглянувъ на него, проговорила она.—Конечно, очень жаль! Ты знаешь, какъ я люблю тебя!

— А развѣ ты меня любишь?

— Да что съ тобой сегодня? Какъ же мнѣ тебя не любить, вѣдь ты мнѣ братъ! Да и ты самъ тоже меня любишь.

— Да, люблю, — съ волненіемъ проговорилъ Ростовскій, вставая съ кресла и подойдя къ ней. — Но не какъ братъ. Неужели ты за все это время не замѣчала, что ты мнѣ дороже всего на свѣтѣ?

— Что ты говоришь! — испуганно проговорила она. — Я тебя не понимаю.

— Ты не понимаешь? А я думалъ, что ты давно все поняла. Неужели, Наташа, я не могу надѣяться?

— Что за комедію ты играешь? — и губы Наташи задрожали. Какъ тебѣ не совѣстно такъ говорить со мною!

— Наташа, ты уже не ребенокъ; я тебя еще съ дѣтства любилъ, да и ты когда-то тоже меня любила!

— Да я тебя и теперь очень люблю.

— Милая моя, какъ я счастливъ! хотя намъ и придется ждать — мы слишкомъ молоды — но я уѣду покойнымъ, что никто тебя у меня не отниметъ, — и онъ нагнулся ее поцѣловать.

Наташа быстро вскочила; слезы показались на ея глазахъ.

— Коля, ты меня не понялъ, — начала она дрожащимъ голосомъ. — Я тебя люблю какъ брата, но женой твоею я не могу быть.

Ростовскій поблѣднѣлъ.

— Но ты подумай; я тебя запугалъ; нельзя такъ быстро рѣшать. Я у тебя прошу отвѣта чрезъ три мѣсяца.

— Я чрезъ три мѣсяца то же отвѣчу. Я не могу тебя любить — вѣдь ты мнѣ братъ.

— Какой я тебѣ братъ! — съ досадой замѣтилъ Ростовскій. — Но ты, можетъ быть, уже любишь кого-нибудь?

— Никого я не люблю.

— Такъ я еще не теряю надежды; я сумѣю тебя заставить себя полюбить!

— Зачѣмъ ты мнѣ все это сказалъ! Мы съ тобой жили такъ дружно... я такъ была рада имѣть брата — кромѣ тебя у меня никого нѣтъ! А теперь я буду совсѣмъ одна, и мнѣ не съ кѣмъ будетъ поговорить! — заплакала Наташа.

— Что же ты плачешь? ты меня не теряешь. Какая же разница? развѣ та, что теперь я тебя еще сильнѣе люблю, чѣмъ прежде!

— Да, но я не могу тебя любить, какъ ты того желаешь.

— Такъ никогда? — глухо спросилъ Ростовскій.

— Коля, милый, что ты меня мучишь? я тебѣ говорю, что люблю тебя какъ брата — иначе не могу...

Ростовскій молча вышелъ изъ комнаты. Самолюбіе его страдало: онъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ и никакъ не ожидалъ, что ему откажутъ.

На слѣдующій день онъ уѣхалъ, холодно простившись съ Наташей, которая не смѣла поднять на него глазъ.

VI.

По отъѣздѣ Ростовскаго Ильинъ опять сталъ чаще бывать въ Никольскомъ. Онъ часто говорилъ съ Наташей о Николаѣ. Первое время она при имени Ростовскаго краснѣла, но потомъ по-старому непринужденно отвѣчала на всѣ его вопросы. Ильинъ успокоился.

Наканунѣ Новаго года онъ рѣшился переговорить съ Вѣрой Семеновной. Ростовская была изумлена, что такому серьезному человѣку могла понравиться дѣвочка. Она въ душѣ всегда мечтала, что современемъ Коля женится на Наташѣ, но, будучи доброю и честною женщиной, обѣщала Ильину узнать у Наташи, будетъ ли она согласна. Наташа, ничего не подозрѣвавшая, была по обыкновенію весела и весь вечеръ болтала и смѣялась съ Вѣрой Семеновной и Ильинымъ.

На другой день Вѣра Семеновна позвала ее къ себѣ въ спальную. Наташа немного удивилась: она знала, что когда „тётя" уводитъ въ свою спальную—значитъ, есть серьезное дѣло.

— Послушай, Наташа,—начала смущенная Ростовская,—я тебѣ должна сдѣлать маленькое замѣчаніе: ты себя держишь совсѣмъ какъ ребенокъ, а тебѣ въ прошломъ мѣсяцѣ уже минуло 17 лѣтъ.

— Милая тетя, я васъ не понимаю. Что я такое сдѣлала?— взволновалась Наташа.

— Видишь ли, душа моя, нельзя себя такъ держать съ молодыми людьми. Я вполнѣ увѣрена, что ты это дѣлаешь не сознавая, но для нихъ это можетъ быть опаснымъ.

„Неужели ей Коля разсказалъ?" пронеслось въ головѣ Наташи. — Но вѣдь я тутъ не при чемъ. Что же я сдѣлала и кому это опасно? Вѣдь, кромѣ Михаила Алексѣевича я за все послѣднее время никого не видѣла.

— А его ты за человѣка развѣ не считаешь?

— Но, тетя, съ нимъ я даже не кокетничаю; да съ нимъ и нельзя — онъ такой серьезный.

— А между тѣмъ онъ въ тебя влюбленъ.

— Что это вы, тетя, говорите! Я знаю, что онъ меня очень любитъ, но можетъ ли онъ въ меня влюбиться! Я такая пустая дѣвчонка.

Ростовская улыбнулась.

— У всякаго бываетъ свой вкусъ: ему твоя пустота, должно-быть, нравится; онъ вчера просилъ меня узнать, будешь ли ты согласна выйти за него замужъ?

— Вы шутите, тетя; я этому не вѣрю.

— Отчего же тебѣ не вѣрить? Но ты серьезно подумай объ этомъ: съ нимъ шутить нельзя. Ты мнѣ скажи: нравится ли онъ тебѣ?

— Я его очень люблю, но мнѣ и въ голову никогда не приходила такая мысль... Что же мнѣ дѣлать?

— Ты такъ еще молода, что если не любишь его, то можешь подождать; но все же я должна тебѣ сказать, что онъ человѣкъ прекрасный и тебя сильно любитъ.

— Такъ вы думаете, что будетъ хорошо, если я за него выйду?

— Трудно тебѣ отвѣтить на такой вопросъ, дитя мое. Я знаю, что онъ будетъ отличнымъ мужемъ, но, будешь ли ты съ нимъ счастлива, не знаю. Онъ, во-первыхъ, немного старъ для тебя.

— Совсѣмъ онъ не старый!—воскликнула Наташа,—и, по-моему, онъ гораздо лучше всѣхъ молодыхъ, которыхъ я знаю.

— Дѣйствительно, онъ лучше, но ты такъ мало еще людей знаешь... Я ничего противъ этого не имѣю; вы бы жили близко отъ меня, и я не совсѣмъ тебя бы потеряла.

— Да, это правда. Я думаю, что пойду за него... А какъ будетъ, право, хорошо! Мы съ вами не разстанемся! И его я уже хорошо знаю, и домъ у него прекрасный, и такія чудныя лошади, каждый день буду къ вамъ ѣздить... А что скажетъ Коля, подумайте? вотъ удивится, увидѣвъ меня замужнею женщиной! — и Наташа весело засмѣялась.

— Наташа, неужели же ты выйдешь только, чтобы быть дамой: Михаилъ Алексѣевичъ стоитъ, чтобы его любили.

— Да я его очень люблю! Какъ я буду за нимъ ухаживать! заказывать всѣ его любимыя блюда и читать ему вслухъ умныя книги. Нѣтъ, право, тетя, я рѣшилась: выйду за него!

— Я тебя не неволю. Но все же сначала надо написать твоему отцу.

— Я думаю, ему все равно будетъ, — хладнокровно отвѣтила Наташа.

Когда на другой день пріѣхалъ Ильинъ, Вѣра Семеновна

объявила ему, что Наташа согласна. Во время разговора вошла Наташа; Ильинъ взглянулъ на покраснѣвшую дѣвушку и поцѣловалъ ея руку.

Черезъ недѣлю получили разрѣшеніе отъ отца Наташи, и Вѣра Семеновна благословила жениха съ невѣстой.

Наташа нисколько не измѣнила своихъ отношеній къ жениху: она попрежнему непринужденно съ нимъ разговаривала, слушала его объясненія непонятнаго въ прочитанныхъ ею книгахъ, ѣздила кататься, а по вечерамъ, взявши работу, садилась около Вѣры Семеновны и слушала ея разговоры съ женихомъ о посѣвѣ и овцеводствѣ. Ильинъ иногда съ грустью думалъ, что невѣста не такъ его любитъ, какъ бы ему того хотѣлось; „но, — прибавлялъ онъ, — она еще ребенокъ, впослѣдствіи я сумѣю заставить себя полюбить“. Про свою любовь онъ не говорилъ, сознавая, что она его не пойметъ.

Свадьба была назначена передъ масленицей; послѣ свадьбы молодые уѣзжали за границу. Наташа радовалась, какъ ребенокъ, поѣздкѣ. Она немного поплакала, разставаясь съ Вѣрой Семеновной, и просила ее не очень скучать, обѣщаясь вернуться къ осени.

Н. Панчулидзева.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

АРАБСКІЯ ПОЭТЕССЫ*).

Очеркъ.

Несмотря на всю кажущуюся разрозненность, на нескончаемыя распри между сотнями племенъ, „нельзя не признать въ арабахъ націи“ [1]) и даже задолго до появленія Магомета, который, хотя на нѣкоторое время, сумѣлъ и по наружному виду сплотить ихъ. Подобно грекамъ, арабы тоже чувствуютъ свою общность, въ противоположеніи всѣмъ остальнымъ, говорящимъ на другихъ языкахъ. Къ этому побуждалъ ихъ и самъ языкъ арабскій, одинъ „изъ богатѣйшихъ и выразительнѣйшихъ во всемъ свѣтѣ; онъ былъ совершеннѣйшимъ орудіемъ для арабской поэзіи“[2]), которая сплачивала племена, даже во время внѣшней разрозненности. Поэтому у арабовъ поэзія имѣла большое значеніе, возбуждала всеобщій интересъ, и каждое событіе отражается, какъ въ зеркалѣ, въ этой поэзіи. Пѣснь у арабовъ служитъ не только украшеніемъ, но, въ нѣкоторомъ родѣ, прямымъ содержаніемъ народной жизни. Рядомъ съ героемъ стоитъ и поэтъ; во мнѣніи племени онъ возвышенъ высоко; его пѣсни доставляютъ его семьѣ не меньшее право на почетъ и уваженіе, чѣмъ дѣянія могущественныхъ воиновъ.

Два столѣтія спустя послѣ Магомета, арабскіе филологи занялись съ большимъ стараніемъ собираніемъ всѣхъ памятниковъ чистаго, стариннаго языка. Прежде всего были записаны пѣсни поэтовъ доисламскаго времени, которыя жили въ устахъ народа. Обыкновенно пѣсни одного и того же поэта соединялись, и такое собраніе называется *Диванъ;* бывало и такъ, что собирались пѣсни различныхъ авторовъ, въ видѣ сборника или, такъ

---

*) Читано на научномъ вечерѣ 9 ноября 1897 года въ спеціальныхъ классахъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ.

[1]) А. Мюллеръ. Исторія ислама.

[2]) А. Мюллеръ. Исторія ислама.

сказать, хрестоматіи. Самый извѣстный изъ послѣднихъ сборниковъ носитъ названіе Му'аллакатъ. Этимъ памятникамъ древней арабской поэзіи обязаны мы знаніемъ жизни арабовъ въ періодъ до Магомета. Европейскіе знатоки арабскаго языка тратятъ много времени и силъ надъ изученіемъ арабскихъ памятниковъ древней литературы, но, тѣмъ не менѣе, имѣется много матеріала, еще не подвергнувшагося изслѣдованію европейскихъ ученыхъ. Только за послѣднее время, напримѣръ, былъ поднятъ вопросъ объ арабскихъ поэтессахъ; у насъ же, въ русской литературѣ, и по настоящее время не имѣется по этому вопросу никакихъ сочиненій: ни самостоятельныхъ, ни переводныхъ. А между тѣмъ, вопросъ этотъ крайне интересенъ и заслуживаетъ глубокаго вниманія; онъ служитъ не только средствомъ къ нашему ознакомленію съ положеніемъ женщины въ доисламской Аравіи, но и явнымъ доказательствомъ того, какое губительное вліяніе имѣлъ исламъ на культурную жизнь Востока.

Въ 1889 году въ Бейрутѣ была издана Коппьеромъ на французскомъ языкѣ книга „Le divan d'al Hansa", изъ которой можно почерпнуть много интереснаго по вопросу объ арабскихъ поэтессахъ. Въ предисловіи къ своему сочиненію авторъ говоритъ: „Не безъ опасенія предлагаемъ мы читателямъ этотъ сборникъ пѣсенъ арабскихъ поэтессъ, одно изъ достоинствъ котораго есть то, что въ немъ говорится о совершенно новомъ, неизслѣдованномъ вопросѣ. Блѣдная, сравнительно съ классическою, поэзія арабовъ не имѣетъ и величія послѣдней, но зато она болѣе прочувствована. Въ ней отразилась вся жизнь бедуина, со всею ея грубостью и простотой. Намъ кажется, что арабская поэзія укрѣпляетъ и закаливаетъ душу; поэтому небезполезно будетъ познакомиться съ ней поближе, и всякій, кто вдумается и уяснитъ себѣ духъ этой поэзіи, получитъ полезные результаты отъ своей работы". Дѣйствительно, у арабовъ поэзія не была простою забавой ума и фантазіи. Ихъ пѣсни выходили изъ глубины души, и не даромъ баронъ Розенъ въ своемъ сочиненіи *Древне-арабская поэзія и ея критика* говоритъ, что „вся масса дошедшихъ до насъ стихотвореній доисламской эпохи носитъ отчаянный лирическій характеръ".

Разрозненность племенъ и безопасность отъ инородческихъ набѣговъ не давали арабамъ возможности чувствовать себя однимъ народомъ; идея о національности не могла развиваться

на арабской почвѣ; поэтому и эпическая поэзія не могла существовать. Поэзія, нѣкоторымъ образомъ, замѣняла имъ прессу. Какая-нибудь удачная пѣсня не разъ имѣла важныя политическія послѣдствія.

На первый взглядъ арабская поэзія кажется очень монотонною; намъ кажется, что невозможно отличать въ ней разные колориты.

„Безпредѣльная пустыня съ своимъ раскаленнымъ, движущимся пескомъ, который безпрерывно измѣняетъ ея поверхность, уподобляя ее океану; ея скалы, камни, потоки, рѣдкіе кустарники и еще болѣе рѣдкіе, зеленые оазисы съ тѣнью; ея коренные обитатели — львы, тигры, гіены, барсы, волки, дикія козы, миловидныя газели, пугливые страусы, зловѣщіе вороны; солнце, пылающее надъ этою пустыней; воздухъ, „кипящій", наполненный огненными иголками, которыя „пляшутъ" передъ ослѣпленнымъ взоромъ; волшебныя преображенія миража; облака бѣлыя, безводныя, сухія, какъ самая почва, и облака дождоносныя, которыхъ каждая капля равна благодѣянію, словомъ, всякаго рода и цвѣта облака, — явленія столь обыкновенныя для сѣвернаго человѣка, но столь важныя, столь занимательныя для вѣчно жаждущаго сына пустыни, который съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ за каждымъ клочкомъ паровъ на небѣ и связываетъ съ нимъ свои надежды и свое отчаяніе; и среди этой ужасной природы — человѣкъ, ставка, перекочевка, ссора, война, истребленіе; человѣкъ, большею частью голодный, съ своею любовью, съ своею местью, гордостью, нищетой и славой, со всѣми страстями и доблестями своими; человѣкъ, который ѣдетъ одинъ въ пустыню, чтобы сражаться со всѣми странствующими фарисами, единственно для прославленія своего мужества; его страданія и подвиги, его несчастія и пѣсни; его конь, вѣрный другъ, который терпѣливо дѣлитъ съ нимъ недостатокъ и мужественно спасаетъ его въ несчастіи отъ „красной смерти"; его верблюдъ, второй другъ его, все его богатство, котораго онъ боготворитъ и воспѣваетъ какъ любовницу, и котораго, однакожъ, всегда готовъ убить великодушно, чтобы угостить странниковъ его мясомъ или чтобы по жеребью раздѣлить части его тѣла между голодными сподвижниками своихъ опасныхъ предпріятій для отмщенія сильному врагу; наконецъ, одинокая могила этого человѣка въ пустынѣ и кости храбраго, валяющіяся на жгучемъ пескѣ", — вотъ набросанная мастерскимъ

перомъ Сенковскаго [1]) характеристика этой „удивительной, по его словамъ, поэзіи, которой нельзя уподобить никакой другой на свѣтѣ".

Живя постоянно, такъ сказать, въ осадномъ положеніи, бедуинъ лучшею добродѣтелью считалъ храбрость. Конечно, не надо предполагать, что ссора составляла верхъ его блаженства, идеалъ, къ которому онъ стремился, но онъ вынужденъ всегда былъ, въ силу сложившихся обстоятельствъ, быть наготовѣ къ нападенію; поэтому не удивительно, что онъ тому качеству, которое одно помогаетъ въ борьбѣ за существованіе, посвящалъ вдохновенныя похвалы. Въ тѣсной связи съ господствующими въ пустынѣ анархическими порядками стоитъ кровомщеніе и гостепріимство. Это единственныя средства, могущія хоть сколько-нибудь ограничивать произволъ и дѣлать жизнь въ пустынѣ сносною. Отмстить за убіеніе соплеменника, родственника есть долгъ храбраго воина. Женщины въ особенности не перестаютъ подстрекать родичей убитаго къ мести. Смерть бедуина не пугаетъ, но пугаетъ его то, что кровь его прольется „понапрасну".

Арабскія женщины играютъ видную роль въ исторіи поэзіи своей націи. Ихъ пѣсни были или пѣснями полными страданій и слезъ, въ которыхъ онѣ оплакивали смерть своихъ родичей и храбрыхъ воиновъ, или же потрясающими сердца гимнами, призывающими племена къ мщенію и войнамъ. И часто эти пѣсни заставляли племена браться за оружіе и провозглашать „войны истребленія". Понятно, что такая дѣятельность арабскихъ поэтессъ рѣдко оказывала благотворное вліяніе на жизнь бедуиновъ; чаще она была гибельна для племенъ пустыни, такъ какъ постоянно являлась разжигательницей междоусобныхъ войнъ. Но, съ другой точки зрѣнія, эта же дѣятельность имѣла и громадное значеніе для арабовъ, будучи школой внутренняго благородства и истиннаго героизма. Пѣсни арабскихъ поэтессъ, полныя энергіи и энтузіазма, прославляли мужество, свободу, вѣрность долгу, благородное гостепріимство, презрѣніе къ жизни и приношеніе въ жертву личныхъ выгодъ и желаній общественнымъ интересамъ. Не геній, а сильныя душевныя движенія впечатлительной, страстной натуры замѣчаются чаще въ пѣсняхъ арабскихъ поэтессъ; вѣдь пѣсни юной дѣвушки Уфай-

---

[1]) Собран. соч. Спб. 1859 г., VII, стр. 172.

ратъ, призывавшія къ возстанію племя Джадисъ противъ племени Тазмъ, есть не что иное, какъ вопль оскорбленнаго самолюбія; пѣсни Азъ-Захры, сестры Кулейба Ваиля, очень посредственныя съ литературной точки зрѣнія, вызвали, если вѣрить преданію, великую борьбу за независимость; точно также и пѣсни Хинды, дочери Атбада, возбуждали сердца сражающихся не потому, что въ нихъ звучалъ сильный, поэтическій геній, а скорѣе тѣмъ энтузіазмомъ, съ которымъ она пѣла свои импровизаціи среди кровавой битвы. Но есть и такія пѣсни, которыя по глубинѣ чувствъ и силѣ выраженій безспорно принадлежатъ къ лучшимъ произведеніямъ арабскаго поэтическаго творчества. Къ послѣднимъ несомнѣнно надо отнести элегіи Аль-Ханзы, при чтеніи которыхъ вы сталкиваетесь съ крупнымъ творческимъ талантомъ. Не даромъ арабская критика поставила пѣсни Аль-Ханзы наравнѣ съ пѣснями даровитаго поэта Шанфара [1]).

Изученіе поэзіи арабскихъ поэтессъ выясняетъ то огромное значеніе, которое онѣ имѣли въ историческихъ судьбахъ Аравіи; это вліяніе стало замѣтно ослабѣвать только послѣ Магомета и въ концѣ-концовъ совсѣмъ заглохло въ дворцахъ Дамаска и Багдада, заодно съ былыми идеями свободы и гордой независимости. Я коснусь въ настоящемъ очеркѣ тѣхъ изъ арабскихъ поэтессъ, которыя выказали въ своихъ пѣсняхъ недюжинные творческіе таланты, или же пѣсни которыхъ, такъ или иначе, были связаны съ выдающимися историческими моментами доисламской Аравіи. Къ числу первыхъ, какъ было выше указано, принадлежитъ Аль-Ханза, о которой Коппьеръ [2]) въ своей книгѣ отзывается такъ: „Элегіи Аль-Ханзы заслуживаютъ быть извѣстными не только среди арабовъ, но и за предѣлами арабской націи; въ нихъ поразительно ярко обрисовывается духовная жизнь пустыни".

Аль-Ханза (газель) есть псевдонимъ, подъ которымъ была извѣстна Тумадиръ, дочь Амра, внучка Сулейма. Ведя свое происхожденіе отъ владѣтельныхъ князей сулеймитскаго происхожденія, Аль-Ханза привыкла съ самаго дѣтства видѣть себя среди той роскоши и блеска, которые могли только быть извѣстны въ то время обитателямъ пустыни. Она была любимою дочерью Амра и балованною сестрой своихъ братьевъ Сахра и

[1]) La poésie Arabe. par Rene Basset. Paris. 1880 г.

[2]) Le divan d'al Hansa.

Муавіята. До насъ дошелъ разсказъ Алкамата, который однажды, будучи въ гостяхъ у Амратъ, замужней дочери Аль-Ханзы и увидѣвъ тамъ послѣднюю, уже престарѣлую, сѣдую старуху, попросилъ Амратъ какъ-нибудь вызвать Аль-Ханзу на разговоръ. Тогда Амратъ, пользуясь обычаемъ пустыни, прошла мимо своей матери и задѣла ее ногой, какъ бы нечаянно. Аль-Ханза сказала ей: „Знай, глупая, что я въ молодости была куда красивѣе тебя и уснащала свое бѣлое тѣло болѣе ароматными мазями; мои сандаліи были легче твоихъ; я была всегда окружена вниманіемъ и лаской, и никогда моя рука не держала кнута погонщицы стада. Я, какъ граціозная верблюдица, была приманкой для всѣхъ и была предметомъ общаго вниманія и уваженія“.

Аль-Ханза была сватана Дурейдомъ, княземъ племени Бену Джузамъ, который былъ извѣстенъ какъ поэтъ и отважный воинъ. Но его болѣе чѣмъ зрѣлый возрастъ и некрасивая наружность заставили Аль-Ханзу отклонить его предложеніе. Объ этомъ существуетъ такой разсказъ. Когда Дурейдъ попросилъ у Амра руки его дочери, то послѣдній отвѣчалъ ему обычнымъ привѣтствіемъ: „Князь! чувствуй себя какъ дома подъ моимъ кровомъ; ты, какъ боевая лошадь, ноздрей которой ничья рука безнаказанно не трогаетъ, не долженъ получить отказа на твою просьбу. Но, къ несчастью, моя дочь не обладаетъ послушаніемъ своихъ подругъ. Я пойду передамъ ей твою просьбу и сообразно съ ея словами дамъ тебѣ отвѣтъ“. Затѣмъ Амръ пошелъ къ дочери и сказалъ ей: „Аль-Ханза! самый храбрый воинъ изъ племени Бену-Джузамъ, Дурейдъ проситъ твоей руки; ты его знаешь и можешь дать отвѣтъ“.—Да спасетъ меня судьба,—отвѣчала Аль-Ханза,—отъ такого супруга, который не сегодня, завтра умретъ отъ старости. День, когда я войду въ палатку Дурейда, будетъ для меня днемъ горя, бѣдности и страданій“. Тогда Амръ, возвратясь къ Дурейду, передалъ ему отказъ Аль-Ханзы. Дурейдъ же слышалъ разговоръ отца съ дочерью и ушелъ, затая въ сердцѣ злобу. Онъ сочинилъ на гордую Аль-Ханзу ѣдкую сатиру, которую послѣдняя оставила безъ отвѣта, говоря: „Зачѣмъ я буду дѣлать свой отказъ болѣе тягостнымъ для этого старца?“

Недолгое время спустя, состоялся бракъ Аль-Ханзы съ Равахатомъ, человѣкомъ преклоннаго возраста, съ которымъ ей пришлось жить очень недолго; отъ этого брака у ней былъ

сынъ Абдуллахъ. Вторично Аль-Ханза вышла замужъ за Мирдаса, отъ котораго у ней было три сына: Язидъ, Муавіятъ и Амръ; они всѣ трое пали въ одной кровавой битвѣ за исламъ. Если Аль-Ханза могла гордиться доблестью своихъ сыновей, то мужъ ея, Мирдасъ, ничего кромѣ порицанія не заслуживалъ. Вотъ признаніе, которое она сдѣлала вдовѣ пророка, Айшатъ: „Зачѣмъ,—сказала ей однажды Айшатъ,—ты носишь власяницу? Законъ Ислама запрещаетъ это“.—„Я этого не знала“,—отвѣчала Аль-Ханза.—„Что же заставило тебя надѣть эту траурную одежду?“—полюбопытствовала вдова пророка.—„Смерть брата Сахра... Выслушай меня, мать правовѣрныхъ, я разскажу тебѣ все откровенно. Мой мужъ Мирдасъ былъ отчаянный игрокъ; онъ проигралъ въ кимаръ (игра въ стрѣлы) все наше имущество. Когда съ нимъ случилось это несчастіе, то онъ задумалъ выселиться изъ родины; а я ему сказала: „подожди, я пойду посовѣтуюсь съ братомъ Сахромъ“. Братъ же далъ мнѣ половину своего имущества, которое Мирдасъ не замедлилъ проиграть. Сахръ вторично раздѣлилъ съ нами то, что имѣлъ,—и это повторялось еще нѣсколько разъ. Однажды жена попрекнула ему этимъ и сказала: „Ты знаешь, что Мирдасъ отчаянный мотъ; дай ему, что ни на есть худшаго изъ того, что ты имѣешь; вѣдь въ его рукахъ ни хорошее ни дурное не удержится“.—„Нѣтъ,—воскликнулъ Сахръ,—я не удѣлю своей сестрѣ Аль-Ханзѣ, репутація которой ничѣмъ не запятнана, отбросовъ своего имущества; она всегда меня уважала, и если я умру раньше ея, то она разорветъ свои одежды и на всю жизнь надѣнетъ власяницу!.“ Скажи же теперь, о, Айшатъ, могу ли я не исполнить завѣта моего дорогого брата“.

Сильно поразила Аль-Ханзу смерть ея братьевъ; постигшее ее горе такъ глубоко затронуло ея внутренній міръ, что съ этого времени мы замѣчаемъ въ ея впечатлительной и нервной натурѣ какъ бы нравственное перерожденіе; подъ вліяніемъ сильныхъ душевныхъ ощущеній прорывается наружу ея творческій талантъ, дотолѣ сокрытый глубоко въ тайникахъ души, и ярко отражается въ прочувствованныхъ элегіяхъ. Муавіятъ былъ убитъ ранѣе Сахра однимъ воиномъ изъ племени Бену Мурратъ. Сахръ поклялся отмстить за брата, но въ одной изъ схватокъ получилъ ударъ копьемъ въ грудь. Во все время болѣзни Аль-Ханза неотлучно находилась у одра больного брата; она проводила вмѣстѣ съ нимъ безсонныя ночи и утѣшала его

надеждой на выздоровленіе. Однажды какой-то знахарь сказалъ Сахру: „Если я срѣжу тебѣ наростъ мяса на ранѣ, то ты выздоровѣешь".— „Дѣлай!" сказалъ Сахръ и, ввѣрившись попеченію плохого знахаря, съ трудомъ перенесъ мучительную операцію, послѣ которой прожилъ всего нѣсколько часовъ. Онъ до самой смерти оставался въ сознаніи, и послѣднія его слова, обращенныя къ Аль-Ханзѣ, были слѣдующія: „Да, сестра, страданія ожидають всѣхъ людей; ты спрашиваешь: страдаю ли я?.. повѣрь, что я переносилъ и не такія страданія!.."

Такимъ образомъ, только со дня смерти Сахра Аль-Ханза почувствовала въ себѣ творческую силу и запѣла свои задушевныя пѣсни. Вся поэтическая сила Аль-Ханзы, по необходимости, обращалась къ лирикѣ, или, лучше сказать, оставалась при лирикѣ, потому что лирика, безъ сомнѣнія, есть первая форма всякой поэзіи. Лирика имѣетъ дѣло съ настоящимъ, ей нѣтъ дѣла до прошлаго и будущаго; она выдѣляетъ личность изъ народной массы и овладѣваетъ ею; она обращается къ чувству, она есть произведеніе страсти. Ночи Аль-Ханза проводила на могилѣ брата, обливаясь слезами и оглашая пустыню воплями, а дни проводила въ пѣніи своихъ мелодичныхъ элегій, которыя долго жили въ устахъ людей не только ея племени, но и сосѣднихъ. Трогательно было видѣть эту гордую матрону, восхвалявшую съ слезами на глазахъ добродѣтели своихъ братьевъ. „Я самая несчастная изъ арабскихъ женщинъ!" говорила Аль-Ханза толпѣ, которая, столпившись вокругъ нея, съ упоеніемъ слушала ея талантливыя импровизаціи.

Аль-Ханза сопровождала свое племя Бену-Сулейма въ воинственномъ движеніи за исламъ и испытывала съ прочими всѣ трудности похода. Она прибыла въ Медину въ 8-й годъ гиджры, находясь въ депутаціи отъ своего племени, представителемъ которой былъ ея сынъ Асиръ. Магометъ попросилъ ее пропѣть нѣкоторыя пѣсни и своимъ отзывомъ о нихъ вполнѣ удовлетворилъ ея авторское самолюбіе. Зато Омаръ отнесся къ ней не такъ, какъ Магометъ. Увидавъ впервые въ Каабѣ Аль-Ханзу, съ обстриженною головой и въ власяницѣ, онъ сталъ настаивать на томъ, чтобы она сбросила съ себя запрещенную исламомъ траурную одежду.— „Зачѣмъ,—сказалъ Омаръ, —ты оплакиваешь тѣхъ, которые въ аду?" — „Я дала обѣтъ, спокойно отвѣчала Аль-Ханза, — вѣчно плакать по нимъ". Ни угрозы Омара, ни насмѣшки остальныхъ правовѣрныхъ не по-

дѣйствовали на Аль-Ханзу; она оставалась непреклонною въ своемъ рѣшеніи.

Видя это и желая поднять ее на смѣхъ, Омаръ сказалъ Аль-Ханзѣ: „Спой мнѣ пѣсню, которую ты сочинила нынѣшній день“.

— Нѣтъ,—съ гордостью проговорила поэтесса,—я тебѣ спою тѣ, которыя придумала въ данную минуту“. И она пропѣла нѣсколько глубокихъ элегій. Приведу одну изъ нихъ, переложенную мною стихами на русскій языкъ; при переводѣ я старался быть ближе къ подлиннику.

„Слезы льются рѣкой изъ очей
Въ тишинѣ этихъ жгучихъ, безсонныхъ ночей,
Когда все отдыхаетъ и спитъ
И лишь филинъ зловѣщій надъ лѣсомъ кричитъ...
Тотъ, кто плачетъ ночною порой, —
Отъ того далеки счастье, сонъ и покой...
И счастливцамъ тѣхъ слезъ не понять,
А несчастнымъ страданій своихъ не унять.
Плачу я о тебѣ, братъ родной, —
Ты, который былъ славенъ своей добротой ..
И пусть грустная пѣсня моя
Долетаетъ, о, Сахръ дорогой, до тебя.
Смерть вѣдь всѣхъ ожидаетъ людей...
И молю я Аллаха, чтобъ далъ мнѣ скорѣй,
Распрощавшись съ грѣховной землей,
Увидаться на небѣ намъ снова съ тобой...“

Это стихотвореніе и другія, будучи прочитаны въ оригиналѣ, показываютъ, съ одной стороны, замѣчательно развитую и разнообразную метрическую форму, а съ другой — нѣкоторую сложность композиціи. Элегіи вообще были любимымъ родомъ поэзіи арабскихъ женщинъ, и это понятно. Женщина-бедуинка въ братѣ, отцѣ или мужѣ теряла больше, чѣмъ любимаго родственника, она теряла и матеріальную поддержку и, какъ выражается баронъ Розенъ, „свое положеніе въ бедуинскомъ свѣтѣ“.

Когда сыновья Аль-Ханзы пали въ битвѣ съ персами при Кадисіятѣ, обнаруживъ свой героизмъ, то она, узнавъ объ этомъ, воскликнула: „О, мои сыновья! о, моя слава! Скоро ли свижусь я съ вами въ небесныхъ жилищахъ?“ Омаръ же соб-

ственноручно написалъ ей письмо, въ которомъ восхвалялъ ее, какъ мать столь доблестныхъ сыновей.

Утомленная и убитая горемъ послѣ всѣхъ этихъ потерь, Аль-Ханза возвратилась на родину, гдѣ въ скоромъ времени отдала замужъ свою дочь Амратъ, которая получила въ наслѣдство отъ матери поэтическій талантъ; въ своихъ пѣсняхъ Амратъ особенно живо рисуетъ портреты своего отца Мирдаса и брата Язида. Аль-Ханза умерла въ первый годъ халифатства Османа, т. е. въ 24 году гиджры (645 г.)

Арабская критика признаетъ Аль-Ханзу первою среди арабскихъ поэтессъ. Только одинъ Аль-Асмай ставитъ Лайлу выше Аль-Ханзы, по силѣ поэтическаго творчества. Зато Абу-Зайдъ говоритъ, что „Аль-Ханза неподражаема въ элегіяхъ". Джариръ же въ этомъ вопросѣ идетъ еще дальше, называя ее „царицей арабскихъ поэтессъ".

И дѣйствительно, тотъ, кто ближе знакомится съ поэзіей Аль-Ханзы, поражается глубиной чувства ея поэзіи, которая, по словамъ Коппьера, „есть не что иное, какъ эхо благородной и мощной страсти". Приведу для примѣра еще одно изъ стихотвореній этой поэтессы, которое ею посвящено памяти Сахра.

„Вокругъ меня покой и тишина...
Ночь звѣздная спустилась надъ землею...
Не сплю лишь въ станѣ я своемъ одна...
Рой мрачныхъ думъ кружится надо мною.
„Когда звѣзда падучая порой
Тамъ въ вышинѣ внезапно погасаетъ,
Мнѣ чудится, что это образъ твой
Ко мнѣ таинственно съ небесъ слетаетъ...
„И слышу будто бы я голосъ твой,
И ощущаю я твое дыханье;
Но это мигъ одинъ... и вновь съ слезой
Я пѣснь пою тяжелаго страданья...

Исторію арабовъ до 642 года обыкновенно раздѣляютъ на 4 періода. Первый періодъ охватываетъ собою войны за независимость. Второй — включаетъ въ себѣ двѣ сорокалѣтнихъ междоусобныхъ войны, продолжавшихся: первая, такъ называемая война Аль-Бассусъ, отъ 495—535 года; вторая — война

Дахисъ — отъ 568—608 года. Въ третій періодъ, отъ 622 г.— 632 года, возникаютъ войны за исламъ. А послѣдній, четвертый періодъ, отъ 632—642 года, знаменитъ громкими побѣдами арабовъ въ Сиріи, Египтѣ и Персіи.

Изъ поэтессъ перваго періода, свѣдѣнія о которыхъ почерпнуты изъ *Китабъ-Аль-Агани* (книга пѣсенъ), самыя выдающіяся слѣдующія: Азъ-Зарка; Уфайратъ; Саратъ Аль-Курайзыатъ — еврейка изъ Ятрибы; Лайла, дочь Лакиза, происходившая изъ могущественнаго христіанскаго племени Рабіатъ, и Азъ-Захра, сестра Кулейба-Ваиля. Я остановлюсь подробнѣе на Лайлѣ, дочери Лакиза, — поэтессѣ съ христіанскимъ міросозерцаніемъ. Красота, поэтическій талантъ и нравственныя добродѣтели Лайлы были настолько выдающимися, что о ней шла молва не только на ея родинѣ, но и въ Іеменѣ и Персіи.

Такая извѣстность и была причиной тѣхъ несчастій, которыя выпали на долю этой поэтессы. Лайла была просватана своимъ отцомъ за Аль-Барракa, храбраго воина изъ одного съ нею племени. Она безпрепятственно повиновалась волѣ родителя, тѣмъ болѣе, что она надѣялась, что съ помощью Аль-Баррака — истиннаго христіанина — ей будетъ легко работать въ дѣлѣ распространенія евангелія въ Аравіи, а это она поставила цѣлью своей жизни. Но судьба рѣшила иначе. Однажды король Іемена, Сахбанъ, находившійся въ вассальной зависимости отъ персидскаго царя, и самъ бывшій какъ-бы леннымъ владѣльцемъ племененъ пустыни, прислалъ къ Лакизу пословъ съ требованіемъ руки его дочери Лайлы, для своего сына Амра, наслѣдника іеменскаго престола. Лакизъ не посмѣлъ отказать требованію сильнаго короля и, объявивъ Аль-Барраку о случившемся, просилъ его позабыть о Лайлѣ. Аль-Барракъ, глубоко затронутый отказомъ, покинулъ свое племя и вмѣстѣ съ своимъ отцомъ и братьями удалился въ земли, принадлежавшія племени Бену-Ханифатъ. Прощаніе нареченныхъ было трогательно и благородно; сохранилась поэтическая импровизація Лайлы, сказанная ею передъ разлукой:

„Сохрани въ твоемъ сердцѣ мой образъ,
Больше насъ ужъ свиданье не ждетъ...
Удержи эти слезы и помни,
Что разлуки часъ скоро пробьетъ.
„Отгони же на время ты горе,

Насмотрись на меня, — а потомъ
Мы успѣемъ наплакаться вволю,
Вспоминая о счастьи быломъ!..“

Между тѣмъ, король Іемена, получивъ Лайлу, переправилъ её къ царю персидскому, который приказалъ временно помѣстить ее въ одну изъ пограничныхъ крѣпостей. При этомъ извѣстіи, вскорѣ дошедшемъ до отца Лайлы, гнѣвомъ запылало сердце послѣдняго, и онъ извѣстилъ о томъ Аль-Баррака, снова обѣщая ему руку Лайлы, если только онъ поможетъ ему вырвать дочь изъ рукъ персовъ. Аль-Барракъ безъ замедленія явился на призывъ Лакиза съ нѣсколькими воинами. Первая попытка къ освобожденію Лайлы не привела ни къ какимъ результатамъ, такъ какъ небольшой отрядъ, руководимый Аль-Барракомъ, былъ подавленъ громадными силами персовъ. Лайла же, находясь въ крѣпости, ухитрялась какимъ-то образомъ пересылать къ Аль-Барраку и отцу свои пѣсни, въ которыхъ она въ мельчайшихъ подробностяхъ описываетъ свое тягостное положеніе среди персовъ; но въ этихъ пѣсняхъ звучитъ какой-то новый, чуждый вообще бедуинской поэзіи, мотивъ; это — смиреніе передъ волей Бога и снисходительное отношеніе къ своимъ врагамъ. Особенно сильно и талантливо написана одна изъ пѣсенъ, начинающаяся словами: „Боже! открой Аль-Барраку мои страданія и скорби... Боже! помоги и облегчи мои страданія“... Эта пѣсня интересна особенно въ томъ отношеніи, что въ ней говорится объ отношеніяхъ персидскихъ царей къ своимъ плѣнницамъ, которые будто-бы, изъ уваженія къ обычаямъ пустыни, не прибѣгали къ грубому насилію дѣвушекъ. (Врядъ ли можно довѣрять такимъ свѣдѣніямъ). Усилія Аль-Баррака спасти Лайлу, въ концѣ концовъ, увѣнчались успѣхомъ; однажды какими-то судьбами пробравшись въ крѣпость, въ которой находилась Лайла, ему удалось освободить ее и возвратить въ домъ отца, который на этотъ разъ сдержалъ свое обѣщаніе и выдалъ Лайлу замужъ за Аль-Баррака; послѣдній былъ провозглашенъ главой своего племени. Онъ такъ умѣло велъ дѣла, что племя Рабіатъ сдѣлалось первенствующимъ среди бедуинскихъ племенъ пустыни. Аль-Барракъ умеръ около 470 г. по Р. Х. Лайла пережила его немногими годами и остатокъ своей жизни провела въ благодѣяніяхъ и заботахъ о бѣдныхъ, не переставая проповѣдывать ученіе Христа среди арабовъ.

Изъ поэтессъ второго періода можно назвать нѣсколькихъ, весьма талантливыхъ; напримѣръ, Аль-Хилатъ, дочь Мункида, прозванная Аль-Бассусъ; Аль-Хирникъ, сестра поэта Тарафатъ; Уммъ-Бистамъ; Аминатъ, дочь Вахба; Аль-Харитсіатъ и Умайматъ, дочь Абда.

Я коснусь Аль-Хилатъ, дочери Мункида, прозванной Аль-Бассусъ главнымъ образомъ потому, чтобы показать, какъ иногда бывали гибельны для номадовъ пустыни пѣсни арабскихъ поэтессъ, разжигавшія ихъ страсти, и вовлекавшія племена въ продолжительныя кровавыя войны.

Въ исходѣ V вѣка по Р. X., по арабскимъ сказаніямъ, могущественнѣйшимъ человѣкомъ во всей Аравіи считался Кулейбъ-Ваиль, глава сильнаго племени Бену-Таглибъ, которое занимало тогда, вмѣстѣ съ родственными ему Бену-Бекръ, весь сѣверо-востокъ полуострова, отъ сирійской пустыни до высочайшаго кряжа горъ центральной Аравіи. Смерть Кулейба-Ваиля и была причиной гибельныхъ войнъ, продолжавшихся цѣлыя 40 лѣтъ. Эти войны сохранили въ своей исторіи имя поэтессы, которая была главною и первою причиной этихъ междоусобныхъ войнъ. Аль-Бассусъ, родная тетка Джессаса, пріѣхала однажды къ нему погостить вмѣстѣ съ Садомъ, своимъ землякомъ. Послѣдній привелъ съ собою верблюдицу, кличкой Сарабъ. Находясь подъ кровлей, а стало-быть, и защитой Джессаса, Садъ выпускалъ свою верблюдицу вмѣстѣ съ остальными верблюдами на пастбище; а ходили они вмѣстѣ со стадомъ Кулейба. Разъ какъ-то Кулейбъ обходилъ ограду выгона. Случайно взоръ его упалъ на жаворонка, сидѣвшаго на яйцахъ. Птичка вскрикнула пронзительно и затрепетала крылышками. Кулейбъ былъ тогда въ хорошемъ расположеніи духа и сказалъ: „Чего боишься? ты и твои яйца находятся подъ моимъ покровительствомъ; повѣрь, не посмѣетъ никто тебя тронуть". Къ несчастью, это гнѣздо раздавила верблюдица Сада. Тогда Кулейбъ послѣ ссоры съ Джессасомъ пустилъ въ верблюдицу стрѣлу и попалъ ей въ вымя. Аль-Бассусъ вознегодовала на Кулейба за такой поступокъ и въ горячихъ пѣсняхъ призывала Джессаса отмстить Кулейбу, нарушившему права гостепріимства. Напрасно старался Джессасъ успокоить ее обѣщаніемъ богатаго вознагражденія. День за днемъ не переставала она его преслѣдовать своими ѣдкими и обидными импровизаціями, и, въ концѣ концовъ, Джессасъ не вытерпѣлъ и убилъ Кулейба. Такъ былъ

порванъ тѣсный союзъ родственныхъ племенъ, и началась кровавая война, которая продолжалась цѣлыя 40 лѣтъ. Пѣсни Аль-Бассусъ, въ которыхъ не замѣчается ни поэтическаго таланта ни глубокой страсти, не лишены однако нѣкотораго остроумія и музыкальности. То обстоятельство, что эти пѣсни были причиной столь продолжительныхъ войнъ, ярко обрисовываетъ значеніе поэтессъ въ историческихъ судьбахъ доисламской Аравіи.

Третій и четвертый періоды, тѣсно связанные съ возникновеніемъ и распространеніемъ ислама, отмѣтили въ своей исторіи имена многихъ поэтессъ; назову изъ нихъ болѣе выдающихся по силѣ своего творчества и по глубинѣ чувства, которыми проникнуты пѣсни эпохи этого великаго религіознаго движенія: Хиндъ, дочь Утсатсата; Хиндъ, дочь Атбада; Сафійатъ, дочь извѣстаго Абд-уль-Мутталиба; Ашратъ, дочь Дурейда; Хиндъ, дочь короля Анъ-Нумана, прозванная Аль-Хуркатъ; и Хизанатъ, дочь Халида, которая въ своихъ пѣсняхъ оплакивала правовѣрныхъ, падшихъ въ походѣ Аль-Харата.

Самою талантливою изъ вышеприведенныхъ, на мой взглядъ, является Хиндъ, дочь Атбада, о характерѣ которой Ибнъ-Аль-Атсиръ въ своемъ сочиненіи: „Асадъ-альгабатъ“ (левъ лѣса) такъ выразился: „Это была женщина съ благороднымъ характеромъ, честная, добрая и замѣчательно умная“.

Пѣсни другой Хинды, дочери короля Анъ-Нумана, обнаруживаютъ въ себѣ, кромѣ присутствія творческаго таланта, натуру съ тонкимъ эстетическимъ вкусомъ. Жизнь дочери Анъ-Нумана была не изъ счастливыхъ; блескъ и роскошь, которые окружали ее во дворцѣ отца, были, такъ сказать, занавѣской того разврата, безнравственности и золъ, которыми характеризовалась жизнь восточныхъ правителей того времени. Хиндъ, будучи покорною послѣдовательницей ученія Христа, съ трудомъ переносила дворцовую жизнь; она современемъ удалилась въ монашескую обитель, гдѣ прожила въ добровольной нищетѣ многіе годы. Однажды Халидъ нарочно пріѣхалъ къ Хиндѣ и уговаривалъ ее принять исламъ. — „Если ты примешь нашу вѣру, — говорилъ онъ, — я тебѣ дамъ столько богатства, сколько ты и во снѣ не видѣла; я тебя выдамъ замужъ за самаго доблестнаго изъ нашихъ воиновъ“. — „Уйди, — стихами отвѣчала Хиндъ, — я никогда не отступлю отъ своей вѣры, я буду до могилы вѣрна ей. Сохрани для себя твое золото. Вѣрь мнѣ, о, Халидъ, что ни твои лестныя предложенія, ни твои угрозы не

могутъ совратить меня съ пути истины. Такая стойкость убѣжденій очень понравилась Халиду, и онъ сказалъ Хиндѣ: „Попроси у меня что хочешь, и я исполню!“—„Я тебя прошу,— отвѣтила она, — хорошо обращаться съ христіанами, которыхъ такъ много подъ твоею властью“. Хотя Халидъ далъ обѣщаніе Хиндѣ быть гуманнымъ съ ея братьями по вѣрѣ, но это было пустою фразой, и послѣдующія отношенія Халида къ христіанскому населенію подтвердили это. Пѣсни дочери Анъ-Нумана проникнуты глубокою вѣрой въ Бога и надеждой на будущую, лучшую жизнь.

Я сказалъ въ предисловіи настоящаго очерка, что знакомство съ поэзіей арабскихъ поэтессъ важно въ томъ отношеніи, что мы имѣемъ возможность ясно представить себѣ соціальное положеніе женщины въ доисламской Аравіи. Посмотримъ, каково было въ то время положеніе женщины.

„Если,—какъ справедливо замѣчаетъ Perron въ своемъ сочиненіи Les femmes arabes avant l'islamisme,—жестокіе и дикіе нравы древней Аравіи и поставили женщину въ невыгодныя условія, то во всякомъ случаѣ у нихъ не было отнято все значеніе въ общественной жизни. Женщина, выходя замужъ, становилась не рабыней своего мужа, а скорѣе другомъ и помощницей“.

Съ этими словами Perron'a нельзя не согласиться. Нравы пустыни вообще были не за женщинъ. Это видно изъ того, что не только бѣдные, но и богатые нерѣдко хоронили живыми новорожденныхъ дочерей, на томъ основаніи, что дѣвушка легко могла опозорить свое племя; этотъ и другіе ему подобные обычаи все-таки не дѣлаютъ женщинъ чуждыми общественной жизни; онѣ все-таки и мыслятъ и дѣйствуютъ и не находятся въ томъ порабощенномъ состояніи, въ которомъ онѣ очутились послѣ принятія ислама. Женщина въ древней Аравіи была гораздо свободнѣе и пользовалась бо́льшимъ уваженіемъ. Арабъ-язычникъ видѣлъ въ ней мать храбрыхъ воиновъ, которые защищали честь его рода и племени, и потому самъ считалъ своею первою обязанностью защищать ее отъ обезчещенія врагами. Плѣненіе сестры, матери, жены, дочери было великимъ посрамленіемъ для араба. Женщина, въ свою очередь, раздѣляла труды кочевника; нерѣдко она принимала участіе въ битвѣ. Зато арабъ любилъ украшать ея палатку или ея сѣдло (гаудаджъ) лучшими іеменскими пестрыми матеріями. Когда онъ выступалъ на бой, то, подобно средневѣковому рыцарю, „бралъ себѣ, по-

мимо общаго, племенного боевого крика, пароль отъ дамы своего сердца". Въ своихъ похожденіяхъ онъ заботился о томъ, чтобы его подвиги заслуживали интересъ, удивленіе и одобреніе любимой женщины. Она же платила ему горячею привязанностью; по его смерти неусыпно подстрекала соплеменниковъ къ мщенію, горевала о немъ, наполняя степь отчаянными воплями. Слѣдствіемъ такихъ отношеній женщины къ мужчинѣ была относительная чистота нравовъ арабовъ-язычниковъ, далеко превосходившая нравы позднѣйшихъ вѣковъ, когда, подъ вліяніемъ болѣе цивилизованной городской жизни и столкновенія съ испорченностью передне-азіатскихъ и персидской народностей, развратъ достигъ почти неимовѣрныхъ размѣровъ, и женщина была унижена до послѣднихъ предѣловъ. Несомнѣнно, что значеніе женщины въ древней Аравіи было тѣсно связано съ индивидуальными способностями каждой изъ нихъ; только болѣе выдающіяся или по уму, или по красотѣ могли обладать тѣмъ значеніемъ, которое, какъ мы видѣли, онѣ имѣли въ историческомъ ходѣ событій. Большинство изъ выдающихся женщинъ Аравіи—были поэтессы; это и понятно: ничѣмъ такъ сильно не могла женщина дѣйствовать на сердца арабовъ, какъ потокомъ прочувствованной лирики; это было вѣрное оружіе, съ которымъ она легко могла добиться извѣстной цѣли и завоевать себѣ высокое положеніе въ общественной жизни. Свои пѣсни арабскія поэтессы пѣли безъ всякаго приготовленія; эти прочувствованныя импровизаціи, подчасъ монотонныя, но не сантиментальныя, подчасъ страстныя, но не напыщенныя, глубоко западали въ души слушателей. Надо отмѣтить, что въ этихъ пѣсняхъ продуктивности фантазіи очень мало. Вообще эта поэзія болѣе способна къ точному наблюденію окружающей природы, благодаря изощренности чувствъ, развитыхъ въ постоянномъ общеніи со степью. Пѣсни арабскихъ поэтессъ, дошедшія до насъ, ярко рисуютъ передъ нами картину жизни арабовъ; въ нихъ и понынѣ продолжаетъ биться „пульсъ древней Аравіи", которая какъ живая стоитъ передъ нами на порогѣ своего возрожденія.

Сергій Олферьевъ.

* * *

Когда душа была полна
Отваги юной, безразсудной,
Я подвигъ тяжкій, подвигъ трудный
Подъялъ себѣ на рамена...

Съ поднятой смѣло головой,
Въ душѣ съ любовью къ дѣлу чистой
На путь колючій, путь тернистый
Ступилъ разутой я ногой...

„Пусть будетъ трудно, слова нѣтъ",
Я мнилъ,—„меня поддержатъ братья..."
И что жъ?.. Навстрѣчу мнѣ — проклятья,
Насмѣшекъ градъ и грязь клеветъ...

Иду... Чѣмъ далѣ, тѣмъ труднѣй...
Душа болитъ и рѣжетъ ноги...
Не долженъ я свернуть съ дороги,
Но нелегко идти по ней...

Еще далеко ли пути?..
Надорвались младыя силы...
О, помолись, чтобъ до могилы
Я смогъ безропотно дойти!..

Анатолій Александровъ.

ВЪ ГОРАХЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ.

(Изъ моихъ воспоминаній).

Въ 1886 году, 1-го іюля, въ 8 часовъ утра, лошади были уже осѣдланы, слуги суетились, дѣлая приготовленія къ отъѣзду. Я еще не вставала и, лежа на мягкихъ подушкахъ, думала, что и ихъ сейчасъ нужно, будетъ отдать на вьюки и взамѣнъ сладкой прохлады подъ красивой крышей азіатской палатки, придется сѣсть на сѣдло и въ теченіе двухъ, а можетъ быть и болѣе, недѣль, Богъ знаетъ, какъ проводить ночи... Но что значатъ эти неудобства въ сравненіи съ тѣмъ удовольствіемъ, которое даетъ дѣятельная, полная разнообразія, походная жизнь! Нѣтъ, люблю я все это и готова вынести многое, только бы пожить на цыганскомъ привольѣ... Каждый годъ, переѣзжая на лѣтній сезонъ въ горы, на дачу, въ урочище Чимганъ, я предпринимала какую-нибудь большую прогулку; но въ этомъ году, чувствуя себя сильнѣе обыкновеннаго, я хотѣла сдѣлать болѣе серьезное путешествіе. Чтобы доставить мнѣ удовольствіе, мой мужъ [1]) предложилъ мнѣ отправиться съ однимъ изъ его топографовъ, капитаномъ Николаемъ Михайловичемъ Козловскимъ (теперь подполковникъ), который, начиная съ Чимгана, долженъ былъ идти изслѣдовать южныя отрасли хребта Алатау по направленію къ верховьямъ рѣчки Майцаньталъ. Увѣренный въ его опытности, осторожности и предупредительности, онъ только просилъ меня не рисковать въ мѣстахъ, особенно опасныхъ.

Итакъ совершилось давно мною желанное, и въ назначенный день, число и часъ все было устроено къ общему удовольствію, къ общему даже восторгу...

Я, лежа, улыбалась, прислушиваясь къ суетнѣ, къ хрустящему жеванью и фырканью лошадей, точно къ прощальному

[1]) Начальникъ военно-топографическаго отдѣла въ Ташкентѣ.

щебетанью нашихъ постоянныхъ воздушныхъ жильцовъ — горныхъ соловьевъ, къ томному журчанью маленькаго ручейка...

И было мнѣ хорошо и весело, но вставать все-таки нужно. Я слышу уже голосъ нашего капитана, пріѣхавшаге справиться, какъ идутъ сборы, и шумный разговоръ швейцарки, моей компаніонки m-lle К., которая должна была сопровождать меня въ путешествіи.

Я стала рѣшительно одѣваться. Наши дамскіе костюмы, т. е. мой и m-lle (изъ дамъ мы были только двѣ) не отличались особенною затѣйливостью, но были весьма практичны, въ чемъ убѣдились мы впослѣдствіи. Они состояли изъ короткаго парусиннаго платья и изъ той же матеріи широкихъ шальваръ, изъ длинныхъ сапогъ и китайской фетровой шапки, которую, смотря по погодѣ, можно было разгибать и укрывать такимъ образомъ лицо отъ атмосферныхъ невзгодъ.

Къ одиннадцати часамъ вьючныя лошади были отправлены съ казаками впередъ, а мы остались еще позавтракать, привести въ порядокъ нашъ чимганскій дачный баракъ, кое-что уложить и запереть. Все это казалось намъ дѣломъ одной минуты, однако пришлось провозиться до часу пополудни.

— Скорѣе, пожалуйста, торопитесъ, иначе мы не доѣдемъ во-время до ночлега! — говорила я, выпивая наскоро свой чай.

Наконецъ все готово; комната барака заперта и запечатана, лошади, уже давно осѣдланныя, стоятъ внизу. Мои маленькія ружья въ чехлахъ красуются за спинами повара Дементія и джигита Мадалея. Я посадила Мурашку, мою маленькую собачку, въ корзинку, которую отдала джигиту, и сама вскочила на сѣдло. Изъ своихъ лошадей я взяла только три, попроще, для вьюковъ и m-llc, а себѣ наняла маленькую казачью лошадь съ довольно порядочнымъ шагомъ, на которой, несмотря на ея невзрачный видъ, бодро, почти горделиво, выѣхала первая, а за мной остальная шумная компанія. Капитанъ К. и Иванъ Павловичъ Ивановъ, топографъ, который также ѣхалъ съ нами, замыкали шествіе. Всѣ въ Чимганѣ говорили объ этой экспедиціи, и теперь, когда проѣзжала наша веселая кавалькада, дачники выходили изъ своихъ кибитокъ посмотрѣть на насъ, кланялись, издали спрашивали, когда вернемся, желали успѣха, прибавляя: „счастливые, счастливые!“

На ровныхъ и гладкихъ мѣстахъ мы пускали лошадей и скакали, не думая о завтрашнемъ днѣ. Солнце припекало и

безъ того разгоряченныя наши лица, воздухъ былъ душный, безъ малѣйшаго вѣтра. Не доѣзжая селенія Бричъ-муллы, мы остановились, сошли съ лошадей, чтобы немного отдохнуть и утолить мучившую насъ жажду свѣжею хрустальною водой, которая вытекала изъ-подъ скалы, образовавшей гротъ, откуда вѣяло влажною, освѣжающею прохладой. Оставивъ этотъ цѣлительный, бодрящій уголокъ, сѣли мы на коней и съ веселымъ смѣхомъ понеслись по широкой и гладкой равнинѣ. Передъ самымъ селеніемъ, версты за полторы, нужно было переправляться черезъ мостъ, о которомъ городскіе жители говорятъ много ужасовъ и переходятъ его обыкновенно пѣшкомъ. Дѣйствительно, онъ узкій, длинный, безъ перилъ, отъ ветхости покосился и лежитъ на чрезвычайно высокихъ берегахъ; внизу подъ нимъ, съ шумомъ мчится по дну, усѣянному огромными острыми камнями, голубовато-зеленоватая прозрачная вода Чаткала. Мы однако не слѣзали съ лошадей, — но проѣхали его поодиночкѣ, съ серьезными, сосредоточенными лицами. Въ настоящее время сартами устроенъ здѣсь довольно хорошій мостъ. Онъ выстроенъ съ денежнымъ пособіемъ отъ генералъ-губернатора, европейской системы, что доказываетъ большую техническую сообразительность сартовъ.

Самое селеніе Бричъ-мулла — чрезвычайно живописное мѣстечко, расположенное на горѣ, съ многочисленными фруктовыми садами, которые какъ бы укутываютъ его массой роскошной зелени. Въ особенности хорошъ видъ съ другой стороны селенія, когда приходится проѣзжать второй подобный мостъ черезъ рѣку Кокъ-су (голубая вода), съ очень крутыми и необыкновенно красивыми берегами. Отсюда идетъ великолѣпная, мягкая дорога, усаженная плодовыми деревьями, подлѣ которыхъ съ одной стороны поднимаются довольно высокія горы, а съ другой—разстилается волнистая мѣстность съ роскошною травой и цвѣтами, къ сожалѣнію тогда ужъ на половину выгорѣвшими отъ жгучаго солнца. Дорога эта то удаляется, то приближается къ берегу голубоватой рѣки, составляющей главную прелесть этой мѣстности. Въ шестомъ часу, когда солнце спустилось довольно низко, жаръ спалъ и повѣяло мягкою прохладой, достигли мы селенія Богустана— мѣста нашего ночлега. Обыкновенно дачники Чимгана предпринимаютъ путешествіе, чтобы полюбоваться на его красоты и насладиться густою тѣнью вѣковыхъ орѣховыхъ рощъ. Намъ

нужно было отыскать нашихъ казаковъ съ вьюками, которымъ было приказано остановиться здѣсь. Вызванный аксакалъ (сельскій староста) сказалъ, что они проѣхали въ Наной — сосѣднее селеніе, расположенное въ двухъ верстахъ отсюда, дорога къ которому шла по карнизу не болѣе какъ въ аршинъ ширины, и притомъ надъ крутымъ обрывомъ. Досада была общая. Начальникъ экспедиціи былъ очень недоволенъ неисполнительностью казаковъ. Усталость чувствовалась въ особенности лошадьми, которыхъ приходилось подгонять каждую минуту. Да и вообще путешествіе не представляло и для насъ ничего пріятнаго въ вечернія сумерки, хотя и по живописной, но такой опасной дорогѣ. Аксакалу, видимо, хотѣлось отдѣлаться поскорѣе и сбыть насъ съ рукъ, но его заставили указывать дорогу. Съ неудовольствіемъ пошелъ онъ впередъ, и мы, покорные судьбѣ, послѣдовали молча за нимъ. Къ счастью, не болѣе какъ въ полуверстѣ увидѣли мы нашихъ людей, на широкой площади, покрытой высокою травой. Мѣсто казалось хорошимъ, но когда мы приблизилиьс къ нему, то насъ обдало до того сильнымъ ароматомъ отъ разнообразныхъ травъ, что даже дышать было трудно. Оставаться здѣсь не было никакой возможности; капитанъ велѣлъ сарту вести насъ въ другое мѣсто, и мы двинулись уже въ полномъ составѣ и медленно потянулись вверхъ по крутой и обрывистой горѣ въ кишлакъ (селеніе), гдѣ для нашего помѣщенія отвели обширный и тѣнистый садъ. Послѣ сорокаверстной прогулки мы съ удовольствіемъ покинули сѣдла и вытянулись на мягкихъ кошмахъ и одѣялахъ, постланныхъ нашею прислугой. Всѣ мы чувствовали голодъ и поэтому, заказавъ повару хорошій ужинъ, стали закусывать тѣмъ, что съ нами было готоваго.

Вечеръ былъ чудный. Надъ нами поднялась ясная и спокойная луна, затмивъ своимъ голубоватымъ свѣтомъ блѣдное мерцаніе звѣздочекъ. Деревья представились намъ какими-то гигантами; трава подъ ихъ тѣнью покрылась густымъ мракомъ, на которой бѣлыми пятнами обрисовывались наши походныя палатки.

Прислуга, казаки, сарты-зрители размѣстились группами тамъ и сямъ, принявшись каждый за свое дѣло. Вскорѣ веселый огонекъ затрещалъ въ отдаленіи, за нимъ другой, третій... Загорѣлыя, улыбающіяся лица, бритыя въ тюбетейкахъ головы, черные блестящіе глаза, бѣлые зубы—все это засверкало, ясно

освѣщенное золотымъ пламенемъ костра. Въ отдаленіи слышался и гулъ голосовъ, и веселый смѣхъ, прерывающій тишину и спокойствіе іюльской ночи, и трескъ огня, поверхъ котораго, въ темномъ облакѣ дыма, подымались миріады искръ, исчезая куда-то въ пространство.

Какъ все это хорошо! Я забыла усталость и, бодрая, веселая, переходила отъ одного костра къ другому. „Люблю я этотъ яркій огонекъ среди ночи“, говорила я, подкладывая тоненькіе прутики хвороста, „и готова до утра просидѣть при подобной обстановкѣ“. „Это легко исполнить“, отвѣтили мои любезные спутники, и черезъ пять минутъ огромное сухое дерево запылало передъ нами. Это былъ гигантскій костеръ, который безъ поддержки горѣлъ до слѣдующаго утра. Усѣвшись передъ нимъ на пестрыхъ коврахъ, заваленныхъ подушками, сакъ-вояжами, съѣстными припасами, мы запѣли одну изъ малороссійскихъ пѣсенъ, задушевный тонъ которыхъ всегда наводитъ невольно на мысль о глубокой грусти, волновавшей нѣкогда душу поэта... А луна, величественно спокойная, гордая своею красотой, полнымъ, яснымъ кругомъ стояла надъ кострами, какъ бы съ презрѣніемъ глядя на ихъ желтоватый, неровный свѣтъ. Едва мы прервали наше тріо, какъ послышался голосъ запѣвалы и за нимъ веселая народная пѣсня казаковъ. Яркій огонь пылаетъ, освѣщенныя лица движутся, улыбаются, супъ кипитъ... Поваръ идетъ со скатертью, которую разостлалъ передъ нами на коврѣ, положивъ нарѣзанный хлѣбъ, тарелки, ложки и вилки; мы поужинали съ удовольствіемъ и, такъ какъ было очень поздно, поторопились разойтись по своимъ палаткамъ. Когда мы улеглись, было уже болѣе двухъ часовъ. Едва успѣла я перекреститься, какъ крѣпкій, здоровый сонъ заставилъ меня забыться. Какъ хорошо спится на походной постели!..

Вдругъ вѣтеръ промчался надъ нами, палатка, какъ листъ, затрепетала, деревья шумно загудѣли, что-то забарабанило надъ нашими головами; я открыла глаза и прислушалась. Еще темно. Это буря разыгралась, и дождь старается проникнуть къ намъ. Ничего, въ такую погоду еще лучше спится. Я плотнѣе закуталась въ теплое одѣяло, моя собачка ближе прижалась ко мнѣ, и, подъ влажною пылью пробившаго крышу дождя, сонъ снова овладѣлъ мною.

Утро. Слышенъ разговоръ. Пора вставать. Да, ужъ семь часовъ. Сыро и холодно. Дождь утихъ, но пасмурно, воздухъ

такъ и охватываетъ холодомъ, хотя настроеніе духа прекрасное; чувствуешь себя какъ-то легко: перспектива дальнѣйшаго путешествія веселитъ сердце. Когда мы съ m-lle К. подсѣли къ нашимъ спутникамъ, дождь начался снова. Надѣвъ дорожные плащи, бурки, мы долго сидѣли подъ деревомъ, надѣясь, что небо сжалится надъ нами и пошлетъ солнышко, но такъ какъ этого не случилось, то принуждены были съ чаемъ укрыться въ палатку.

Наконецъ дождь пересталъ, хотя по небу носились свинцовыя тучи, и вѣтеръ дулъ по временамъ довольно холодный. Несмотря на это, часовъ въ девять мы двинулись въ дальнѣйшій путь. Пройдя благополучно Наніи, мы слѣзли съ лошадей, чтобы пройти пѣшкомъ крутой спускъ къ рѣкѣ Пскему. Двигаясь медленно длинною вереницей по каменистому скату, мы очутились передъ чуднымъ, стремящимся съ вершины очень высокой скалы, водопадомъ, который до низу доходилъ только мелкими брызгами, отливающими, при блѣдномъ, упавшемъ на нихъ солнечномъ лучѣ, всѣми цвѣтами радуги. Воздухъ въ этомъ мѣстѣ былъ чистый, влажный. Низкій мостъ надъ кипучимъ Пскемомъ имѣлъ видъ еще хуже бричъ-муллинскаго: узкій, покосившійся, съ провалами въ настилкѣ, онъ, казалось, еле выдерживалъ тяжесть человѣка. Пѣнистыя волны заливали его на половину и этимъ еще болѣе затрудняли переходъ. Переправились мы, однако, вполнѣ благополучно и сѣли снова на коней, чтобы подыматься по очень узкой и крутой тропинкѣ, лѣпящейся по склону горы, усыпанной мелкимъ щебнемъ, по которому лошади, скользя и спотыкаясь, шли чрезвычайно медленно. Зато какой чудный видъ разстилался передъ нами!

Бурливая рѣчка на нѣсколько саженъ ниже насъ извивалась голубовато-прозрачною лентой, между опрятными кирпично-красноватыми берегами, покрытыми кудрявымъ кустарникомъ и деревьями. Кругомъ виднѣлись подернутые темно-фіолетовою пеленой горы съ яркими бѣлоснѣжными вершинами; а далеко на горизонтѣ, изъ-подъ сѣроватаго неба пробивались капризно яркіе золотистые лучи полуденнаго солнца.

Мы ѣхали молча. Вскорѣ дорожка сдѣлалась шире, мягче, и лошади пошли быстрѣе. Дождь то накрапывалъ, то снова переставалъ. Около трехъ часовъ показалась густая роща, подлѣ которой тѣснилось нѣсколько глиняныхъ мазанокъ, составлявшихъ сел. Полонахъ. Мы собрали общій совѣтъ, подумали и

рѣшили остановиться здѣсь на ночлегъ, такъ какъ до сел. Пскема, куда мы направлялись, оставалось еще верстъ 25—30, которыя трудно было пройти до заката солнца. На уютномъ, тѣнистомъ мѣстѣ раскинули палатки и развели огонь. Киргизы принесли намъ молока, и мы принялись за завтракъ.

Чтобы занять чѣмъ-нибудь остальное время, всѣ согласились отправиться на охоту. Иванъ Павловичъ взялъ ружье одного казака и рѣшилъ поискать кабановъ, которыхъ вокругъ, какъ сказали здѣшніе обитатели, было очень много; я взяла мое маленькое ружье для мелкой дичи, и мы всею компаніей двинулись за добычей.

Ходили мы долго по мокрой травѣ, по страшно неудобнымъ крутымъ мѣстамъ, то подымаясь на вершину, то спускаясь къ хлѣбнымъ полямъ, часто перескакивая черезъ изгороди маленькихъ садиковъ, но ни птицъ, ни звѣрей не встрѣтили и вернулись къ обѣду мокрые, перепачканные грязью и совершенно усталые. Еще солнце не закатилось совсѣмъ, какъ все въ лагерѣ затихло и спало сладкимъ сномъ. На другой день къ семи часамъ мы были готовы отправиться въ дальнѣйшій путь. Жара стояла страшная, и вчерашней непогоды не осталось и слѣда. Солнце палило и обдавало раскаленнымъ воздухомъ, которымъ трудно было дышать. Въ какой-то истомѣ, точно полудремотѣ, двигались мы медленно по крутой, но мягкой глинистой дорожкѣ.

Чѣмъ ближе подъѣзжали къ Пскему, тѣмъ болѣе встрѣчали рѣчекъ, ручьевъ и канавъ, которые приходилось переѣзжать въ бродъ. Бурливая пѣнистая вода и острые камни, составлявшіе ихъ ложе, чрезвычайно затрудняли переходъ. Но такъ какъ ни одного мѣста не было особенно широкаго и глубокаго, то и несчастій никакихъ не случилось, только на одной подобной переправѣ снесло большую собаку г. И—ва. Вода то прибивала ее къ камнямъ, то вертѣла на мѣстѣ въ кипучемъ водоворотѣ, то снова выбрасывала и уносила на бѣшеныхъ волнахъ, какъ легкій мячикъ, почему испуганное бѣдное животное съ трудомъ могло выбраться на берегъ.

Къ четыремъ часамъ вечера мы подъѣхали къ Пскему. Раньше мнѣ все казалось почему-то, что Пскемъ нѣчто въ родѣ столицы горъ, большое живописное мѣсто, украшенное садами, среди роскошной зелени и красивыхъ каскадовъ воды. Но, къ моему удивленію, ничего подобнаго не оказалось. Это одно изъ

самыхъ некрасивыхъ и убогихъ горныхъ селеній; противъ обыкновенія въ жаркихъ климатахъ, оно не имѣло садовъ, находилось на совершенно открытомъ мѣстѣ и ничѣмъ не защищено отъ палящаго солнца.

Много сартовъ, которые, какъ оказалось, видѣли русскихъ только второй разъ и, конечно, въ первый разъ русскихъ женщинъ, вышли намъ навстрѣчу. Аксакалъ селенія провелъ насъ на широкую, открытую площадь, поросшую только низкою травой; вокругъ, кромѣ высокихъ горъ съ снѣжными вершинами да голубого неба, ничего не было видно. Но, несмотря на наружныя неудобства и бѣдность, здѣсь была роскошь въ иномъ: лошадей подковали и угостили ячменемъ, намъ принесли куръ, коровьяго и козьяго молока, масла, яицъ... Словомъ, жить было весело, привольно!..

Противъ нашихъ палатокъ возвышался одинъ изъ огромныхъ переваловъ, который предстояло намъ пройти на обратномъ пути.

— Не страшно вамъ, видя такую вышину? — спросили наши спутники, указывая на вершины, бѣлѣющіяся подъ облаками.

— Страшно? Нѣтъ. Кромѣ самаго горячаго желанія идти туда, я ничего не испытываю. Скорѣе бы только двинуться...

— Но можетъ случиться, что тамъ совсѣмъ нѣтъ дороги и такая крутизна, что верхомъ ѣхать нельзя и нужно будетъ пробираться пѣшкомъ по снѣгу, въ холодъ, а если застигнетъ буранъ—и ночевать въ сугробахъ, — говорилъ Николай Михайловичъ серьезно, желая испытать нашу рѣшительность.— Неудобства и опасности только теперь начинаются, такъ какъ до этого селенія дорога была извѣстная, теперь же, Богъ знаетъ, куда придется попасть, и мы, быть-можетъ, принуждены будемъ прокладывать себѣ путь своими руками.

Слова эти оказались пророчески вѣрными, но они не только не испугали меня, но, наоборотъ, возбудили еще сильнѣе желаніе идти впередъ узнавать, разыскивать, прорубать и все идти и идти... Неизвѣстность казалась мнѣ привлекательною и давала новый, болѣе живой интересъ этой опасной прогулкѣ.

Разговаривая такимъ образомъ, мы услышали какой-то необыкновенный крикъ, смѣшанный съ разными возгласами и смѣхомъ.

Выглянувши изъ палатки, мы увидѣли толпу, составлявшую кругъ, въ которомъ боролись сартъ съ казакомъ. Въ первый

разъ мнѣ пришлось видѣть такую оригинальную сартскую борьбу.

Противники обхватывали другъ друга поперекъ корпуса и, нагнувшись почти до земли, чѣмъ напоминали двухъ бодающихся быковъ, долго, безмолвно покачиваясь, двигались по кругу, пока внезапно одинъ изъ нихъ ловкимъ движеніемъ не приподымалъ на воздухъ другого, сбивалъ его ногой и бросалъ на землю... За этимъ начинался общій гамъ смѣшанныхъ голосовъ, полнѣйшій безпорядокъ: бросались на побѣдителя и поднимали его съ тріумфомъ на рукахъ.

Аксакалъ вошелъ вполнѣ въ свою роль и съ важнымъ озабоченымъ видомъ водворялъ порядокъ, устанавливалъ и расширялъ кругъ, а не въ мѣру кричащихъ просто билъ, дѣтей отгонялъ и т. д. Окончившіе борьбу тотчасъ смѣнялись другими. Такъ какъ два послѣдніе раза наши побѣждали сартовъ, на видъ гораздо сильнѣе себя, то на вышедшаго очень маленькаго и тщедушнаго казачка вытолкнули изъ толпы настоящаго голіафа. Долго они водили другъ друга, тихо, равномѣрно покачиваясь, какъ бы равнодушно и безъ всякаго задняго умысла, какъ вдругъ голіафъ однимъ взмахомъ вскинулъ противника на воздухъ и готовъ былъ уже бросить съ торжествомъ на землю, но тотъ, вцѣпившись крѣпко, потянулъ его за собой, и оба грохнулись.

Съ крикомъ кинулись сарты подымать великана, за которымъ, во всякомъ случаѣ осталась побѣда. Тогда на сцену вышелъ другой, также небольшаго роста, но ловкій, широкоплечій, съ бойкимъ лицомъ казакъ. Онъ вызвалъ самъ побѣдителя и, въ ожиданіи борьбы, засучилъ рукава. Темнѣло, и его сѣрая фигура едва виднѣлась, тогда какъ сартъ противникъ, весь въ бѣломъ, обозначался яркимъ пятномъ среди толпы.

— Ну, Яшка, не ударь лицомъ въ грязь! — раздались голоса со всѣхъ сторонъ.

Яшка только самодовольно потираетъ руки. Голіафъ откинулъ длинные рукава рубашки и раскрылъ свои широкія объятія. Обнялись и пошли...

Но вотъ одинъ толчокъ, лругой, казакъ точно поднялся на воздухъ; потомъ упалъ, и всѣ съ крикомъ кинулись къ нимъ, но, къ изумленію, увидѣли, что великанъ лежалъ подъ казакомъ.

Несмотря на грозное маханіе нагайки аксакала, крику не было конца, и порядокъ долго не водворялся. Наконецъ, кругъ

расширился, и сконфуженный сартъ вызвалъ въ свою очередь того же казака.

Яшка снова потираетъ руки и становится молодецки въ позу. Обнялись. Всѣ, притаивши дыханіе, слѣдили за каждымъ движеніемъ и равномѣрнымъ покачиваньемъ ихъ тѣлъ. Вдругъ казакъ снова взлетѣлъ на воздухъ, началась борьба, и когда противники грохнулись на землю, то Яшка опять очутился на груди голіафа.

Всѣ въ недоумѣніи!

— Молодецъ, молодецъ! — съ восторгомъзакричали русскіе, хлопая въ ладоши.

Наконецъ, совсѣмъ стемнѣло, мы пошли обѣдать, и забава прекратилась.

Вечеромъ пригласили аксакала, чтобы разспросить его о дорогѣ на Майданъ-Талъ. Начались переговоры черезъ переводчика. Послѣ долгихъ объясненій и шумнаго спора, мы, къ ужасу нашему, узнали, что мосты черезъ двѣ главныя рѣки снесены весенними потоками, и что дороги и броды уничтожены обвалами.

Множество сартовъ вступило въ разговоръ, и начались горячія пренія. Николай Михайловичъ не хотѣлъ допустить подобной непріятности. Онъ сталъ разспрашивать ихъ на всѣ лады, думая найти какой-нибудь исходъ. Но нѣтъ, всѣ говорили одно и то же, всѣ сказали, что въ этомъ году пройти туда нельзя.

— Что дѣлать, какъ вы думаете? — спросилъ онъ, обращаясь къ намъ.

— Мнѣ кажется, — отвѣтила я, — слѣдуетъ поѣхать и разузнать самимъ дорогу. Можетъ-быть, не такъ страшно будетъ, какъ говорятъ. Во всякомъ случаѣ, попытка намъ не будетъ стоить ничего.

— Да, я думаю то же; тѣмъ болѣе, что этому народу довѣрять нельзя и добиться истины отъ нихъ чрезвычайно трудно. — Сказавъ это, капитанъ приказалъ аксакалу доставить опытнаго проводника.

На другой день, послѣ чая, собрались на рекогносцировку. Палатки, вьючныя лошади и нѣсколько казаковъ остались на мѣстѣ. Мы же съ проводникомъ, которому дали одну изъ нашихъ лошадей, выѣхали изъ селенія.

Саидъ-Магометъ, какъ звали нашего вожака, или мергень

(стрѣлокъ, охотникъ), имѣлъ за спиной первобытное, длинное кремневое ружье съ рогатиной. Это вооруженіе, ужасное рубище, едва державшееся на его исхудалыхъ плечахъ, лапти на обернутыхъ тряпками ногахъ, остроконечная, треугольная, войлочная шляпа, — придавали ему дикій, страшный видъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ казался чрезвычайно добродушнымъ, съ дѣтски-улыбающимися добрыми глазами.

Онъ ѣхалъ впереди, оборачиваясь отъ времени до времени, и съ улыбкой разсказывалъ достопримѣчательности этихъ мѣстъ.

Слѣва узкой и каменистой дорожки, по которой мы шли, подымались величественныя и суровыя скалы, съ огромными, нависшими, какъ бы едва державшимися надъ нашими головами, глыбами, справа тянулся обрывистый берегъ рѣки Пскемъ, которая съ ревомъ и бѣшенствомъ катила свои кипящія волны. Все это было покрыто рѣдкими кустарниками и деревьями, оживлявшими слегка непривѣтливый колоритъ мѣстности. Подъѣзжая къ огромному, тѣнистому дереву на краю гигантской скалы, мергень, повернувшись ко мнѣ и указывая на его вершину, началъ по таджикски что-то разсказывать. Я поняла только, что на немъ или подъ нимъ много чего-то водится, но чего, никакъ разобрать не могла. Нѣсколько разъ онъ повторялъ, и мнѣ показалось, что онъ говорилъ о дикихъ кабанахъ.

— Слышите, господа, — сказала я, поворачиваясь на сѣдлѣ къ спутникамъ, которые длинной вереницей медленно спускались по узкой тропинкѣ, — слышите, мергень говоритъ, что здѣсь есть кабаны.

— Кабаны, кабаны! — раздалось, точно эхо, переходя отъ одного къ другому.

Иванъ Павловичъ, какъ главный охотникъ, съ казакомъ поднялись на гору и, опередивъ всѣхъ, спустились къ мергеню.

— Спроси, въ какомъ именно мѣстѣ они живутъ? — сказалъ г. И—въ.

Казакъ-переводчикъ началъ разспрашивать. Послѣ долгихъ переговоровъ онъ, по всѣмъ правиламъ военной дисциплины, держа руку подъ козырекъ, сказалъ: „Мергень говоритъ, что на этомъ самомъ деревѣ много кабаньихъ гнѣздъ“.

Какъ? Кабаньихъ гнѣздъ?!. Мы всѣ засмѣялись. Казакъ смутился и снова сталъ распрашивать.

— Точно такъ, мергень говоритъ, что гнѣзда ихъ здѣсь.

— Да ты, братецъ, спроси хорошенько: чьи гнѣзда? такъ какъ кабанамъ трудно порхать по вѣткамъ.

Мы смѣялись, а казакъ все больше и больше смущался.

— Мергень говоритъ, ваше благородіе, что на деревѣ много дикихъ голубей.

Вотъ это совсѣмъ иное...

Дѣйствительно, въ эту минуту цѣлая стая птицъ, величиной съ небольшую курицу, поднялась надъ деревомъ и исчезла за скалой.

Спустившись внизъ и перейдя по мосту на другую сторону Пскема, мы стали взбираться снова вверхъ. Чѣмъ подымались выше, тѣмъ мѣстность становилась живописнѣе и веселѣе. Огромныя арчи (родъ туи) съ смолистымъ запахомъ бросали тѣнь, давая освѣжительную прохладу. Часто приходилось намъ низко наклоняться и слѣзать даже съ лошадей, чтобы пройти подъ ихъ широкими вѣтвями, загораживающими дорожку, которая то спускалась, то поднималась надъ самымъ обрывомъ въ кипучей рѣкѣ. Какъ хорошо и привольно вокругъ! Здѣсь видишь только одну природу, чувствуешь себя такъ близко къ ней, какъ къ чему-то родному, прекрасному, что смотритъ на тебя, улыбается такою свѣтлою, привѣтливою улыбкой, вызывающею невольно чувство радости и довольства! И вся суета, всѣ невзгоды кажутся здѣсь такими непонятными и далекими, что, право, хочется сказать: „О, люди, люди, взгляните на Божій міръ, какъ въ немъ все прекрасно, стройно, чисто, и вы поймете, что счастья нужно искать не среди толпы и шума, а среди величественной могучей природы, которая производитъ такое глубокое и сильное впечатлѣніе на сердце человѣка; она его успокоиваетъ, она его веселитъ, она вызываетъ лучшія чувства, она наводитъ на размышленія, она даетъ силу, энергію, развиваетъ фантазію, какъ главный источникъ поэзіи“.

И, дѣйствительно, мнѣ самой сдѣлалось такъ легко и весело. Я забыла о жизни, оставленной позади, и съ сердцемъ, полнымъ довольства, глядя на крошечную птичку, сидящую на зеленой вѣткѣ надъ пропастью, запѣла такъ, какъ пѣла сама моя душа.

Но вотъ дорожка кончилась, и мы очутились надъ крутизной бурокраснаго цвѣта, изрытой весенними потоками, усѣянной гигантскими камнями, земляными глыбами и вывернутыми съ корнями деревьями. Все это имѣло грустный видъ

мертвыхъ развалинъ, послѣ страшно бушующей, неудержимой стихіи.

Далеко внизу виднѣлся воздушный, фантастическій необходимый намъ мостъ, прочность и достоинство котораго по дальности разстоянія нельзя было разглядѣть.

Здѣсь, какъ сказалъ мергень, въ прошломъ году былъ прекрасный спускъ къ рѣкѣ, благодаря которому совершенно свободно переправляли въ бродъ лошадей, а по мосту проходили пѣшеходы. Теперь все это уже разрушено разливами, и мѣсто стало заброшеннымъ.

Чтобы убѣдиться въ томъ, Николай Михайловичъ рѣшилъ сойти внизъ и лично осмотрѣть все въ подробности. Мы остались наверху, въ ожиданіи условнаго сигнала, въ случаѣ если мостъ окажется достаточно прочнымъ для переправы нашего обоза.

Спускъ былъ отчаянный. Земля и камни постоянно обрывались изъ-подъ ногъ и скатывались съ шумомъ въ рѣку. На отвѣсныхъ мѣстахъ приходилось цѣпляться за корни, траву, камни, словомъ, за все, что попадалось подъ руку, чтобы самому съ обломками не скатиться туда же.

Мы слѣдили за всѣми движеніями капитана и въ восторгѣ замахали платками, когда увидѣли его благополучно у моста.

Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ, карабкаясь, поднялся на возвышеніе, которое, какъ мы впослѣдствіи и сами убѣдились, раздѣляло мостъ на двѣ половины, и вскорѣ показался по другую сторону рѣки на обрывистой и каменистой горѣ, круто подымавшейся надъ мостомъ, но ожидаемаго сигнала все не было. Такимъ же порядкомъ капитанъ сталъ переправляться и подыматься къ намъ и съ грустью объявилъ, что мостъ невозможный, опасный даже для одного человѣка, и что брода нигдѣ нѣтъ.

Итакъ пришлось идти назадъ и придумывать иной путь или совсѣмъ возвращаться по домамъ.

По дорогѣ мергень разсказалъ намъ, что въ этомъ ущельѣ, которое называется Кара-Кызъ (черная дѣвушка), водятся тигры, и что онъ лично въ прошломъ году убилъ одного изъ нихъ и продалъ аксакалу за восемь рублей. Онъ говорилъ объ этой охотѣ и объ опасности, которой подвергался, съ дѣтскимъ восторгомъ. Глаза его искрились, и лучезарная улыбка такъ и сіяла на его добродушномъ лицѣ.

Не доѣзжая двухъ верстъ до Пскема, мы расположились

въ хорошенькой рощицѣ напиться чаю и отдохнуть, пока уменьшится дневной жаръ, такъ какъ въ самомъ селеніи не было ни одного порядочнаго дерева, подъ которымъ можно было бы укрыться отъ палящаго солнца.

Положивъ подъ голову мою войлочную шапку, подъ монотонный гулъ рѣки и тихій шелестъ вѣтерка, утомленная, я заснула. Когда меня разбудили, солнце уже начало садиться и вѣяло вечернею прохладой.

Всѣ были готовы къ отъѣзду, и я поспѣшила также сѣсть на сѣдло. Къ шести часамъ мы были въ Пскемѣ; отъ скуки, пока приготовлялся обѣдъ, мы придумали снова развлеченіе и предложили сартамъ, нашимъ неотлучнымъ посѣтителямъ, собрать дѣтей и устроить бѣгъ на призы.

Нѣкоторые, услышавъ это, почему-то испугались и вмѣстѣ съ дѣтьми постыдно бѣжали и скрылись по своимъ лачугамъ; другіе приняли предложеніе и охотно стали содѣйствовать сбору мальчиковъ, которыхъ въ одну минуту набралось болѣе пятнадцати. Когда обозначили мѣсто, гдѣ должны были останавливаться, Иванъ Павловичъ повелъ всю босоногую компанію туда, откуда долженъ былъ начаться бѣгъ.

Аксакалъ снова вошелъ въ свою роль и водворилъ порядокъ, уставивъ всѣхъ съ двухъ сторонъ шпалерами. Но любопытство сартовъ было въ высшей степени возбуждено, и въ бездѣйствіи долго оставаться имъ было не подъ силу.

Они кричали, смѣялись, спорили, выскакивая на середину дороги, чтобы лучше видѣть удаляющихся дѣтей.

Вдругъ восторженный гулъ пронесся въ толпѣ: „бѣгутъ, бѣгутъ!“ Дѣйствительно, на холмѣ, который какъ бы сливался съ горизонтомъ, появилась бѣлая полоска, приближавшаяся къ намъ съ удивительною быстротой.

Всѣ точно притаили дыханіе, и только изрѣдка, когда одинъ изъ бѣгущихъ сбивался въ сторону, падалъ или, отставши, совсѣмъ уходилъ съ дороги,—то отчаянные, то насмѣшливые возгласы нарушали царствовавшую тишину...

Трехъ первыхъ, раскраснѣвшихся отъ усталости, мальчиковъ остановили съ такими воплями, какъ будто все селеніе, сломя голову, пошло въ атаку на непріятеля; ихъ окружили, толкали, разспрашивали, и до нихъ трудно было бы добраться, если бы родственники не вытолкнули героевъ изъ толпы за полученіемъ призовъ. Глаза восторженно горѣли, счастливыя

улыбки сіяли на лицахъ при видѣ серебряныхъ монетъ, которыя изъ рукъ дѣтей тотчасъ перешли къ старшимъ.

Чтобъ не было обидно совсѣмъ маленькимъ, очень усерднымъ, но отставшимъ по безсилію, мы собрали дѣтей, начиная съ пятилѣтняго возраста и пустили ихъ на болѣе короткое разстояніе. Красные, едва переводящіе духъ, явились они почти одновременно и тотчасъ же весело протянули руки за наградой. Мы одѣлили всѣхъ мелкою монетой, чѣмъ привели въ неописанный восторгъ не только получателей, но и всѣхъ присутствующихъ.

Ужъ было совсѣмъ темно, когда насъ позвали обѣдать. Во время ѣды возобновились разговоры о путешествіи и объ отысканіи новаго пути.

Послѣ долгихъ разговоровъ съ сартами, которые неотступно насъ окружали, мы, наконецъ, узнали, что дорога по другую сторону рѣки существовала, что въ прошломъ году вверхъ по рѣкѣ былъ другой хорошій мостъ, но что онъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, послѣднею весной снесенъ, какъ и всѣ другіе. Ухватившись за неясную надежду, капитанъ рѣшился на другой же день узнать лично обо всемъ этомъ. Его энергія тѣмъ болѣе усилилась, когда онъ заручился нашимъ согласіемъ идти за нимъ и испробовать всѣ возможныя средства, прежде чѣмъ отказаться отъ главной цѣли предпріятія.

Рано утромъ, въ полномъ составѣ покинули мы селеніе и, перебравшись на лѣвый берегъ Пскема, тотчасъ стали подыматься по крутой, но мягкой и удобной дорожкѣ, имѣя во главѣ мергеня, который, шагая быстрѣе нашихъ лошадей, шелъ съ удивительною легкостью пѣшкомъ. Поднявшись на вершину горы, мы очутились на широкой и ровной плоскости, покрытой высокою травой. Дорога была въ высшей степени пріятная, и лошади шли бодро.

Достигнувъ такимъ образомъ праваго притока Пскема — рѣчки Ана-Ульчанъ (мать умерла), которую приходилось переѣзжать въ бродъ, мы остановились напиться чаю и дать отдохнуть немного проводнику и лошадямъ.

Пока грѣлись чайники, всѣ занялись спусканіемъ большихъ камней въ воду, которая поглощала ихъ съ какою-то свирѣпою жадностью, съ грохотомъ унося гигантовъ по своему каменистому непривѣтливому руслу. Насъ, дамъ, это очень занимало; поэтому наши спутники съ помощью казаковъ долго еще

сбрасывали глыбы самыхъ ужасающихъ размѣровъ, которыя, несмотря на величину, съ суровымъ, угрожающимъ гуломъ все такъ же быстро уносились могучею пѣнистою волной.

Когда принесли чай и разложили на коврѣ съѣстные припасы, мергень, усѣвшись съ нами въ кружокъ, первый принялся закусывать. Увидѣвъ такую безцеремонность, мы засмѣялись, онъ также улыбнулся, но, не конфузясь, продолжалъ разжевывать бѣлый хлѣбъ, запивая горячимъ чаемъ. Его манеры и поступки были спокойны, какъ будто онъ другихъ отношеній не понималъ, но, несмотря на это, ѣлъ и пилъ настолько умѣренно, что приходилось его угощать.

Впослѣдствіи мы такъ привыкли къ его присутствію во время закусокъ, что, если случалось онъ почему-либо запаздывалъ, тотчасъ кто-нибудь изъ насъ задавалъ вопросъ: „А гдѣ же мергень?“ и мергень являлся на зовъ съ сіяющею улыбкой, предвкушая заранѣе вкусную ѣду.

Съ удовольствіемъ продолжали мы путь, заинтересованные предстоящимъ мостомъ, который, нѣкоторымъ образомъ, рѣшалъ нашу судьбу. Перейдя благополучно рѣчку, намъ пришлось снова подниматься по крутой, узкой и каменистой тропинкѣ, гдѣ лошади то и дѣло срывались и скользили вмѣстѣ съ камнями внизъ. Какъ ни было опасно и неудобно на нашихъ сѣдлахъ, мы не рѣшались ихъ покинуть, такъ какъ идти пѣшкомъ было слишкомъ тяжело и затруднительно. Но все это оказалось ничто въ сравненіи съ представившимся нашимъ изумленнымъ глазамъ крутымъ спускомъ. Гора обрывалась къ едва виднѣющейся внизу кипучей рѣкѣ и была покрыта мелкою осыпью (мелкими камнями, нанесенными весенними потоками), скрывающей даже признакъ дороги. Острые камни, выступающіе наружу, царапали ноги бѣднымъ животнымъ, затрудняя и безъ того ужасный переходъ. Удивительно, съ какимъ сознаніемъ они искали опоры, съ какой почти человѣческою заботливостью осматривали мѣсто, раньше чѣмъ рѣшиться ступить впередъ. Но, несмотря на всю ихъ осторожность, они безпрерывно скользили то передними, то задними ногами и, остановившись, дрожа всѣмъ тѣломъ, съ какою-то тупою покорностью, точно испуганными глазами, заглядывали, какъ бы измѣряя чернѣющую подъ ними пропасть. Наконецъ, держаться на сѣдлѣ стало совершенно невозможно, такъ какъ камни, потревоженные лошадьми, начали скатываться на насъ. Выступы, ямы и

едва держащіяся на скатѣ, глинистыя глыбы загораживали положительно намъ путь. Лошади становились нерѣдко совершенно втупикъ и иногда съ большимъ рискомъ перескакивали препятствія или, взобравшись на большой камень, съѣзжали съ него на заднихъ ногахъ. Мы шли за ними и почти буквально подражали ихъ движеніямъ. Такой спускъ тянулся болѣе трехъ верстъ. Мы задыхались отъ утомленія. Обувь и ноги наши пострадали ужасно. Но все это было бы ничего, если бы мы были увѣрены, что желанный мостъ окажется удобопроходимымъ и что возвращаться намъ не придется. Объ этомъ даже страшно было подумать, такъ какъ, казалось, подняться обратно было невозможно.

— О, теперь я не боюсь никакой дороги, — сказала я горделиво,—такъ какъ навѣрно хуже пройденной невозможно найти. — Но не позже того же дня мнѣ пришлось убѣдиться въ противномъ.

Что за восторгъ! Издали еще мы увидѣли черезъ рѣку Пскемъ не только цѣлый, но даже новый мостъ, хотя восторгъ нашъ тотчасъ же охладѣлъ, когда мы подошли къ нему ближе. Мостъ былъ дѣйствительно новый, но состоялъ изъ двухъ длинныхъ, тонкихъ жердей, перекинутыхъ съ одного берега на другой, середина между которыми, аршина въ полтора шириной, была скрѣплена переплетеннымъ и набросаннымъ на живую руку хворостомъ. Надъ ревущею въ глубокой пропасти пучиной такой нѣсколько-саженный животрепещущій мостъ казался узкою полоской, какъ бы висящею въ воздухѣ. За нимъ разстилалась широкая долина съ разбросанными по ней киргизскими юртами и пасущимися стадами. Остановившись передъ мостомъ, мы безмолвно переглянулись съ капитаномъ.

— Что, Николай Михайловичъ? мостъ вѣдь новый, цѣлый, а неизвѣстно, выдержитъ ли человѣка, не говоря уже о вьючномъ животномъ? — сказала я съ грустью.

— Да, не знаю... одно можно сказать, что онъ опасенъ!.. Какъ быть—и не придумаю!..

Когда капитанъ съ озабоченнымъ видомъ осматривалъ воздушную дорожку, между казаками и моею прислугой шелъ оживленный разговоръ. Казаки махали отчаянно руками, говоря, что пройти невозможно, и что никто не рѣшится ломать себѣ шею. Голосъ моего джигита возвышался надъ шумомъ, и онъ задорнымъ, точно у раздраженной собаченки, голосомъ

кричалъ, что они трусы, и онъ имъ тотчасъ же это докажетъ. И, дѣйствительно, не задумываясь ни минуты, онъ спустился къ мосту и хотя не совсѣмъ ровными, но быстрыми шагами двинулся впередъ. Мостъ подался книзу и при каждомъ его шагѣ дрожалъ, колебался, трепеталъ, какъ бы содрогаясь и въ то же время удивляясь дерзости и смѣлости спустившагося на него такою твердою ногой. Чѣмъ ближе онъ подвигался къ серединѣ, тѣмъ мостъ все сильнѣе трепеталъ и опускался книзу. Всѣ, затаивши дыханіе, слѣдили за смѣльчакомъ, и ни одного звука не слышалось среди оторопѣвшей толпы. Когда же мостъ изобразилъ изъ себя родъ гамака, неравномѣрно покачиваясь сверху внизъ надъ зіяющею бездной, я невольно закрыла глаза, сдерживая учащенное біеніе сердца. Нѣсколько секундъ длилось еще такое молчаніе, затѣмъ радостные крики заставили меня открыть глаза, и я увидѣла торжествующаго Мадалея на другомъ берегу. Онъ махалъ руками, видимо уговаривая и поощряя насъ къ переправѣ. Вторымъ послѣдовалъ нашъ мергень. Снова тишина воцарилась, и напряженное вниманіе виднѣлось на лицѣ каждаго изъ присутствующихъ. Капитанъ былъ сосредоточенъ, и волненіе ясно отражалось въ его глазахъ. Когда же и проводникъ очутился вмѣстѣ съ джигитомъ, онъ набожно перекрестился, а мадемуазель К. радостно захлопала въ ладоши и сказала, что сейчасъ пойдетъ за ними. Черезъ нѣсколько секундъ она также неровными шагами по колеблющемуся мосту благополучно достигла желаннаго берега. За шумомъ воды ничего нельзя было разслышать, что она кричала, хотя, видно, изо всѣхъ силъ старалась что-то объяснить.

— Что же, Николай Михайловичъ, теперь моя очередь? Видно, что мостъ достаточно крѣпокъ, чтобы выдержать тяжесть одного человѣка, — хотя я сознаюсь, что боюсь идти одна, такъ какъ не могу смотрѣть внизъ безъ головокруженія, даже безъ ужаснаго ощущенія, влекущаго меня въ пропасть... — Я упаду, я глубоко убѣждена, что не въ состояніи булу перейти безъ поддержки!

— Да я васъ и не пущу! Нѣтъ, нѣтъ, ужъ если пойдемъ, такъ вмѣстѣ, погибнемъ — такъ вмѣстѣ! — сказалъ капитанъ съ волненіемъ. — Но я думаю: не лучше ли возвратиться намъ назадъ и не рисковать?..

— Нѣтъ, никогда! — отвѣчала я. — Мнѣ кажется, больше

шансовъ думать, что мостъ, выдержавъ уже трехъ пѣшеходовъ, выдержитъ и двухъ вмѣстѣ. Пойдемте!

— Какъ прикажете!.. тогда я пойду впередъ и буду васъ держать.

Мы спустились внизъ. Шагъ, два—и мы на мосту. Хворостъ подъ ногами затрещалъ, и мостъ заколебался. Капитанъ крѣпко держалъ мою руку, а я, закрывъ тотчасъ же глаза, съ замирающимъ сердцемъ двинулась за нимъ. Шумъ и грохотъ воды и колеблющаяся нетвердая почва подъ ногами вдругъ заставили меня ощутить что-то невозможное. Мнѣ показалось, что мы летимъ уже въ пропасть, и обдавшая насъ сразу холодная и влажная струя воздуха представила моему воображенію уже близость воды, вслѣдствіе чего мои шаги стали невѣрными и колеблющимися, мостъ настолько задвигался, что капитанъ остановился и умоляющимъ голосомъ просилъ меня идти тверже и въ ногу.

— Нѣтъ, я ничего не понимаю, идите, идите впередъ!.. ради Бога, скорѣе!.. Я чувствовала, какъ мостъ опускается ниже и ниже, какъ хворостъ трещитъ, ломается, ноги попадаютъ въ отверстія, вода подъ нами грохочетъ, влажный воздухъ обдаетъ съ ногъ до головы, и страшное пустое пространство ощущается всѣмъ тѣломъ, и невольно дыханіе спирается въ груди, и идти неловко, душно. Но вотъ послышались человѣческіе голоса, я различила крикъ француженки и. голосъ Мадалея... Открываю глаза—мы близко, но пропасть чернѣетъ. Мадалей подъ мостомъ и показываетъ знакомъ, что онъ держится лишь на самыхъ кончикахъ и кричитъ: „осторожнѣе!“ Я видѣла, какъ капитанъ замахалъ ему рукой, требуя молчанія... Я снова закрываю глаза, и черезъ секунду меня подхватываютъ какія-то руки, и ноги мои ощущаютъ твердую почву.

Прежде всего мы всѣ перекрестились, а м-ль, увидѣвъ меня подлѣ себя, какъ безумная, бросилась сперва обнимать меня, а потомъ съ радостнымъ крикомъ начала вертѣть нашего мергеня, который, совсѣмъ ошалѣвъ отъ ея восторга, наивно, по-дѣтски улыбался. Когда прошелъ первый взрывъ радости, мы увидѣли моего повара, который, блѣдный какъ смерть, съ опущенными глазами, опираясь вмѣсто палки на ружье, двигался медленно, осторожно, баланеируя какъ по балкѣ. Переправившись не менѣе благополучно, чѣмъ мы, онъ вмѣсто изъявленія радости тяжело опустился на камень и закрылъ лицо руками. Я подошла къ нему и, дотронувшись до его плеча, сказала:

— Что, Дементій, страшно было?

— Охъ, барыня, ужъ и отчаянная же вы, какія страсти! вспомнить не могу, точно на погибель свою шелъ, ужъ коли бы вы не прошли, такъ я бы ни за что, ни за какія сокровища міра!.. А тутъ вижу, вы уже тамъ; ну, что дѣлать? не оставить же мнѣ васъ, и рѣшился... О, Господи, какія страсти, точно за наши грѣхи!.. Нѣтъ, барыня, только не ходите больше по такимъ мѣстамъ!.. Ну, увидѣлъ бы нашъ генералъ, такъ въ жизнь бы не пустилъ...

— Ничего, Дементій, мнѣ самой страшно было, зато теперь хорошо и весело.

— Да вамъ все весело, — какіе бы ни были ужасы!

Въ это время одинъ казакъ за другимъ стали переправляться. Капитанъ слѣдилъ съ видимымъ безпокойствомъ за каждымъ изъ нихъ, и каждый разъ при благополучномъ переходѣ вздохъ облегченія вырывался у него изъ груди.

— За людей, кажется, нечего безпокоиться,—сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ,—а вотъ лошади, и особенно вьючныя, неизвѣстно какъ перейдутъ.

— А знаете, Николай Михайловичъ, мнѣ кажется, если мостъ могъ выдержать столькихъ пѣшеходовъ, выдержитъ и животныхъ. Взгляните, вѣдь онъ ничуть не испортился и не понизился.

— Дай Богъ! буду надѣяться, что ваша счастливая звѣзда, не покидающая васъ, будетъ покровительствовать и намъ!

Послѣдній казакъ, оставшійся на противоположномъ берегу, по знаку капитана, спустилъ на мостъ первую лошадь, которая, сдѣлавъ шага два, пріостановилась, обнюхала подъ собой почву и затѣмъ осторожно двинулась впередъ. Когда же мостъ посрединѣ опустился очень низко, она снова остановилась, нагнула еще ниже голову, потомъ приподняла ногу, какъ бы намѣреваясь сдѣлать прыжокъ, но, не сдѣлавъ его, еще осторожнѣе зашагала впередъ. „Ура!" закричали радостно всѣ, когда животное очутилось между нами. Несмотря на видимую опасность, одна лошадь за другой переправились совершенно благополучно. Особенно страшно было смотрѣть на вьючныхъ, которыя, дрожа всѣмъ тѣломъ, едва передвигали ноги; только послѣдняя лошадь, принадлежавшая оставшемуся казаку, вдругъ, какъ бы въ нетерпѣніи, не дождавшись минуты отхода, бросилась на мостъ и почти въ карьеръ по ломавшемуся и прыгающему

мостомъ очутилась на нашемъ берегу. Крикъ ужаса вырвался у многихъ при видѣ ея неосторожности, затѣмъ дружный смѣхъ и остроты послышались въ толпѣ. Такимъ образомъ, мы не только безъ приключеній, но совершенно благополучно очутились на правомъ берегу Пскема и отдыхали на камняхъ отъ пережитаго волненія и пройденной дороги. Черезъ двадцать минутъ послѣ переправы, мы уже были на лошадяхъ, продолжая путешествіе. Передъ нами разстилалась гладкая равнина, и версты черезъ четыре мы подъѣхали къ большому киргизскому аулу.

Е. Жилинская.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ „весенняго альбома".

I.

ПРИЗЫВЪ.

Грущу одиноко... Приди, вдохновенье!
Какъ тяжко-больного, меня посѣти:
Я жажду печали моей исцѣленья
И грезѣ, окованной сномъ, пробужденья, —
Какъ вѣсть избавленья, приди!

Приди въ одинокую тѣсную келью
Изъ шири долинъ, изъ-подъ сводовъ лѣсовъ,
Съ вѣнкомъ на челѣ и съ пѣвучей свирѣлью,
Приди — соловьиной рокочущей трелью
Я снова упиться готовъ!

Лишь вырваться бъ вольной мечтой изъ темницы,
Гдѣ жизнь мнѣ, какъ бремя цѣпей, тяжела, —
Туда, гдѣ, по слову весны-чаровницы,
Разлилися рѣки, спѣваются птицы,
И зелень луговъ зацвѣла!..

II.

МАЙ.

Оживись, дорогая,
Чуткимъ слухомъ внимай:
По аллеямъ проснувшимся тихо ступая,
Ходитъ по саду юноша, ласковый Май,
Васильки по слѣдамъ разсыпая.

Изъ далекой страны,
После долгой разлуки,
Онъ вернулся къ тебѣ гостемъ юной весны,
Онъ принесъ съ собой яркія краски и дивные звуки,
Нѣжный запахъ цвѣтовъ и дыханье волны.

Погляди: розовѣетъ
И горитъ небосклонъ,
И ревнивая тучка завистливо млѣетъ, —
Это Май, дорогая, безумно и страстно влюбленъ,
Это онъ предъ тобой пламенѣетъ.

Чу! ты слышишь: въ кустахъ
Расцвѣтающей розы
Зазвенѣла, дрожитъ, какъ привѣтъ, какъ мольба на устахъ,
Чья-то трель... Это Май, дорогая, восторги и слезы
Предъ тобой разсыпаетъ во прахъ.

Пробудись же! Отвѣта
На весенній призывъ
Ждетъ ликующій Май: ждетъ и небо въ сіяніи свѣта,
И сверкающій прудъ, и чета зеленѣющихъ ивъ...
Ждетъ — воскресшая пѣсня поэта.

III.

КОНЕЦЪ ВЕСНЫ.

Громче, громче поетъ соловей.
Все душистѣе запахъ сирени.
Небо съ каждой зарей розовѣй,
И блѣднѣе полночныя тѣни.

Глубже, глубже все дышитъ весна,
Ярче взоры горятъ голубые,
Рѣже, рѣже лазурь ихъ ясна,
Чаще — грезы сквозятъ огневыя.

Ближе, ближе конецъ роковой
Чистыхъ сновъ безмятежныхъ разсвѣта.
Ближе, ближе и пламя, и зной
Страсти полнаго, жгучаго лѣта.

Григорій Арищенко.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ
русскихъ писателей, художниковъ и общественныхъ дѣятелей.

Письма Герцена къ неизвѣстному ему лицу.

I.

Nice maritime 26 іюня 1851.

Милостивый Государь!

Письмо Ваше отъ 22 іюня я получилъ и спѣшу искренно поблагодарить Васъ за него. Мнѣ такъ рѣдко удается слышать симпатическое слово по-русски — хотя я и не сомнѣваюсь въ нѣкоторомъ сочувствіи къ моимъ трудамъ. Не сомнѣваюсь я, потому, что источникъ ихъ одна любовь къ Россіи, къ народу *будущаго*. Я никогда не чувствовалъ яснѣе, насколько я Русскій, какъ въ послѣдніе годы.

Благодарю Васъ за предложеніе и принимаю его съ радостью. Если у Васъ много матеріаловъ, т. е. тетрадь, то вручите ее просто Франку[1]) или его помощнику Фивегу, надписавши на мое имя. За этою тетрадью явится къ 10 августа одинъ господинъ съ запиской отъ меня. Если же свѣдѣнія Ваши помѣстятся на двухъ или трехъ листахъ — перешлите, не франкируя, сюда: M. A. Herzen. *Nice* marit. (Piemont). Maison Sue, au bord de la Mer.

Я на дняхъ ѣду отсюда, буду въ Генуѣ или Специи, но адресуйте, это вѣрнѣе и тотчасъ мнѣ доставится.

Si Vous desirez prendre avec Vous deux ou trois exempl. de ma brochure, j'en serai enchanté. Monsieur Franck aura l' obli geance de Vous la remettre gratis, te Vous me le permettrez.

Жму вашу руку.

Ал. Герценъ

---

[1]) Книгопродавецъ въ Парижѣ, откуда, повидимому, было послано письмо къ Герцену.

P. S. Въ Парижѣ письма распечатываютъ, особенно на имена, извѣстныя Карлье [1]), въ Піэмонтѣ не распечатываютъ, и потому лучше послать по почтѣ не изъ Парижа. Какъ бы я ни желалъ противнаго, но предоставляю Вамъ сохранить Ваше incognito.

Вотъ еще замѣчаніе: если Вы будете посылать не изъ Франціи, Англіи и Швейцаріи, то необходимо франкировать, иначе письмо не отправится. Піэмонтъ не имѣетъ почтоваго договора съ нѣмцами.

II.

Nice, 9 Août 1851.

Письмо Ваше отъ 5 получилъ я вчера. За бумагами къ Франку уже послано, я опасаюсь почты за Васъ и за собственныя имена въ вашихъ бумагахъ; меня компрометировать невозможно, я открыто стою въ той кучкѣ людей, противъ которыхъ всемірная полиція идетъ крестовымъ походомъ, а потому посылайте все, что хотите, на мое имя изъ Парижа или Берлина и Россіи,—но знайте что, кромѣ Швейцаріи, Англіи и Піэмонта, письма будутъ прочтены. Я останусь въ Ниццѣ до конца мая, если не вышлютъ во второй разъ (полагаю, что этого не будетъ: первый разъ имъ обошлось солоно, благодаря энергическимъ интерпеляціямъ Валеріо въ камерѣ)—и буду ждать Вашихъ присылокъ съ нетерпѣніемъ.

Вы спрашиваете о надеждахъ, о демократіи. Мое мнѣніе о европейской демократіи Вы знаете; взгляните еще на мою статью Omnia mea mecum porto и Lebe wohl — помѣщенныя въ журналѣ *Колоколъ* прошлой осенью, кажется въ октябрѣ и въ декабрѣ. Демократія стоитъ вся на старой монархической и христіанской почвѣ; она, какъ Бурбоны во время революціи, ничему не научилась въ грозные два года послѣ 1848,—народъ, между тѣмъ, болѣе и болѣе переходитъ отъ симпатіи къ ней къ равнодушію. Въ іюнскіе дни 1848 онъ ее звалъ на площадь,—но она спряталась. 13 іюня 49 она сошла на площадь, но народъ не пошелъ. Народъ не съ ними онъ ужасно много научился: массы, какъ женщины, учатся не школой, а несчастіями и разомъ узнаютъ какимъ-то инстинктомъ и созерцаніемъ конкретную истину. Когда я говорю „народъ“ — я, разумѣется, говорю объ одномъ народѣ, который существуетъ въ Европѣ, о *французскомъ* народѣ. Насколько вся образованная часть Фран-

[1]) Парижскій полицейскій префектъ.

ціи развращена, гнусна и не имѣетъ никакого будущаго, настолько велики пролетаріи и даже крестьянинъ, — и это важнѣйшая побѣда послѣ 1848. Раньше французскій крестьянинъ былъ консерваторомъ, теперь же все возбуждено, — разумѣется, не по политическимъ вопросамъ, а по соціальнымъ. Кто не соціалистъ — тотъ легитимистъ (быть легитимистомъ глупо, но не подло; сверхъ того, легитимисты далеки отъ власти); реакціонный консерватизмъ начинается съ городской цивилизаціи; всѣ города заражены имъ, кромѣ тѣхъ, въ которыхъ много работниковъ; орлеанизмъ самая позорная проказа и самая вредная, но сила. — Въ цивилизованномъ классѣ есть меньшинство, оффиціально революціонное, оно-то именно и стоитъ на одномъ мѣстѣ, обойденное реакціей и народною мыслью. Это критическое положеніе ждетъ своего Сервантеса: Донъ Кихотъ революціонныхъ круговъ стóитъ своего рыцарственнаго предшественника. Если бы реакція не была такъ невѣжественна и глупа, она давно бы подавила морально эту литературно-политическую партію съ ея полупониманіями, полумѣрами, съ ея „правомъ работы и правомъ инсуррекціи“. Работникъ съ своимъ тактомъ чисто критическимъ улыбается надъ правомъ работы и не вѣритъ въ право возстанія, когда не чувствуетъ себя въ силахъ; а когда силенъ, то не нуждается въ правѣ.

Отойти отъ литературно-либеральныхъ людей, отъ парламентскихъ привычекъ оппозиціонныхъ членовъ, отъ прежнихъ неисправимыхъ политическихъ республиканцевъ — для меня казалось необходимостью; я это говорилъ до тѣхъ поръ, пока озлобилъ противъ себя добрыхъ людей. Съ ними, я убѣжденъ, революція можетъ только погибнуть. Мѣха новые — для вина новаго.

Еще нѣсколько словъ о французскомъ народѣ. Народъ вообще слишкомъ хвалятъ, это революціонный jargon: французскій народъ вовсе не готовъ ни къ соціализму, ни къ свободѣ — но онъ готовъ къ революціи; сознаніе общественной неправды, злоба и удивительное единство — вотъ его сила. Французскій народъ — армія, армія не демократіи, какъ воображаютъ монтаньяры, а армія коммунизма.

Но вѣдь въ борьбѣ армія-то и нужна. И вотъ отчего французы теперь, какъ и прежде, стоятъ въ авангардѣ. Индивидуальность, уваженіе къ лицу больше развито въ Италіи (т. е. въ Римѣ и Романьи) даже въ Испаніи; вообще итальянецъ са-

мобытенъ; больше любитъ независимость — но его силы разбросаны, не устроены; жить съ ними славно, они доблестны, благородны, чисты даже — но les faubouriens Антонія и Марсо, но Ліонской Croix rousse, но gamin и vorou (?)—вотъ истинныя надежды исторіи и человѣчества.—Коммунизма бояться нечего, онъ же неотвратимъ, это будетъ истинная ликвидація стараго общества и введеніе во владѣніе новаго.

Переходя къ частному, я не могу Вамъ сказать, чего бы Вы не знали прежде. Все пріостановлено до мая 1852, все едва дышитъ, ждетъ; вѣры въ торжество революціи я не имѣю, но она *можетъ* восторжествовать, особенно при помощи этого Элисейскаго шута. Если реакція побѣдитъ — въ Европѣ будетъ страшно, побѣда можетъ продлиться на цѣлое поколѣніе, отъ 15 до 17 лѣтъ, надобно бѣжать въ Америку, борьба не будетъ возможна.

Если хотите, это вопросъ совершенно личный, потому что побѣда реакціи вызоветъ черезъ поколѣніе такой отпоръ и такой разгромъ, о какомъ мы и не мечтали.

Позвольте мнѣ теперь объяснить мое выраженіе *„народъ будущаго“*. Я нахожу въ нашей русской душѣ, въ нашемъ характерѣ, что-то болѣе мирное, нежели въ западныхъ европейцахъ. Разумѣется, рѣчь о лицахъ; какъ народъ, мы еще страдательны. Нѣмцы, напр., при всей своей учености, при освобожденіи теоретической мысли, не имѣютъ даже *притязанія* на то, чтобъ быть народомъ будущаго, — и не правда ли, что фразу Deutchland—Volk der Zukunft безъ смѣху нельзя читать,—„къ лицу ли вамъ эти вещи?“ Про Россію говорить это — до того не смѣшно, что французы (въ ней)чаютъ соперника и не стыдятся сознавать, что тутъ есть сила,—вспомните, это говоритъ Кюстинъ, французы ненавидятъ Россію, потому что они ее смѣшиваютъ съ правительствомъ, но внѣ ненависти есть уваженіе. У Австріи и Пруссіи не меньше, а больше штыковъ, но ихъ французы презираютъ.

Кентъ говоритъ прогнанному Лиру: „въ тебѣ есть что-то, заставляющее меня называть тебя царемъ“. Я вижу это помазаніе на нашемъ челѣ. Да, одна дерзость подумать о томъ есть или патентъ на китаизмъ, или великая надежда. Ну, мы не китайцы.

Но *будущаго нѣтъ,* оно дѣлается людьми, и, если мы будемъ продолжать гнить въ нашемъ захолустьи, можетъ изъ Россіи въ самомъ дѣлѣ выйти avortement. Тутъ-то и является наше дѣло, наше признаніе. Что можемъ мы дѣлать? Всякое слово

человѣка преданнаго есть дѣло; я по необходимости оставшійся на западномъ берегу, я, только и желаю быть вашею безцензурною рѣчью; я, между прочимъ, для того и не старался о возвращеніи, чтобъ знакомить Европу съ Россіей и быть свободнымъ ея органомъ. Эмиграція очень полезна теперь, но русскихъ-дѣльныхъ очень мало; я могу назвать одного Сазанова, человѣка сильно даровитаго и имѣющаго вѣсъ въ европейскомъ движеніи. Подождите, чѣмъ окончится май 1852, и пріѣзжайте къ намъ. (Русскіе, желающіе оставаться въ Европѣ, никогда не берутъ никакихъ мѣръ и теряютъ свое имѣнье,—это благородно, но несовершеннолѣтне). Если побѣда съ нашей стороны, будемъ работать вмѣстѣ. До тѣхъ поръ пишите, говорите и посылайте мнѣ матеріалы — какъ? это Вы придумаете: или черезъ книгопродавца, или черезъ банкировъ.

Прощайте, жму горячо Вашу руку. Спасибо Вамъ за письмо и за симпатію. Готовъ всегда писать, лишь бы было безопасно для Васъ.

Читали ли Вы послѣднюю книгу Прудона и его конфессіи, 2 изд.—Ему надобно простить ругательный тонъ противъ Руссо и революціи 93 года, за огромныя достоинства послѣднихъ этюдовъ. Это — долею озлобленіе отъ тюрьмы, долею темная сторона этого огромнаго таланта. Какъ далеко оставилъ онъ за собою всѣхъ французовъ, напр., въ статьѣ justice. Еще видѣлъ я объявленіе о книгѣ de Hott'a (?); книги я не имѣю, но жду отъ de Hott'a много хорошаго.

Желалъ бы я Вамъ послать мои Briefe aus Italien und Frankreich—но не нашелъ ни одного экземпляра, и не знаю, есть ли у Франка.

Прошу Васъ написать о полученіи письма.

Г.

Когда бы Вы вздумали что-либо послать безъ имени и очень вѣрно, то посылайте такъ, черезъ банкировъ, Confié aux sains bienveillans de chess. de Rotschild à Paris.

Pour remettre a m-selle Olga.

Но если можно, пишите просто.

III.

7 іюля. Park hause Fulham [1]).

Благодарю Васъ за присланное и за письмо. Присланное будетъ употреблено. Что касается письма, Вы мнѣ позволите отвѣчать на него по пунктамъ.

1. Я считаю крестьянскій вопросъ несравненно важнѣйшимъ всѣхъ русскихъ вопросовъ вмѣстѣ — и потому съ самаго освобожденія онъ будетъ на первомъ планѣ. Если у насъ былъ успѣхъ въ чемъ-нибудь, — то именно въ этомъ вопросѣ. Александръ Николаевичъ взялъ мысль *о выкупѣ* изъ V кн. *Голосовъ* и изъ *Колокола* Ростовцевъ въ своемъ комитетѣ указалъ на нихъ. (A propos, въ паденіи Закревскаго никто не участвовалъ, кромѣ его дочери). Итакъ въ этомъ вопросѣ я съ Вами не могу согласиться.

2. Я совершенно съ Вами согласенъ въ цѣнѣ книгъ, — но я связанъ по рукамъ и по ногамъ Трюбнеромъ [2]), Онъ платитъ мнѣ 3 пенса за *Колоколъ* и 4 шилинга — за *Полярную Звѣзду* — и продаетъ ихъ по 6 пенс. и 8 шил. Иначе онъ не станетъ хлопотать.

Записки Дашкова—куплены имъ самимъ у переводчика, всѣ книги печатаются у Святославскаго въ типографіи,—издаются безъ матеріальнаго содѣйствія моего.

Книги въ Англіи дороги. Дешевы только тѣ, изданія которыхъ печатается отъ 20 до 40,000 экземп.

3. Очень жалѣю, что Вашъ знакомый помѣшалъ Вамъ побывать въ Лондонѣ, сказавши Вамъ, что я не принимаю русскихъ. Я не знаю, кто онъ; карточки г-на, которому бы отказали два раза, у меня нѣтъ.

Это случается иногда такъ: является анонимный г. утромъ, въ самое рабочее время (уваженія къ труду, Вы знаете, у насъ мало), и не застаетъ—я до 4 часовъ никого не пускаю къ себѣ, это знаетъ Трюбнеръ. Въ *воскресенье* я отъ 3 часовъ до ночи дома и вечеромъ въ *середу*. Согласитесь, что меньше нельзя сдѣлать, какъ спросить запиской—*когда* вы дома и *кто* желалъ это знать. Наконецъ, можетъ случиться, что человѣкъ пріѣдетъ— и не застанетъ,—мнѣ придется тогда только жалѣть объ этомъ.

Усердно кланяюсь вамъ. **Герценъ**.

Сообщилъ *А. Чумиковъ*.

---

[1]) Лондонъ, 1859 г.

[2]) Лондонскій книгопродавецъ и издатель.

КРИТИКА.

50 ЛѢТЪ ВЛІЯНІЯ*).

(Памяти В. Г. Бѣлинскаго.)

26 мая, 1848 года, „вешнія воды“ Петербурга прорвали и унесли послѣднія частицы силъ, которыми цѣплялся за землю Бѣлинскій. Ни къ кому такъ не идутъ, какъ къ нему, послѣднія страницы „Рудина“:

„... И масла въ лампадѣ нѣтъ, и сама лампада разбита, и вотъ-вотъ сейчасъ докурится фитиль. Смерть, братъ, должна примирить...“

„— Ты, я увѣренъ, однако, сегодня же, сейчасъ же, готовъ опять приняться за новую работу.

„— Нѣтъ, я усталъ теперь. Съ меня довольно.

. . . .

„Они обнялись въ послѣдній разъ. Рудинъ вышелъ, а Лежневъ сѣлъ къ столу писать къ женѣ письмо. Между тѣмъ, на дворѣ поднялся вѣтеръ и завылъ зловѣщимъ завываніемъ, тяжело и злобно ударяясь въ звенящія стекла. Наступила долгая осенняя ночь. Хорошо тому, кто въ такія ночи сидитъ подъ кровомъ дома, у кого есть теплый уголокъ. И да поможетъ Господь всѣмъ безпріютнымъ скитальцамъ“.

Бѣлинскій есть основатель практическаго идеализма въ нашемъ обществѣ; были люди столь же чистые, какъ онъ, душой, но прошедшіе незамѣтно, въ тиши, трудившіеся около маленькаго дѣла, въ сторонѣ отъ большихъ дорогъ исторіи; другіе были люди, несравненно обширнѣйшаго, чѣмъ у него, образованія (славянофилы, Тютчевъ) или глубокомыслія (Достоевскій, Толстой); есть фигуры, необыкновенно красиво сложившіяся (Карамзинъ, Тургеневъ) и, такъ сказать, стоящія

*) *Нов. Вр.* № 7988.

неувядаемымъ перистилемъ въ портикахъ исторіи. Но чье еще имя назовемъ, кто пробѣгалъ бы по этому портику такимъ живымъ дыханіемъ, неугомоннымъ вѣтеркомъ; чей звучный голосъ такъ долго, замѣтно и иногда властительно звучалъ подъ его сводами и волновалъ чистѣйшимъ волненіемъ чистѣйшія сердца. „Удивляюсь я: въ какой бы глухой городокъ я ни заѣзжалъ, вездѣ я находилъ, что среди играющихъ въ карты клубскихъ завсегдатаевъ, сплетенъ, всяческаго сора, есть группа не принимающихъ никакого въ этомъ участія свѣтлыхъ головъ: онѣ всѣ — восторженные почитатели Бѣлинскаго“. Эта запись Ив. Аксакова, ѣздившаго въ пятидесятыхъ голахъ изучать малороссійскія ярмарки и отмѣтившаго вліяніе скорѣе непріязненнаго ему писателя, могла бы стать лучшею монументальною надписью на могилѣ Бѣлинскаго.

Основатель практическаго, жизненнаго, житейскаго идеализма. Удивительно, какъ все соединилось въ Бѣлинскомъ для полноты этой миссіи. Онъ вышелъ въ жизнь съ тощенькимъ „чемоданчикомъ“, да и тотъ гдѣ-то на перепутьяхъ „отрѣзали“. Онъ былъ одинъ, совершенно одинъ: только свѣтлая голова, только руки; кровь — если позволительна гипербола — температуры 100 град., и пульсъ 200 ударовъ въ минуту. Характерно и очень важно и почти нужно было въ провиденціальныхъ цѣляхъ, что ему не дали доучиться въ университетѣ, и онъ „выбылъ“ чуть ли не „по неспособности“. Совершенно одинъ, и никакой матеріальной, вещественной, формальной поддержки, хотя бы даже въ видѣ пустенькаго диплома. Только человѣкъ, только его душа; „вѣяніе“ „вѣтра Божія...“ Очень непріятно было читать его переписку съ невѣстой, года два назадъ напечатанную, гдѣ онъ требовалъ отъ нея, чтобы она пріѣхала къ нему въ Петербургъ: „обвѣнчаемся тихо, и пѣшкомъ пойдемъ домой“. Непріятная черта здѣсь была въ какомъ-то непониманіи его, что у дѣвушки или у ея родныхъ есть свои привычки, предразсудки, требованія, которыя любящій человѣкъ могъ и, конечно, долженъ былъ уважить. Да, „долженъ»—здѣсь на землѣ, въ формальныхъ границахъ, въ которыхъ мы всѣ живемъ. Но тайна Бѣлинскаго и сущность его души, его миссіи и была совершенная несвязанность ни съ какими формами быта, практики; въ чистѣйшемъ вѣяніи, и не „по“ землѣ, а „надъ“ землей. И это отношеніе къ невѣстѣ, такъ мучительно не хотѣвшей огорчить своихъ родныхъ, пора-

жаетъ насъ въ Бѣлинскомъ жестокостью и грубостью только при первомъ чтеніи писемъ; позднѣе, взвѣшивая ихъ и относя къ цѣльности его исторической фигуры, невольно говоришь: „такъ все и должно было случиться, какъ случилось"; „конечно, Бѣлинскій не могъ и даже не долженъ былъ сидѣть на свадебномъ ужинѣ". Никакого „быта", никакихъ „нравовъ"...

Съ „отрѣзаннымъ чемоданчикомъ", онъ жилъ гдѣ-то еще „на антресоляхъ". Когда разыгралась исторія съ Чаадаевскимъ письмомъ, въ напечатаніи котораго Бѣлинскій принималъ самое дѣятельное участіе,—упоминается, что онъ „въ это время жилъ у Надеждина, въ мезонинѣ":

— О чемъ, бишь, «Нѣчто?..» Обо-всемъ...

эта характеристика литературнаго „emplois", которую дѣлаетъ Репетиловъ, въ своей неопредѣленной зыбкости и, такъ сказать, неуловимости, очень точно выражаетъ, если ее переложить на матеріальные знаки, неуловимость и зыбкость внѣшняго положенія Бѣлинскаго. Нѣтъ въ нашей литературѣ еще человѣка, который, лежа на гребнѣ исторической волны, и такъ долго, такъ видно лежа, — годы, десятки лѣтъ взмахивалъ бы только своими тощими руками, безъ малѣйшаго „своего" подъ нимъ суденышка. Не только онъ былъ одинъ, но онъ всегда былъ безпріютенъ; онъ уже велъ за собою огромную толпу, — ибо Грановскій, Герценъ, В. Боткинъ собственно всѣ лишь дополняютъ и разнообразно продолжаютъ образъ Бѣлинскаго, безъ специфическаго и новаго, оригинальнаго въ себѣ значенія; но, какъ видно по письмамъ его о Краевскомъ и Некрасовѣ, внѣшнимъ образомъ онъ все еще оставался среди нихъ какимъ-то неустроеннымъ studiosus'омъ — съ вліяніемъ, простирающимся на всю Россію, и безъ увѣренности, не ожидаетъ ли его дочерей безысходная нужда. (См. его письма, исполненныя страха за семью, передъ смертью). Все это сплело ему терновый вѣнецъ — при жизни; но на разстояніи времени все это какъ-то увеличиваетъ блескъ его имени и опять нужно было для полноты его исторической миссіи. „Духъ вѣетъ, идѣже хощетъ". Нужно было, чтобы „горѣніе" Бѣлинскаго до конца осталось только „изъ себя" горѣніемъ, чисто „человѣческимъ", „духовнымъ", почти безъ примѣси извнѣ подбрасываемыхъ „дровъ".

Что же сдѣлалъ этотъ одинокій и безпріютный человѣкъ, не имѣвшій „мѣста" въ обществѣ, „нуль" въ государствѣ, „па-

сынокъ“ университета, „пловецъ въ морѣ житейскомъ“? Все идеальное, что есть въ этомъ обществѣ, есть въ университетѣ, частью даже въ государствѣ — онъ безмѣрно возлюбилъ. „Шелуха“ практическаго бытія своего народа, „отбросъ“ его текущихъ дней, — онъ возвеличилъ, поднялъ, призвалъ всѣхъ вкушать отъ всего, что есть „съѣдобнаго“ въ зернѣ, его такъ мало замѣтившемъ и пріютившемъ. Дѣятельность Бѣлинскаго не исчерпывается одною литературой въ ограниченныхъ и сухихъ ея рамкахъ; въ 12-ти томахъ Солдатенковскаго изданія его „сочиненій“ есть собственно полный очеркъ нужнаго и цѣннаго въ жизни,—„искры“, „огоньки“, брошенные во всѣ углы человѣческаго обихода. Онъ, именно, все „свѣтлое“ возлюбилъ и ко всему ему, въ полномъ очеркѣ, возбудилъ на долго свѣтлыя и именно практическія усилія. Нельзя не отмѣтить именно „практическаго“ его вліянія. „Смакователи“ эстетики въ 40-хъ годахъ и позднѣе вовсе не имѣютъ своимъ родоначальникомъ Бѣлинскаго, въ фазѣ его поклоненія Гегелю и Гете; они всѣ относятся генетически къ болѣе пассивнымъ натурамъ его времени — В. Боткину, Грановскому, Кудрявцеву, — къ тѣмъ, которые „говорили“, и не къ нему, который „кричалъ на крышѣ“ [1]). Отъ него пошло именно идеальное въ практикѣ, какъ и онъ самъ былъ человѣкъ, который сейчасъ же бы промѣнялъ слово на всякое открывшееся возможное дѣло; отъ него пошли тѣ незамѣтные „чиновнички“, „учителя“, „семинаристы“ по глухимъ провинціямъ, о которыхъ упомянулъ въ письмѣ своемъ Аксаковъ. Онъ, если позволительно такъ выразиться, зажегъ идеализмъ въ „рабскихъ“ слояхъ нашего общества и надолго сдѣлалъ невозможнымъ обратное впаденіе этихъ слоевъ въ „вино“ и всяческую житейскую „грубость“. Зажегъ свѣтъ въ глыбѣ земли, и никогда или долго эта глыба не сдѣлается у насъ опять безформенною, безмысленною „землей“. То-есть, онъ и его сочиненія внесли ласку въ отношенія учителя къ

[1]) Нельзя не обратить вниманія на то, что, уже ставъ «литературнымъ» авторитетомъ, Бѣлинскій не выпустилъ изъ-подъ пера своего ни одной «отчеканенной» строчки, т. е. что цѣли литературной «чеканки» и, слѣдовательно, какого бы то ни было литературнаго emplois, «положенія» и даже литературно-исторической «по себѣ» памяти—не входили никакою долей въ кругъ его заботъ и вниманія. Изъ его частныхъ писемъ, за публикованіе которыхъ общество особенно должно быть благодарно г. Пыпину, многія выше по формѣ его статей, и, во всякомъ случаѣ, они всѣ сливаются съ «полнымъ собраніемъ его сочиненій», безъ границы, между ними проходящей.

ученикамъ, добросовѣстное дѣланіе своего дѣла судейскимъ секретаремъ; изъ семинариста сдѣлали привѣтливаго и вдумчиваго въ свою паству священника; вездѣ они разошлись по Россіи лаской, мягкостью, честностью; немножко — мечтой, но на той прекрасной ея границѣ, гдѣ она нисколько не мѣшаетъ дѣлу и только согрѣваетъ его, облегчаетъ его, улучшаетъ его. Вотъ что, какъ огромный и прочный фактъ, далъ Россіи Бѣлинскій.

Это есть главное, и около него все остальное, т. е. частное, предметное содержаніе его критическихъ работъ, уже образуетъ второстепенность.

Въ послѣднія десятилѣтія прошла въ нашей литературѣ тенденція поставить впереди его другихъ критиковъ и также — осудить его за послѣдній періодъ его дѣятельности, когда онъ „измѣнилъ прекрасному". Ну, эта „измѣна"-то и текла изъ „прекраснаго вообще" въ его душѣ, что отогнало въ сторону „прекрасное" въ узкомъ и стѣсненно-ограниченномъ „словѣ". Прекрасно „думать прекрасное" и еще прекраснѣе его „совершать"; противъ этого какой же „книжникъ" что-нибудь скажетъ? Но обратимся къ его предполагаемымъ замѣстителямъ. Справедливо, что Добролюбовъ былъ утонченнѣе (нервознѣе) и потому сильнѣе Бѣлинскаго; женственнѣе [1]) — и потому страстнѣе, владычественнѣе его; но его дѣятельность, превосходная по растрачиваемымъ силамъ, была уже и одностороннѣе дѣятельности Бѣлинскаго, — пусть въ избранномъ руслѣ и глубже; и она была гораздо болѣе груба и матеріальна по цѣлямъ, движенію, объектамъ усилій. Тотъ духъ еще мягкаго, человѣчнаго, рокочущаго протеста, которымъ подъ самый конецъ не столько заострилась, сколько стала тревожиться дѣятельность Бѣлинскаго, — этому духу, окунувъ его въ холодную воду своего стиля, Добролюбовъ сообщилъ закалъ стали. Слово вдругъ стало рѣзаться, когда съ нимъ прежде играли, и очень

[1]) Черта, на которой мы упорно настаиваемъ. Есть рядъ писателей — напр., у насъ Карамзинъ, Лермонтовъ, во Франціи Руссо — съ ярко выраженнымъ женственнымъ сложеніемъ въ душѣ; такіе писатели всѣ оставили глубокій слѣдъ послѣ себя, что-то заражающее; въ ихъ лицѣ какія-то какъ-будто «кормилицы» прошли въ исторіи, съ напояющимъ «молокомъ». Еще примѣры: Ломоносовъ, Пушкинъ — типично мужскія души, удивительно слабой заразительности; изъ двухъ нашихъ народныхъ поэтовъ — Кольцовъ явно мужской консистенціи, Никитинъ — женственной. Стихотвореніе «Вырыта заступомъ яма глубокая» — типичный женскій «надмогильный плачъ».

многіе хотѣли бы вѣчно играть. Далѣе, Ап. Григорьевъ былъ, конечно, осторожнѣе и дальновиднѣе Бѣлинскаго въ сужденіяхъ; также его преемникъ въ критикѣ — Н. Н. Страховъ. Но вѣдь тутъ много значитъ эпоха, накопившійся опытъ фактовъ и психическаго развитія. Когда появлялись „Рудинъ“, „Отцы и дѣти“, „Театръ“ Островскаго, „Война и миръ“, „Преступленіе и наказаніе“—то съ этими произведеніями вся Россія зрѣла, и такъ же созрѣвали критики; въ кудрявую юную шевелюру общества падалъ первый сѣдой волосъ. Бѣлинскій только не понималъ (напр., „народнаго“ и „простонароднаго“) того, чего вовсе не было въ его время; а Ап. Григорьевъ или Страховъ поняли и охватили то, чего было съ избыткомъ въ ихъ время. Слѣдуетъ добавить къ этому, что главныя и ставшія знаменитыми воззрѣнія этихъ критиковъ—напр., на „смирный“ и „хищный“ типъ человѣка — лишь немного времени спустя послѣ ихъ смерти кажутся ужасно преждевременными. „Л. Толстой, въ „Войнѣ и мирѣ“, этой прекрасной хроникѣ русскаго семейства, продолжилъ далѣе типы „Капитанской дочки“; онъ „указалъ на простое и доброе и уничижилъ хищное“ (слова и вообще точка зрѣнія Страхова). Но вѣдь онъ „простымъ и добрымъ“ разворачиваетъ всю нашу цивилилацію, „закусивъ удила“: и когда же приходило въ голову Пушкину сдѣлать такое употребленіе изъ мирныхъ обитателей Бѣлогорской крѣпости? Нѣтъ — тутъ не то, и даже вовсе не то, что предполагали и предвидѣли оба эти критика. Т. е. вовсе не тотъ смыслъ имѣетъ русская литература, не вѣчнаго пейзажа, „смиренномудраго“ „перебѣленія бумагъ“ и почтительнаго „отдыха на могилѣ своихъ предковъ“. Но мы отвлеклись...

Бѣлинскій все любилъ издали и потому все, облитое имъ любовью, облито особенно страстно. Гончаровъ въ обширной статьѣ, посвященной его памяти, прекрасно и точно указываетъ, что онъ былъ очень образованъ, имѣя необходимость прочесть такое множество и столь разнообразныхъ книгъ; но, при его глубокой деликатности, „не оконченный курсъ“ сказался вѣчнымъ предположеніемъ о какихъ-то таинственныхъ глубинахъ науки и философіи, коими обладаютъ его друзья, „окончившіе“ — Герценъ, Бакунинъ, Кудрявцевъ, Тургеневъ. Онъ вѣчно разспрашиваетъ и вѣчно учится. Характеръ вѣчной попытки научиться, „просвѣтиться“ носятъ и его статьи, и именно этимъ „учащимся“ своимъ тономъ, тономъ безмѣрно пытливаго и

недовѣрчиваго къ себѣ ученика — онѣ и производятъ такое заражающее дѣйствіе, отъ этого течетъ ихъ воспитательное значеніе. Далѣе, въ обществѣ и государствѣ онъ былъ „отбросъ“, „studiosus“: само собою разумѣется, что онъ не могъ проникнуться тѣмъ специфическимъ неуваженіемъ къ „людямъ нашего круга“, которымъ пылаетъ Л. Толстой, ни тѣмъ специфическимъ неуваженіемъ къ „племянникамъ министра“, переписку коихъ живописуетъ всю жизнь вращавшійся среди министровъ кн. Мещерскій. Въ прекрасныя — истинно прекрасныя — „антресоли“ ничего отсюда, изъ этой „кухни“ государственно-соціальнаго строительства, не доносилось; и „смотря на небо“, обоняя „свѣжій воздухъ“ 5-го этажа, онъ сохранилъ почти до самаго конца безпримѣсно-книжный теоретическій идеализмъ. Отсюда нѣкоторыя трогательнѣйшія его письма, напр., къ одному другу-юношѣ на Кавказъ, съ длинными и сложными увѣщаніями никогда не роптать на начальниковъ и вообще принимать же въ расчетъ, что при огромной исторической работѣ „иногда“ государство и не можетъ не ошибаться или даже и не „подавить“ человѣчка. Отсюда его „Бородинская годовщина“, такъ возмутившая особенностями своего тона его пріятелей, „служившихъ“:

„— Вы какую же исторію пишете: о генералахъ вообще или о генералахъ только 12-го года?“

„— Я пишу исторію по преимуществу о генералахъ 12-го года“. („Мертвыя души“, 2 ч.).

Вотъ въ какую „язву“ краткаго діалога сложилось у Гоголя свѣтлое пятно „Бородинской годовщины“; ибо пріѣхавъ въ Петербуръ и рѣшивъ, что нужно „спасать отечество“, онъ немедленно же, въ спасательныхъ цѣляхъ, поступаетъ на практическую, дѣловую службу [1]) (вѣчная забота Гоголя, см. 2-ю часть „Мертв. душъ“); а вынырнувъ изъ нея и бросивъ Россіи

---

[1]) Въ «Мертвыхъ душахъ» есть три черты явно практическихъ впечатлѣній Гоголя отъ службы: въ разговорѣ съ Коробочкой — описаніе «вице-директора» и манеръ «русскаго человѣка разговаривать»; въ «канцеляріяхъ принятія прошеній» и «конторахъ отпуска сѣна» Кошкарева; и въ «юрисъ-консультѣ» (2 часть) съ его знаменитымъ: «а вы сдѣлайте все непонятнымъ» (въ бумагѣ дѣловой). Въ «Повѣсти о капитанѣ Копѣйкинѣ», можетъ-быть, есть кой-что изъ автобіографическихъ смѣшливыхъ воспоминаній Гоголя: тотъ уже «спасъ» отечество, но вѣдь и Гоголь думалъ его «спасти» и также нуждался въ завтракѣ и вѣрно разсматривалъ «окна магазиновъ» съ «удивительными фруктами». Вообще тутъ есть «горькаго смѣха» и не невѣроятно, что — надъ собой (какъ онъ и объяснилъ въ «Перепискѣ съ друзьями»).

въ лицо — „мертвыя (вы) души", уѣхалъ и закупорился въ Римъ. Дѣйствительность груба, черства; она жжетъ поэта, и вообще счастливъ поэтъ, когда касается ея лишь отдаленно и вообще; да едва ли и дѣйствительности не полезнѣе стоять на нѣкоторомъ почтительномъ разстояніи отъ поэта, ибо могучимъ гнѣвомъ своимъ, какъ это и вышло съ Гоголемъ, онъ можетъ зажечь великій пожаръ на ней.

Отъ этого та доля отрицательности, какая есть у Бѣлинскаго, не сложилась ни въ какія узкія и опредѣленныя отрицанія; раздѣленіе между „свѣтомъ" и „тьмой", какое есть у него и должно быть у всякаго писателя, легло чрезвычайно правильною чертой между „просвѣщеніемъ" и „грубостью". Онъ отъ „Литературныхъ мечтаній" и до послѣднихъ годовыхъ обзоровъ текущей литературы остался неумолчнымъ борцомъ за свѣтъ, вообще „идеи" противъ грубости косной „глины", „красной земли", гдѣ еще не вѣетъ „духъ Божій". Его миссія и значеніе совокупности его трудовъ есть „обще"-просвѣтительное и высоко-„просвѣтительное", безъ частнѣйшихъ устремленій или съ устремленіями мѣнявшимися и, слѣдовательно, въ измѣнчивости своей, сохранявшими лишь общій характеръ порыва къ свѣту. Онъ не уважалъ „Горе отъ ума" за его публицистическій характеръ; онъ преклонился передъ Гоголемъ за то, что онъ „обличилъ Россію"; онъ написалъ „Бородинскую годовщину", онъ написалъ извѣстное „Письмо къ Гоголю" по поводу „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями" и которое можно назвать порнографіей Россіи; онъ преклонился передъ „равнодушіемъ къ дѣйствительности" Гете; онъ прославилъ Пьера Леру за страстную (въ идеяхъ и требованіяхъ) переработку дѣйствительности. Очевидно, эти противоположности срываютъ значеніе другъ у друга; не въ нихъ важное у Бѣлинскаго; важно и вѣчно, что въ каждую минуту бытія своего онъ горѣлъ къ лучшему и что лучшее это было для него „умственный", „духовный", „образовательный" свѣтъ противъ коснаго лежанія, противъ великой оцѣпенѣлости его родины.

Тутъ мы опять вспомнимъ въ сущности очень важный эпизодъ его съ невѣстой. Граница, за которою не простирается значеніе Бѣлинскаго, лежитъ въ книгѣ. Весь „умственный", „духовный", „образованный" свѣтъ, за который онъ боролся— шелъ изъ книги, безъ всякой примѣси къ нему „самосвѣтящихся земляныхъ частицъ". Ихъ впервые подняли позднѣйшіе

и гораздо болѣе могущественные, чѣмъ онъ и все его окруженіе, писатели — Л. Толстой особенно рельефно и понятно, и еще утонченнѣе и глубже — Достоевскій („святая“ карамазовщина); менѣе понятно и доказуемо — Гоголь, Лермонтовъ. Изъ какой „книги“ идетъ свѣтъ Платона Каратаева (въ „Войнѣ и мирѣ“), Сони Мармеладовой — въ „Преступленіи и Наказаніи“; это вѣщее восклицаніе Гоголя: „скорбью ангела нѣкогда загорится русская литература“, и почти непонятныя его словечки, но собственно вдругъ становящіяся понятными при взглядѣ на Достоевскаго, Толстого: „у — Русь! чего ты хочешь отъ меня? какая непостижимая между нами таится связь... Что глядишь ты такъ, и все, что ни есть въ тебѣ — обратило на меня полныя ожиданія очи... И, еще полный недоумѣнія, неподвижно стою я, а уже главу осѣнило грозное облако, тяжелое грядущими дождями... Какая сверкающая, чудная, незнакомая даль... Русь!“ Какое, казалось бы, дикое восклицаніе; что̀ общаго съ Чичиковымъ? Но какъ оно понятно около „Смерти Ивана Ильича“ и множества-множества строкъ, даже страницъ у Достоевскаго:

„Постигнуть я притомъ не могу, Алеша, какъ иной, высшій даже сердцемъ человѣкъ и съ умомъ высокимъ, начинаетъ съ идеала Мадонны, а кончаетъ идеаломъ... Еще страшнѣе, кто уже съ такимъ павшимъ идеаломъ въ душѣ не отрицаетъ и идеала Мадонны, и горитъ отъ него сердце его, и воистину, воистину горитъ, какъ и въ юные безпорочные годы. Чортъ знаетъ, что такое, даже, вотъ что... Ужасно, что это одновременное совмѣщеніе не только страшная, но и таинственная вещь; тутъ — дьяволъ съ Богомъ борется, а поле борьбы — сердца людей. Широкъ человѣкъ, слишкомъ широкъ, я бы сузилъ“. Почти можно продолжать Гоголемъ: „Что пророчитъ сей необъятный просторъ; и грозно объемлетъ меня могучее пространство, страшною силой отразясь въ глубинѣ моей; неестественною властью освѣтились очи... у, Русь“. Тоны странно сливаются и въ строки одного писателя можно вплетать строки другого, не разрушивъ единства лица писавшаго...

Эти писатели, какъ мы выразились, — „свѣтоносно-земляные“ начали собственно совершенно новую эру въ нашемъ развитіи, и дѣятельность Бѣлинскаго, весь „книжный“ умъ его и его окруженія (люди „40-хъ годовъ“ и теоретики 60-хъ) просто перестали „быть“ для всякаго, кто умѣетъ вчитаться и вду-

маться въ этотъ существенно новый и гораздо болѣе могущественный свѣтъ. Но вѣдь и вообще эти писатели уже выводятъ насъ за рубрику всего „Петровскаго цикла“, „Петербургскаго теоретическаго существованія“ и ведутъ въ очень неясные, но существенно новые „міры“...

Умственное наслѣдіе Бѣлинскаго уже подернулось археологическою ветхостью; какъ нѣсколько принужденно мы читаемъ теперь и его современниковъ — В. Боткина, Герцена, Грановскаго. Все это

...плѣнной мысли раздраженье

не волнуетъ насъ и сохраняетъ лишь историческій интересъ. Бѣлинскій, давъ необозримое множество литературныхъ разборовъ, сохраняетъ болѣе классное значеніе, т. е. для класса, для „учащагося“ вообще, и въ жизни каждаго изъ насъ онъ захватываетъ вліяніемъ отрочество, юность и вообще годы нашего ученическаго „странствованія“. Соотвѣтственно этому и въ обществѣ ему принадлежатъ, т. е. ему еще подчиняются, умственно-средніе и низшіе слои. Но отъ этой старѣющей и почти старой ноши, которую онъ несетъ съ собою, долженъ быть строго отдѣляемъ самъ несущій. Бѣлинскій есть не только „писатель“; онъ есть „лицо“ и какъ „лицо“ онъ также свѣтитъ сейчасъ, какъ и въ вешнюю пору сороковыхъ годовъ. Ничего не умерло въ чертахъ его нравственнаго образа, и въ нихъ онъ несетъ столько значенія, что сталъ вѣчно нужнымъ существомъ, „двѣнадцатымъ“ гостемъ среди всякихъ 11 „пирующихъ“ или „труждающихся и обремененныхъ“. Всякое дурное дѣло имѣетъ, сверхъ упрека отъ живыхъ-честныхъ, еще и упрекъ отъ мертваго, Бѣлинскаго; и всякое доброе дѣло, сверхъ похвалы отъ живыхъ-добрыхъ людей, имѣетъ похвалу и отъ него. Онъ соучастникъ нашей жизни какъ нравственное лицо — онъ вѣчно живъ между нами и даже болѣе: въ немъ все тѣже „100 гр. температуры“, „200 пульсъ въ минуту“, и онъ насъ спрашиваетъ: „живы ли вы?“

В. Розановъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ КНИГЪ СВЯЩЕННАГО ПИСАНІЯ.

Переводъ LXX. Его значеніе въ исторіи греческаго языка и словесности. *Ив. Корсунскаго*, профессора Московской духовной академіи. Сергіева лавра. 1898 г.

Греческій переводъ священныхъ книгъ ветхаго завѣта, извѣстный подъ именемъ перевода семидесяти-двухъ, или, короче, LXX толковниковъ, есть явленіе по своему значенію безпримѣрное въ исторіи не только самого же греческаго языка съ его словесностію, но и всѣхъ другихъ языковъ съ ихъ литературами. Явившись на поприщѣ исторіи въ то время, когда геній греческаго языка и словесности, выражавшійся въ творчествѣ, въ производительности духа греческой народности, по общему почти признанію историковъ и филологовъ, началъ уже ясно клониться къ упадку (въ III-мъ в. до Р. Хр.), переводъ LXX, какъ памятникъ греческаго языка и словесности своего времени, далъ собою жизнь цѣлой эпохѣ того и другой, — эпохѣ, продолжающейся и доселѣ, въ теченіе болѣе нежели двухъ тысячелѣтій. Будучи не самостоятельнымъ литературнымъ произведеніемъ, — какъ переводъ, а не сочиненіе, — онъ сразу получилъ и доселѣ удержалъ за собой такое великое значеніе и широкое употребленіе, какого не имѣлъ ни одинъ памятникъ греческой письменности, не исключая и поэмъ Гомеровыхъ, значеніе и употребленіе которыхъ несомнѣнно упало вмѣстѣ съ паденіемъ язычества при распространеніи христіанства и удержалось главнымъ образомъ лишь въ области школы и учености. Мало этого, какъ памятникъ письменности будучи произведеніемъ собственно греческой словесности, переводъ LXX простеръ свое могучее вліяніе на литературы другихъ народовъ востока и запада: коптскую, эѳіопскую, латинскую, готскую и иныя, въ томъ числѣ и на нашу славяно-русскую, и чрезъ литературу того или другого народа вліялъ и на самую жизнь народную.

Такое міровое значеніе перевода LXX объясняется тѣмъ, что на поприщѣ всемірной исторіи онъ явился первымъ по времени общедоступнымъ органомъ сверхъестественнаго божественнаго откровенія, до того заключеннаго въ письмена еврейскія и имѣвшаго подготовительное значеніе для христіанства. На греческомъ языкѣ перевода LXX написаны были и всѣ

священныя книги новаго завѣта; этотъ же языкъ послужилъ основой къ образованію обширной отрасли литературы неканонической, апокрифической, святоотеческой, богослужебной и византійской, перешедшей съ помощію новыхъ переводовъ и къ другимъ народамъ, принявшимъ отъ грековъ вѣру Христову, а въ областяхъ съ греческимъ населеніемъ удержался въ извѣстной степени и доселѣ, перешедши въ такъ называемый новогреческій языкъ.

Въ силу такого своего всемірнаго и много-вѣкового значенія и вліянія, переводъ LXX, начавшій собой новую эпоху и для словаря греческаго языка и для самой словесности греческой, не можетъ не обращать на себя вниманія всякаго, хотя сколько нибудь серьезно относящагося къ греческому языку и его словесности. Что же касается изслѣдованій, разсматривающихъ написанную на этомъ языкѣ ветхозавѣтную и новозавѣтную неканоническую литературу, новозавѣтныя священныя писанія, святоотеческія творенія, богослужебную и вообще богословскую — духовную литературу, для всѣхъ таковыхъ переводъ LXX со стороны своего языка составляетъ тотъ корень, съ котораго всѣ они должны начинать свои изысканія.

Къ сожалѣнію, и въ свѣтской и въ духовной литературѣ такое значеніе перевода LXX не только съ его литературной—идейной стороны, а и съ внѣшней языковой доселѣ мало было раскрываемо, особенно же у насъ въ Россіи. Собственно говоря, „литература о переводѣ LXX почти необозрима", какъ замѣтилъ одинъ ученый запада; но, не говоря уже о томъ, что большинство трактующихъ о переводѣ LXX изслѣдованій отличаются или крайне пристрастнымъ, или совсѣмъ враждебнымъ отношеніемъ къ нему (таковы по преимуществу труды протестантскихъ ученыхъ), нельзя умолчать, что ни въ иностранной, ни тѣмъ болѣе въ русской литературѣ нѣтъ ни одного особаго болѣе или менѣе значительнаго труда, исключительно посвященнаго разсмотрѣнію значенія перевода LXX со стороны его языка въ его отношеніи къ другимъ памятникамъ греческой письменности.

Таковы обстоятельства, которыя прямо-таки обязываютъ не иначе, какъ съ отраднымъ чувствомъ благодарности къ автору труда, отмѣченнаго въ заголовкѣ нашей замѣтки, привѣтствовать появленіе этого послѣдняго. Поставивъ главною задачей своего труда съ возможною обстоятельностію и основательностію раскрыть значеніе перевода LXX въ исторіи греческаго языка и словесности, авторъ восполняетъ имъ существенный пробѣлъ не только въ библейско-богословской, духовной, а и въ свѣтской, историко-филологической литературѣ, и такимъ образомъ, и по важности предмета разсматриваемаго изслѣдованія и по совершенной новости работы, онъ является насущнымъ вкладомъ въ ту и другую литературу.

Изслѣдованіе свое авторъ задумалъ, какъ самъ онъ говоритъ, еще въ 1882 году, когда вышла въ свѣтъ его магистер-

ская диссертація: *Іудейское толкованіе Ветхаго завѣта*, и онъ, вступивъ на каѳедру греческаго языка и его словесности при Московской духовной академіи, усиленно занимался разработкой различныхъ сторонъ предмета этой каѳедры. Съ тѣхъ поръ прошло уже 15 лѣтъ, и вотъ нынѣ, послѣ немалыхъ трудовъ надъ обработкой обширнаго матеріала, относящагося къ предмету изслѣдованія, г. Корсунскій предлагаетъ его вниманію ученыхъ богослововъ и филологовъ въ видѣ книги большого формата, напечатанной сравнительно мелкимъ шрифтомъ и заключающей въ себѣ 644 + LXII = 706 страницъ.

Такова внѣшняя сторона дѣла, которая уже сама по себѣ даетъ право предполагать, что трудъ автора представляетъ собой вкладъ въ сокровищницу и богословской науки и науки греческаго языка съ его словесностью, цѣнный не по предмету только своему — существенно важному и новому у насъ, а и по обстоятельности и по основательности изслѣдованія этого предмета. Эти достоинства разсматриваемой книги со всею ясностію и живостію выступятъ предъ читателемъ, если мы хотя въ общихъ чертахъ сравнимъ самое содержаніе книги и отмѣтимъ отличительныя черты работы автора.

Итакъ, что же представляетъ собою разсматриваемая книга въ ея содержаніи и особенностяхъ изложенія?

Выходя изъ той совершенно справедливой мысли, что, прежде раскрытія значенія перевода LXX въ исторіи греческаго языка и словесности, должно быть предложено изслѣдованіе объ этомъ переводѣ самомъ въ себѣ, независимо отъ значенія его, авторъ естественно раздѣляетъ свою книгу на двѣ, неравныя, впрочемъ, по объему и важности, части: I предварительную — изслѣдованіе о переводѣ LXX толковниковъ и II главную—раскрытіе значенія этого перевода въ исторіи греческаго языка и словесности.

Въ первой части (стр. 23—118) авторъ трактуетъ о времени происхожденія перевода LXX, о продолжительности времени перевода его, о переводчикахъ, о степени достоинства и значеніи перевода въ его отношеніи къ еврейскому подлиннику и судьбѣ перевода. Методъ, которымъ онъ ведетъ свое дѣло, должно назвать историко-критическимъ; всѣ поставленные авторомъ существенные исагогическіе вопросы онъ разрѣшаетъ путемъ самаго тщательнаго и строгаго разбора историческихъ свидѣтельствъ и фактовъ, имѣющихъ отношеніе къ этимъ вопросамъ, попутно дѣлая критическія замѣчанія о неосновательности и несправедливости мнѣній о нихъ тѣхъ или иныхъ древнихъ и новыхъ ученыхъ. Для насъ достойно особеннаго вниманія, особенно дорого въ этой ученой работѣ г. Корсунскаго то, что выводы, къ которымъ приходитъ онъ въ рѣшеніи поставленныхъ имъ вопросовъ о переводѣ LXX, во всѣхъ своихъ существенныхъ частяхъ лишь подтверждаютъ собою то, что назадъ тому полстолѣтія кратко и точно написалъ присно-

памятный Филаретъ митрополитъ московскій въ извѣстномъ его сочиненіи „О догматическомъ достоинствѣ и охранительномъ употребленіи греческаго 70 толковниковъ и славянскаго переводовъ священнаго писанія“.

Съ 119-й страницы книги и до конца идетъ вторая главная часть изслѣдованія, касающаяся значенія перевода LXX въ исторіи греческаго языка и словесности греческой. Рѣчь свою, послѣ небольшого вступленія, авторъ начинаетъ характеристикой языка перевода LXX въ самомъ себѣ и въ его отношеніи къ языку греческому древне-классическому и затѣмъ раскрываетъ смыслъ языковаго и литературнаго вліянія этого перевода на дохристіанскіе и христіанскаго времени памятники греческой письменности.

Языкъ, на которомъ сдѣланъ былъ переводъ LXX, извѣстенъ подъ именемъ κοινὴ διάλεκτος (общее нарѣчіе); образовавшійся на основахъ аттическаго діалекта, который въ свою очередь самостоятельно выработался изъ іоническаго, языкъ этотъ воспринялъ въ себя стихіи какъ аттическаго (главнымъ образомъ), такъ (отчасти) и другихъ діалектовъ. Подъ воздѣйствіемъ побѣдъ и распространенія власти Македонскаго завоевателя, κοινὴ διάλεκτος, настоящимъ основателемъ котораго считаютъ Аристотеля, наставника Александра Македонскаго, мало-по-малу вытѣснилъ не только изъ народнаго, но и изъ литературнаго употребленія почти всѣ другіе діалекты древне-греческаго языка, хотя въ свою очередь и самъ подвергся не незначительному вліянію тѣхъ языковъ и говоровъ, которые были въ употребленіи между разноплеменными сподвижниками Александра и подданными Македонской монархіи. Въ такомъ видѣ вошедши въ употребленіе въ нижнемъ Египтѣ — въ Александріи, онъ здѣсь воспринялъ новыя наслоенія подъ вліяніемъ мѣстныхъ языковъ и говоровъ. Само собою разумѣется, κοινὴ διάλεκτος не могъ не потерпѣть существенныхъ измѣненій и у разсѣянныхъ по обширной монархіи Александра іудеевъ подъ вліяніемъ не только ихъ семитическаго языка, а и ихъ понятій и вѣрованій, какъ народа Божія; все это не могло не отразиться на κοινὴ διάλεκτος, когда онъ вошелъ въ употребленіе между іудеями и когда на немъ сдѣланъ былъ переводъ священныхъ книгъ еврейскаго народа.

Всѣ указанныя особенности κοινὴ διάλεκτος, какъ языка перевода LXX, обнаруживаются въ переводѣ и въ его лексикографіи, или запасѣ словъ, находящихся въ распоряженіи у LXX, и въ логической организаціи языка его и въ грамматикѣ этого языка. Со всѣхъ этихъ сторонъ и разбираетъ г. Корсунскій переводъ LXX, говоря сначала объ его лексикографіи, далѣе о логической организаціи языка его и, наконецъ, объ его грамматикѣ.

Весь лексиконъ LXX заключаетъ въ себѣ, за исключеніемъ именъ собственныхъ, до 8000 словъ; само собою разумѣется,

поэтому, что подробно и обстоятельно разсмотрѣть всѣ эти слова въ ихъ отношеніи и по построенію и по значенію къ словамъ древне-классическимъ, точно такъ же, какъ и къ тѣмъ новымъ внѣшнимъ вліяніямъ, подъ которыми образовался κοινὴ διάλεκτος, и при этомъ каждое положеніе подтвердить фактическими данными — цитатами и ссылками, — это такой трудъ, который одинъ можетъ дать собою матеріалъ для огромнаго тома. Г. Корсунскій и обѣщаетъ дать намъ какъ необходимое дополненіе къ предложенному имъ изслѣдованію такой томъ въ видѣ словаря языка перевода LXX; „матеріалы для этого словаря, говоритъ онъ, нами уже подготовлены къ изданію и, если Богъ поможетъ, онъ также не замедлитъ выходомъ въ свѣтъ".

Въ настоящемъ же изслѣдованіи изъ 8000 словъ перевода LXX онъ разсматриваетъ въ указанныхъ отношеніяхъ и въ указанномъ направленіи, въ качествѣ подтвержденія или основаній своихъ положеній только по нѣскольку изъ группъ: а) словъ, характеризующихъ отношеніе языка перевода LXX къ *діалектамъ* языка греческаго; б) словъ, исключительно употребляемыхъ только въ переводѣ LXX, в) словъ, впервые употребляемыхъ у LXX, г) словъ поэтическихъ въ переводѣ LXX и д) словъ чужеземныхъ. Это въ отдѣлѣ, посвященномъ лексикографіи перевода LXX. Слѣдующій отдѣлъ, трактующій о логической организаціи языка перевода LXX — о той умственной работѣ ихъ надъ языкомъ своего перевода, которую приходилось выполнять имъ для того, чтобы точнѣе и понятнѣе передать на богатомъ греческомъ языкѣ заключающіяся въ еврейскомъ подлинникѣ возвышенныя истины, обозначить по-гречески новыя понятія о предметахъ конкретныхъ и отвлеченныхъ, точно такъ же заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ подробно и обстоятельно разсмотрѣнныхъ авторомъ словъ перевода: а) впервые употребляемыхъ съ Аристотеля и не позже Поливія, б) выражающихъ собой необычныя у грековъ психологическія понятія библейскихъ писаній и в) требуемыхъ образностью еврейскаго языка. Въ отдѣлѣ о грамматикѣ языка перевода LXX, на которой, между прочимъ, сильно отразилось вліяніе грамматики еврейской, авторъ отмѣчаетъ это вліяніе, равно какъ и многія другія, на произношеніи буквъ, на этимологіи и синтаксисѣ языка LXX и вездѣ свои наблюденія и заключенія также подтверждаетъ фактически, разсмотрѣніемъ тѣхъ или иныхъ словъ и оборотовъ перевода. Въ заключеніе своей характеристики языка перевода LXX авторъ говоритъ о соотвѣтствующихъ нарочитой цѣли перевода стилистическихъ свойствахъ и особенностяхъ его, объ его достоинствахъ и недостаткахъ: точности, ясности, чистотѣ, простотѣ, естественности и выразительности; и здѣсь также приводитъ и разбираетъ массу греческихъ словъ, выраженій и оборотовъ рѣчи, употребляемыхъ LXX-ю.

Словомъ, чтобы судить объ обиліи филологическаго матеріала, предлагаемаго авторомъ въ сдѣланной имъ въ указанныхъ отно-

шеніяхъ характеристикѣ перевода, достаточно сказать, что посвященный этому вопросу отдѣлъ книги занимаетъ самую большую часть ея, отъ 123-й до 527-й страницы, т. е. 404 страницы. На нѣкоторыя изъ разсматриваемыхъ авторомъ словъ онъ тратитъ лишь по нѣскольку строкъ; но наряду съ такими словами нерѣдко встрѣчаются и такія, которымъ посвящена авторомъ не одна страница. Можно судить по всему этому, какая масса цитатъ и текстовъ изъ библейскихъ книгъ, изъ сочиненій древнихъ классиковъ и другихъ греческихъ писателей послѣ-классическаго періода, изъ твореній свято-отеческихъ и церковно-богослужебныхъ книгъ предложены авторомъ на страницахъ своей книги. Какая начитанность во всѣхъ этихъ древне-греческихъ произведеніяхъ должна быть у него! Какая масса труда должна была быть положена имъ на подысканіе и приведеніе всѣхъ этихъ цитатъ и текстовъ!

Всякій, конечно, хорошо понимаетъ, что тутъ и рѣчи не можетъ быть о полной и всецѣлой самостоятельности автора, — о томъ, что все это—дѣло исключительно одного г. Корсунскаго, внѣ всякой зависимости его отъ другихъ ученыхъ тружениковъ; всякій, конечно, хорошо понимаетъ, что матеріалъ для такого труда не могъ быть собранъ однимъ человѣкомъ, что въ этомъ дѣлѣ должны были участвовать и, конечно, участвовали цѣлыя школы ученыхъ, и оно велось столѣтія, постепенно накопляясь. Не скрываетъ этого и нашъ авторъ, самымъ добросовѣстнѣйшимъ образомъ не только въ началѣ своего сочиненія указывая, а и въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ цитируя тѣхъ и древнихъ и новыхъ ученыхъ филологовъ—эллинистовъ и гебраистовъ, трудами которыхъ онъ пользуется. Но и однихъ этихъ трудовъ, бывшихъ подъ руками у автора при его кропотливѣйшей работѣ, было, по его указанію, не одинъ десятокъ; большинство этихъ трудовъ словари и подобныя имъ филологическія произведенія, которыя не приходится читать какъ обыкновенную книгу. Если самое чтеніе такихъ пособій представляетъ собою кропотливѣйшее изъ занятій, то что сказать о трудѣ сличенія, провѣрки, критическаго разсмотрѣнія и оцѣнки ихъ въ каждой отдѣльной строчкѣ и даже больше—въ каждомъ словѣ и въ каждой цитатѣ! Поистинѣ это подвигъ, на который можетъ рѣшиться только истинный ученый и душевно-преданный своему дѣлу, какимъ именно и явилъ себя въ разсматриваемомъ нами трудѣ г. Корсунскій.

Вторая половина второй части книги г. Корсунскаго посвящена раскрытію слѣдовъ языковаго и литературнаго вліянія перевода LXX на различнаго рода дохристіанскіе и христіанскаго времени памятники греческой письменности. Такіе слѣды авторъ указываетъ въ неканоническихъ и апокрифическихъ книгахъ ветхаго завѣта, въ іудейско эллинистической литературѣ (у Филона и др.), въ греческихъ переводахъ ветхаго завѣта: Акиллы, Симмаха и Θеодотіона, въ произведеніяхъ

языческой греческой письменности, каковы, напр., Линофронъ, Діодоръ Сицилійскій и др., въ священныхъ книгахъ новаго завѣта, въ свято-отеческихъ твореніяхъ и богослужебныхъ книгахъ. Указывая вліяніе на эти произведенія перевода LXX, авторъ тутъ не отдѣлывается общими соображеніями и отвлеченными разсужденіями, а свои кратко и точно формулируемыя заключенія основываетъ на длинномъ рядѣ фактическаго матеріала въ видѣ цитатъ, греческихъ словъ, выраженій, оборотовъ рѣчи и цѣлыхъ текстовъ.

Въ концѣ книги въ качествѣ приложеній помѣщены: общія положенія (тезисы) сочиненія, указатели: мѣстъ священнаго писанія, приводимыхъ и изъясняемыхъ въ книгѣ, важнѣйшихъ именъ, словъ и фразъ греческихъ, разсмотрѣнныхъ въ книгѣ (каковыхъ оказывается болѣе 1000), важнѣйшихъ именъ и предметовъ на иностранныхъ и русскомъ языкахъ и таблица упоминаемыхъ въ книгѣ греческихъ и латинскихъ писателей по вѣкамъ ихъ жизни и литературной дѣятельности, каковыхъ около 300.

Мы кончили обозрѣніе содержанія разсматриваемаго нами изслѣдованія г. Корсунскаго. Думаемъ, сказаннаго достаточно, чтобы оцѣнить громадность кропотливѣйшаго ученаго труда, положеннаго авторомъ на составленіе своей книги, и не меньше того богословско-филологической эрудиціи, обнаруженной имъ въ этомъ трудѣ, а отсюда уже съ полнымъ правомъ заключить о важномъ научномъ достоинствѣ книги. Поистинѣ, книга эта цѣнный вкладъ въ богословскую и филологическую науку, и въ то же время это книга существенно необходимая для каждаго серьезно относящагося къ библейско-богословской и филологической наукѣ.

ИСКУССТВО.

«L'oeuvre de Victor Wasnetzoff» devant l'ecole moderne de peinture en Russie par *M. le baron de Baye.*—Deuxième édition accompagnée de vingt et une planches hors texte. — Paris, librairie Nilsson 338, rue Saint-Honoré. 1896.

Я полагаю, что одна изъ величайшихъ заслугъ нынѣшняго русско-французскаго союза будетъ заключаться въ ознакомленіи Западной Европы съ Россіей.

Исполняется полнота временъ для Россіи. Наступаетъ часъ, когда давно прогремѣвшій для Руси голосъ съ неба долженъ быть услышанъ всѣмъ міромъ, Русь должна сказать міру свое слово, и всеустрояющая рука Промысла сближаетъ Россію съ французами.

Несомнѣнно, что нѣтъ на земномъ шарѣ народа, который могъ бы такъ беззавѣтно увлечься идеей и такъ успѣшно пронести ее отъ края до края вселенной, отъ высшихъ слоевъ общества до низшихъ, какъ французы. Это — величайшіе въ мірѣ пропагаторы. Одинъ извѣстный писатель сказалъ, что

призваніе французскаго народа — усвоять идеи, кѣмъ бы онѣ ни были созданы, — усвоять и пускать въ оборотъ по лицу земли. Въ этомъ общечеловѣческая задача, величайшее достоинство, крупнѣйшая заслуга его въ исторіи.

Предо мной небольшая книжка барона de Baye *L'oeuvre de Victor Wasnetzoff devant l'ecole moderne de peinture en Russie*.— Это сплошной панегирикъ знаменитому русскому художнику.

Если вамъ нужна серьезная, глубокая характеристика работъ Васнецова, или если вы желаете опредѣленнаго указанія, *какія* идеи воплощены Васнецовымъ въ работахъ, создавшихъ ему всесвѣтное имя, и *какъ* воплощены,—кромѣ самыхъ общихъ, самыхъ неопредѣленныхъ отвѣтовъ въ книжкѣ de Baye ничего не найдете. „Художникъ геніально выполнилъ „задачу". „Идея—оригинальная". „Созданіе не таланта, но генія и любви". „Геній внушилъ, любовь опоэтизировала, талантъ создалъ" и пр.

Авторъ, впрочемъ, самъ усвояетъ себѣ всего лишь роль посредника между созданіями Васнецова и французскою аудиторіей. Онъ не беретъ на себя задачи передать всѣ „абстрактныя мысли, которыя художникъ облекъ плотью"; одинаково онъ не отваживается на разсмотрѣніе чисто художественной, я сказалъ бы, внѣшне художественной, стороны созданій Васнецова.

При всемъ томъ книга de Baye глубоко интересна. Русская идея, русское міровоззрѣніе, духъ русскаго народа — ко всему этому авторъ подходитъ очень близко. Правда, только подходитъ. Но не нужно забывать, что разсуждаетъ иностранецъ, котораго исторія не пріучила понимать русскія идеи.

Если къ этому принять къ свѣдѣнію сильное впечатлѣніе, какое должна производить русская идея въ совершенно новой обстановкѣ, — въ устахъ француза, предъ французскою аудиторіей, интересъ книги будетъ очевиденъ уже, такъ сказать, a priori.

Нѣсколько сжатыхъ замѣчаній о легендарной, исторической и особенно былинной живописи Васнецова служатъ прекраснымъ введеніемъ къ главнымъ работамъ — религіозной живописи въ Владимірскомъ соборѣ. И не потому лишь, что предшествуютъ по времени. Нѣтъ, — *по самому существу* онѣ — естественная и прекрасная прелюдія къ религіозно-художественнымъ созданіямъ нашего художника. Здѣсь вы слышите всѣ основные тоны, всѣ существенные аккорды, которые въ могучей, своеобразной и дивно стройной гармоніи поражаютъ васъ въ геніальной живописи, такъ прославившей Владимірскій соборъ и Васнецова.

Я пройду мимо замѣчаній, высказанныхъ de Baye касательно легендарной и исторической живописи художника. Ограничусь лишь замѣчаніемъ, что de Baye недостаточно рельефно отмѣтилъ необыкновенно могучую и кипучую жизнь, которая положительно бьетъ ключомъ на полотнахъ Васнецова, — черта, которая составляетъ одну изъ характернѣйшихъ и величай-

шихъ особенностей художественныхъ концепцій нашего художника. Такой энергіи, такой мощи, такой жизненности, или, лучше, кипѣнія жизни, если позволено будетъ такъ выразиться, вы не найдете ни у одного изъ русскихъ художниковъ, ни прежнихъ, ни современныхъ.

Не почитаю себя компетентнымъ въ иностранной живописи. Но насколько могу судить, изъ современныхъ художниковъ-иностранцевъ никто не пойдетъ въ сравненіе съ нимъ въ этомъ отношеніи.

Всего шесть страницъ въ книжкѣ de Baye посвящено былинной живописи Васнецова. Изъ нихъ двѣ страницы пересказываютъ отрывки нѣсколькихъ русскихъ былинъ, но я настойчиво совѣтую читателямъ, которымъ попадется въ руки книжка de Baye, перечитать эти шесть страницъ.

Предъ нашимъ авторомъ извѣстное полотно художника, принадлежащее Саввѣ Мамонтову, „Илья Муромецъ". Богатырь изъ богатырей, русскій изъ русскихъ, тридцать лѣтъ сидѣвшій въ неизвѣстности, символъ могучей, необъятной Руси, въ данную минуту — на распутьи, предъ тремя дорогами. Илья читаетъ фатальную надпись: „если пойдешь направо — будешь богатъ, если посрединѣ — женишься, если налѣво — будешь убитъ". Какой путь изберетъ Илья? De Baye чувствуетъ, что выборъ будетъ своеобразный, но опредѣленно рѣшить не можетъ. И потому весьма цѣлесообразно обращается къ голосу русскаго народа, къ былинѣ. И съ удивленіемъ узнаетъ, что русскій богатырь... Но пусть лучше самъ de Baye говоритъ. Онъ такъ увлекательно разсказываетъ! Да и кромѣ того, разсказъ его дышитъ такимъ интересомъ къ совершенно новому для него нравственному складу русскому!..

„Старый *казакъ*, прочитавъ, подумалъ и порѣшилъ, что въ его годы нѣтъ смысла обогащаться, ни тѣмъ болѣе жениться. Благоразумнѣе было избрать путь, на которомъ надлежало быть убиту. Спустя безъ малаго три часа, онъ наткнулся на шайку разбойниковъ и разсѣялъ ихъ. Тогда богатырь возвратился и написалъ на камнѣ: „Я пошелъ налѣво и не былъ убитъ".

Выбравъ средній путь, онъ скоро прибылъ въ великолѣпную столицу.

Дочь царя, ослѣпительной красоты, вышла навстрѣчу и обняла стараго богатыря. Она устроила для него пышный пиръ и увела потомъ въ свою комнату. Тамъ было ложе, шелковое, пуховое. Не знаю, почему ложе показалось подозрительнымъ богатырю. Онъ отказался лечь на него первымъ, ссылаясь на то, что въ его странѣ женщины ложатся въ глубинѣ. Потомъ онъ схватилъ царевну за шелковый поясъ и бросилъ на ложе, которое тотчасъ же обрушилось и обольстительница полетѣла въ подземелье дворца. Илья побѣжалъ къ дверямъ подземелья, разбилъ ихъ ударомъ ноги и освободилъ сорокъ царей и цар-

скихъ сыновей, сорокъ королей и королевскихъ сыновей, бывшихъ тамъ, въ плѣну...

Онъ возвратился снова къ перекрестку и надписалъ: „Я поѣхалъ посрединѣ и не женился".

По третьей дорогѣ онъ прибылъ къ желѣзному кресту, подъ которымъ скрытъ былъ кладъ. Кладъ онъ раздѣлилъ на три части и соорудилъ три церкви: одну — милостивому Спасу, другую — Николѣ Можайскому, третью — Георгію Побѣдоносцу. Онъ былъ въ правѣ написать на камнѣ: „Я поѣхалъ направо, но не сталъ богатъ". *Такимъ образомъ, Илья Муромецъ три раза восторжествовалъ надъ судьбой.*

Величайшая особенность русскаго народа — глубочайшая религіозность его. Требованія религіи занимаютъ центральное мѣсто въ его нравственно житейскомъ кодексѣ. Земное не покоряетъ души его, въ общемъ, конечно. Высшая духовно-нравственная сторона духа человѣческаго, сторона, которою человѣкъ соприкасается съ Богомъ, сторона религіи, беретъ верхъ надъ низшею, чувственною, мірскою, высшимъ воплощеніемъ которой является рокъ, судьба. Если въ обычное время это не совсѣмъ очевидно, то въ годины народныхъ бѣдствій не подлежитъ сомнѣнію.

Указанная сторона русскаго человѣка выражена и въ Ильѣ Муромцѣ, — идеальномъ представителѣ русскаго человѣчества. De Baye понимаетъ это и въ заключительной изъ приведенныхъ нами фразъ выражаетъ это ясно и опредѣленно...

А вотъ, Иванъ царевичъ на коврѣ-самолетѣ. На другомъ полотнѣ Иванъ царевичъ съ Марьей царевной скачутъ черезъ лѣсъ на волкѣ. И de Baye дивится этому, какъ онъ выражается, „апоѳеозу идеальной русской жизни въ ея чистѣйшемъ и трогательнѣйшемъ обнаруженіи", жизни, гдѣ „волкъ-служитель", гдѣ, слѣдовательно, та же философія, которую осуществилъ и выразилъ въ словахъ Илья Муромецъ.

Основная часть книги de Baye посвящена краткому обозрѣнію церковно-религіозныхъ созданій Васнецова во Владимірскомъ соборѣ. Авторъ даетъ великолѣпные рисунки, а въ текстѣ представляетъ краткій, дѣловой, лишь мѣстами заключающій постороннія попутныя замѣчанія, указатель касательно рисунковъ.

Всего пятнадцать рисунковъ и двадцать три, двадцать четыре страницы текста. Но величавое созданіе генія встаетъ передъ вами во всемъ своемъ колоссальномъ величіи. Вы — въ царствѣ духа, вы — свидѣтель торжества и побѣды духа. Божественные звуки, раздающіеся въ вашемъ сердцѣ лишь минутами, случайно, въ сердцахъ этихъ суровыхъ подвижниковъ, святыхъ, пророковъ, апостоловъ, звучатъ непрерывно, заглушаютъ для нихъ все земное и влекутъ непобѣдимо къ Богу, къ блаженству,— вы это понимаете, видите, осязаете. Природа побѣждена. Земля покорилась небу. Сверхъестественное побѣдило естественное.

Авторъ даетъ матеріалъ вполнѣ достаточный для философіи религіозныхъ созданій Васнецова. Но, къ сожалѣнію, оставляетъ читателя справляться съ матеріаломъ, какъ угодно. Раньше, особенно въ главѣ о былинной живописи, онъ еще наклоненъ былъ философствовать. Здѣсь — нѣтъ.

А между тѣмъ, религіозная живопись Васнецова, насколько въ ней выразился русскій духъ, воплотился русскій идеалъ, безконечно важнѣе всякой другой. Какъ бы, напримѣръ, глубоко интересна была книга de Baye, еслибы, сверхъ фактическихъ данныхъ о религіозной живописи Васнецова, вмѣсто разъясненія смысла и символическаго значенія разныхъ деталей, — еслибы, вмѣсто этого, попробовала схватить общій смыслъ созданій Васнецова, тотъ духъ, который животворитъ ихъ, *дыханіе жизни*, которое авторъ вдунулъ въ свои созданія, чтобы послѣднія стали *въ душу живу!*.. Если бы дала хотя бы самое общее сопоставленіе Богоматери Васнецова съ Мадонной западною, пророковъ Васнецова и пророковъ Микель-Анджело, Страшнаго Суда Васнецова съ Страшнымъ Судомъ Микель-Анджело!.. Если бы разсмотрѣла съ точки зрѣнія русскаго міровоззрѣнія оригинальную концепцію *Блаженствъ*, которыя de Baye считаетъ плодомъ *видѣнія!*.. Если бы, если бы! Но поблагодаримъ автора и за то, что сдѣлано.

НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Комитетъ Сибирской желѣзной дороги. Отчетъ по Комитету Сибирской желѣзной дороги за 1893—1897 гг. СПБ. 1898.

Въ 1897 году исполнилось пять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ началъ свою дѣятельность учрежденный по волѣ почившаго Императора Комитетъ Сибирской желѣзной дороги. Уже при первомъ извѣстіи о своемъ возникновеніи, это необыкновенное предпріятіе обратило вниманіе, можно сказать, всего человѣчества, какъ вслѣдствіе громадности и трудности исполненія, такъ и въ виду тѣхъ крупныхъ результатовъ, которые оно, безспорно, должно вызвать. Въ самомъ дѣлѣ, исторія до сихъ поръ еще не знаетъ столь грандіознаго и смѣлаго культурнаго сооруженія, какъ то, благодаря которому не сегодня, завтра станетъ въ связь съ цивилизованнымъ Западомъ дикій заброшенный Востокъ, оживутъ необъятныя богатства, доселѣ спавшія мертвымъ сномъ, и вся пространная Сибирь, пока извѣстная большинству какъ пустынное мѣсто ссылки — приметъ къ себѣ культурныя силы и развернется къ могуществу и укрѣпленію своей метрополіи. И въ политическомъ отношеніи предпріятіе Сибирской желѣзной дороги не менѣе важно, чѣмъ въ экономическомъ и культурномъ. Соединивъ оторванное теперь наше восточное побережье съ центральною Россіей, дорога дастъ ему

опору и защиту въ боевыхъ силахъ, расположенныхъ, главнымъ образомъ, въ западной части государства. Кромѣ того, новый желѣзный путь вызываетъ приливъ населенія въ мѣстности пока почти пустынныя и дастъ, поэтому, возможность тверже стоять по отношенію къ нашимъ южнымъ сосѣдямъ.

Таково значеніе великаго Сибирскаго пути. Неудивительно, что ревнитель земли русской, почившій царь, поручилъ все это предпріятіе непосредственно своему Сыну, назначивъ нынѣ царствующаго Государя предсѣдателемъ Комитета Сибирской дороги. Русское общество удивительно чутко и признательно отнеслось къ этому назначенію и совершенно поняло, что въ немъ выразилось все значеніе, которое придавалъ великій царь новому сооруженію. Постройка дороги сдѣлалась предметомъ постояннаго и самаго живого интереса со стороны общества. Болѣе того: она сдѣлалась вопросомъ народной гордости и чести. Каждое извѣстіе о постройкѣ пути, каждое распоряженіе Комитета привлекаетъ къ себѣ интересъ на ряду съ крупнѣйшими политическими событіями нашего времени.

Нельзя, поэтому, не признать, что выпущенный въ настоящее время отчетъ Комитета Сибирской желѣзной дороги, обозрѣвающій цѣликомъ всю дѣятельность его по сооруженію пути и связанныхъ такъ или иначе съ нимъ предпріятій за пять лѣтъ, является чрезвычайно умѣстнымъ и своевременнымъ.

Отчетъ въ рядѣ свѣдѣній, краткихъ, не изобилующихъ деталями и въ строго безпристрастномъ и объективномъ тонѣ, даетъ полную картину положенія сибирскаго пути въ настоящее время и въ порядкѣ описываетъ произведенныя на немъ работы. И невольно удивляешься грандіозности этого дѣла, лишь только хоть бѣгло познакомишься съ отчетомъ. Соединить рельсовымъ путемъ Владивостокъ съ Челябинскомъ — это уже само по себѣ предпріятіе достойное стать въ ряду съ крупнѣйшими явленіями техники нашего времени. Но глубоко ошибется тотъ, кто предполагаетъ, что постройка Сибирской желѣзной дороги въ подробностяхъ можетъ сравниться съ постройкой такой же дороги въ центральной Россіи и что все дѣло въ данномъ случаѣ ограничивается прокладкой рельсоваго пути съ необходимыми обыкновенными къ нему службами. Нѣтъ, постройка Сибирской желѣзной дороги это цѣлое насажденіе культуры во всевозможныхъ ея проявленіяхъ, устройство на ряду съ желѣзнодорожнымъ полотномъ цѣлаго ряда другихъ предпріятій, изъ которыхъ одни должны поднять производительное значеніе новаго пути, другія же прямо-таки обусловливаютъ собою самое существованіе его.

Напримѣръ, озабочиваясь доставкой топлива для вновь сооружаемой дороги, Комитетъ производитъ изысканія торфяниковъ, прилегающихъ къ району пути. Для развитія дѣятельности дороги и поднятія грузового движенія на ней, Комитетъ обращаетъ вниманіе на улучшеніе судоходства по сибирскимъ

рѣкамъ, которыя являются естественными питательными и подъѣздными путями къ желѣзнодорожной магистрали. Отсюда цѣлый рядъ мѣръ: пріобрѣтеніе пароходовъ, земледѣльческихъ машинъ, производство временныхъ регуляціонныхъ сооруженій, устройство водомѣрныхъ постовъ и метеорологическихъ станцій. Въ тѣхъ же видахъ предпринимается топографическое изслѣдованіе озера Байкала. Комитетъ останавливался было на мысли устроить свой сталелитейный и рельсопрокатный заводъ въ самой Сибири, какъ для обезпеченія дороги достачнымъ количествомъ рельсовъ, скрѣпленій и другихъ желѣзнодорожныхъ приспособленій, такъ еще и въ цѣляхъ насажденія этой отрасли горнозаводскаго дѣла въ богатомъ рудами краю. Однако, въ этомъ предпріятіи, которое по грандіозности явилось бы достойною частью всего великаго цѣлаго, постройки пути, Комитетъ былъ остановленъ непреодолимымъ препятствіемъ, что въ такой короткій срокъ, какой имѣлся въ его распоряженіи, невозможно было надлежащимъ образомъ соорудить заводъ.

Но самыми крупными частями въ цѣлой серіи предпріятій, связанныхъ прямо или косвенно съ постройкой Сибирской желѣзной дороги, являются, несомнѣнно, прежде всего учрежденіе Русско-Китайскаго банка и затѣмъ обезпеченіе района дороги достаточнымъ населеніемъ, въ видѣ упорядоченія туда переселенія изъ центральныхъ губерній. Русско-Китайскій банкъ, снабженный такими полномочіями и привиллегіями, какъ ни одинъ банкъ въ Россіи, имѣетъ цѣлью сблизить нашу производительность съ дальнимъ рынкомъ восточнымъ, поднять торговый оборотъ въ районѣ восточной части сибирскаго пути, а отчасти также укрѣпить наше торговое и культурное значеніе на востокѣ. Что касается до переселенческаго дѣла, то значеніе его какъ для переполненныхъ населеніемъ центральныхъ губерній, такъ и для страдающихъ отсутствіемъ его сибирскихъ мѣстностей, слишкомъ очевидно, давно сознано правительствомъ и обществомъ и вызывало уже цѣлый рядъ мѣръ, но съ проведеніемъ сибирской желѣзной дороги переселеніе получаетъ новый смыслъ и значеніе. Оно должно составить защиту новому пути, поднять экономическую производительность въ мѣстностяхъ, по которымъ идетъ желѣзная дорога, съ другой стороны и новое пришлое населеніе можетъ найти себѣ базисъ, опору въ такомъ крупномъ сооруженіи, какъ сибирская линія. Неудивительно поэтому, что Комитетомъ обращено самое сильное вниманіе на дѣло переселенія, и оно, можно смѣло сказать, поставлено на самыхъ широкихъ началахъ. Достаточно сказать, что въ настоящее время приготовлено до шести милліоновъ участковъ, годныхъ для заселенія. Въ связи съ этимъ предпринятъ рядъ мѣръ къ заселенію и эксплуатаціи общирныхъ пространствъ тайги, осушена Барабинская степь. При этомъ Комитетъ, заботясь объ экономическомъ преуспѣяніи новаго края, не упускаетъ изъ виду нравственныя и религіозныя нужды населенія оживля-

емаго края, и результатомъ дѣятельности его въ этомъ направленіи явится рядъ школъ и православныхъ храмовъ въ этихъ далекихъ углахъ земли русской.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

«Полезная библіотека». ***О. Треворъ-Бетти.*** **Во льдахъ и снѣгахъ. (Путешествіе на островъ Колгуевъ). Переводъ съ англійскаго *А. Филиппова* (съ 13 рис. и картой). С.-Петербургъ. 1897 г.**

Въ 1894 г. англичанинъ О. Треворъ-Бетти, вмѣстѣ съ своимъ другомъ Мервиномъ Повисъ и искуснымъ препараторомъ птицъ Томасомъ Гиландъ, предприняли смѣлое путешествіе на островъ Колгуевъ, лежащій въ 150 верстахъ отъ сѣверныхъ береговъ Европы, съ цѣлью изслѣдовать этотъ мало-знакомый островъ. Для этой цѣли ими была зафрактована паровая яхта „Саксонецъ" въ 50 регистровыхъ тоннъ нетто. 3-го іюля 1894 г. „Саксонецъ" вышелъ изъ Петергеда, маленькаго шотландскаго городка. Экипажъ состоялъ изъ опытныхъ шотландскихъ китолововъ. Въ продолженіе всего путешествія О. Треворъ-Бетти велъ подробный дневникъ, исполненный живого интереса. По возвращеніи въ Англію онъ издалъ книгу съ описаніемъ своего путешествія. Его книга сразу такъ заинтересовала все общество, что вскорѣ послѣ выхода первое изданіе разошлось безъ остатка и понадобилось второе. Написанная простымъ, но живымъ языкомъ, она сразу, съ первыхъ страницъ, заинтересовываетъ читателя и заставляетъ его переживать вмѣстѣ съ авторомъ всѣ его невзгоды, радости и печали. Этотъ, повидимому, пустынный, унылый и безжизненный клочокъ земли, царство льдовъ и снѣговъ, на самомъ дѣлѣ живетъ своею обособленною своеобразною жизнью. Страстный любитель природы и опытный натуралистъ, О. Треворъ-Бетти всюду видѣлъ жизнь, онъ открывалъ ее и тамъ, гдѣ равнодушный и неопытный взоръ видѣлъ только унылую, молчаливую тундру и холодное, непривѣтливое, загроможденное льдинами море. Пребываніе въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ на Колгуевѣ дало возможность О. Тревору-Бетти собрать богатѣйшій матеріалъ по природѣ страны и нравамъ ея кочующихъ обитателей — самоѣдовъ. Книга настолько интересна, что можно отъ души пожелать ей у насъ такого же широкаго распространенія, которое она получила въ Англіи, тѣмъ болѣе, что Колгуевъ – исконное русское владѣніе и долженъ интересовать русскихъ людей.

БІОГРАФІЯ.

Л. Волковъ. **Адамъ Мицкевичъ, его произведенія (критико-біографическій очеркъ). Варшава. 1897 г.**

Въ 1898 г. исполняется столѣтняя годовщина со дня рожденія польскаго писателя Адама Бернарда Мицкевича. Благо-

даря этому, за послѣднее время въ газетахъ и журналахъ стали появляться многочисленныя статьи и замѣтки, посвященныя Мицкевичу, какъ писателю и политическому дѣятелю. По мнѣнію г. Волкова, авторы этихъ статей являются людьми или мало освѣдомленными по этому вопросу, или же умышленно даютъ ему тенденціозное освѣщеніе. Цѣль брошюры г. Волкова—провѣрить печатный по-русски матеріалъ для біографіи Мицкевича и возстановить истинное значеніе его какъ поэта и человѣка. Параллельно съ жизнеописаніемъ Мицкевича г. Волковъ даетъ критическую оцѣнку его поэтическимъ произведеніямъ и политической дѣятельности. Авторъ не отрицаетъ въ немъ таланта, даже весьма крупнаго, но Мицкевичъ загубилъ этотъ талантъ вслѣдствіе своей нравственной расшатанности, вслѣдствіе помѣшательства на идеѣ возстановленія Польши, вслѣдствіе слѣпой ненависти къ Россіи и своего самомнѣнія, доходившаго до того, что онъ сравнивалъ себя съ Богомъ. Въ III части „Дядовъ“ Мицкевичъ говоритъ, обращаясь къ Богу:

«Презрѣнные и смертные
Не служатъ мнѣ, не признаютъ насъ обоихъ,
Меня и Тебя».

Нѣтъ сомнѣнія, что духовное развитіе Мицкевича слагалось при очень неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Наканунѣ его рожденія пала и была раздѣлена старая Польша. Ея паденіе вызвало много пыли, показало столько испорченности, слабости характера, цинизма и продажности, что тогдашнія молодыя поколѣнія долгое время должны были дышать этимъ отравленнымъ воздухомъ. Іезуитское воспитаніе сначала въ школѣ, основанной іезуитами, а затѣмъ въ виленскомъ университетѣ, преобразованномъ изъ іезуитской коллегіи, т. е. въ заведеніяхъ съ іезуитскою закваской, все это также не могло не оказать вліянія на весь духовный складъ Мицкевича, сообщило ему тѣ несимпатичныя черты, которыя положили свою печать и на его поэтическія произведенія: почти всѣ его произведенія крайне тенденціозны, полны противорѣчій, неправдоподобностей и натяжекъ; ненависть его къ „москалямъ“ проходитъ красною нитью чрезъ всю его жизнь, но не смѣлая, открытая ненависть свободнаго пѣвца и борца за родину, а трусливая, дѣйствующая изъ-подтишка, путемъ измѣнъ и коварства, что является основнымъ мотивомъ во многихъ произведеніяхъ Мицкевича, какъ, напр., въ „Конрадѣ Валенродѣ“, въ его балладахъ „Свитенѣ“, „Рыбкѣ“, „Тукаѣ“, „Ренсгатѣ“, а въ стихотвореніи „Къ матери-полькѣ“ Мицкевичъ прямо совѣтуетъ полякамъ воспитывать своихъ дѣтей вмѣстѣ съ ядовитыми гадами, отъ коихъ польскія дѣти научились бы

«Отравлять изъ-подтишка словами, какъ гнилымъ дыханіемъ,
Имѣть скромный видъ, какъ холодная змѣя».

Словомъ, даже люди, которые увлекались Мицкевичемъ, какъ, напр., князь Вяземскій, и тѣ сознаются, что о немъ при-

ходится скорбѣть, что его умъ, хотя и „свѣтлый", но „отуманенъ"...

Очеркъ г. Волкова написалъ горячо, живо и искренно, и читается съ большимъ интересомъ.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Князь Индостанскій. Призраки. Окончаніе повѣсти М. Ю. Лермонтова, начинающейся словами: «У графини В... былъ музыкальный вечеръ» — и прерывающейся на словахъ: «Онъ рѣшился». Фантастическій разсказъ. М. 1897 г. Ц. 30 коп.

Кажется, нѣтъ болѣе печальнаго сорта литературы, чѣмъ окончаніе начатыхъ другимъ авторомъ беллетристическихъ произведеній. Въ самомъ дѣлѣ, трудно подыскать хоть одинъ оправдывающій такое непрошенное сотрудничество мотивъ. Нельзя прежде всего объяснить его желаніемъ воспользоваться фабулой, оставленною какимъ-нибудь крупнымъ художникомъ въ области слова. Каждому читателю, вѣроятно, не разъ приходилось наблюдать, что лучшіе писатели всегда даютъ самыя простыя, самыя несложныя фабулы, поражающія своей близостью къ жизненной дѣйствительности. Разсказать такую фабулу легко въ двухъ трехъ словахъ, и никогда она не производитъ такого впечатлѣнія, чтобы, познакомившись съ нею, читатель могъ бы сказать: вотъ эту тему легко разработать, выполненіе ея составляетъ небольшую часть сравнительно съ тѣмъ, что представляетъ собою остовъ ея въ видѣ фабулы. Нѣтъ, въ общемъ впечатлѣніи, даваемомъ произведеніемъ, дѣйствію фабулы принадлежитъ очень незначительная доля, и только извѣстнаго разряда парижскіе бульварные писатели прибѣгаютъ обыкновенно къ самымъ затѣйливымъ и хитросплетеннымъ сюжетамъ. Поэтому продолженіе чужого произведенія не можетъ быть объяснено недостаткомъ фабулъ и желаніемъ воспользоваться готовыми. Но еще менѣе это сотрудничество находитъ себѣ оправданіе въ интересахъ публики. Правда, читатель всегда чувствуетъ себя нѣсколько разочарованнымъ, неудовлетвореннымъ, при видѣ неоконченнаго произведенія, особенно, если оно принадлежитъ перу крупнаго художника, но эту потерю нельзя ничѣмъ вознаградить. Пусть даже лучшій и славнѣйшій писатель возьмется за окончаніе такого отрывка, прежнее чувство неудовлетворенности не изгладится у читателей, потому что не исчезнетъ основная причина, вызвавшая его — не самъ авторъ окончилъ свое произведеніе и всегда поэтому остается открытымъ вопросъ: какъ бы онъ окончилъ его? Самое даже талантливое окончаніе въ этомъ случаѣ будетъ похоже на пристройку, и излишне прибавлять, что эта пристройка тѣмъ яснѣе будетъ чувствоваться, чѣмъ шире разстояніе между талантами начавшаго произведеніе писателя и окончившаго его.

Неоконченная повѣсть М. Ю. Лермонтова находится въ самомъ зачаточномъ состояніи. Молодой человѣкъ, нервный и болѣзненный, съ нѣкотораго времени подвергается галлюцинаціи: ему слышится постоянно явственно и точно, какъ будто бы кто-нибудь говорилъ неизвѣстный ему дотолѣ адресъ: „У Кокушкина моста, Столярный пер.“ и т. д. По совѣту одной барыни, которой Лугинъ (такъ зовутъ молодого человѣка) разсказываетъ, что̀ съ нимъ происходитъ, онъ отправляется по этому адресу, чтобы разсѣяться и убѣдиться, что онъ не связанъ ничѣмъ особеннымъ. Лугинъ отыскиваетъ № 27, и оказывается, что онъ не занятъ, оставленъ прежними жильцами по неизвѣстной причинѣ и сдается въ наймы, какъ есть, съ мебелью и обстановкой. Лугина потянуло нанять эту квартиру, и въ этотъ моментъ, взглянувъ случайно, онъ увидѣлъ среди запыленной обстановки портретъ, изображавшій „человѣка лѣтъ сорока, съ золотою табакеркой необыкновенной величины въ рукахъ, со множествомъ перстней на пальцахъ“. Портретъ, казалось, писанъ несмѣлою ученическою рукой, но зато „въ выраженіи лица и особенно губъ, дышала такая страшная мысль, что нельзя было глазъ оторвать. Въ линіи рта былъ какой-то изгибъ, недоступный искусству и, конечно, начертанный безсознательно, придавшій лицу выраженіе насмѣшливое, грустное, злое и ласковое попеременно... Въ лицѣ портрета дышало именно то неизъяснимое, возможное только генію или случаю“. Въ первую же ночь по переѣздѣ на квартиру, когда Лугинъ сидѣлъ одинъ, грустно настроенный, къ нему, шлепая туфлями, вошелъ изъ другой комнаты старикъ, какъ двѣ капли воды схожій съ тѣмъ, что изображенъ былъ на портретѣ, съ картами въ рукахъ, и предложилъ Лугину играть въ штоссъ. Выигравъ одну карту, старикъ поднялся и исчезъ, на другую ночь онъ снова появился, и такъ при каждомъ посѣщеніи аккуратно билъ Лугину не больше одной карты При второмъ посѣщеніи его, Лугинъ замѣтилъ возлѣ старика присутствіе молодой женщины... „То не было существо земное, то были краски и свѣтъ вмѣсто формъ и тѣла... Въ неясныхъ чертахъ ея дышала страсть, бурная и жадная, желанье, грусть, любовь, страхъ, надежда“... Ее старикъ ставилъ Лугину на карту, и Лугинъ рѣшилъ выиграть во что бы то ни стало, это сдѣлалось цѣлью его жизни, единственнымъ помысломъ его. „Она, казалось, принимала участіе въ игрѣ, казалось, ждала трепетной минуты, когда освободится отъ ига несноснаго старика. Но въ продолженіе цѣлаго мѣсяца, ночь за ночью, Лугинъ ставилъ старику по картѣ, и всѣ онѣ были биты, и каждый разъ, забравъ ставку Лугина, старикъ исчезалъ. Лугинъ продавалъ уже вещи свои, чтобы поддерживать игру, и предвидѣлъ, что скоро не въ состояніи будетъ этого сдѣлать и что *надо будетъ на что нибудь рѣшиться... Онъ рѣшился*“...

На этихъ словахъ прерывается разсказъ у Лермонтова.

Не оконченный, не отдѣланный, онъ носитъ на себѣ все же черты таланта нашего великаго писателя и, читая далѣе продолженіе современнаго автора, чувствуешь такое впечатлѣніе, какъ когда неожиданно падаешь внизъ на нѣсколько ступеней, не замѣтивъ раньше углубленія. Лугинъ рѣшился, какъ продолжаетъ князь Индостанскій, спросить у старика прямо и настойчиво, какою цѣной можно купить у него призрачную женщину. Затѣмъ Лугинъ начинаетъ мучиться и какъ разъ по современному копаться у себя въ чувствахъ, отыскивая у себя присутствіе *ирраціон льнаго элемента*, какъ говоритъ князь Индостанскій, думающій, очевидно, что и Лермонтовъ употребилъ бы такое дубовое выраженіе. Такъ какъ затѣмъ у современнаго автора не хватило силы развить дѣйствіе разсказа, а наполнить его чѣмъ-нибудь да нужно, то Лугинъ два раза бесѣдуетъ съ Никитой, своимъ лакеемъ, относительно того, есть ли призраки въ самомъ дѣлѣ, или то его воображеніе. И это, замѣтьте, послѣ цѣлаго мѣсяца игры Лугина со старикомъ, когда, несомнѣнно, въ сознаніи Лугина должно было съ чрезвычайною силой и постоянствомъ окрѣпнуть убѣжденіе, что призраки, являющіеся къ нему, существуютъ въ дѣйствительности. Итакъ, Лугинъ ругаетъ Никиту осломъ, болваномъ за то, что тотъ увѣряетъ, будто по ночамъ портретъ выходитъ изъ рамы, и она остается пустою, но продолжаетъ разспросы объ этомъ. Здѣсь, очевидно, авторъ хочетъ окончательно укрѣпить и читателя и Лугина въ убѣжденіи, что призраки были въ явѣ, а что Лугинъ бранитъ Никиту, то это, должно-быть, по мнѣнію князя Индостанскаго, характеризуетъ только барскую натуру Лугина. Такимъ образомъ, наговорившись съ Никитой, Лугинъ начинаетъ такъ разсуждать самъ съ собою: „Удивительно, непостижимо! Это не бредъ мой, это настоящіе призраки. Я никогда не сомнѣвался въ возможности таинственнаго, чудеснаго, но этого я не могъ ожидать! И какая связь между портретомъ, т. е. механическимъ сочетаніемъ красокъ, и призракомъ? И что это: настоящіе, живые призраки, или только одна *видимость?*“ Вотъ какую форму размышленія приписываетъ Лермонтовскому герою авторъ „окончанія“ повѣсти.

Затѣмъ Лугинъ, глядя на портретъ и называя его „милостивымъ государемъ“ (у автора Лугинъ поминутно, безъ мѣры, до надоѣдливаго, называетъ этимъ обращеніемъ старика), требуетъ, чтобы онъ явился къ нему. Старикъ явился, какъ всегда, и вотъ въ добавленіе къ тонко-художественному описанію портрета, сдѣланному Лермонтовымъ, князь Индостанскій прибавляетъ своею малярскою кистью: „Случалось ли читателю видѣть измѣненіе кожи хамелеона? Въ каждое данное мгновеніе вы не можете уловить этого измѣненія, и тѣмъ не менѣе, оно совершается у васъ на глазахъ быстро и видимо. Такъ измѣнялась фигура призрака“. Въ концѣ концовъ, изъ разговора со старикомъ Лугинъ узнаетъ, что призракъ-женщина — его дочь,

проигранная при жизни офицеру въ карты, она не перенесла этого позора и отравилась, а надъ старикомъ *тяготѣетъ* смерть, отсрочить которую онъ можетъ, лишь губя другихъ. И теперь онъ требуетъ, чтобы Лугинъ поставилъ ему за женщину душу на карту. Лугинъ соглашается. На этотъ разъ, неизвѣстно почему, ему повезло, онъ выигралъ, и женщина закричала ему уже: „обнимай, цѣлуй", но едва онъ бросился къ ней, какъ все исчезло. Лугинъ окончилъ помѣшательствомъ. Грубое по содержанію, продолженіе по формѣ является никуда негоднымъ подражаніемъ внѣшнимъ особенностямъ художественныхъ пріемовъ великаго писателя. Уже самый псевдонимъ автора—„князь Индостанскій" является слабою попыткой напомнить что-то таинственное, отдаленное, а черты, въ которыхъ рисуется этотъ самый князь Индостанскій, шаблонно воспроизводятъ случайныя особенности большинства лермонтовскихъ героевъ. Стиль повѣствованія ни въ малѣйшей степени не имѣетъ ничего общаго съ лермонтовскимъ, и самый неопытный школьникъ постыдится признать его подражаніемъ языку Лермонтова: Лугинъ смотритъ на призракъ *адамантово-жестокимъ* взглядомъ, въ призракѣ находитъ *страшно объективную* (?) *проницательность* и называетъ старика такъ: „вы упырь, милостивый государь!" Такое продолженіе только оскорбляетъ память великаго поэта.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Современное положеніе дворянскаго вопроса. Путь къ его разрѣшенію. Многосторонность предлежащей задачи. Троякаго рода мѣры. Возможность экономическаго воздѣйствія вообще и теорія невмѣшательства. Неотчуждаемость дворянскихъ земель.

Истекающею весной окончился годъ со времени приступа правительства къ изслѣдованію и разрѣшенію дворянскаго дѣла, приступа, возвѣщеннаго Высочайшимъ повелѣніемъ 23-го апрѣля прошлаго года объ образованіи особаго совѣщанія подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря, И. С. Дурново. Съ тѣхъ поръ въ печати успѣла образоваться цѣлая литература по дворянскому вопросу, а также успѣли сдѣлаться общимъ достояніемъ и мнѣнія и взгляды многихъ дворянскихъ обществъ и дѣятелей сословія. Что касается государственнаго значенія сословности вообще и дворянства въ частности въ нашемъ прошломъ, настоящемъ и будущемъ, то эта сторона дѣла можетъ считаться вполнѣ выясненною—конечно, для тѣхъ, кто способенъ къ оцѣнкѣ доводовъ, а не для тѣхъ, кто ихъ даже не слушаетъ. Въ нѣсколько иномъ положеніи находится практическая сторона дѣла, т. е. опредѣленіе тѣхъ путей и средствъ, коими могъ бы быть разрѣшенъ дворянскій вопросъ въ дѣйствительности.

Въ этомъ отношеніи, какъ и слѣдовало ожидать, обнаруживается крайнее разнообразіе проектовъ, плановъ и способовъ. Въ нижеслѣдующихъ строкахъ мы, съ своей стороны, пытаемся привести нѣсколько соображеній, могущихъ способствовать уясненію практическихъ путей и мѣропріятій, направленныхъ къ возстановленію общаго государственнаго значенія дворянства.

Прежде всего попытаемся опредѣлить размѣры и, такъ сказать, общія очертанія преобразованія.

Противники сословнаго строя не желали, конечно, прежде всего самого возбужденія дворянскаго вопроса; по этому поводу, между прочимъ, ими приводится, говоря юридическимъ языкомъ, такого рода отводъ.

„Дворянскіе проекты, — говорятъ намъ, — имѣютъ цѣлью возстановленіе высшаго служилаго сословія. Но когда же и кто это сословіе у насъ уничтожалъ? Посмотрите законы о дворянствѣ. Кое въ чемъ они, дѣйствительно, измѣнены; кромѣ того, дворянство должно было подѣлиться многими своими существен-

ными правами съ представителями другихъ сословій, должно было уступить во многомъ для удовлетворенія потребностей государства, будучи привлечено, напримѣръ, къ обязательной военной службѣ. Но никто, никогда само сословіе не упразднялъ, а поэтому не можетъ быть и рѣчи о его возстановленіи. Но если бы даже это было возможно, какой могъ бы быть указанъ поводъ къ такому возстановленію? То, что дворянство въ послѣднее тридцатилѣтіе пришло въ упадокъ въ матеріальномъ и соціальномъ отношеніи? Но какъ же можетъ помочь этому горю государство? Экономическое преуспѣяніе и соціальное положеніе завоевываются, какъ отдѣльными лицами, такъ и общественными группами самостоятельно, и если дворянство въ пореформенную эпоху не имѣло въ этомъ отношеніи успѣха и должно было отступать шагъ за шагомъ передъ другими сословіями, то кто же въ этомъ виноватъ? Очевидно, жизненныя силы дворянства изсякаютъ. Возстановить ихъ безсильна какая бы то ни было государственная власть. Во всякомъ случаѣ, если сословіе заключаетъ въ себѣ достаточно жизненныхъ силъ, ничто не мѣшаетъ ему существовать и при нынѣшнемъ его правовомъ положеніи, такъ какъ оно не только не упразднено въ нашей государственной жизни, но попрежнему занимаетъ наиболѣе благопріятное и привилегированное положеніе и, слѣдовательно, во взаимномъ соперничествѣ соціальныхъ группъ имѣетъ всѣ шансы опередить всѣхъ“.

Да, совершенно вѣрно, — отвѣтимъ мы, — никто никогда не упразднялъ нашего дворянства, и нѣкоторыя важныя въ принципіальномъ отношеніи статьи, касающіяся государственнаго значенія сословія, и до сихъ поръ, какъ полвѣка тому назадъ, украшаютъ собой нашъ сводъ законовъ.

Противники дворянства — наши уравнители — при всемъ желаніи не были настолько сильны, чтобы открыто, законодательнымъ путемъ, провозгласить упраздненіе дворянства и водвореніе у насъ всеобщаго равенства даже въ шестидесятыхъ годахъ. Сколь многое ни допускалось въ то время, но для такого шага обстоятельства были, повидимому, неблагопріятны. И вотъ, мы видимъ другого рода политику. Никогда никѣмъ дворянство не упраздняется и тѣмъ не менѣе, цѣлымъ рядомъ мѣръ, всѣмъ законодательствомъ пореформенной эпохи мало-помалу оно лишается всѣхъ наиболѣе существенныхъ своихъ правъ и устраняется отъ дѣлъ государственнаго правленія. Неисповѣдимыми судьбами спасаются только отдѣльные обрывки прежняго политическаго значенія дворянства, какъ, напримѣръ, первенствующее въ уѣздахъ положеніе предводителей дворянства, но затѣмъ во всемъ остальномъ всѣ интересы помѣстнаго сословія болѣе или менѣе предвзято игнорируются, сословіе мало-по-малу лишается своей государственной и соціальной почвы, изъ-подъ сословнаго зданія понемногу выбирается фундаментъ такъ, что оно стоитъ уже на вѣсу и угрожаетъ своимъ паденіемъ.

Совершенно понятно, если такое зданіе мало-по-малу оставляется его обывателями и угрожаетъ совсѣмъ обезлюдѣть.

Такимъ образомъ, если прямо, непосредственно дворянство и не было никѣмъ упразднено и отмѣнено, то путемъ всякаго рода реформъ и государственныхъ мѣропріятій сословіе было лишено своей почвы и обречено на болѣе медленное исчезновеніе изъ русской жизни.

Этотъ путь, по которому дворянство пришло къ упадку, даетъ намъ указаніе и относительно средствъ и способовъ къ возстановленію значенія дворянства. Мы можемъ успокоить противниковъ нашей сословности. Дѣйствительно, дворянство никѣмъ у насъ офиціально не упразднялось, поэтому нѣтъ никакой надобности вновь начинать подраздѣленіе русскаго народа на сословія. Для того, чтобы фактически возвратить дворянству его прежнее значеніе и роль, совершенно достаточно будетъ пройти тотъ же путь, по видимости чуждыхъ дворянству, но нарушающихъ существенныя права сословія, преобразованій, который умалялъ значеніе его послѣ освобожденія крестьянъ. Только этотъ путь надо пройдти съ иными видами и цѣлями. Подобно тому, какъ ни одна изъ реформъ шестидесятыхъ годовъ не была направлена прямо противъ дворянства, точно такъ же ни одно изъ преобразованій, имѣющихъ цѣлью возстановленіе значенія дворянства, нѣтъ надобности прямо дѣлать въ пользу дворянства. Такими косвенными мѣрами, какими дворянство въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ лишалось своего фундамента, такими же точно мѣрами надо подвести этотъ фундаментъ.

И дѣйствительно, едва ли возможенъ какой-либо иной путь. Совершенно невозможно и противорѣчило бы всѣмъ завѣтамъ нашей исторіи создать для дворянства какое-либо особое дѣло, какія-либо особыя цѣли, помимо дѣла государственнаго, помимо цѣлей государственныхъ. Поэтому, разъ заходитъ рѣчь о возстановленіи прежняго значенія дворянства, то возстановленіе это можетъ быть совершено лишь частичными преобразованіями по всѣмъ тѣмъ областямъ государственнаго управленія и общественной жизни, съ которыми дворянство имѣетъ соприкосновеніе. Необходимъ пересмотръ всего нашего областного и мѣстнаго управленія, съ тѣмъ, чтобы при этомъ пересмотрѣ такъ же точно постоянно имѣлось въ виду возстановленіе прежняго значенія дворянства, какъ раньше имѣлась въ виду нивелировка сословій. Этотъ выводъ чрезвычайно важенъ, потому что онъ указываетъ намъ путь, по которому слѣдуетъ итти для достиженія цѣли. Собственно говоря, никакого сословнаго преобразованія предпринимать нѣтъ надобности, и для него нѣтъ мѣста, а необходимо сдѣлать исправленіе всѣхъ реформъ шестидесятыхъ и отчасти семидесятыхъ годовъ, съ тѣмъ, чтобы основать ихъ на принципѣ сословности, а не безсословности, какъ онѣ были сдѣланы.

Конечно, такая программа для преобразованія весьма обширна, хотя она и не захватываетъ глубоко мѣстной областной жизни. Это свойство ея, между прочимъ, выражается въ томъ, что она единовременно касается едва ли не всѣхъ вѣдомствъ и министерствъ, тогда какъ сословное преобразованіе не должно было бы выходить изъ предѣловъ того вѣдомства, въ которомъ числится дворянство. Но, конечно, это затрудненіе не имѣетъ большого значенія и является лишь вопросомъ, такъ сказать, законодательной техники.

Въ самомъ дѣлѣ, пора намъ отвыкнуть отъ этой бюрократической привычки—втискивать народную жизнь въ рамки того или другого министерства или вѣдомства. Пора уже понять разъ на всегда, что эта жизнь не поддается тѣмъ дѣленіямъ на вѣдомства и министерства, какія бываютъ неизбѣжны въ механизмѣ государственнаго правленія. Эту истину, къ сожалѣнію, мы забываемъ слишкомъ часто и, конечно, не въ пользу, а въ прямой ущербъ и государственному дѣлу и благу народному. Пояснимъ нашу мысль примѣрами.

Никто не говоритъ противъ того, что дѣло народнаго образованія настолько важно и обширно, что требуетъ для своей организаціи и своего веденія существованія особаго вѣдомства или министерства. Конечно, этому вѣдомству должны быть подчинены всѣ школы. Но вѣдь извѣстно, что всякое правило имѣетъ исключенія. Такъ и здѣсь. Есть особый видъ школъ, находящихся въ иныхъ, чѣмъ другія, условіяхъ, и которыя, поэтому, могли бы администрироваться совсѣмъ другимъ путемъ. Мы говоримъ о школахъ церковно-приходскихъ. Для поддержанія религіозно-нравственнаго направленія было бы желательно болѣе близкое участіе въ нихъ приходскаго духовенства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, возникаетъ и неизбѣжность подчиненія ихъ не учебному вѣдомству, а вѣдомству Святѣйшаго Синода. Только духовенство компетентно учить религіи, только веденіе дѣла имъ способно гарантировать надлежащее направленіе школы; а такъ какъ религіозно-нравственная основа школъ есть первѣйшая народная потребность, то для удовлетворенія ея необходимо отступленіе отъ общепринятаго порядка, т. е. необходимо подчиненіе нашихъ народныхъ школъ не учебному вѣдомству, а вѣдомству духовному. Можетъ ли быть, кажется, объ этомъ споръ, не все ли равно, въ концѣ концовъ, въ какомъ вѣдомствѣ находится школа, лишь бы она находилась, конечно, въ томъ вѣдомствѣ, при которомъ она болѣе принесетъ пользы народу? Теоретически вопросъ ясенъ, а практически, тѣмъ не менѣе, распространеніе церковныхъ школъ тормозится одновременнымъ существованіемъ у насъ трехъ типовъ школъ: церковныхъ, министерскихъ и земскихъ. Вѣдомства не могутъ подѣлить между собой дѣла народнаго образованія, чѣмъ замедляется удовлетвореніе одной изъ насущныхъ народныхъ нуждъ.

То же самое происходило въ другой сферѣ, въ сферѣ крестьянскаго управленія, около десяти лѣтъ тому назадъ, въ то время, когда обсуждалась послѣдняя мѣстная реформа. По множеству самыхъ уважительныхъ и всѣмъ извѣстныхъ причинъ, коллегіальное крестьянское управленіе и мировой судъ необходимо было замѣнить какою-либо сильною и близкою къ населенію государственною властью. Для сельскаго населенія эта реформа была безотлагательна и неизбѣжна... Но мировые судьи подчинены Министерству Юстиціи. Такимъ образомъ оказывается, что Министерство Внутреннихъ дѣлъ, въ вѣдѣніи котораго находится крестьянское населеніе и которое ближе всего было заинтересовано въ водвореніи порядка и спокойствія въ деревнѣ, неожиданно встрѣчаетъ препятствіе для осуществленія реформы со стороны Министерства Юстиціи, которое, ограждая, по его мнѣнію, интересъ правосудія, весьма и весьма не желало упраздненія должности мировыхъ судей.

И такихъ примѣровъ можно было привести множество.

Можно бояться, что и дворянская реформа, если подразумѣвать подъ этимъ словомъ возстановленіе прежняго государственнаго значенія дворянства, будетъ тормозиться этими чисто бюрократическими соображеніями. Для достиженія цѣлей реформы, быть-можетъ, необходимо будетъ болѣе или менѣе существенное преобразованіе во всѣхъ вѣдомствахъ и министерствахъ, такъ какъ каждое изъ этихъ вѣдомствъ въ свое время вытащило хоть нѣсколько камней изъ фундамента, на которомъ стояло зданіе дворянства. Теперь идетъ вопросъ о томъ, чтобы вновь заложить этотъ фундаментъ, а поэтому неизбѣжно и возвратить назадъ взятые камни.

Но этимъ, конечно, весьма осложняется вопросъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что для возвращенія дворянству его прежняго положенія, будутъ необходимы нѣкоторыя измѣненія въ мѣстномъ управленіи, нѣкорыя перемѣны въ мѣстной юстиціи, измѣненія въ порядкѣ пополненія корпуса офицеровъ, наконецъ, какія либо новыя правила о порядкѣ замѣщенія должностей по высшему областному и центральному управленію и т. д. Безъ этихъ отдѣльныхъ преобразованій дворянская реформа выйдетъ укороченною и, быть-можетъ, не достигнетъ своей цѣли.

Всѣми этими соображеніями объясняется путь, который избрали мы для посильной разработки вопроса о мѣрахъ къ возвращенію дворянству его прежняго государственнаго значенія. Не провозглашать дворянство вновь высшимъ служилымъ сословіемъ и не придумывать ему новое дѣло надлежитъ при разрѣшеніи дворянскаго вопроса. Нѣтъ, для этого необходима болѣе или менѣе мелочная, болѣе или менѣе сложная возстановительная работа. Необходимо мысленнымъ взоромъ прослѣдить то, что дворянство утратило, то, что можетъ быть возстановлено изъ стараго, наконецъ, то, въ чемъ успѣла сложиться

потребность уже въ новѣйшія времена, для достиженія основной цѣли — созданія для дворянства обязанностей, которыя дѣлали бы возможнымъ его существованіе и его служеніе государственнымъ пользамъ и нуждамъ.

Для дворянства должно быть найдено дѣло въ государственномъ управленіи, ему должны быть созданы условія, обезпечивающія его бытовое существованіе. Только тогда, когда мы проникнемся этою мыслію и сдѣлаемъ ее своимъ девизомъ, мы будемъ въ состояніи разрѣшить дворянскій вопросъ.

Наиболѣе трудная сторона въ дворянскомъ вопросѣ — это сторона экономическая. Возложить на дворянство тѣ или другія обязанности по областному управленію — дѣло сравнительно простое. Въ теченіе текущей половины столѣтія мы много разъ переживали реформы еще болѣе серьезныя, болѣе захватывающія глубины народной жизни, чѣмъ эта. Другое дѣло — поднять благосостояніе цѣлаго сословія, серьезно расшатанное, создать условія существованія помѣстнаго дворянства, при которыхъ болѣзненный процессъ обезземеленія вполнѣ бы пріостановился и при которыхъ дворянству удалось бы, быть-можетъ, даже увеличить свое землевладѣніе въ необходимой мѣрѣ. Содѣйствіе экономическому подъему цѣлаго ли народа, или его части — вообще задача въ высшей степени трудная, нерѣдко даже недостижимая для государства. Тѣмъ не менѣе, нельзя не признать, что послѣднее располагаетъ могущественными средствами, которыя, при удачномъ ихъ направленіи, могутъ внести полное и глубокое преобразованіе во весь соціальный укладъ даннаго сословія или народа.

Но помимо подъема экономическаго благосостоянія, все же для возвращенія дворянству его былого государственнаго значенія необходимы существенныя преобразованія во всѣхъ отрасляхъ областного, а, можетъ-быть, отчасти и центральнаго управленія. Независимо отъ этого, многія стороны самой внутренней организаціи сословія совершенно справедливо признаются нѣсколько устарѣлыми и подлежащими измѣненіямъ.

Такимъ образомъ, выясняется необходимость мѣръ троякаго рода. Во первыхъ, мѣръ *экономическихъ*, во вторыхъ, возвращенія дворянству его исконнаго служилаго значенія и, въ третьихъ, преобразованіе существующей организаціи дворянскихъ обществъ. Въ этой послѣдовательности мы и предполагаемъ дать очеркъ посильнаго разрѣшенія дворянскаго вопроса.

Прежде чѣмъ обратиться собственно къ мѣропріятіямъ экономическимъ, скажемъ нѣсколько словъ о возможности воздѣйствія государства на эту сторону жизни сословія вообще.

Какъ это ни странно сказать, но главная оппозиція противъ мѣръ, направленныхъ къ возвращенію дворянству его исконнаго государстеннаго значенія, дѣлается на почвѣ эконо-

мической. Никакихъ экономическихъ мѣропріятій на пользу дворянства, говорятъ намъ, предпринимать не нужно, такъ какъ всякое вмѣшательство государства въ эту область никогда не приносило существенной пользы. Невозможно-де поддержать соціальный слой, въ которомъ завелось экономическое худосочіе, такъ какъ создать искусственно можно многое, но только не экономическое благосостояніе. Слабые экономическіе элементы населенія во всякомъ случаѣ погибнутъ, что же касается сильныхъ, то они устоятъ и безъ всякой помощи. Экономическая же помощь со стороны государства можетъ только разстроить его финансы и, кромѣ того, внести разлагающій элементъ въ ту соціальную среду, которой государство стремится помочь. Если дворянству суждено жить, говорятъ намъ, оно проживетъ и безъ экономическихъ мѣропріятій со стороны правительства, если же ему суждено умереть, оно умретъ, несмотря ни на какія мѣропріятія. Словомъ, къ данной области, по увѣренію искреннихъ или неискреннихъ друзей дворянства, болѣе чѣмъ къ какой-либо другой примѣнима теорія *laisser faire, laisser passer*.

Но лица проповѣдующія такой взглядъ забываютъ лишь одно весьма важное обстоятельство, а именно то, что эта теорія невмѣшательства государства въ судьбы дворянства только что была примѣнена и, можно сказать, съ такими результатами, которые едва ли не способны охладить рвеніе ея сторонниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, какою же иною и была до сихъ поръ политика нашей государственной власти въ отношеніи дворянства, какъ не политикой невмѣшательства въ его судьбы? Что же иное въ отношеніи дворянства, кромѣ теоріи *laisser faire, laisser passer*, видимъ мы вплоть до половины царствованія незабвеннаго императора Александра III.

Еще когда только что отмѣнили крѣпостное право и когда дѣло шло о томъ, чтобы заставить бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ выполнить ихъ обязательства въ видѣ оброка и другихъ законныхъ повинностей въ пользу помѣщика, правительство въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ устранялось отъ вмѣшательства въ это дѣло, находя, что крестьяне и помѣщики могутъ въ своихъ дѣлахъ разобраться и помимо всякой власти. Когда наше сельское хозяйство съ первыхъ же шаговъ его на поприщѣ вольно-наемнаго труда стало, можно сказать, погибать отъ безпорядочности этого труда и несоблюденія крестьянами и сельскими рабочими въ отношеніи помѣщиковъ обязательствъ на работы, государственная власть точно такъ же на обращенные къ ней вопли хозяевъ отвѣчала, что это сфера гражданскихъ отношеній и что въ эту сферу оно не можетъ вмѣшиваться. Когда деревенское безначаліе въ концѣ 70-хъ годовъ дошло до коллективныхъ преступленій, когда помѣщичьи усадьбы поджигались по формально составленному приговору сельскихъ обществъ съ сельскимъ начальсвомъ во главѣ, госу-

дарственная власть въ теченіе долгаго времени оставалась безучастною зрительницей полной необезпеченности личности и собственности помѣстнаго дворянства, находя, что принципъ *laisser faire*, *laisser passer* гораздо важнѣе общественной безопасности и порядка. Наконецъ, когда помѣстное дворянство не выдержало всей суммы неблагопріятныхъ условій, въ которыя было поставлено его существованіе, и когда обезземеленіе его пошло быстрыми шагами, правительство учредило Крестьянскій банкъ для облегченія покупки дворянскихъ земель сословіемъ, землевладѣніе котораго не только не уменьшалось, а постоянно расширялось и безъ всякой помощи со стороны государства.

Что же такое было все это, какъ не политика невмѣшательства въ судьбы дворянства, какого же еще болѣе торжества теоріи *laisser faire, laisser passer* нужно принципіальнымъ противникамъ сословія? Можно сказать, что политика невмѣшательства 60-хъ и 70-хъ годовъ была проведена въ отношеніи русскаго помѣстнаго дворянства такъ послѣдовательно, какъ никогда никакая государственная власть ни въ какомъ дѣлѣ ее не проводила. И какіе же мы видимъ результаты? Матеріальное благосостояніе высшаго служилаго сословія постоянно падаетъ, оно обезземеливается и утрачиваетъ болѣе и болѣе свое общественное и государственное значеніе.

Является вопросъ, неужели всего этого не знаютъ тѣ, кто совѣтуетъ правительству воздерживаться отъ всякой экономической помощи высшему земледѣльческому классу, кто совѣтуетъ государственной власти опять возвратиться къ той политикѣ невмѣшательства въ судьбы сословія, которая господствовала у насъ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ?

Мы сильно сомнѣваемся въ этомъ и думаемъ, что гораздо болѣе вѣроятнымъ является другое предположеніе, а именно, что совѣтующіе политику невмѣшательства прекрасно знаютъ, что достаточно правительству послѣдовать ей въ теченіе одного или двухъ десятилѣтій, какъ отъ нашего помѣстнаго дворянства не останется и слѣда, и надо думать, что мысль эта далеко не кажется имъ такою безотрадною, какъ это можно было бы подумать, судя по той готовности, съ которою они подаютъ свои совѣты на пользу и процвѣтаніе дворянскаго сословія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы не можемъ не вспомнить и другого урока, который даетъ намъ исторія. Мы знаемъ, что до освобожденія крестьянъ наше правительство никогда не придерживалось въ отношеніи высшаго дворянскаго сословія политики невмѣшательства, политики *laisser faire, laisser passer*, что, наоборотъ, русское дворянство всегда пользовалось особою попечительностью о себѣ государственной власти и выросло и культивировалось подъ вліяніемъ и подъ дѣйствіемъ этой попечительности. Въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ государственная власть заботилась о сословіи и лелѣяла его и въ концѣ николаевскаго царствованія, можно сказать, могла пожать плоды такой поли-

тики: русское дворянство, дѣйствительно, было наиболѣе культурнымъ, наиболѣе воспитаннымъ политически, наиболѣе образованнымъ классомъ русскаго народа, составлявшимъ дѣйствительную опору правительства. Вотъ плоды и результаты политики, противоположной политикѣ невмѣшательства, политики попечительности государственной власти о сословіи.

Итакъ, мы различаемъ въ исторіи дворянства два періода: долгій періодъ до 61-го года, когда сословіе пользовалось государственною о себѣ попечительностью, и краткій періодъ, послѣ 61-го года, когда правительство предоставило сословіе его собственнымъ судьбамъ и приняло въ отношеніи него политику индиферентизма и невмѣшательства. И сравнивая результаты этихъ двухъ періодовъ, нужно умышленно не желать видѣть и понимать, чтобы рекомендовать правительству продолженіе политики второго періода, уже приведшей дворянство къ его печальному нынѣшнему положенію.

Наиболѣе важнымъ изъ экономическихъ вопросовъ, связанныхъ съ дворянскимъ дѣломъ, является вопросъ о предотвращеніи дальнѣйшаго обезземеленія сословія. Многочисленными изслѣдованіями послѣднихъ лѣтъ вполнѣ установлено, что наше помѣстное дворянство таетъ, таетъ и таетъ, а вмѣстѣ съ нимъ безвозвратно исчезаетъ изъ соціальнаго строя страны и все *служилое сословіе,* быстро замѣщаемое на всѣхъ поприщахъ государственной службы другого рода служилыми людьми, именовавшимися прежде приказными, а нынѣ, въ подражаніе Западной Европѣ, именуемыми бюрократіей. *Rien de pis que la bureaucratie universelle*,—говоритъ Тэнъ [1]),—и это положеніе едва ли можетъ встрѣтить серьезныя возраженія... Но для того, чтобъ у насъ не настало царство бюрократіи, необходимо, пока еще не поздно, принять дѣйствительныя мѣры противъ исчезновенія самого ядра дворянства,—дворянства помѣстнаго, то-есть противъ его обезземеленія. И общественная мысль уже намѣтила пути, могущіе привести къ этой цѣли.

Въ 1887 году почти одновременно въ средѣ двухъ дворянскихъ обществъ—Казанскаго и Полтавскаго—вполнѣ самостоятельно возникаютъ болѣе или менѣе детально разработанныя предположенія о мѣрахъ къ предотвращенію дробленія дворянскихъ помѣстій, такъ равно и перехода ихъ въ руки лицъ другихъ состояній. Оба эти предположенія возвращаются, въ существѣ своемъ, къ старой Петровской мысли о созданіи у насъ недѣлимыхъ и неотчуждаемыхъ дворянскихъ помѣстій,—мысли, осуществленной въ указѣ императора отъ 23 марта 1714 года, но не привившейся къ нашей дѣйствительности,—хотя каждое изъ упомянутыхъ предположеній и стремится придать Петровской мысли своеобразную форму. Казанскій проектъ г. Бара-

[1]) La revolution t. l. p. 215.

тынскаго, признавая, что принудительное учрежденіе недѣлимыхъ участковъ является „юридически спорнымъ", склоняется, тѣмъ не менѣе, именно къ такому рѣшенію вопроса, такъ какъ „добровольное учрежденіе недѣлимыхъ участковъ безцѣльно" [1]); Полтавскій проектъ князя А. В. Мещерскаго, построенъ, наоборотъ, единственно на началѣ частной и добровольной иниціативы самихъ владѣльцевъ имѣній; въ этомъ пунктѣ и заключается главное разногласіе обоихъ проектовъ.

Намъ, для нашей цѣли, нѣтъ надобности входить въ разсмотрѣніе какъ сравнительной осуществимости того и другого проекта, такъ и сравнительной ихъ полезности, ибо, если допустить даже, что они достигнутъ своей ближайшей цѣли – укрѣпленія дворянскаго землевладѣнія, – то и въ этомъ случаѣ они разрѣшили бы дворянскій вопросъ лишь односторонне, а главное — въ полномъ противорѣчіи съ историческимъ прошлымъ сословія.

Въ самомъ дѣлѣ, для чего нужно намъ дворянство? Прежде всего для собственно государственныхъ цѣлей и затѣмъ уже для цѣлей культурныхъ. Государственное значеніе дворянства можетъ быть возстановлено однимъ путемъ, который вполнѣ опредѣленно указывается нашимъ историческимъ опытомъ, — путемъ возвращенія этому сословію его служебныхъ правъ и обязанностей. Однимъ изъ условій этого возвращенія должно быть болѣе или менѣе устойчивое дворянское землевладѣніе, такъ какъ безъ него дворянство не могло бы быть полезно для мѣстной службы и утратило бы свои бытовыя черты. Такимъ образомъ, дворянское землевладѣніе является не цѣлью само по себѣ, а лишь средствомъ къ осуществленію государственной роли сословія.

Между тѣмъ, всѣ извѣстные до настоящаго времени проекты объ учрежденіи дворянскихъ заповѣдныхъ имѣній, не связанные ни съ какими предположеніями о возвращеніи дворянству прежней, обязательно — служилой роли, въ своемъ лучшемъ исходѣ приведутъ къ одному результату: создадутъ сильный, богатый и вліятельный классъ земельной аристократіи, ничѣмъ не связанной съ государственною властью и имѣющій лишь права, безо всякихъ обязанностей.

Самодержавная власть можетъ стремиться создать лишь государственную силу; но какою силой будетъ такая земельная аристократія, — никто впередъ отвѣтить не можетъ. Во всякомъ случаѣ, возможность самостоятельнаго и независимаго отъ государственной власти существованія можетъ повести къ тому, что дворянство не только будетъ безполезно въ качествѣ разсадника служилыхъ людей, но можетъ еще явиться и силою оппозиціонною, особенно въ смутные годы народной жизни, когда этой силѣ не невозможно будетъ проявить даже и олигархическія тенденціи. Сознательно вводить въ народную жизнь такое

[1]) Н. Баратынскій. Изъ губерніи, стр. 84.

сословіе — значило бы рѣшаться на опытъ вполнѣ темный въ отношеніи его результатовъ, а потому и рискованный и небезопасный. Хотя созданная такимъ образомъ аристократія и была бы лишь искусственнымъ сколкомъ съ аристократіи западноевропейской, тѣмъ не менѣе, она могла бы пустить корни въ свою новую почву, а вырываніе такихъ корней—операція всегда тяжелая и болѣзненная для народнаго организма.

Въ конституціонномъ строѣ западной Европы, основанномъ на непрерывной политической борьбѣ различныхъ слоевъ населенія, даже и независимая земельная аристократія обыкновенно представляется весьма полезною государственною силой, такъ какъ, отстаивая свои сословные интересы, она нейтрализуетъ остальныя соціальныя силы и даетъ возможность государственному тѣлу сохранить равновѣсіе. Но у насъ, при самодержавномъ строѣ, нѣтъ политической борьбы, и поэтому вліятельная и надѣленная правами земельная аристократія явилась бы единственною активною политической силою, съ которою бы пришлось считаться не кому иному, какъ самой же создавшей ее государственной власти, и которая могла бы внести въ жизнь страны серьезный элементъ разложенія и смуты.

Право учрежденія недѣлимыхъ и неотчуждаемыхъ участковъ нельзя разсматривать иначе, какъ болѣе или менѣе важную привилегію, и она можетъ быть пожалована сословію лишь какъ средство къ исполненію извѣстнаго рода государственныхъ обязанностей. Только эти обязанности возстановятъ связь сословія съ государственною властью, чѣмъ и устранятъ возможность негосударственнаго его направленія. Поэтому вопросъ о заповѣдныхъ дворянскихъ имѣніяхъ долженъ быть разрѣшенъ не иначе, какъ въ тѣсной связи съ возвращеніемъ дворянству его обязательно служилаго государственнаго значенія. Тогда и болѣе или менѣе значительныя жертвы со стороны государства для упроченія дворянскаго землевладѣнія,— безъ чего едва ли возможна сколько-нибудь широкая постановка учрежденія недѣлимыхъ участковъ, —будутъ имѣть такой же смыслъ и такое же оправданіе, какъ и жертвы для обезпеченія землевладѣнія крестьянскаго, ибо оба эти основныя сословія одинаково необходимы и одинаково полезны для благоденствія и процвѣтанія нашего отечества.

Мы указывали раньше, что одною изъ ближайшихъ причинъ обезземеленія нашего дворянства было распространеніе на дворянскія имѣнія — въ силу сепаратныхъ опредѣленій Сената въ шестидесятыхъ годахъ — общаго права купли-продажи всякой недвижимой собственности. Извѣстно, что запрещеніе Московскихъ царей лицамъ неслужилаго сословія пріобрѣтать помѣстья и вотчины было вызвано исключительно необходимостью, *„чтобы земля изъ службы не выходила“*, и ограниченіе въ правѣ продажи дворянскихъ имѣній лицамъ не-привилегированнаго сословія было послѣднимъ правовымъ слѣдомъ начала обязательной, дво-

рянской службы. Такимъ образомъ, исторія даетъ намъ готовую и испытанную мѣру противъ дворянскаго обезземеленія. Разъ дворянству будетъ возвращено его служилое значеніе, разъ землевладѣніе будетъ признано необходимымъ условіемъ для осуществленія этого назначенія, необходимо вновь воспретить переходъ дворянскихъ имѣній въ руки лицъ другихъ состояній—„чтобы земля изъ службы не выходила". Въ этомъ смыслѣ еще въ 1889 году состоялось, по иниціативѣ дворянъ Н. Д. Пазухина и Я. Я. Литвинова, прекрасно мотивированное ходатайство Симбирскаго дворянства, при чемъ дворянскимъ землямъ предлагалось присвоить наименованіе земель *помѣстныхъ*.

Къ разсмотрѣнію другихъ мѣропріятій съ цѣлью поднятія экономическаго быта дворянства мы вернемся въ слѣдующій разъ.

А. Елишевъ.

ИНОСТРАННЫЙ ОТДѢЛЪ.

1) ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Послѣ того какъ кабинетъ Мелина, второй по долговѣчности во Франціи, палъ, — долгое время не могло составиться тамъ новаго кабинета. Всякій день назывались новыя имена, носители этихъ именъ ѣздили въ Елисейскій дворецъ, проектировались министерства, но все это ни къ чему не приводило, и кабинета, которой бы могъ съ надеждой хотя бы на кратковременный успѣхъ управлять страной, все не составлялось. Это, впрочемъ, и не удивительно, ибо составить кабинетъ во Франціи, при разнообразіи существующихъ тамъ партій, и всегда было дѣломъ нелегкимъ, а теперь задача эта еще болѣе усложнилась.

Францiя теперь связана неразрывными узами съ Россіей, и въ виду этого всѣ понимаютъ необходимость избрать министерство устойчивое и прочное, которое сумѣло бы такъ или иначе объединить, по крайней мѣрѣ въ сферѣ внѣшнихъ отношеній, всѣ партіи и руководить ими твердою рукой.

Но, въ виду состава нынѣшней палаты, такая задача усложнялась въ крайней степени, и если этотъ составъ палаты вызвалъ паденіе кабинета Мелина, то ясно было для всѣхъ, что врядъ ли скоро найдется человѣкъ, который съ такою палатой пожелаетъ руководить судьбами Франціи.

Къ этому надо прибавить еще и то, что вѣдь весь французскій народъ вовсе не повиненъ въ неудачномъ составѣ нынѣшней палаты. Избраніе депутатовъ состоялось на основаніи принципа большинства голосовъ, а теперь, наканунѣ XX вѣка, кажется, не надо уже доказывать, что это способъ наименѣе надежный для узнаванія истинныхъ мнѣній и желаній народа. Это лоттерея, въ которой сегодня вынется счастливый билетъ, а завтра несчастный; а почему такъ, а не иначе, на то не можетъ быть отвѣта, ибо таковъ законъ *случайности*, и спорить тутъ уже нечего, а надо просто считаться съ фактомъ...

Хотѣлъ за составленіе кабинета взяться Рибо, но его попытка оказалась неудачною, и онъ долженъ былъ объявить президенту республики, что для исполненія возложеннаго на него порученія, онъ не чувствуетъ за собой достаточной под-

держки. Дѣло въ томъ, поясняютъ газеты, что радикалы вступили бы въ его кабинетъ лишь въ случаѣ предоставленія имъ большинства портфелей, т. е. въ случаѣ превращенія министерства въ радикальное, на что не могъ согласиться Рибо.

Далѣе заговорили о „министерствахъ примиренія“, называя здѣсь имена Сорріель и Петраля, но и эти комбинаціи не имѣли успѣха.

Тогда президентъ республики пригласилъ Бриссона.

Когда это имя появилось въ спискѣ кандидатовъ на постъ главы министерства, всѣ умѣренныя партіи Франціи пришли въ изумленіе; дѣло въ томъ, что всѣ французы, высоко цѣня въ Бриссонѣ его личную честность, считаютъ и называютъ его „партійнымъ сектантомъ“, чеерзъ-чуръ прямолинейнымъ и непреклоннымъ.

Ликовали только радикалы, считающіе Бриссона среди своихъ сторонниковъ и думавшіе, что съ Бриссономъ во главѣ министерства имъ удастся провести всѣ свои завѣтныя реформы, до сихъ поръ терпѣвшія постоянно неудачи, такъ какъ умѣренное большинство французскаго народа вовсе имъ не сочувствуетъ.

И вотъ, дѣйствительно, Бриссонъ очутился у власти, и что всего удивительнѣе, такъ это то, что его министерство, выступивъ въ первый разъ передъ палатой, одержало даже побѣду, т. к. получило отъ палаты выраженіе довѣрія при большинствѣ въ 86 голосовъ (316 противъ 230). На первый взглядъ, это, дѣйствительно, побѣда, такъ какъ многіе предсказывали, что министерство Бриссона потерпитъ пораженіе при первомъ же голосованіи. Этого не случилось, и новое министерство получило „большинство“; но этого оно добилось цѣной такихъ жертвъ, что размѣры побѣды, достигнутой имъ, сводятся, при ближайшемъ разсмотрѣніи, къ minimum'у.

Когда зашла рѣчь о министерствѣ съ Бриссономъ во главѣ, весьма многіе думали, что это новое министерство явится представителемъ чистаго радикализма съ нѣкоторымъ даже оттѣнкомъ соціализма. По крайней мѣрѣ, радикальные органы печати именно въ этой-то надеждѣ и привѣтствовали столь горячо это министерство.

Но при первой же министерской деклараціи стало яснымъ, что Бриссонъ и К° отрекаются отъ той программы, которой они прежде придерживались и которая именно и прославила ихъ въ общественномъ мнѣніи какъ правовѣрныхъ радикаловъ.

Бриссонъ долженъ былъ отречься отъ пересмотра конституціи, этого основного параграфа радикальнаго „credo“, и отъ возбужденія вопроса о прогрессивномъ подоходномъ налогѣ; этого мало: ему пришлось заявить, что онъ будетъ защищать армію отъ нападенія со стороны сторонниковъ Дрейфуса (это обстоятельство доставило ему около 20 голосовъ партіи Поля Деруледа), и, наконецъ, horribile dictu, Бриссонъ долженъ

былъ передъ всею палатой отречься отъ всякой солидарности съ соціалистами.

Такимъ только путемъ удалось Бриссону составить большинство въ 86 голосовъ, упавшее притомъ вскорѣ до 64 голосовъ. Это большинство незначительное, и, очевидно, положеніе новаго министерства будетъ не изъ легкихъ.

Оно попало какъ бы въ тиски, и выпутаться изъ нихъ будетъ ему не легко.

Съ одной стороны, если отказъ его отъ радикальной программы искрененъ, — то каково будетъ положеніе тѣхъ избирателей, которые именно ради этой-то программы и дали свои голоса членамъ кабинета Бриссона? Очевидно, на будущихъ выборахъ эти избиратели уже не будутъ голосовать за лицъ, не оправдавшихъ ихъ довѣрія.

Съ другой стороны, если этотъ отказъ отъ пересмотра конституціи и т. п. есть лишь хитрый маневръ, то несомнѣнно, что, разъ истина обнаружится, кабинетъ Бриссона сразу потеряетъ то незначительное большинство, которое теперь высказалось въ его пользу.

Словомъ, во всѣхъ отношеніяхъ положеніе новаго министерства является непрочнымъ.

Таково было наше первое впечатлѣніе, а когда пришли болѣе подробныя извѣстія о первомъ дебютѣ министерства Бриссона, мы еще сильнѣе укрѣпились въ нашемъ мнѣніи о недолговѣчности новаго министерства, тѣмъ болѣе, что стало вполнѣ яснымъ, какого рода была одержанная имъ побѣда. Это было скорѣе побѣдой не кабинета Бриссона, а прежняго кабинета Мелина!.. Въ самомъ дѣлѣ, какъ извѣстно, депутатъ Кранцъ внесъ запросъ о политикѣ Бриссона, при чемъ выразилъ ту мысль, что подъ новою программой могъ бы подписаться и бывшій министръ президентъ. Отказъ радикаловъ отъ прогрессивнаго налога и замѣна его подоходнымъ налогомъ, основаннымъ на внѣшнихъ признакахъ состоянія плательщика,—является, въ сущности говоря, лишь тріумфомъ политики Мелина. Далѣе, когда Бриссонъ въ своей декламаціи дошелъ до того мѣста, гдѣ говорится о земледѣльческихъ палатахъ, во французской палатѣ депутатовъ произошло нѣчто такое, подобнаго чему, вѣроятно, не встрѣчалось никогда ни въ одной странѣ съ парламентарнымъ образомъ правленія.

Въ этотъ моментъ весь центръ и вся правая повернулись лицомъ къ Мелину, который сидѣлъ высоко, на одномъ изъ верхнихъ мѣстъ, и стали ему бурно и долго апплодировать.

А радикалъ Бриссонъ продолжалъ въ это время чтеніе своей безпримѣрной въ лѣтописяхъ исторіи декламаціи.

„Продолжая традиціи нашихъ предшественниковъ", провозглашалъ г. Бриссонъ, а представитель правой, монархистъ P. de Cassagnac, редакторъ газеты „Aurore", поспѣшилъ подчеркнуть это знаменательное изреченіе г. Бриссона ирониче-

скими словами: „да! потому что вы ни на что другое и не способны!“

Итакъ, что же мы видимъ въ результатѣ? Чѣмъ отличался пока кабинетъ Бриссона? Развѣ только своею нетерпимостью къ мнѣнію противниковъ, что особенно рѣзко выразилось въ сенатѣ, когда президентъ намекалъ одному изъ сенаторовъ консервативной партіи что слѣдуетъ дать отвѣтъ на нѣкоторыя обидныя для консерваторовъ мѣста въ деклараціи.

Словомъ, побѣда Бриссона, если можно назвать побѣдой полученное имъ при незначительномъ большинствѣ голосовъ выраженіе довѣрія, является, въ сущности говоря, побѣдой прежняго кабинета Мелина, побѣдой, показывающей, что политика Мелина успѣла снискать себѣ довѣріе всей страны, такъ что теперь каждое новое министерство, если только оно пожелаетъ упрочить свое положеніе, должно будетъ, волей или неволей, ей слѣдовать и на нее опираться, измѣняя даже своимъ личнымъ и завѣтнѣйшимъ политическимъ убѣжденіямъ...

Особенно разочаровало министерство Бриссона сторонниковъ пресловутаго Дрейфуса. Они, не вразумленные, очевидно, неудачей, постигшею процессы, возбужденные неумѣстнымъ вмѣшательствомъ въ дѣло Э. Золя, возлагали большія надежды на вступленіе во власть радикаловъ, надѣясь, что тѣ, такъ сказать, по принципу и по духу оппозиціи бывшему кабинету, потребуютъ пересмотра пресловутаго процесса Дрейфуса, притомъ именно въ духѣ сторонниковъ Дрейфуса.

Однако, расчеты послѣднихъ оказались ошибочными, и радикалы, очутившись у власти, сейчасъ же перемѣнили фронтъ и не только не стали въ оппозицію къ кабинету Мелина, но даже поспѣшили заявить, что новое министерство будетъ слѣдовать традиціямъ министерства, только что сошедшаго со сцены.

Уже это одно должно было сильно разочаровать французскихъ дрейфусистовъ, но тѣмъ не менѣе, въ палатѣ былъ сдѣланъ запросъ о дѣлѣ Дрейфуса, и новому военному министру Кавеньяку пришлось дать новымъ представителямъ французскаго народа обширныя и весьма важныя объясненія по поводу этого дѣла.

Здѣсь мы встрѣчаемся съ замѣчательно любопытною подробностью: какъ извѣстно, во время наибольшей агитаціи по дѣлу Дрейфуса, Кавеньякъ считался среди лицъ, сомнѣвавшихся въ правильности приговора, произнесеннаго надъ Дрейфусомъ. Но теперь, когда Кавеньякъ достигъ власти и, какъ министръ, могъ ознакомиться со всѣми документами по дѣлу Дрейфуса, имѣющимися въ рукахъ правительства, онъ совершенно измѣнилъ свой образъ мыслей и могъ вполнѣ категорически высказать свое глубокое убѣжденіе въ виновности Дрейфуса и въ правильности двухъ, состоявшихся по этому дѣлу, приговоровъ военныхъ судовъ.

Рѣчь Кавеньяка съ восторгомъ была принята палатой, и громаднымъ большинствомъ голосовъ постановлено было распубликовать ее повсемѣстно во всеобщее свѣдѣніе.

Итакъ, дрейфусисты потерпѣли крупное пораженіе, но, какъ сообщаютъ дальнѣйшія извѣстія, они не пали духомъ и думаютъ продолжать кампанію, а нѣкоторыя французскія газеты съ ужасомъ замѣчаютъ даже, что дѣло Дрейфуса вновь начинаетъ принимать угрожающіе размѣры.

Мы убѣждены, что, въ концѣ концовъ, изъ всей этой печальной исторіи Франція выйдетъ побѣдоносною и окончательно смететъ съ себя всю паутину опутавшей ее грязной жидовской интриги, но, тѣмъ не менѣе, еще долгое время дѣло Дрейфуса будетъ въ ея политической жизни служить тѣмъ опаснымъ подводнымъ камнемъ, о который и безъ того непрочныя французскія министерства ежеминутно могутъ потерпѣть крушеніе.

Это же въ свою очередь наводитъ на очень серьезныя мысли каждаго безпристрастнаго наблюдателя: дѣло Дрейфуса разрослось до такихъ размѣровъ только благодаря тому чрезвычайному вліянію, какимъ пользуются во Франціи евреи, захватившіе въ свои руки и биржу и печать — эти два могущественнѣйшіе рычага жизни современнаго общества...

Въ то время, какъ въ Европѣ, въ странахъ конституціонныхъ, происходитъ энергичная борьба партій, гдѣ противники борются словами, не брезгуя прибѣгать къ клеветѣ и къ оскорбленіямъ, тамъ, на атлантическомъ океанѣ, продолжается кровавая борьба между Соединенными штатами и Испаніей. Важнѣйшими актами этой кровавой борьбы былъ разгромъ эскадры Сервера и взятіе Сантъ-Яго.

Испанская эскадра шла на вѣрную гибель, и она погибла, при чемъ испанскіе моряки, начиная отъ самого адмирала Сервера и кончая послѣднимъ испанскимъ матросомъ, проявили замѣчательное мужество и неустрашимость.

Адмиралъ Сампсонъ телеграфировалъ въ Вашингтонъ, что въ день національнаго праздника — объявленія независимости Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ штатовъ — онъ подноситъ націи подарокъ: *полное уничтоженіе эскадры Сервера.*

Но можно ли считать славною побѣдой истребленіе испанской эскадры, когда она не сдѣлала почти ни одного выстрѣла (говорятъ, за неимѣніемъ боевыхъ снарядовъ) и когда американскія суда осыпали ее градомъ выстрѣловъ изъ орудій новѣйшаго устройства, при чемъ употреблялись и разрывные снаряды?

Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что Испанія переживаетъ очень тяжелый кризисъ, принявшій, очевидно, особенно большіе размѣры послѣ противорѣчивыхъ извѣстій о капитуляціи Сантъ-Яго. Въ самомъ дѣлѣ, тогда какъ большинство извѣстій, какъ американскихъ, такъ и испанскихъ, категорически под-

тверждаютъ извѣстія о паденіи Сантъ-Яго, одна изъ послѣднихъ мадридскихъ телеграммъ увѣряетъ, что извѣстіе это преждевременно.

При настоящемъ тревожномъ и до крайности натянутомъ положеніи дѣлъ въ Испаніи, такая неопредѣленность въ сообщеніяхъ, приходящихъ съ театра войны, не обѣщаетъ ничего хорошаго. Въ самомъ дѣлѣ: испанскимъ правительствомъ приняты рѣшительныя мѣры, вызванныя увѣренностью, что капитуляція Сантъ-Яго — совершившійся фактъ. Въ виду впечатлѣнія, которое могла произвести на умы эта новая военная неудача, министерство Сагасты временно пріостановило по всей Испаніи дѣйствія конституціи, что равносильно объявленію всей страны на осадномъ положеніи.

Такая рѣзкая мѣра является, однако, вполнѣ необходимою въ виду той борьбы съ антидинастическими элементами, которую предстоитъ теперь выдержать испанскому правительству.

Телеграммы изъ Мадрида сообщили уже, что ожидается появленіе прокламаціи донъ-Карлоса, а это, конечно, не обѣщаетъ ничего хорошаго, такъ какъ донъ-Карлосъ именно и намѣренъ играть на патріотической жилкѣ испанцевъ, а патріотизмъ послѣднихъ — внѣ сомнѣнія, какъ то блестяще доказано геройскими подвигами испанцевъ, оказанными ими, хотя бы, напримѣръ, при разгромѣ эскадры Серверы.

Въ странномъ положеніи очутились и американцы на островѣ Кубѣ. Судите сами.

Они взяли сторону кубскихъ инсургентовъ, возставшихъ противъ угнетающей островъ Испаніи, они оказали имъ денежную и матеріальную помощь, изъ-за нихъ, опираясь на принципѣ гуманности и права, они объявили войну Испаніи и цѣной тяжелыхъ жертвъ и громадныхъ потерь, достигли точно полной побѣды надъ противникомъ.

Два испанскихъ флота уничтожены въ конецъ. Сантъ-Яго долженъ былъ сдаться... Испанія разорена и доведена до крайности.

Итакъ, кубскіе инсургенты могутъ ликовать: начатое ими дѣло восторжествовало, и имъ ничего не остается, какъ только горячо благодарить своихъ благодѣтелей, — американцевъ.

Но что же это? Съ театра военныхъ дѣйствій, съ этой Кубы, изъ-за которой пролились уже такія рѣки крови, до насъ доходятъ совершенно иныя вѣсти, нисколько не говорящія намъ о чувствахъ благодарности инсургентовъ къ американцамъ.

Напротивъ того, эти вѣсти указываютъ на установленіе холодныхъ, если не совсѣмъ враждебныхъ отношеній между американцами и инсургентами.

Однѣ телеграммы говорятъ, что инсургенты удаляются въ глубь острова и, повидимому, готовы стать въ рѣзко-враждебныя отношенія съ американскими войсками.

Другія телеграммы сообщаютъ, что американскія войска получили инструкціи не дѣлиться съ инсургентами ни съѣстными, ни военными припасами.

При этомъ выставляются и разные мотивы такой внезапной вражды между американцами и инсургентами.

Съ испанской стороны сообщаютъ, что инсургенты разочаровались въ безкорыстіи американцевъ, такъ какъ ясно поняли, что вся ихъ цѣль состоитъ въ захватѣ богатыхъ испанскихъ колоній, ну а на это инсургенты не согласны, ибо они прекрасно понимаютъ, что власть Соединенныхъ штатовъ окажется для Кубы потяжелѣе власти Испаніи.

Американцы, конечно, иначе объясняютъ разрывъ съ инсургентами. Инсургенты-де хотѣли разграбить Сантъ-Яго, а когда имъ этого не позволили — то разсердились и возмутились противъ помогающихъ имъ американскихъ войскъ.

На чьей сторонѣ правда - трудно рѣшить. Вѣрнѣе всего, что правы и американцы и кубинскіе инсургенты. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно одно: ни кубинскіе инсургенты не заслуживали сочувствія, а тѣмъ болѣе активнаго вмѣшательства въ ихъ пользу, ни Соединенные штаты не дѣйствовали безкорыстно въ своемъ столкновеніи съ Испаніей!

Очень прискорбныя вѣсти приходятъ изъ Австро-Венгріи о положеніи тамошнихъ славянъ. Вотъ нѣсколько фактовъ, показывающихъ, какъ тяжело живется славянамъ въ предѣлахъ Австро-Венгріи.

Нѣсколько лѣтъ назадъ въ Вѣнѣ послѣдовало закрытіе греко-уніатской семинаріи, при чемъ было офиціально заявлено, что причиной этому слишкомъ дальнее разстояніе отъ края (Галицкой Руси), для котораго она приготовляетъ священниковъ. Между тѣмъ, вмѣсто ожидаемаго открытія семинаріи во Львовѣ, папскимъ декретомъ отъ 30 минувшаго декабря открыта въ Римѣ, съ согласія австрійскаго правительства, отдѣльная русско-уніатская семинарія при церкви свв. Сергія и Вакха, при чемъ въ нее перемѣщены всѣ австрійскіе кандидаты изъ греческой коллегіи. Изъ австрійскихъ газетъ мы узнаемъ, что на учрежденіе семинаріи австрійскимъ императоромъ пожертвовано 100 тыс. флориновъ, что, въ силу папскаго декрета, преподавателями и начальствующими семинаріи будутъ іезуиты, какъ „отличающіеся испытанною ревностью“, и только одинъ священникъ русской народности, опредѣленный къ тому архіепископомъ, съ согласія кардинала — префекта пропаганды, будетъ обучать питомцевъ предметамъ, касающимся спеціально греко-католической литургіи, и обрядамъ.

Русскіе галичане недоумѣваютъ: какимъ образомъ будутъ учить, вести и воспитывать будущихъ русско-уніатскихъ священниковъ люди, не знающіе ни края, ни народа, ни его церковнаго обряда? Отвѣчать на это не трудно. Будущіе пастыри

греко-уніатской церкви въ Галичинѣ сумѣютъ отстаивать восточную обрядность съ внѣшней стороны, но введутъ мало-помалу безбрачіе духовенства и воспитаютъ народъ въ духѣ крайняго ультрамонтанства. Такими способами приготовляется для будущаго оплотъ противъ Россіи.

Обыкновенно говорятъ, что нѣмцы враги славянства. Это, конечно, фактъ безспорный, но въ Австро-Венгріи у славянъ есть и другіе враги, не менѣе, если не болѣе, для нихъ страшные. Эти враги — это мадьяры, стремящіеся къ первенству въ австро-венгерской имперіи. Потомки дикихъ унгровъ, когда-то вторгшихся въ Европу изъ необозримыхъ равнинъ Азіи, постоянно надѣлявшихъ Европу всякими варварскими нашествіями, — мадьяры и въ настоящемъ отличаются первобытною дикостью нравовъ и страшною нетерпимостью ко всему не мадьярскому, особенно же къ славянамъ.

И вотъ, положеніе славянъ, живущихъ въ областяхъ, гдѣ преобладающее населеніе — мадьярское, дѣлается почти невыносимымъ. Въ газетахъ сообщаются, напримѣръ, почти невѣроятные факты о тѣхъ преслѣдованіяхъ, которымъ подвергается единственный органъ мадьярскихъ славянъ „Narodni Novini", вотъ уже 29 лѣтъ борющійся съ мадьяризаціей, во всѣхъ ея проявленіяхъ.

Борьба эта тѣмъ болѣе трудна, что венгерское правительство, несмотря на свободу печати, существующую въ Австріи, строго слѣдитъ за газетой и караетъ ее прямо-таки безжалостно за всякую статью, проникнутую чувствомъ любви къ своему угнетенному народу. Въ самое послѣднее время двое изъ самыхъ видныхъ сотрудниковъ этой газеты были приговорены къ продолжительному тюремному заключенію и крупному денежному штрафу.

Расчетъ мадьяровъ при этомъ совершенно вѣрный: словацкій народъ очень бѣденъ публицистами, и трудно замѣнить кѣмъ-либо выбывшихъ изъ строя двухъ борцовъ за народное дѣло. Это знаютъ мадьяры, и они, приговаривая къ продолжительному аресту сотрудниковъ „Nar. Nov.", имѣютъ въ виду, если не вызвать полное прекращеніе ненавистной газеты, то, по крайней мѣрѣ, сдѣлать ея существованіе еще болѣе тяжелымъ.

Но словаки не унываютъ: словацкій народъ живучъ, и не скоро удастся мадьярамъ отнять у него духовную жизнь; не скоро удастся имъ омадьярить словаковъ, — этихъ членовъ великой славянской семьи, настоящихъ, а не пришлыхъ хозяевъ той земли, на которой они живутъ..

Славянская идея недавно получила новое и блестящее подтвержденіе ея живучести въ празднествахъ въ честь извѣстнаго ученаго и политическаго чешскаго дѣятеля Франца Палацкаго, происходившихъ въ королевской чешской столицѣ, златой Прагѣ.

Дѣйствительно, насколько эти празднества важны, какъ ясное и видное доказательство благодарности и признательности чешскаго народа къ его отцу и учителю, Францу Палацкому, настолько они имѣютъ значеніе какъ важное событіе въ славянскомъ сближеніи, явившемся вслѣдствіе обмѣна мыслей между прибывшими въ Прагу изо всѣхъ концовъ огромнаго славянскаго міра представителями всѣхъ славянскихъ народностей.

Да, въ Прагѣ были представители всѣхъ славянскихъ народностей, всѣ они дружески пожимали другъ другу руки, братаясь не на короткое время, а на всю жизнь для блага великой славянской идеи, лежащей основой въ духовномъ, сердечномъ союзѣ и сближеніи славянъ.

Пражскія событія доказали всему міру, что славянская идея существуетъ не только въ умахъ образованныхъ славянъ, а также въ болѣе широкихъ кружкахъ славянскихъ народовъ. А вѣдь эту идею нѣмцы, безжалостно глумившіеся надъ нею и жестоко ее преслѣдовавшіе, обзывали всегда фата морганой. Но она, выяснившись на съѣздахъ пражскомъ въ 1848 г. и московскомъ—1867 году, передавалась отъ поколѣнія къ поколѣнію, пока не нашла новаго проявленія въ рѣчахъ и братскихъ лобзаніяхъ славянъ въ Прагѣ въ семъ 1898 г.

Появившіяся нападки и новыя глумленія вѣнской и германской печати надъ нынѣшнимъ славянскимъ съѣздомъ въ Прагѣ ничуть не должны удивлять славянъ, привыкшихъ уже къ этому, тѣмъ болѣе, что это именно дастъ имъ возможность еще болѣе скрѣпиться и закалиться въ борьбѣ съ недругами чистой, свѣтлой и яркой, какъ солнце, и все продолжающей существовать славянской идеи.

Со своей стороны мы бы желали только, чтобы сами славяне, имѣя всегда въ виду извѣстную латинскую пословицу Duobus litigantibus tertius gaudet, не давали повода къ ихъ международному раздраженію, ожесточенію, враждѣ, къ безплодной растратѣ силъ и къ ослабленію славянства на пользу иноплеменниковъ

Этому будутъ радоваться и тѣни всѣхъ великихъ мыслителей и поборниковъ великой славянской идеи, этому будетъ радоваться и тѣнь „славнаго изъ славныхъ чеха“, работавшаго подъ девизомъ „свой къ своему, а всѣ для справедливости“ — Франца Палацкаго, оказавшаго важную услугу славянской идеѣ, подавъ нечаянно поводъ къ ея новому проявленію.

Не-дипломатъ.

2) ПИСЬМА ИЗЪ АМЕРИКИ.

АМЕРИКАНЦЫ ЗА ВРЕМЯ ВОЙНЫ СЪ ИСПАНІЕЙ.

I.

Съ чего пошла война. — Пугало пріобрѣтенія Кубы съ одной стороны и страхъ передъ ролью лицемѣровъ съ другой. — Кубинская «клика» въ Нью-Йоркѣ и въ конгрессѣ. — Взрывъ «Мэна» и страстное требованіе народомъ войны. — Неудержимое стремленіе массъ молодежи въ добровольцы. — Патріотичный пылъ въ американскихъ колледжахъ и университетахъ. — Американскіе атлеты и «золотая молодежь». — Теодоръ Рузвельтъ и его полкъ «Лихихъ наѣздниковъ». — Проявленія патріотизма въ народныхъ массахъ. — «Красный Крестъ» и вспомогательныя филантропическія общества. — «Гешефтмахеры» лѣзутъ въ «патріоты». — Досужіе критики и искренность народныхъ массъ.

Война Соединенныхъ штатовъ противъ Испаніи открылась, какъ извѣстно, 9 (21) апрѣля, — и новое положеніе дѣлъ въ странѣ уже настолько установилось, что представляется возможность судить о вещахъ на основаніи болѣе или менѣе солидныхъ данныхъ. Спѣшу, однако же, съ этихъ же первыхъ строкъ предупредить читателя о томъ, что составитель этихъ бѣглыхъ замѣтокъ, схваченныхъ, такъ сказать, на лету, отнюдь не имѣетъ претензіи на то, чтобъ представить сколько бы то ни было полную картину Соединенныхъ штатовъ въ настоящемъ серьезномъ кризисѣ. Для того, чтобъ справиться съ темой описанія жизни въ Соединенныхъ штатахъ „на военномъ положеніи", потребовался бы новый Laboulaye, который далъ бы намъ теперь „La guerre en Amérique" въ pendant къ талантливѣйшему описанію обычнаго теченія жизни въ Соединенныхъ штатахъ лѣтъ тридцать-сорокъ тому назадъ, въ его книгѣ „Paris en Amérique": до такой степени дѣлается здѣсь все навыворотъ того, какъ направляется война въ Европѣ. Съ одной стороны, беззавѣтный патріотизмъ и самоотверженіе проявляются безчисленными примѣрами: народъ сгораетъ желаніемъ приносить жертвы, такъ или иначе послужить отечеству въ данное трудное время; тогда какъ, съ другой стороны, прорываются наружу проявленія самаго отъявленнаго эгоизма: стремленія поживиться насчетъ правительства и народа, пользуясь спѣшностью сборовъ на войну, а главное — вопіющая неспособность къ дѣлу и преступная небрежность къ принятымъ на себя обязанностямъ со стороны множества людей, призванныхъ послужить отечеству на отвѣтственныхъ постахъ въ на скорую руку снаряжаемой арміи.

Но что, собственно говоря, вызвало войну?

Отвѣты на этотъ вопросъ явятся радикально противоположные: судя по тому, даются ли они здѣсь, или по ту сторону океана.

Вплоть по самое послѣднее время среди европейцевъ — за исключеніемъ, если не ошибаюсь, однихъ англичанъ — держалось твердое убѣжденіе въ томъ, что американцы преднамѣренно довели дѣло до войны, воспользовались первымъ представившимся на то предлогомъ, съ цѣлью завладѣть Кубой, такъ какъ этотъ „перлъ Антиллъ“ давно уже прельщаетъ ихъ любостяжательность; но такъ какъ американцы ничего не могутъ предпринять безъ лицемѣрія и ханжества, то и въ этомъ случаѣ они замаскировали свой разбойничій набѣгъ на Испанію громкими фразами касательно „освобожденія многострадальной Кубы“ изъ-подъ ига Испаніи.

Совершенно иное воззрѣніе на причины, вызвавшія войну, держится здѣсь не только среди американцевъ, но равно и среди инородныхъ поселенцевъ, мало въ пользу американцевъ предубѣжденныхъ и зорко присматривавшихся къ положенію и теченію дѣлъ за послѣднее полугодіе. Люди наблюдательные и добросовѣстно изучившіе американцевъ отнюдь не распространяютъ на нихъ лицемѣрія и другихъ спеціальныхъ пороковъ англичанъ, которые, съ легкой руки этихъ послѣднихъ, приписываются всей англо-саксонской расѣ. Къ слову сказать, здѣсь, въ Америкѣ, возникаетъ немало протестовъ противъ самаго этого термина, который многіе стремятся замѣнить названіемъ расы „англо-кельтическою“, какъ болѣе точнымъ, въ виду огромнаго преобладанія среди англичанъ и американцевъ кельтовъ-ирландцевъ, шотландцевъ и валлійцевъ и ранняго и полнаго въ Англіи истребленія „норманнами“ „саксонскаго“ королевства, „саксонскаго“ языка и обычаевъ и вообще всего саксонскаго среди нихъ элемента: фактъ, косвенно подтверждаемый также разительными контрастами темперамента и міровоззрѣнія нѣмцевъ и англичанъ.

Что такой взглядъ на англичанъ не ошибоченъ, подтверждается свидѣтельствомъ такого даже авторитетнаго ученаго, какимъ является Dr. John Rhys, директоръ коллегіи Іисуса при Оксфордскомъ университетѣ, который въ одной изъ публичныхъ лекцій, произнесенныхъ имъ года два тому назадъ, между прочимъ говорилъ: „Тамъ же, гдѣ дѣло касается нашей расы, опросъ наиболѣе образованныхъ кружковъ общества неизмѣнно дастъ результатомъ свидѣтельство о полномъ исчезновеніи изъ нашей среды саксонскаго элемента: окажется, что одинъ изъ насъ, напримѣръ, человѣкъ англскаго (Anglian), а другой кельтскаго происхожденія — валліецъ или корніецъ (Cornish), ирландецъ или шотландецъ, тогда какъ другой будетъ норманнскаго происхожденія, а не то потомокъ какихъ-либо гугенотовъ или же голландцевъ. Что же сталось съ народностью саксонской?.. Между тѣмъ, множество людей продолжаютъ вѣчно твердить о колонизаторскихъ и цивилизаторскихъ талантахъ „англо-саксонской“ расы, когда было бы несравненно приличнѣе называть ее „англо-кельтами“...

Ни народъ американскій, ни правители его (со времени знаменитаго Джефферсона, благопріятно относившагося къ идеѣ пріобрѣтенія Кубы) не только не смотрѣли на Кубу съ вожделѣніемъ, но чурались, да и по сю пору чураются, самой мысли присоединенія Кубы къ Союзу, въ полномъ убѣжденіи, что кубинцы къ самоуправленію не способны, что ассимилировать населеніе этого отдѣльно стоящаго острова американцы не въ состояніи, и онъ надолго, если не навсегда, останется „чужимъ краемъ", — слабымъ пунктомъ республики, который придется зорко оберегать отъ захвата какою-либо иностранною державой. Обереженіе же это окажется, конечно, возможнымъ не иначе, какъ съ помощью мощнаго флота, который не только потребуетъ громадныхъ затратъ, но и выдвинетъ Соединенные штаты изъ ихъ обособленнаго положенія, вовлечетъ ихъ въ политику интернаціональныхъ авантюръ и увлеченій, при которыхъ удержаніе теперешнихъ американскихъ учрежденій, а пожалуй, и самой республики, явилось бы весьма трудною проблемой.

Такое воззрѣніе на дѣло преобладало здѣсь до такой степени, что за рѣдкость было встрѣтить человѣка иного на дѣло взгляда; можно даже сказать, что американцы въ теченіе многихъ мѣсяцевъ намѣренно затыкали себѣ уши и закрывали глаза, чтобъ не слышать и не видѣть того, что происходитъ на Кубѣ. Но, наконецъ, и имъ стало рѣшительно невозможно игнорировать фактъ того, что не только, какъ здѣсь давно извѣстно, испанскіе чиновники, являющіеся „кормиться" на Кубу, высасываютъ послѣдніе жизненные соки изъ этой цвѣтущей когда-то страны, но что возстаніе испанцы искореняютъ не столько силой оружія противъ повстанцевъ, сколько безчеловѣчною системой вымариванія голодомъ мирныхъ поселянъ „reconcentrados", стремясь тѣмъ самымъ отрѣзать провіантъ у самихъ повстанцевъ.

Наконецъ, замалчивать такое положеніе вещей на островѣ, отдѣленномъ отъ Соединенныхъ штатовъ узкою полосой воды, не болѣе 130 верстъ шириной, оказалось и для народныхъ массъ рѣшительно невозможнымъ, особенно послѣ здѣшней агитаціи въ пользу пострадавшихъ армянъ; американцамъ становилось положительно неловко закрывать глаза на звѣрства испанцевъ на Кубѣ послѣ того, какъ они такъ ополчались противъ звѣрствъ турокъ въ Арменіи: звѣрства на Кубѣ результатами своими, всеконечно, равнялись всему тому, что возбуждало состраданіе и негодованіе американцевъ въ дальней Арменіи; приходилось или прекратить звѣрства силой оружія, или же мириться съ сознаніемъ того, что они не хотятъ прекратить этихъ звѣрствъ, потому что это потребовало бы съ ихъ стороны личныхъ жертвъ, а они, американцы, дѣйствительно, выродились въ націю торгашей и боятся войны съ Испаніей, — и безпрекословно нести клеймо лицемѣрія, такъ издавна навязываемое имъ Европой.

Результатъ теперь извѣстенъ: несмотря на геркулесовскія усилія президента Макъ-Кинлея и спикера палаты Томаса Рида и ихъ пособниковъ въ конгрессѣ прекратить войну, имъ это не удалось. Сначала состраданіе къ кубинцамъ находило себѣ въ народныхъ массахъ временный исходъ въ щедрыхъ пожертвованіяхъ частныхъ лицъ и ассигновкахъ отъ конгресса на прокормленіе голодающихъ кубанцевъ „reconcentrados", но предательскій взрывъ 3 (15) апрѣля испанцами въ гавани Гаванны американскаго крейсера „Мэна" сразу прорвалъ въ народѣ всѣ плотины сдержанности, — и требованіе возмездія за гибель 362 безвременно погибшихъ на „Мэнѣ" американскихъ моряковъ и освобожденія кубанцевъ отъ испанскаго ига приняло силу стихійную, непреодолимую. Можно притомъ прямо сказать, что, не случись взрыва „Мэна", война замедлилась бы надолго, а пожалуй, и совсѣмъ бы дѣло до войны не дошло.

Если сама медлительность американцевъ въ дѣлѣ объявленія войны Испаніи не служитъ достаточнымъ въ глазахъ ихъ европейскихъ критиковъ доказательствомъ того, что они не дѣйствовали въ расчетѣ на дешевое пріобрѣтеніе Кубы, то какое же можетъ быть ей иное объясненіе, разъ всѣ наблюдатели и всѣ корреспонденты сходятся въ свидѣтельствахъ того, что Соединенные штаты вступили въ настоящую войну совершенно неподготовленными къ таковой и что американскія массы такъ мало понимали дѣло, что нимало въ томъ не сомнѣвались, что война эта будетъ — сущіе пустяки и что имъ удастся безъ особыхъ усилій „проучить" испанцевъ и на вѣки вѣчные выдворить ихъ изъ Новаго Свѣта въ какихъ-нибудь шесть недѣль военныхъ дѣйствій: увѣренность, получавшая добавочную правдоподобность въ видѣ далеко теперь не оправдавшихся настойчивыхъ утвержденій печати и сторонниковъ Кубы въ конгрессѣ насчетъ большой численности повстанцевъ и способности ихъ самостоятельно справиться съ испанскими силами на островѣ, лишь только американскій флотъ подастъ имъ руку помощи со стороны моря и большихъ приморскихъ городовъ, не поддававшихся дотолѣ повстанцамъ?

Но тутъ мы касаемся уже другого фазиса положенія, — отнюдь не менѣе важнаго фактора въ разыгрывающихся на нашихъ глазахъ событіяхъ. Тогда какъ народныя массы и американская интеллигентная публика были несомнѣнно искренни, какъ въ состраданіи своемъ къ кубинцамъ, такъ и въ первоначальномъ нежеланіи своемъ вести съ Испаніей войну, боясь, что, чего добраго, Куба останется у нихъ на рукахъ — этого рѣшительно нельзя сказать про „кубинскую клику" въ конгрессѣ: отдѣльные сенаторы, посѣтившіе Кубу и лично видѣвшіе ужасныя проявленія голода и лишеній среди „reconcentrados", какъ, напр., сенаторъ Прокторъ, сенаторъ Галлагеръ и другіе, были несомнѣнно вполнѣ правдивы въ показаніяхъ своихъ касательно тѣхъ звѣрскихъ сценъ, что подпали ихъ непосред-

ственному наблюденію, и показанія ихъ и спичи, дышавшіе искренностью, раздули народное негодованіе на Испанію въ бурное пламя. Но, помимо этихъ и другихъ членовъ конгресса, не менѣе искреннихъ, чѣмъ самъ народъ, въ конгрессѣ за послѣдніе года возникла вполнѣ организованная клика, настойчиво работавшая надъ тѣмъ, чтобы вызвать вмѣшательство Соединенныхъ штатовъ въ кубинскія дѣла. Клика же эта направлялась какъ членами кубинской юнты, главная квартира которой находилась въ Нью-Йоркѣ, такъ и группой природныхъ американцевъ-аферистовъ, добивавшихся установленія независимой кубинской республики для личныхъ своихъ, — преимущественно карманныхъ,—выгодъ; эта клика въ конгрессѣ и внѣ таковаго въ теченіе долгаго времени содѣйствовала повстанцамъ сборомъ денежныхъ пожертвованій и иными пособіями и настоятельно добивалась того, чтобъ конгрессъ призналъ повстанцевъ на Кубѣ полноправною „воюющею стороной“, что дало бы „временнымъ правителямъ республики Кубы“ (установленнымъ юнтою, при содѣйствіи народныхъ выборовъ въ занятыхъ повстанцами провинціяхъ) возможность помѣстить здѣсь заемъ, значительная часть денегъ съ котораго попала бы тогда въ карманы присяжныхъ радѣтелей на пользу кубинской республики.

Но клика, въ концѣ концевъ, вынуждена была уступить непреодолимому напору требованій честныхъ и искреннихъ американскихъ массъ, лидеромъ которыхъ является и самъ президентъ Макъ-Кинли, непоколебимо противившійся признанію какъ повстанцевъ „воюющею стороной“, такъ и несуществующаго, иначе какъ на бумагѣ, республиканскаго правительства на Кубѣ; въ знаменитыхъ резолюціяхъ, проведенныхъ конгрессомъ по рекомендаціи президента передъ объявленіемъ настоящей войны, отнюдь не признается какое бы то ни было правительство, учрежденное юнтой въ Кубѣ, тѣмъ болѣе правительство, имѣющее какія-либоправа на заключеніе займа, и твердо устанавливается обязательство Соединенныхъ штатовъ предоставить Кубу собственнымъ ея силамъ, лишь только состоится освобожденіе ея отъ Испаніи и установлена будетъ на томъ островѣ мѣстная администрація.

Резолюціи эти сняли огромное бремя съ совѣсти американскихъ народныхъ массъ. Имъ представлялось, что, въ силу этихъ резолюцій, внѣшній міръ убѣдится, наконецъ, въ томъ, что, поднимая оружіе на пользу освобожденія Кубы, американцы повинуются не какимъ бы то ни было корыстнымъ побужденіямъ, а чистымъ импульсамъ человѣколюбія. Война сразу озарилась въ глазахъ импульсивныхъ природныхъ американцевъ ореоломъ высокаго подвига самоотверженія, и молодежь американская массами бросилась записываться добровольцами въ армію и флотъ, спѣша занести имена свои въ почетные списки тѣхъ, что стремились жизнь свою положить за освобожденіе угнетенныхъ и голодающихъ и вытѣснить съ западнаго полушарія послѣдніе

остатки несимпатичной американскому духу испанской цивилизаціи, съ присущимъ ей обскурантизмомъ и средневѣковыми традиціями.

Такое возвышенное воззрѣніе на миссію американскихъ военныхъ силъ въ настоящемъ кризисѣ преобладаетъ въ американской провинціи, и по сіе время нерѣдко, правда, прорывается рѣзкій диссонансъ человѣколюбивымъ стремленіямъ въ формѣ напоминанія: „*Remember the Maine!*“, т. е. „не забывайте Мэнъ“, да постигнетъ Испанію должное возмездіе за взрывъ „Мэна“ и вѣроломное истребленіе ея экипажа, набраннаго изъ цвѣта американской молодежи; „*Remember the Maine!*“ стало чѣмъ-то въ видѣ призывнаго патріотичнаго клича; въ силу частаго повторенія характеръ призыва къ мести изъ того клича совсѣмъ испарился, но, конечно, онъ плохо вяжется съ декларацiями исключительно гуманитарныхъ стремленій, вызвавшихъ настоящую войну. Но разъ диссонансъ этотъ вызванъ патріотизмомъ — кровью безвременно погибшихъ соотечественниковъ, взывающею къ небу о мщеніи, онъ не оскорбляетъ слуха людей, совершенно искренно вѣрящихъ въ высокую миссію въ настоящемъ кризисѣ американцевъ, идущихъ сложить жизнь свою въ борьбѣ противъ Испаніи по первому на то призыву со стороны президента.

Вплоть до половины февраля мѣсяца американская провинція проявляла обычную свою апатичность: мало кто интересовался Кубой, и лишь въ средѣ болѣе пожилого населенія, естественно ищущаго удовлетворенія, а пожалуй, и развлеченія въ благотворительности, слышались толки о сборахъ пожертвованій на голодающихъ въ Кубѣ „*reconcentrados*“; мало раскупалось тогда газетъ; объяснялось это мнѣ на мѣстѣ тѣмъ, что народу-де наскучила Куба; что за время администраціи Кливелэнда сказывалось и тамъ настоятельное стремленіе оказать активное содѣйствіе повстанцамъ кубинцамъ, но стремленія эти, въ концѣ концовъ, совсѣмъ потухли подъ давленіемъ антагоничной „кубинскимъ патріотамъ“ вашингтонской администраціи. Хотя, подъ воздѣйствіемъ тогдашнихъ народныхъ требованій, обѣ большія политическія партіи включили въ „платформы“ свои за президентскую кампанію лѣта 1896 года деклараціи касательно необходимости подать руку помощи кубинцамъ, деклараціи эти такъ и оставались мертвою буквой, такъ какъ народъ исполненія ихъ не требовалъ.

Взрывъ въ гавани Гаванны американскаго крейсера „Мэна“ 3 (15) февраля имѣлъ дѣйствіе ракеты, пущенной въ пороховой погребъ. На слѣдующій за тѣмъ день невозможно было узнать сонной, вялой американской провинціи. Люди нарасхватъ раскупали газеты съ описаніями ужасной катастрофы, бѣгали по улицамъ, съ красными, возбужденными лицами, съ дикими глазами, по цѣлымъ часамъ простаивали передъ телеграфными бюллетенями, вывѣшивыемыми при газетныхъ редакціяхъ, стонъ

стоялъ порой въ воздухѣ отъ яростныхъ изобличеній „вѣроломства доновъ“, которыми эта рабочая толпа разражалась при малѣйшемъ къ тому поводѣ, простаивая въ полномъ бездѣйствіи на мѣстѣ тамъ, гдѣ, бывало, каждый спѣшитъ сломя голову къ мѣсту обычныхъ занятій, лишь бы справиться съ намѣченнымъ себѣ на день дѣломъ.

Народъ точно обезумѣлъ: все сливалось въ одно настоятельное стремленіе возмездія Испаніи и выдворенія ея съ этого полушарія. Трудно было узнать въ этихъ возбужденныхъ, гнѣвныхъ людяхъ безмятежныхъ, малымъ довольныхъ обывателей обычнаго времени. Но подъ воздѣйствіемъ болѣе справедливыхъ согражданъ, которымъ народныя массы привыкли вѣрить и внимать, равно какъ и подъ вліяніемъ болѣе сдержанныхъ обсужденій положенія въ повседневной печати, народъ мало-помалу угомонился и будто бы вернулся въ колею обычнаго хладнокровія, въ ожиданіи того, какіе дастъ результаты изслѣдованіе комиссіи флотскихъ американскихъ экспертовъ, наряженной произвести слѣдствіе причинъ взрыва, погубившаго „Мэнъ“.

Въ сущности, рѣдко, весьма рѣдко случалось мнѣ за тѣ недѣли напряженнаго ожиданія встрѣчать въ Вашингтонѣ или въ провинціи какого бы то ни было американца, который бы допускалъ возможность того, чтобъ взрывъ на „Мэнѣ“ былъ причиненъ чѣмъ инымъ, помимо умышленнаго дѣйствія испанскихъ властей въ Гаваннѣ: увѣренность эта поддерживалась и всею, за самыми незначительными исключеніями, печатью страны, которая изо дня въ день приводила тѣ или другія новыя доказательства виновности испанцевъ. Народъ въ провинціи представлялся спокойнымъ съ виду, всякій спѣшилъ при вопросѣ о томъ заявлять, что нечего попусту словъ терять, когда все объяснится наряженнымъ слѣдствіемъ: „а впрочемъ“, присовокуплялъ при томъ почти что каждый, „канальи доны, всеконечно, взорвали „Мэнъ“, и за истребленіе ими нашей молодежи, прибывшей къ нимъ въ портъ на мирномъ положеніи, всеконечно, стоило бы взорвать всѣхъ на свѣтѣ испанцевъ, стереть съ лица земли все это вѣроломное племя“...

Явно было для всякаго, что народъ, по присущей ему, традиціями выработанной привычкѣ, подавилъ на время явныя проявленія гнѣва своего, подчиняясь установленной законностью и порядкомъ процедурѣ должнаго слѣдствія, но коренного своего убѣжденія отнюдь не измѣнилъ и что гнѣвъ его нимало не ослабнетъ отъ этой насильственной дисциплины. Такъ оно и оказалось впослѣдствіи. Рѣшительное заявленіе слѣдственной комиссіи касательно полнѣйшей невозможности того, чтобъ взрывъ, причинившій гибель „Мэна“, могъ произойти внутри самого судна, съ присовокупленіемъ того, что „Мэнъ“ погибъ отъ подводной мины, направленной неизвѣстными комиссіи злоумышленниками, сразу вернуло населеніе въ прежній градусъ возбужденія. Те-

перь люди уже не бѣгали съ растерянными лицами по улицамъ, какъ въ памятный, ужасный день 2 (16) февраля, когда пришло извѣстіе о гибели „Мэна", а громко и настоятельно требовали неотложнаго объявленія войны Испаніи; и въ густыхъ толпахъ, простаивающихъ попрежнему долгое время передъ редакціонными бюллетенями, слышались нелестныя комментаріи на медлительность въ этомъ дѣлѣ конгресса и глухія обвиненія администраціи въ повиновеніи биржевикамъ Нью-Йорка, „мѣшкамъ золота, съ Маркомъ Ханна во главѣ" (пріятелемъ президента Макъ-Кинли), которые, яко бы, „дрожа за свои акціи и валюты, готовы проглотить какое угодно оскорбленіе, лишь бы не доводить дѣло до войны".

Нетерпѣливыя требованія войны раздавались со всѣхъ концовъ Союза, народныя массы принимали медлительность президента за знакъ его порабощенія „мѣшками золота", противодѣйствіе общенародному требованію войны сдѣлалось, наконецъ, невозможнымъ.

И вотъ, наконецъ, 11 (23) апрѣля, раздался давно желанный призывъ президентомъ волонтеровъ въ числѣ 125,000 человѣкъ чтобъ итти въ Кубу, избавлять находящихся при послѣднемъ, такъ сказать, издыханіи „reconcentrados", только что получившихъ, по настоянію Макъ-Кинли, отъ испанскихъ властей разрѣшеніе вернуться изъ городскихъ районовъ, въ которые они были согнаны стадами, какъ скотъ безсловесный, на землю, въ сельскія мѣстности, съ тѣмъ, чтобъ снова приняться за земледѣліе,—дѣло, на которое, однако, у нихъ, изможденныхъ долгимъ голодомъ, болѣзнями и всевозможными лишеніями, не хватало уже болѣе силъ.

Толпами повалила молодежь всѣхъ классовъ и состояній записываться въ рекруты, и тяжело было видѣть разочарованіе, которое овладѣвало тѣми, что не подходили подъ строгія требованія набора. Первый призывъ волонтеровъ былъ президентомъ ограниченъ въ томъ смыслѣ, что въ волонтеры имѣла приниматься лишь та молодежь, которая уже состояла въ полкахъ милиціи отдѣльныхъ штатовъ: предполагалось, что такая молодежь все же нѣсколько болѣе знакома съ военнымъ дѣломъ, нежели простые новобранцы; тѣмъ не менѣе, президентъ Макъ-Кинли, самъ прослужившій четыре года въ дѣйствующей арміи за время междоусобной войны, слишкомъ хорошо былъ знакомъ съ неоправдываемыми фактами претензіями полковъ милиціи, которую солдаты регулярной арміи давно окрестили „оловянными солдатиками", и потому постановилъ принимать волонтеровъ изъ рядовъ полковъ милиціи, но не иначе какъ простыми волонтерами, независимо отъ ихъ полковой организаціи, съ тѣмъ, чтобъ затѣмъ сформировать эту молодежь въ новые полки, подъ руководствомъ офицеровъ изъ регулярной арміи. Объ затрудненіяхъ, вызванныхъ этимъ мудрымъ распоряженіемъ президента, придется сказать далѣе, въ своемъ мѣстѣ. На первыхъ порахъ

рекрутскаго набора этихъ затрудненій публикой и не предвидѣлось, и народный энтузіазмъ прямо не поддавался описанію.

Ограниченіе призыва членами полковъ милиціи явилось прямою причиной того страннаго факта, что волонтеры всѣ почти что на подборъ принадлежали къ городскому населенію: фермерскіе сыновья и вообще поселяне записываются въ милицію въ весьма рѣдкихъ случаяхъ; поступленіе въ милицію ни для кого въ Соединенныхъ штатахъ не обязательно, и въ нее поступаютъ здѣсь все больше люди изъ достаточныхъ слоевъ городского населенія, при чемъ приманкой для таковыхъ рѣдко служитъ какое-либо призваніе къ военному дѣлу, а скорѣе желаніе заручиться правомъ ношенія мундира на уличныхъ парадахъ и процессіяхъ и при нѣкоторыхъ иныхъ случаяхъ, а для большинства—связанное съ зачисленіемъ въ милицію избавленіе отъ обязанности служить присяжными засѣдателями, — повинность весьма для американца ненавистная, такъ какъ отрываетъ его отъ его регулярныхъ занятій и подвергаетъ серьезнымъ убыткамъ и личнымъ неудобствамъ.

Ограниченіе волонтеровъ перваго призыва горожанами по преимуществу и является, конечно, причиной того, что, несмотря на то, что въ добровольцы записалось свыше шестисотъ тысячъ человѣкъ, при непомѣрно высокихъ требованіяхъ регулярной арміи на рослость и физическое совершенство рекрутовъ, въ теченіе пяти недѣль медицинскаго осмотра таковыхъ былъ не безъ труда набранъ требуемый комплектъ 125,000 человѣкъ; когда же, вслѣдствіе распространенія военныхъ дѣйствій на Тихомъ Океанѣ, президентъ непосредственно за тѣмъ обнародовалъ призывъ 75,000 человѣкъ волонтеровъ, онъ уже не ограничилъ требованіе свое членами милиціи, отъ 18-ти лѣтъ до 35-ти, а открылъ доступъ въ армію всей молодежи вообще.

Ранѣе же того численность регулярной арміи доведена была декретомъ до цифры 61,000 чел.

Вызванные президентомъ 200,000 чел. волонтеровъ всѣ предназначались въ армію добровольцевъ, а отнюдь не въ регулярную армію, которая, съ своей стороны, имѣла поставить инструкторовъ для обученія и формированія новыхъ полковъ изъ неприспособленныхъ къ военному дѣлу волонтеровъ, хотя бы и числившихся до того времени въ милиціи. Въ эти-то полки направлено было въ огромной численности учащееся юношество, прекрасное физическое развитіе котораго въ большинствѣ случаевъ вполнѣ подходило подъ строгія требованія, установленныя для рекрутовъ.

Насколько можно судить, сельское населеніе и вторымъ призывомъ волонтеровъ воспользовалось опять-таки въ весьма слабой степени; но этотъ второй призывъ открылъ дверь къ поступленію въ армію университетской молодежи — и студенты толпами повалили въ мѣста набора рекрутовъ и выдерживали медицинское изслѣдованіе въ лучшемъ видѣ. Изъ нѣ-

которыхъ большихъ университетовъ молодежь валила въ новосформированные полки въ такомъ количествѣ, что изъ нея составлялись цѣлыя роты тамъ, гдѣ желаніе студентовъ держаться вмѣстѣ не встрѣчало сопротивленія со стороны военнаго начальства. Одновременно съ тѣмъ, множество университетской молодежи поступало въ резервы, флотскую милицію, а не то и прямо зачислялось въ экипажъ военныхъ судовъ, и преимущественно въ такъ называемый „Mosquito fleet“ (комариный флотъ), набиравшійся правительствомъ изъ скупаемыхъ имъ частныхъ судовъ мелкаго калибра и снаряжаемыхъ во флотскую службу на подмогу судамъ регулярнаго флота. И надо еще принять во вниманіе, оцѣнивая по достоинству это патріотичное движеніе университетской молодежи, что зачислялись студенты въ волонтеры такъ же ретиво и тогда, когда стало всѣмъ извѣстно, что въ армію рекрута набираются на двухлѣтній срокъ, а не на одну лишь настоящую кампанію.

Сочувственно отнеслось въ большинствѣ колледжей и университетовъ къ этому движенію и университетское начальство, всячески облегчая дѣло это для молодежи: почти во всѣхъ университетахъ совершеннолѣтніе студенты, желавшіе поступить въ волонтеры, избавлялись этою весной отъ экзаменовъ, во вниманіе къ тому, что все ихъ время имѣло итти на военное ученье и на спѣшное снаряженіе въ армію; хотя волонтерами въ армію здѣсь принимаются, какъ уже сказано, люди начиная съ восемнадцатилѣтняго возраста, университетское начальство разрѣшало поступленіе въ волонтеры несовершеннолѣтнимъ студентамъ не иначе, какъ по личному ходатайству ихъ родителей или опекуновъ, а такъ какъ среди несовершеннолѣтнихъ студентовъ объявилась масса желающихъ поступить въ добровольцы, университетскія власти умножили для таковыхъ число часовъ, посвящаемое и въ обычное время въ большихъ американскихъ университетахъ военному ученью подъ руководствомъ инструкторовъ, назначаемыхъ на тотъ предметъ вотъ уже немало лѣтъ федеральнымъ правительствомъ изъ офицеровъ регулярной арміи. Въ самомъ большомъ, прекрасно обставленномъ и старинномъ университетѣ Америки, въ Харвардѣ, по открытіи лѣтнихъ вакансій, объявенол было, что военное обученіе и разводы будутъ продолжаться отъ университета и за вакансіонное время, въ большомъ лагерѣ Boxford Camp., отводимомъ на то городомъ Бостономъ, если только по меньшей мѣрѣ 135 человѣкъ студентовъ обязуются подпиской отдать должное время военному обученію, при чемъ палатки поставляются въ лагерѣ городомъ, а оружіе и аммуниція отъ университета... И это—въ Харвардѣ, въ университетѣ, имѣющемъ репутацію мѣста, гдѣ чрезмѣрное увлеченіе научными задачами и занятіями превращаетъ студентовъ въ космополитовъ, „разжижая имъ кровь“ и дѣлая ихъ мало податливыми на голосъ патріотическихъ увлеченій; въ Харвардѣ, единственномъ, на-

сколько мнѣ извѣстно, университетѣ, въ которомъ одинъ изъ заслуженныхъ профессоровъ, нѣкто профессоръ Нортонъ, дошелъ въ своемъ антагонизмѣ настоящей войнѣ до того, что читалъ студентамъ регулярныя лекціи въ аудиторіяхъ и въ университетской церкви, обличая несправедливость Соединенныхъ штатовъ по отношенію къ Испаніи, провозглашая безнравственность инстинктовъ, ведущихъ массы къ повальному кровопролитію и указывая на „низменность стремленій“, руководящихъ въ настоящей войнѣ народными массами.

Нечего и говорить, что правительство пальцемъ не двинуло, чтобъ, какъ того было требовали нѣкоторые органы печати, „пресѣчь призывы профессоромъ Нортономъ молодежи къ измѣнѣ отечеству въ настоящемъ кризисѣ“, и поступило весьма мудро, не возводя его въ санъ гонимыхъ за идею мучениковъ. Студенты толпами сбѣгались слушать этого популярнаго профессора, но это не мѣшало имъ толпами же итти записываться въ рекруты и щедро жертвовать деньги по подпискѣ на пріобрѣтеніе флаговъ, шести-фунтоваго калибра пушки системы Норденсфельда, кубка и другихъ подарковъ крейсеру „Харвардъ“, переименованному въ честь этого университета океанскому пассажирскому пароходу „Нью-Йоркъ“, американской линіи, зафрахтованному правительствомъ на военное время. Другой пароходъ той же компаніи, „Парижъ“, зафрахтованный правительствомъ, окрещенъ былъ въ честь другого большого университета „Іэлемъ“, и университетъ этотъ не только презентовалъ новому крейсеру полный комплектъ флаговъ для сигналовъ и пару новѣйшей конструкціи орудій 6-ти дюймоваго калибра, но и теперь, когда орудія тѣ установлены на мѣстахъ съ подлежащими надписями, университетскія власти и студенты „Іэля“ повержены въ затрудненіе тѣмъ обстоятельствомъ, что никакъ не могутъ остановить приливъ денегъ отъ бывшихъ воспитанниковъ, прибывающихъ со всѣхъ сторонъ въ отвѣтъ на прежде объявленную подписку на подарки вспомогательному крейсеру, названному въ честь университета. По послѣднимъ извѣстіямъ, въ кассѣ университетскаго журнала „Yale Alumni Weekly“ накопилось лишнихъ двѣ тысячи пятьсотъ долларовъ пожертвованій на этотъ предметъ, съ которыми рѣшительно не знаютъ, какъ поступить. Большой университетъ въ Нью-Йоркѣ, „Колумбія“, лишенный предлога жертвовать деньги на подобный предметъ, такъ какъ одно изъ правительственныхъ судовъ еще въ прежнее время названо „Колумбіей“, свидѣтельствуетъ о своемъ патріотизмѣ, поставляя множество студентовъ въ нью-іоркскія резервы морской милиціи. Особенно много пошло въ армію врачей изъ бывшихъ воспитанниковъ „Колумбіи“, медицинскій факультетъ котораго безспорно наилучшій въ Новомъ Свѣтѣ.

Насколько широкъ приливъ образованной молодежи и вообще людей свободныхъ профессій въ армію и флотъ, стало

мнѣ ясно изъ слѣдующихъ инцидентовъ. Членъ одной близкой мнѣ пріятельской семьи, молодой человѣкъ, кончившій курсъ на медицинскомъ факультетѣ „Колумбіи" три года тому назадъ, все время съ той поры посвятилъ усовершенствованію своего образованія на дополнительныхъ курсахъ здѣсь и въ Европѣ, практикой при самыхъ лучшихъ госпиталяхъ Стараго и Новаго Свѣта прекрасно подготовившись къ дѣятельности хирурга въ особенности. Узнавъ объ объявленіи войны, этотъ молодой хирургъ спѣшно вернулся въ Америку и немедленно же подалъ одновременныя прошенія въ военное и морское вѣдомства въ Вашингтонѣ и губернатору Нью-Йорка съ ходатайствомъ зачислить его хирургомъ въ армію, флотъ или въ какой-нибудь направляемый въ дѣйствіе отрядъ волонтеровъ; ему отвѣчали, что его имя занесено въ списки добровольцевъ, и что его вызовутъ, лишь только до него дойдетъ очередь и услуги его потребуются; вслѣдъ за тѣмъ, наведя справки, этотъ молодой хирургъ узналъ, что въ правительственныя списки занесено *1500 именъ врачей*, предложившихъ свои услуги правительству прежде него: потребуется, значитъ, чрезвычайно длинная кампанія или повальный моръ на врачей, чтобъ этотъ молодой хирургъ имѣлъ возможность послужить отечеству. И такъ по всѣмъ профессіямъ, имѣющимъ примѣненіе на войнѣ. Одинъ мой молодой родственникъ, два года тому назадъ окончившій курсъ инженеромъ-электрикомъ при томъ же университетѣ „Колумбія" и съ той поры совершенствовавшійся въ практическомъ примѣненіи своихъ знаній инженеромъ на одномъ изъ самыхъ большихъ заводовъ электрическихъ машинъ въ Соединенныхъ штатахъ, тоже, при самомъ открытіи войны, предложилъ себя въ инженеры-электрики правительству для зачисленія во флотъ на любое правительственное судно въ томъ расчетѣ, что на людей его спеціальности имѣется большой спросъ, тѣмъ болѣе, что ни при морской, ни при военной высшей правительственной школѣ не имѣется отдѣла по электрическому примѣненію инженернаго знанія: имя этого инженера занесено въ правительственныя списки еще 3-го мая (нов. ст.), и съ той поры онъ не имѣетъ никакого извѣстія, — быть-можетъ, и ему придется ждать очереди, пока попадутъ на дѣйствительную службу полторы тысячи другихъ инженеровъ-электриковъ. Не мѣшаетъ при этомъ пояснить, что въ обоихъ случаяхъ эти молодые люди представляли при просьбахъ своихъ правительству прекрасные аттестаты и, конечно, не подумали ставить отъ себя какихъ-либо условій, готовые довольствоваться обыкновенною платой, полагаемою правительствомъ офицерамъ по данной профессіи.

Будто токомъ электрическимъ пронеслась изъ конца въ конецъ страны струя вящаго патріотическаго подъема, побуждая эту просвѣщенную и довольно таки туго въ обыкновенное время увлекающуюся молодежь бросать хорошія мѣста,

вѣрный заработокъ и быстрое повышеніе — съ тѣмъ, чтобы итти на рискъ потери двухъ лѣтъ жизни на непроизводительное военное дѣло; и это дѣлается въ полномъ сознаніи всего исключительнаго риска, связаннаго съ походомъ въ тропическія страны въ нездоровый дождливый сезонъ: войска и флотъ направляются именно въ такія мѣста, что извѣстны въ лѣтнее время за разсадники желтой горячки, губительной маляріи и иныхъ лихорадокъ, а нездоровый, дождливый сезонъ длится на Кубѣ съ 1-го мая по 1-ое ноября, — иначе сказать, продлится, конечно, все время войны.

Трудно и предусмотрѣть, что въ настоящій сезонъ станется съ обычными междууниверситетскими атлетическими состязаніями, да и вообще какъ пополнится пробѣлъ въ общественной жизни, имѣющій сказаться вслѣдствіе того, что такое непомѣрное число всей вообще молодежи въ странѣ, посвящавшей досуги свои атлетическимъ играмъ, лодочнымъ гонкамъ и иному спорту, поступило въ армію и во флотъ. Этотъ контингентъ молодежи въ Соединенныхъ штатахъ, а онъ чрезвычайно великъ, точно будто обрадовался случаю произвести провѣрку своихъ силъ и выносливости, спѣша поступить въ число добровольцевъ, и это несмотря на то, что зачисляться приходилось на двухлѣтній срокъ, а не на одну теперешнюю кампанію, такъ какъ правительство имѣетъ въ виду воспользоваться настоящею войной для того, чтобъ довести численность регулярной арміи до ста тысячъ человѣкъ на мирномъ положеніи, тогда какъ флотъ имѣетъ возрасти въ еще большей пропорціи.

„Золотая молодежь“ Америки, вся на подборъ состоящая изъ бывшихъ воспитанниковъ колледжей и университетовъ, представляетъ огромный контингентъ замѣчательной ловкости и силы атлетовъ; и всѣ они поддались общему повѣтрію и бросились теперь въ армію, поступили кто куда могъ, безъ сожалѣнія разставаясь со своими привычными занятіями въ банкирскихъ, торговыхъ, адвокатскихъ или иныхъ конторахъ.

За послѣднее время въ газетахъ то и дѣло попадаются сообщенія, подобныя слѣдующему, изъ Филадельфіи, отъ 4 (16) іюня: „Сегодня, утромъ отправилось, подъ руководствомъ капорала Этоксъ, 26 человѣкъ университетскихъ атлетовъ въ Ньюпортъ-Ньюсъ, на пополненіе батареи А, — національной гвардіи Пенсильваніи. Всѣ эти новые рекруты—атлеты, стяжавшіе себѣ славу въ Іэлѣ, Принптонѣ, Корнеллѣ, Лехай, Лафайетъ и въ университетѣ Пенсильваніи“... Далѣе слѣдуетъ перечисленіе этихъ рекрутовъ-атлетовъ по именамъ.

Изъ Филадельфіи же отъ 17 іюня сообщается: „Батарея А— національной гвардіи Пенсильваніи пріобрѣла сегодня еще новый отрядъ молодыхъ людей, пріобрѣтшихъ славу въ междууниверситетскихъ играхъ послѣднихъ лѣтъ въ „безбалль, футбалль“, въ лодочныхъ гонкахъ, въ бѣгѣ и другихъ атлетическихъ упражненіяхъ...“ Вслѣдъ за тѣмъ слѣдуетъ перечисленіе

двухъ или трехъ десятковъ именъ, съ помѣткой, къ какому университету данный рекрутъ принадлежитъ и по какой отрасли атлетическихъ состязаній онъ прославился, на какомъ даже мѣстѣ въ той или другой партіи проявилъ свои замѣчательныя силы. Изъ штата Коннектикутъ этими же днями телеграфируетъ наборщикъ рекрутовъ, офицеръ регулярной арміи, о замѣчательно успѣшномъ ходѣ дѣла и о томъ, между прочимъ, что „наилучшій матеріалъ ему попался въ университетскихъ мѣстностяхъ и что, помимо многихъ студентовъ, онъ на этотъ разъ завербовалъ въ армію двухъ профессоровъ“. Мыслимо ли было бы такое положеніе вещей въ Европѣ?..

Особенно счастливы въ настоящее время тѣ изъ молодыхъ людей, которымъ удалось быть зачисленными въ полкъ „Rough Riders“, „лихихъ наѣздниковъ“, набранный стараніями двухъ извѣстныхъ атлетовъ: военнымъ врачемъ Вудомъ и его закадычнымъ пріятелемъ Теодоромъ Рузвельтомъ.

Личность Теодора Рузвельта замѣчательна и является лучшимъ образцомъ того, что здѣсь извѣстно подъ названіемъ „природной американской аристократіи“. Происходя изъ одной изъ самыхъ старинныхъ голландскихъ семей, преданія которыхъ связаны съ древнею исторіей Нью-Йорка, когда носилъ онъ еще названіе Нью-Амстердама, — этотъ Рузвельтъ получилъ воспитаніе въ Харвардскомъ университетѣ, нѣсколько лѣтъ провелъ въ рядахъ нью-йоркской „золотой молодежи“ какъ кажется, ничѣмъ особенно не отличаясь отъ другихъ людей того высшаго въ Нью-Йоркѣ круга, къ которому принадлежалъ какъ по рожденію своему и воспитанію, такъ и по богатству. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ онъ потерялъ горячо любимую жену, будучи самъ тридцати лѣтъ отъ роду. Съ горя Рузвельтъ бросилъ прежній кругъ знакомыхъ, отправился на дальній западъ, гдѣ и занялся разведеніемъ большихъ конскихъ табуновъ и охотой, при чемъ постоянными товарищами его были отчаянные наѣздники степей, не то погонщики при табунахъ, не то разбойники, извѣстные подъ названіемъ каубойсъ, „cowboys“. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія въ этой полудикой средѣ молодой Рузвельтъ жилъ всецѣло жизнью своихъ новыхъ товарищей, раздѣляя ихъ интересы и состязаясь съ ними въ ихъ излюбленныхъ забавахъ: охотѣ и наѣздническихъ упражненіяхъ. Передаютъ даже, что этотъ вполнѣ развитой умственно человѣкъ не разъ лично участвовалъ въ примѣненіи суда Линча, находя полное оправданіе этого обычая самовластнаго суда въ преріяхъ, гдѣ не было иной возможности обезпечить права и безопасность болѣе слабыхъ, какъ поселяя страхъ въ сердца преступнаго пришлаго населенія. Среди каубойсовъ Теодоръ Рузвельтъ пріобрѣлъ огромную популярность и славу замѣчательнаго наѣздника, стрѣлка и совершенно незнакомаго со страхомъ человѣка.

Послѣ пяти - шести, лѣтъ проведенныхъ въ такой обстановкѣ, Рузвельтъ вернулся на востокъ, въ родной Нью-Йоркъ,

уже вполнѣ зрѣлымъ человѣкомъ. Вращаясь въ прежнемъ кругу общества, Рузвельтъ принималъ живое участіе въ политикѣ, оставаясь вѣрнымъ республиканской партіи, но не упуская случая оказывать свое содѣйствіе всяческимъ полезнымъ нововведеніямъ, въ особенности такимъ, что были разсчитаны на ослабленіе вліянія на мѣстную и національную политику страны пришлыхъ изъ Европы политикановъ, явившихся сюда прямо „кормиться". За тотъ же періодъ времени Рузвельтъ занималъ порой и муниципальныя должности. Особенно ярко проявилъ онъ свою энергію и административные таланты года два-три тому назадъ, на постѣ предсѣдателя совѣта полицейскихъ комиссаровъ, — постѣ, соотвѣтствующемъ шефу департамента городской полиціи. Тѣмъ же самымъ временемъ Теодоръ Рузвельтъ проявлялъ прежній интересъ къ спорту своего родного университета, щедро жертвуя деньги на атлетическія нужды и на организацію спорта при своей „alma-mater"—Харвардѣ, печатая много статей въ серьезныхъ журналахъ, преимущественно по вопросамъ политики и движенія въ пользу той или другой полезной реформы. Особенно увлекательными выходили тѣ его статьи, въ которыхъ онъ разбиралъ сущность гражданскихъ идеаловъ американца, стремясь привлечь интеллигентную и достаточную молодежь къ активному интересу и участію въ политикѣ и дѣлахъ общественныхъ. Трудно исчислить ту огромную пользу, что принесена Рузвельтомъ его прямымъ и косвеннымъ воздѣйствіемъ на такую молодежь, которая иначе, несмотря на способности свои и высшее образованіе, продолжала бы влачить безплоднѣйшее для страны существованіе, изъ-за укоренившагося среди интеллигентныхъ американцевъ представленія, что порядочному человѣку унизительно принимать активное участіе въ политикѣ, издавна направляемой невѣжественными и беззастѣнчивыми пришельцами, преимущественно изъ Ирландіи. Около года тому назадъ Теодоръ Рузвельтъ возведенъ былъ на постъ товарища морского министра. Назначеніе это состоялось вслѣдствіе энергичнѣйшихъ настояній сенатора отъ Массачусетса, Лоджа и другихъ молодыхъ и рѣшительныхъ друзей и приверженцевъ Рузвельта, и вопреки сильнѣйшей оппозиціи многихъ, имѣющихъ вліяніе на президента людей, опасавшихся неустрашимой энергіи Рузвельта, зная, что онъ ни за чѣмъ не постоитъ въ искорененіи злоупотребленій. За тѣ мѣсяцы, что Рузвельтъ состоялъ товарищемъ морского министра, онъ работалъ неустанно день и ночь, и, благодаря главнымъ образомъ его усиліямъ, американскій флотъ доведенъ былъ до того удовлетворительнаго состоянія, которое проявлено имъ въ настоящую войну, хотя основаніе „новому флоту" было положено еще пятнадцать лѣтъ тому назадъ, главнымъ образомъ стараніями тогдашняго морского министра, Уильяма К. Хуитней. Конгрессъ неизмѣнно жался и скупился на ассигновки на флотъ, и требовались неимовѣрныя усилія

на то, чтобъ подготовить его къ войнѣ, которая, по мнѣнію Рузвельта, являлась неминуемою. На пользу флоту Рузвельтъ трудился тѣмъ охотнѣе, что флотъ является одною изъ весьма немногихъ отраслей дѣятельности, не подпавшей здѣсь губительному воздѣйствію политикановъ и административнаго фаворитизма. Американскій флотъ свято хранилъ свои традиціи, неуклонно поддерживалъ строжайшую дисциплину, плоды чего сказались въ блестящихъ дѣйствіяхъ его моряковъ въ началѣ настоящей кампаніи.

Когда, наконецъ, объявлена была война, Рузвельтъ подалъ въ отставку, несмотря на настоятельные уговоры Макъ-Кинли, морского министра Лонга и другихъ членовъ высшей администраціи, старавшихся убѣдить его продолжать свою полезную дѣятельность на томъ же поприщѣ: Рузвельтъ настаивалъ на томъ, что дѣло его въ морскомъ министерствѣ можетъ вестись столько же удовлетворительно другими лицами; что же до него касается, то онъ можетъ принести значительно большую пользу, поступивъ въ дѣйствительную армію, въ тотъ самый полкъ „лихихъ наѣздниковъ", что набранъ былъ его собственными усиліями, активнымъ его содѣйствіемъ военному врачу Вуду (раздѣлявшему въ прежніе годы дѣятельность Рузвельта среди каубойсовъ на западѣ), который былъ назначенъ командиромъ этого молодецкаго полка. Когда впервые стало извѣстно намѣреніе Рузвельта образовать такой полкъ наѣздниковъ, съ цѣлью употребить таковой на самыя смѣлыя предпріятія при десантѣ американскихъ войскъ на Кубу и другіе острова Вестъ Индіи, — всякаго рода и отчаяннаго пошиба молодцы стали предлагать свои услуги Рузвельту. Тутъ были преданные ему на дальнемъ Западѣ каубойсы и „грисеры" *greasers* — лихіе наѣздники изъ Техаса, съ западныхъ прерій, а равно и множество ловкихъ въ верховой ѣздѣ и физическихъ упражненіяхъ питомцевъ университетовъ Востока, фигурирующихъ въ обыкновенное время въ рядахъ американской „золотой молодежи", которые давно были физически закалены и подготовлены къ требованіямъ военной кампаніи тѣми упражненіями и лишеніями, которымъ они добровольно и подолгу подвергали себя въ дебряхъ, въ которыхъ кочевали мѣсяцами ради охоты.

Во вниманіе къ способностямъ, популярности Рузвельта и тому что набранный имъ кавалерійскій полкъ „Rough Riders" состоялъ изъ преданныхъ Рузвельту душой и тѣломъ людей, президентъ Макъ-Кинли назначилъ его подполковникомъ этого полка и ближайшимъ помощникомъ его командира, Вуда.

Полкъ этотъ такъ и извѣстенъ какъ полкъ „лихихъ наѣздниковъ", „Rough Riders", или какъ полкъ „Тедди Рузвельта". Цѣлая рота въ томъ полку, а именно рота *K*, состоитъ исключительно изъ представителей „золотой молодежи", бывшихъ воспитанниковъ восточныхъ университетовъ, салонныхъ шаркуновъ и по большей части сыновей милліонеровъ, изъ усовершенство-

вавшихся по всѣмъ статьямъ атлетовъ; въ эту же роту, а равно и въ другія подобныя ей, но не состоящія исключительно изъ сыновъ Востока, поступило множество университетскихъ атлетовъ, къ фешенебельному обществу не принадлежащихъ, тогда какъ множество профессіональныхъ атлетовъ, подвизающихся на публичныхъ аренахъ за плату, распредѣлены по всему этому полку.

Въ ротѣ *K* имѣютъ подвизаться въ настоящей войнѣ такіе общеизвѣстные въ нью-йоркскомъ и бостонскомъ высшемъ обществѣ молодые люди, каковы: *Hamilton Fish, Woodbury Kane, Reginald Ronalds, Willie Tiffany, Henry Bull, James B. Tailer, Robert B. Ferguson, Craig Wadsworth, Hallet Alsop Borrowe* и подобные имъ. Въ той же ротѣ, равно какъ и въ другихъ ротахъ этого полка, то и дѣло попадаются университетскіе и профессіональные атлеты, слава которыхъ прогремѣла на весь Союзъ, каковы, напримѣръ, *Roscoe Channing*, знаменитый питомецъ Іэля, стяжавшій славу какъ *half-back,* въ игрѣ въ *футбаллъ*, въ 1889 году; *W. M. Scudder*, лучшій игрокъ въ лаунъ-теннисъ въ университетѣ Харварда; не менѣе извѣстные атлеты *L. G. Coleman* и *G. H. Scull* изъ того же университета, *E. E. Garrison*—отъ Іэля и множество другихъ и между прочимъ, два знаменитыхъ атлета по части тенниса изъ средней полосы страны—*R. D. Wrenn* и *W. A. Larned.*

Въ сущности трудно было бы назвать штатъ Союза, который не имѣлъ бы блестящаго атлета представителемъ своимъ въ полку „лихихъ наѣздниковъ“ Рузвельта. И всѣ эти молодые питомцы университетовъ, милліонеры и профессіональные атлеты изъ разныхъ частей Союза прекрасно, говорятъ, уживаются и держатся на товарищеской ногѣ съ самыми неотесанными борцами противъ индѣйцевъ на дальнемъ западѣ, съ *cowboys line buckers* съ индѣйской территоріи и профессіональными укротителями дикихъ лошадей, пресловутыхъ *branco* американскихъ прерій. Въ тотъ же образцовый конный полкъ, между прочимъ, поступило и нѣсколько самыхъ отважныхъ лихихъ наѣздниковъ и конныхъ полисмэновъ Нью-Йорка, которые храбростью своею заслужили благоволеніе Рузвельта въ то время, когда онъ былъ начальникомъ здѣшней полиціи, и, какъ всѣ молодцы такого покроя, прониклись неограниченною преданностью къ этому обаятельному въ своемъ патріотизмѣ человѣку. Многіе, весьма многіе люди, даже и въ наиболѣе образованныхъ слояхъ общества, склонны разсуждать такъ, что если на войну съ такимъ энтузіазмомъ бросился Рузвельтъ,—война та не можетъ быть *войной неправедною...*

Несмотря на всѣ усилія Вуда и Рузвельта не принимать въ свой полкъ представителей болѣе отчаяннаго элемента западнаго населенія, привыкшаго не полагать строгаго разграниченія между военными дѣйствіями и простымъ разбоемъ, все же полагаютъ, что въ полкъ тотъ попало немало такого люда.

Такихъ, однако же, молодцовъ рѣшено немедленно изгонять, лишь только обнаружатся ихъ привычныя тенденціи, замѣняя ихъ не попавшими на первыхъ порахъ въ полкъ кандидатами, которыхъ насчитывается чуть ли ни большее число, нежели людей, состоящихъ въ самомъ полку. Оригинальный конный полкъ этотъ, извѣстный подъ офиціальнымъ названіемъ „*First United States Volunteer Cavalry*“, насчитываетъ въ настоящее время нѣсколько болѣе 900 солдатъ и офицеровъ и 40 чел. экспертовъ по части нагрузки лошаковъ, при 960 лошадяхъ и 192-хъ лошакахъ. Повозокъ при полку не полагается никакихъ, такъ какъ при походѣ на Кубу или Порто-Рико, куда направленъ будетъ этотъ полкъ, перевозка багажа имѣетъ производиться исключительно на лошакахъ, сильныхъ, выносливыхъ животныхъ, способныхъ исправно перевозить все, что только возможно на нихъ взгромоздить. На тѣхъ же лошакахъ имѣютъ перевозиться и тѣ два автоматически стрѣляющія орудія системы Кольта, дающія по 500 выстрѣловъ въ минуту каждое, что были подарены ротѣ *K*, или, какъ ее зовутъ, „ротѣ милліонеровъ“, двумя изъ вошедшихъ въ нее новобранцевъ; каждое изъ этихъ двухъ орудій, вполнѣ собранное, вѣситъ 115 англ. фунтовъ. „Рота милліонеровъ“ совершенно оправдываетъ это наименованіе, такъ какъ въ ней почти всѣ рядовые сыновья милліонеровъ, прекрасно, какъ уже сказано, уживающіеся съ товарищами своими изъ другихъ ротъ и почитающіе постыднымъ въ чемъ либо уступать имъ въ дѣлѣ исполненія заурядныхъ обязанностей солдатъ всѣхъ кавалерійскихъ полковъ цивилизованныхъ странъ. Ротнымъ командиромъ „роты милліонеровъ“ состоитъ, однако, не милліонеръ и даже и не волонтеръ, а опытный и весьма требовательный офицеръ регулярной арміи, *Lieut. John M. Jenkins*, состоявшій до того старшимъ лейтенантомъ въ 5-мъ кавалерійскомъ полку регулярной арміи Соединенныхъ штатовъ. Не слѣдуетъ воображать и того, чтобъ полкъ „лихихъ наѣздниковъ“ пользовался какими-либо льготами въ сравненіи съ другими полками арміи: напротивъ того, газеты частехонько передаютъ о томъ, какую неустанную борьбу ведутъ командиръ полка, Вудъ, и помощникъ его Теодоръ Рузвельтъ съ желѣзно-дорожными властями и комиссаріатомъ изъ-за тѣхъ лишеній, которымъ полкъ подвергается при перевозкѣ и въ лагеряхъ, наравнѣ со многими другими частями арміи, — лишеній, рѣшительно не оправдываемыхъ обстоятельствами и вызываемыхъ одною небрежностью и неисправностью людей, завѣдующихъ этимъ дѣломъ.

Таковъ самый показной изъ полковъ волонтеровъ, возникшихъ какъ грибы съ 11 (23) апрѣля, дня перваго клича добровольцевъ, произведеннаго президентомъ Макъ-Кинли. Немногимъ, впрочемъ, уступаютъ ему, если не по эксцентричности состава, то покрайней мѣрѣ, по энтузіазму и самоотверженію, и другіе полки волонтеровъ. Требованія физическаго раз-

витія волонтеровъ при рекрутскомъ наборѣ такъ велики, что малѣйшаго изъяна зрѣнія или слуха достаточно, чтобъ забраковать молодого человѣка; даже такой пустяшный, казалось бы, недостатокъ, какъ легкое искривленіе пальца на ногѣ, мѣшало многимъ попасть въ полки волонтеровъ, равно какъ и въ регулярную армію.

Хотя солдаты и офицеры регулярной арміи презрительно относятся къ милиціи и полкамъ волонтеровъ, и по службѣ солдаты и офицеры числятся рѣшительно на одномъ и томъ же положеніи, будь они въ милиціи, то есть теперешнихъ добровольцахъ, или въ регулярной арміи: большая давность службы, при одинаковомъ рангѣ, ставитъ офицера выше, хотя бы онъ былъ изъ полка добровольцевъ, а другіе изъ арміи регулярной. И при зачисленіи офицеровъ регулярной арміи въ полки волонтеровъ, для привитія тѣмъ военной выправки, таковые состоятъ зачастую подъ командой старшихъ ихъ рангомъ офицеровъ „національной гвардіи", т. е. добровольцевъ, людей недавно зачисленныхъ въ военную службу.

Не отстаетъ отъ молодежи въ своемъ воинственномъ увлеченіи и болѣе пожилое населеніе; странно сказать—поддались ему даже на этотъ разъ „бездушныя" корпораціи... Нечего и говорить о томъ, что каждаго юнца, записывающагося добровольцемъ во флотъ или въ армію, семейные его и знакомые привѣтствуютъ какъ кандидата въ герои, въ особенности послѣ морской битвы при Маниллѣ и геройскаго подвига лейтенанта Хобсона, взорвавшаго угольный транспортъ „Мерримакъ" въ узкомъ проливѣ, ведущемъ во внутренюю бухту Сантъ-Яго, съ тѣмъ, чтобы запереть тамъ испанскую флотилію,—взорвавшаго это судно по всѣмъ правиламъ искусства, находясь на немъ самъ съ семью человѣками экипажа, при чемъ ни одинъ изъ нихъ не могъ и разсчитывать остаться въ живыхъ, соскакивая съ готоваго уже взорваться судна на маленькую лодку, подъ жаркимъ огнемъ направленныхъ прямо на нихъ непріятельскихъ корабельныхъ орудій и крѣпостныхъ батарей... Всѣ они по счастливой случайности избѣгли смерти и подобраны были въ водѣ испанцами, которые захватили ихъ въ плѣнъ, но были проникнуты такимъ удивленіемъ къ геройству молодыхъ янки, что испанскій адмиралъ Сервера, командующій запертою лейтенантомъ Хобсономъ флотиліей, послалъ гонцевъ сообщить американскому командиру о томъ, что Хобсонъ съ товарищами уцѣлѣлъ и будетъ имъ вымѣненъ на плѣнниковъ — испанцевъ, какъ только это можно будетъ устроить, а что пока „ тѣ герои" будутъ пользоваться въ заключеніи всѣмъ вниманіемъ, заслуженнымъ ихъ храбростью. Въ связи съ этимъ подвигомъ Хобсона, слѣдуетъ отмѣтить двѣ вещи: самъ онъ, молодой человѣкъ 28-ми лѣтъ, много учился и здѣсь и во Франціи, съ той поры, что окончилъ курсъ въ Аннаполисѣ, высшей морской школѣ въ Соединенныхъ штатахъ, и избралъ своею спеціальностью судостроительное

дѣло; но тѣ, кто зналъ его слегка, склонны были причислить его къ вашингтонскимъ шаркунамъ и флотскимъ франтамъ по его манерамъ и щегольской внѣшности; между тѣмъ, ему принадлежитъ и самая мысль и всѣ подробные планы затопленія „Мерримака", во вниманіе къ чему онъ и удостоился чести привести въ дѣйствіе это предпріятіе, изъ котораго никто не могъ, казалось бы, и надѣяться вернуться живымъ. Затрудненіе состояло въ томъ, чтобы поставить „Мерримакъ" прямо поперекъ узкаго пролива и въ такомъ положеніи его затопить. Другая замѣчательная вещь въ связи со взрывомъ „Мерримака„ заключаетс, въ томъ что когда по судамъ флотиліи командира Шлейя стали вызывать добровольцевъ на это отчаянное предпріятіе, то сопровождать Хобсона вызвалась чуть ли ни цѣлая четверть всѣхъ матросовъ: съ одного броненосца „Айова" вызвалось итти на эту почти вѣрную смерть 150 человѣкъ добровольцевъ, такъ что начальники судовъ, въ концѣ концовъ, вынуждены были сами назначить людей на то, чтобъ раздѣлить опасность, которой подвергалъ себя лейтенантъ Хобсонъ... Такія проявленія героизма дѣйствуютъ на воображеніе народныхъ массъ и разжигаютъ народный патріотизмъ и готовность народа нести всяческія жертвы. Храбрость и самоотверженіе, проявляемыя въ эту кампанію и въ арміи американской и, главное, во флотѣ — изумительныя. И надо сказать, что въ этомъ отношеніи имъ не уступаютъ и испанцы, въ особенности моряки.

Тенденція къ засвидѣтельствованію патріотизма пожертвованіями проявилась въ народѣ въ весьма сильной степени при самомъ открытіи войны. Примѣромъ тому можетъ служить хотя бы то обстоятельство, что огромное число крупныхъ, американскихъ заводовъ, фабрикъ и торговыхъ фирмъ объявили при самомъ началѣ войны своимъ рабочимъ и служащимъ, что мѣста тѣхъ изъ нихъ, кто пожелаетъ итти на войну, будутъ на время ихъ отсутствія лишь временно замѣщены и сбережены для нихъ до ихъ возвращенія; не мало было примѣровъ и того, что уходящимъ на дѣйствительную службу хозяева ихъ вызывались выдавать за все время ихъ отсутствія прежнее ихъ жалованье цѣликомъ или на половину, на руки ихъ женамъ или малолѣтнимъ членамъ семьи, которую уходившіе на войну до той поры содержали своимъ трудомъ. Примѣръ поощренія патріотическихъ стремленій населенія подало само федеральное правительство, когда отъ почтоваго вѣдомства въ Нью-Іоркѣ было объявлено разрѣшеніе всѣмъ служащимъ почтоваго вѣдомства итти на войну, при обѣщаніи водворять ихъ на оставленныхъ ими мѣстахъ по ихъ возвращеніи.

Патріотическій пылъ въ достаточныхъ и болѣе досужихъ слояхъ населенія большихъ и малыхъ центровъ населенія рано сказался организованіемъ всяческихъ обществъ на подмогу Красному Кресту и на дѣло поддержки семей ушедшихъ на

войну людей, тамъ, гдѣ таковыя подвержены были возможности лишеній. Дѣло подмоги Красному Кресту значительно тормозилось вначалѣ недовѣріемъ къ дѣйствительности этой организаціи, направляемой престарѣлою Кларой Бартонъ и такими добровольцами-помощниками ея, какъ пресловутый Джорджъ Кеннанъ, и малымъ знакомствомъ съ задачами и полномочіями этого международнаго общества; дѣло еще болѣе усложнилось изъ-за того обстоятельства, что дѣло благотворительности такъ прекрасно организовано въ странѣ и что, кажется, нѣтъ того женскаго клуба, а таковыхъ насчитывается 800 въ федераціи женскихъ клубовъ Америки, который не имѣлъ бы „филантропическаго комитета", члены котораго прекрасно изощрились въ дѣлѣ направленія организованной помощи. Трудно было и дивиться тому, что многія изъ подобныхъ крупныхъ организацій, располагающихъ большими средствами и отрядами прекрасно приспособленныхъ къ дѣлу помощниковъ, отказывались отдавать свои приношенія въ распоряженіе здѣшняго отдѣла Краснаго Креста, и безъ того заваленнаго дѣломъ, и настоятельно требовали правительственнаго разрѣшенія дѣйствовать на войнѣ самостоятельно, наравнѣ съ Краснымъ Крестомъ.

Неизмѣнный тактъ президента Макъ Кинлея и тутъ пришелъ къ нему на помощь. Какъ то̀ было имъ устроено — неизвѣстно; но осада его благотворительными организаціями была непродолжительна: всѣ скоро оказались удовлетворены. Красный Крестъ остался при своихъ исключительныхъ правахъ, а многочисленныя благотворительныя частныя организаціи подѣлили промежъ себя разныя отрасли благотворительной дѣятельности; вполнѣ, повидимому, удовлетворясь каждое отмежеваннымъ себѣ райономъ. Одно общество взяло себѣ спеціальностью поставку въ Красный Крестъ носилокъ-коекъ со всѣми приспособленіями комфорта для раненыхъ; другое общество собирало деньги и закупало оптомъ на самыхъ выгодныхъ для того рынкахъ хину, всякія медикаменты, хирургическіе инструменты и проч.; третье общество посвятило себя пріобрѣтенію посуды жестяной и аллюминіевой для раненыхъ; четвертое приняло на себя спеціальную заботу о пріисканіи работы для нуждающихся членовъ семей воиновъ, предоставляя пятому заботу о нуждающихся малолѣтнихъ, или слабыхъ, или больныхъ членахъ такихъ семей, такъ какъ никому и въ голову не приходило подвергать семьи „защитниковъ чести и флага Соединенныхъ штатовъ" униженію обращенія къ какимъ-либо муниципальнымъ организаціямъ благотворительности; для семей воиновъ помощь организуется такъ, чтобъ не наносить ни малѣйшаго укола ихъ самолюбію: таковымъ при каждомъ случаѣ дается понять, что общество почитаетъ себя у нихъ же въ долгу за то, что они поставили отъ себя человѣка въ дѣйствующую армію. Конечно, много во всемъ этомъ и сентиментальности, такъ какъ въ армію посту-

пило множество людей изъ-за любви къ авантюрамъ, предпочитая войну обычной лямкѣ заработка.

Такого рода общества возникли и съ каждымъ днемъ размножаются по всѣмъ городамъ Союза, тѣмъ болѣе, что вполнѣ отвѣчаютъ насущнѣйшей потребности американцевъ въ дѣятельности на пользу какого-либо явно полезнаго дѣла, дающаго примѣненіе врожденному имъ организаторскому таланту и предлогъ къ работѣ сообща. Стремленіе американскихъ женщинъ въ сестры милосердія также весьма велико, но оно было ограничено съ самаго начала постановленіемъ насчетъ того, что сестры милосердія, поступающія въ Красный Крестъ, теперь не только должны были прослушать предварительный курсъ при нью-йоркскомъ отдѣленіи Краснаго Креста,— медицинскій отдѣлъ Краснаго Креста состоитъ подъ руководствомъ прекраснаго медика-хирурга изъ европейскихъ евреевъ, по имени *Monae Lesser*,— или же соотвѣтственный тому курсъ при хорошемъ госпиталѣ, но и имѣть притомъ вполнѣ обезпеченныя средства на собственное содержаніе, такъ чтобъ таковое не стоило Красному Кресту ни гроша. Понятное дѣло, что при такихъ суровыхъ предосторожностяхъ Красный Крестъ не обремененъ непроизводительными трутнями.

Множество дѣвушекъ и дамъ изъ вашингтонскаго общества стремились зачислиться въ сестры милосердія, но задержаны были необходимостью сдачи строгаго экзамена при госпиталяхъ; до сей поры изъ таковыхъ попали въ Красный Крестъ лишь миссисъ Аддисонъ Портеръ, жена частнаго секретаря президента и ближайшаго къ нему помощника, и дочь морского министра, миссъ Лонгъ, которая и до того состояла въ числѣ студентовъ на медицинскомъ факультетѣ университета Джонсъ Хопкисъ, такъ что экзаменъ не представлялъ для нея затрудненій, и она поступила съ тремя другими студентками своего факультета въ морской госпиталь, что въ Бруклинѣ. Другія женщины свѣтскихъ и богатыхъ слоевъ, не имѣющія возможности поступить въ Красный Крестъ и не довольствующіяся участіемъ въ разныхъ вспомогательныхъ при Красномъ Крестѣ обществахъ, жертвуютъ деньги на расходы по войнѣ прямо правительству: самымъ крупнымъ пожертвованіемъ такого рода по настоящее время было одновременное пожертвованіе ста тысячъ долларовъ, произведенное миссъ Элленъ Гульдъ.

Что касается богатыхъ мужчинъ, стремившихся доказать патріотизмъ свой въ настоящую войну, то при открытіи ня таковой сталъ, по примѣру времени гражданской войны 1861—65 годовъ, проявляться стремленіями частныхъ лицъ снаряжать на свои средства цѣлые полки, съ тѣмъ чтобы предоставлять таковые затѣмъ правительству; предварительная въ этомъ направленіи дѣятельность многихъ изъ американскихъ богачей приняла широкіе размѣры въ концѣ апрѣля и въ началѣ мая мѣсяцевъ этого года; произведена даже была попытка на обра-

зованіе полка отъ „*Wall Street*“, главной цитадели биржевыхъ воротилъ и спекуляторовъ Новаго свѣта; но этого уже федеральное правительство не могло допустить безъ риска возбужденія ожесточеннаго протеста со всего запада и средней полосы Соединенныхъ штатовъ, гдѣ твердо держится неизкоренимое собирательное представленіе о „*Wall Street*“, какъ о паукѣ, высасывающемъ жизненные соки изъ всей остальной страны. Президентъ Макъ-Кинли принялъ тогда же рѣшительныя мѣры опять таки при величайшей тактичности, никого не оскорбляя, никого не предавая общественному осужденію,—и планъ о снаряженіи „полка биржевиковъ, имѣющихъ проливать кровь за отечество“, какъ-то самъ собою канулъ въ Лету; вслѣдъ за тѣмъ распространилось и вскорѣ утвердилось извѣстіе о томъ, что правительство предполагаетъ само справиться съ дѣломъ набора рекрутовъ и формированіемъ требуемыхъ полковъ и что набираемые частными лицами отряды не будутъ правительствомъ приняты. Слухи эти, подтвердясь, подняли въ Нью-Йоркѣ ожесточенные протесты со стороны богачей-патріотовъ которымъ улыбалась мысль играть роль щедрой феи по отношенію къ правительству; но рѣшеніе Макъ-Кинли оказалось непреклоннымъ. Точно такимъ же образомъ были подавлены попытки богатыхъ гражданъ снаряжать на свои деньги военныя суда, съ тѣмъ, чтобъ предоставлять ихъ въ распоряженіе правительства: изъ Вашингтона было объявлено, что таковыя приношенія правительству не требуются. Насколько извѣстно, „послѣднею соломинкой“, сокрушившею въ данномъ случаѣ спину „долготерпѣливаго верблюда“, федеральнаго правительства Соединенныхъ штатовъ, было предложеніе нью-йоркскаго богача, Оливеръ П. Бельмонта, построить на свой счетъ образцовое океанское судно, снабдить его всѣмъ, что ни есть лучшаго по части орудій и новѣйшихъ механическихъ приспособленій, и предоставить таковое въ распоряженіе правительства ***на время настоящей войны*** и на томъ условіи, ***чтобъ его самого, мистера Бельмонта***, внука еврея банкира, американскаго корреспондента Ротшильдовъ, женившагося въ свое время на миссъ Перри, американкѣ изъ одной изъ старыхъ мѣстныхъ семей, ***президентъ назначилъ командиромъ того судна***, на равной ногѣ со старыми, заслуженными офицерами американскаго флота!.. Правда, что мистеръ Бельмонтъ былъ когда-то воспитанникомъ Аннаполиса, правительственной подготовительной въ флотъ школы, но флотскимъ офицеромъ онъ никогда не былъ, и развязное предложеніе его „купить“ себѣ на деньги санъ командира во флотѣ, единственной, если не ошибаюсь, отрасли американской службы, въ которой строжайшимъ образомъ поддерживаются славныя традиціи прошлаго, въ которую не удалось еще запустить своей лапы и своего растлѣвающаго вліянія политиканамъ, вызвало вполнѣ заслуженный протестъ отъ флотскихъ офицеровъ. Гешефтъ мистера Бельмонта рухнулъ: „ссудить“ правительству свое ве-

ликолѣпное судно, съ собой въ придачу, ему не удалось, и онъ ретировался въ ряды той многочисленной арміи досужихъ критиковъ, что стоитъ теперь въ сторонѣ и отводитъ душу, саркастически критикуя все, что дѣлается правительствомъ и руководителями арміи. Велика численность этой арміи критиковъ, и къ дѣятельности ея намъ еще придется вернуться, такъ какъ, хотя ряды ея пополняются чуть ли ни исключительно нью-йоркцами и бостонцами „интеллигентныхъ слоевъ“, не имѣющихъ никакой части съ массой американскаго населенія и по большей части презирающихъ своихъ же соотечественниковъ, предпочитая стоять на заднихъ лапкахъ передъ западною Европой,—все же клика эта производитъ не мало шума, а пожалуй, и пользы своими желчными, неистощимыми протестами, о которыхъ придется поговорить и на этихъ страницахъ, когда мы дойдемъ до оборотной стороны настоящей войны.

Изъ всѣхъ многочисленныхъ предложеній со стороны американскихъ милліонеровъ по части снабженія правительственной арміи и флота полками и судами на войну съ Испаніей,—вашингтонскимъ правительствомъ принята лишь въ даръ одна паровая яхта, не отягченная никакими условіями со стороны жертвователя, *Mr. Augustus Schermerhorn,* и одна батарея въ 99 человѣкъ солдатъ, снаряженная съ вящею роскошью мистеромъ Джономъ Джэкобомъ Асторомъ для отправки при тѣхъ войскахъ, что направляются правительствомъ на Филиппинскіе острова. Не могу достовѣрно дознаться, почему правительствомъ сдѣлано исключеніе по отношенію къ этимъ двумъ нью-йоркскимъ милліонерамъ; но во всякомъ случаѣ предоставленіе этимъ двумъ лицамъ возможности и въ данномъ случаѣ проявить щедрость свою не можетъ ни въ комъ возбудить сколько-нибудь справедливаго протеста, такъ какъ оба эти лица происходятъ изъ семей, давно заслужившихъ почетную въ народѣ извѣстность просвѣщенными своими пожертвованіями на общее благо, и ихъ никто не можетъ упрекнуть въ стремленіи эксплоатировать настоящій случай для самопрославленія или какихъ иныхъ личныхъ и низменныхъ цѣлей. Молодой архимилліонеръ Асторъ одинъ изъ первыхъ зачислился въ настоящую войну въ ряды дѣйствующей арміи, а старикъ Скемехорнъ, какъ произносится здѣсь его голландская фамилія *Schermrhoern*, въ добавокъ къ частымъ многолѣтнимъ своимъ пожертвованіямъ въ пользу университета Колумбіи, только что отстроилъ на свой счетъ при этомъ университетѣ на новомъ его мѣстѣ великолѣпнѣйшій корпусъ, обезпечивъ его солиднымъ капиталомъ, на проценты котораго имѣетъ на всѣ будущія времена производиться ремонтъ этого зданія .Всѣ такъ привыкли къ крупнымъ пожертвованіямъ Скемехорна на этотъ университетъ, въ числѣ попечителей котораго онъ состоитъ уже многіе годы, что объ этомъ новомъ его дарѣ въ обществѣ и въ печати почти что и не говорилось.

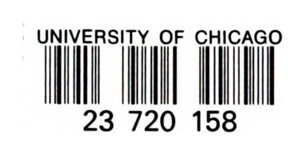
Каковы ни были лицемѣрные подвохи богачей и политикановъ, которымъ на руку полозить рыбки въ мутной водѣ военныхъ приготовленій, можно, не опасаясь опроверженія, утверждать, что народныя массы Соединенныхъ штатовъ, а равно и учащаяся молодежь страны вступили въ эту войну съ чистыми руками и не менѣе чистыми стремленіями, искренне убѣжденные въ томъ, что идутъ освобождать бѣдныхъ кубинцевъ, которые, къ стыду американцевъ, вотъ уже многіе десятки лѣтъ взываютъ о помощи противъ невыносимыхъ угнетеній, которымъ ихъ подчиняютъ презирающіе ихъ надменные испанцы, и до сей поры взывали тщетно, тогда какъ легковѣрные американцы „совали свой носъ“ въ дѣла Стараго свѣта, по наущенію разныхъ рьяныхъ миссіонеровъ, стремясь пресѣкать звѣрства турокъ въ Арменіи и реформировать на свой образецъ дальнія страны, прививая имъ мораль своего образца, тогда какъ у нихъ подъ бокомъ издавна не прерываются звѣрства почище, пожалуй, армянскихъ ужасовъ. Простодушныя массы, подъ вліяніемъ событій начала этого года, какъ-то вдругъ прозрѣли, сообразили, въ какой роли лицемѣровъ фигурировали по собственной податливости и невѣжеству до сей поры, и приняли, наконецъ, рѣшимость стряхнуть съ себя навязанный имъ шутовской нарядъ. Массы твердо рѣшились освободить, наконецъ, кубинцевъ, а по пути, такъ сказать, выдворить съ западнаго полушарія и претящій имъ средневѣковой духъ испанскаго обскурантизма, лишивъ Испанію, буде имъ, удастся послѣднихъ колоній ея въ Новомъ свѣтѣ.

Повторяю, стремленія массъ были чистыя, вполнѣ безкорыстныя; онѣ съ трудомъ побѣдили свое физическое, можно сказать, отвращеніе къ войнѣ и кровопролитію; крѣпки, вѣдь, въ этихъ американскихъ массахъ коммерческія и земледѣльческія тенденціи, и не безъ внутренней борьбы были таковыя принесены въ жертву тому, что представлялось народу высшими требованіями положенія на защиту его чести національнаго добраго имени, смытія съ націи нареканія въ повальномъ лицемѣріи и ханжествѣ. Сектаторскія соображенія на этотъ разъ отступили на задній планъ: фанатики протестантизма были оттерты народомъ въ сторону отъ дѣла, и протестантская нація пошла на дѣло освобожденія кубинцевъ католиковъ. И когда, по мѣрѣ развѣтвленія и усложненія мотивовъ борьбы, возникъ въ массахъ призывный крикъ „не забывайте Мэнъ!“ „*Remember the Maine!*“ то этого еще нельзя ставить въ упрекъ массамъ, возводя его въ доказательство того, что ихъ человѣколюбивыя стремленія отступили на задній планъ передъ жаждой мщенія испанцамъ. „*Remember the Maine!*“ въ ушахъ американцевъ служитъ скорѣе напоминаніемъ того, что методы войны испанцевъ не тѣ, что преобладаютъ среди цивилизованныхъ націй, и что бдительность по отношенію къ нимъ ни при какихъ обстоятельствахъ не излишня: взглядъ ярко подтвержденный въ глазахъ американцевъ какъ

вѣроломнымъ взрывомъ „Мэна", такъ и вооруженными стычками американцевъ, съ испанскими войсками въ кубинскихъ горахъ, близъ *Caimanera*, послѣ которыхъ солдаты американской флотской милиціи находили трупы своихъ павшихъ товарищей страшно, безчеловѣчно изувѣченными испанскими войсками. Такіе низменные, варварскіе методы надругательства надъ павшимъ врагомъ невыносимо претятъ американцамъ. „Испанцы", говорятъ они теперь, „снизошли до методовъ войны, практикуемыхъ дикими *Apaches*, *апашисъ*, самымъ свирѣпымъ изъ индѣйскихъ племенъ далекаго американскаго Запада,—слѣдовательно, съ испанцами слѣдуетъ и расправляться, какъ съ апашисъ: истреблять ихъ и искоренять вездѣ, гдѣ только эти „исчадія ада ни попадутся"...

В. Макъ-Гаханъ.

Нью-Йоркъ.

UNIVERSITY OF CHICAGO
23 720 158

U of Chicago
23720158